

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

На правах рукописи

Кометчиков Игорь Вячеславович

**Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума
Центрального Нечерноземья
в 1945 – начале 1960-х гг.**

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Научный консультант –
доктор исторических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Михаил Алексеевич Безнин

Вологда
2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Районные будни: уровни районной власти и отношение к ним на селе	
1.1. Будни и реформы аппарата райкомов ВКП(б) и исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся	86
1.2. «Институт уполномоченных» партийных и советских органов в механизме управления деревней	101
1.3. Эволюция номенклатуры РК ВКП(б) и ее репрезентация деревней	119
Глава 2. Сельская власть и население	
2.1. Состав, функционирование сельских Советов, отношение к ним деревни	140
2.2. Численность, распределение и функционирование первичных парторганизаций села	155
2.3. Председатель и колхозное население: трансформация взаимоотношений	169
Глава 3. Учреждения культуры между властью и селом Центрального Нечерноземья	
3.1. Клубные учреждения и библиотеки в культуре деревни.....	190
3.2. Организация и функционирование лекционной пропаганды.....	218
Глава 4. Средства массовой информации и кино в повседневности села Центрального Нечерноземья	
4.1. Тиражи, доступность и восприятие на селе периодической печати	240

4.2. Кино в повседневности деревни	251
4.3. Радиофикация и радиовещание: политика и отношение сельского населения	266
Глава 5. Формы легальной религиозности в деревне Центрального Нечерноземья	
5.1. Регулирование рамок религиозности	288
5.2. Движение за открытие церквей и легальные приходы РПЦ.....	301
Глава 6. Подпольные и неканонические формы религиозности села Центрального Нечерноземья	
6.1. Подпольные молитвенные дома в пространстве религиозности	342
6.2. Метаморфозы почитания региональных и местных святынь.....	357
Заключение	379
Условные сокращения	399
Источники и литература	401

Введение

Взаимоотношениям власти и сельского социума в 1945 – начале 1960-х гг. посвящено значительное количество исследований. Однако большинство из них концентрируются на их конфликтных формах либо реакции села на события «большой» политики – масштабные реформы, смену руководства страны, угрозу новой войны, события мирового или общесоюзного масштаба в общественной и культурной жизни. Повседневные взаимоотношения изучены не так обстоятельно. Между тем именно в форме происходивших изо дня в день контактов в районных инстанциях, первичных парторганизациях, сельских Советах, правлениях колхозов, учреждениях культуры и т. д. происходила их рутинизация, так как повседневные – не только рутинные, повторяющиеся, но и доступные непосредственному участию и наблюдению, находившиеся в социальной толще.

Безусловно, основой жизни на селе следует считать трудовые будни. Перемены в этой сфере определялись аграрной политикой и в значительной степени – достаточно специфичными особенностями сельскохозяйственного производства. Наверно, поэтому многие их аспекты известны лучше всего. Однако этого нельзя сказать о сферах взаимоотношений власти и деревни, являвшихся зоной непосредственного контакта политической власти, идеологии и транслировавшегося властью образа жизни, с одной стороны, и традиционного уклада жизни и культуры деревни, с другой. Между тем политика, являющаяся вообще инклюзивной и конституирующей другие сферы жизни общества,¹ в СССР имела поистине всепроникающее значение. Хотя «большая» политика докатывалась до глубинки с запозданием, она проявлялась в таких значительных по сельским меркам событиях, как укрупнение района, сельсовета или колхоза, смена в них руководства, появление партийной ячейки, радио, кино, электричества, открытие или закрытие сельской церкви, строительство клуба и т. п. Так власть активно формировала и видоизменяла рамки социально-политической реальности советского человека.

Но и жители деревни были при этом не просто статистами. Они стремились приспособиться к менявшимся «правилам игры», исполнять и использовать себе во благо приемлемые, нивелировать разрушительные по отношению к традиционному укладу будней. Хотя во взаимоотношениях с властью деревня не играла первой скрипки, но это были именно взаимоотношения, предполагавшие учет отношения села к власти и политике, определенную коррекцию властного курса. Е. А. Осокина предложила термин «социальный иммунитет»², который, на наш взгляд, хорошо подходит для анализа повседневных взаимоотношений власти и общества в государствах с жестким политическим режимом, каким был послевоенный СССР. Социальный иммунитет – коллективный опыт населения, направленный на активное приспособление к политическому порядку, но не стремящийся к его слому. Этот опыт зачастую действовал в направлении, противоположном целям политики, что побуждало власть постоянно ему противодействовать, совершенствуя функционирование непосредственно соприкасавшихся с населением структур. При помощи них жителям деревни предлагались новые социальные идентичности с присущими им правами, обязанностями, перспективой вертикальной мобильности, формировался новый уклад повседневности. Признание самостоятельного значения социального опыта людей, важности учета их непосредственного восприятия власти является продуктивной парадигмой исследования взаимоотношений власти и общества³.

Акцент на повседневном срезе проблемы обусловил особый взгляд на власть, под которой в настоящем исследовании понимается «центральное, организационное и регулятивно-контрольное начало политики», пронизывающее всю жизнь общества и представленное, в первую очередь, институтами среднего (регионального и особенно – районного масштаба) и микроуровня трехуровневой структуры. Средний уровень власти связывает ее высший и микроуровень, через него реализуются решения высших инстанций и поступают ответные реакции общества. Здесь сосредоточена основная масса политических функционеров. На микроуровне происходит непосредственное политическое общение людей, взаимодействуют их малые сообщества, политическое и общественное

самоуправление, формируются политические настроения⁴. Уже с 1930-х гг. в учреждениях сельского райцентра Центрального Нечерноземья концентрировалась реализация всех важнейших распорядительных, кадровых, контролирующих, репрессивных и других политических функций управления сельским районом, лишь малая их часть оставалась его периферии. На 1 января 1946 г. в областях Центрального Нечерноземья насчитывался 451 районный центр, управлявший 10 218 сельсоветами, 792 МТС, 50 129 колхозами, 492 совхозами, около 80 тыс. сельских населенных пунктов⁵. Именно многочисленность властных инстанций районного и сельского уровней дает возможность выявить в их взаимоотношениях с сельским социумом повторяющееся, рутинное, проанализировать динамику смены будничного «старого» «новым».

Выделение в качестве другой основной категории исследования сельского социума, а не крестьянства позволяет поместить проблему повседневных взаимоотношений власти и деревни в более широкий административно-территориальный и социальный контекст. Сценами сельских будней были не только деревня и село, колхоз, совхоз и МТС, центр сельсовета, но и районный центр, а официальный учет, оперируя категориями «колхозники», «рабочие», «кооперированные кустари», «единоличники и некооперированные кустари», «служащие»⁶, использовал и обобщенное обозначение «сельское население». Хотя между указанными социальными группами существовали весомые различия и основной вектор социальной эволюции был направлен на размывание традиционного крестьянского уклада, большинство сельских жителей все же осознавало себя находящимся по одну сторону от власти. Часто представители «некрестьянского» населения деревни, обращавшиеся с жалобами и заявлениями во властные инстанции, выступали более осведомленными и точными выразителями настроений села в целом, чем крестьяне, в массе не очень склонные к рефлексии.

Таким образом, в настоящей работе исследование повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945

– начале 1960-х гг. предполагает, в первую очередь, анализ факторов и направлений эволюции механизма непосредственного управления деревней – системы институтов власти, процедур ее функционирования, а также изучение изменения отношения к ним на селе. Звенья этого механизма от районного центра до колхоза (совхоза) и являлись для сельского населения политической властью.

Другим важным каналом воздействия на деревню Центрального Нечерноземья, тесно связанным с механизмом управления, была политизированная официальная культура, массовая по сути ⁷. Актуальность трансляции ее унифицированных и стандартизированных ценностей обуславливалась приоритетом «хозяйственно-политических» задач, проекцией которых в разных сферах жизни села были «массово-политическая работа», «культурно-просветительная работа», «организация культурного досуга населения» и т. д. Однако еще с довоенной поры утверждение на селе ценностей официальной культуры было затруднено неразвитостью многих ее низовых звеньев и отдельных институтов, уроном, который они понесли в результате войны, живучестью традиционной культуры и другими факторами. Эволюция механизма управления селом и динамика культуры серьезно влияли на сферу религиозности села – «субъективную сторону веры», проявляющуюся в виде набора архетипических форм и механизмов, в соответствии с которым реализуется религиозное чувство ⁸. На протяжении веков она была основой традиционной культуры, общественной и семейной жизни российского крестьянина. Несмотря на то что в довоенные годы почти вся религиозность была поставлена вне закона, а РПЦ практически уничтожена, чрезвычайные обстоятельства военного времени показали, с одной стороны, готовность власти учесть потребности верующих и опереться на мобилизующий потенциал религиозного чувства, а с другой – живучесть религиозности вопреки гонениям. Однако «религиозный поворот» не только не означал отказа власти от углубления секуляризации, но и придал актуальности некоторым способам контроля религиозности, сложившимся в треугольнике «власть, церковь, верующие» еще в дореволюционные годы. Выделение в качестве базовых для настоящего

исследования механизма управления, культуры и религиозности позволяют охватить сферы взаимоотношений власти и сельского социума с разной динамикой перемен, учесть их системный характер. Наиболее быстро и глубоко изменения совершались в механизме управления селом, более медленно – в сфере продвигаемой государством массовой культуры, еще более медленно – в обладавшей значительной социальной и ментальной инерцией сфере религиозности, связанной с семейной и частной жизнью.

Хронологические рамки исследования – 1945 – начало 1960-х гг. По завершении Великой Отечественной войны российская деревня находилась в рамках стадии перемен, стартовавшей в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и характеризовавшейся масштабным использованием механизмов аграрного общества для переустройства сельского хозяйства ⁹, чему соответствовали традиционные взаимоотношения власти и деревни ¹⁰ (жесткое централизованное авторитарное управление, высокий уровень чрезвычайных властных практик, опора власти в деревне на общинное начало, неразвитость демократических институтов, патернализм в отношениях между правителями и народом, в целом слабо развитые институты официальной культуры, значительный уровень религиозности – базис традиционной культуры деревни ¹¹). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. начинается модернизационный рывок, системное утверждение в аграрном строе экономических механизмов индустриального, модернизированного общества ¹², что проявляется и в повседневных взаимоотношениях власти и деревни. Децентрализация власти, передача ряда полномочий ее региональному и районному звеньям, направление на село большого числа партийных и советских руководителей из областных и районных центров, плотный охват деревни сетью первичных парторганизаций, налаживание формальной стороны функционирования низовых советских органов и других официальных структур, попытки демократизации их деятельности сопровождают постепенное сворачивание чрезвычайщины и террора в арсенале методов управления. Угасает и мирская традиция решения проблем крестьянской жизни. Взаимоотношения между властью и большинством сельского населения

становятся более формализованными, действующими на началах субординации по заранее известным правилам и процедурам. Широкое распространение получают институты массовой советской культуры, усиливается рецепция деревней ее ценностей, окончательно размывается целостность традиционного крестьянского мировоззрения, основанного на религиозной картине мира. Уровень религиозности сельского социума в целом понижается, традиционная культура угасает, ее былое многообразие нивелируется.

Отсюда важнейшими критериями динамики повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. будут считаться, во-первых, перемены в структуре, функционировании, степени и способе повседневного влияния на сельский социум низовых институтов власти; во-вторых, изменение отношения к этому самой деревни, проявлявшееся как в восприятии власти, вовлеченности в деятельность ее структур, так и в коррекции приспособительного поведения сельских жителей; в-третьих, изменение соотношения между официальным и традиционным пластами культуры села под влиянием прогресса массовой культуры, степени усвоения деревней ее ценностей; в-четвертых, глубина и характер трансформации повседневной религиозности деревни в зависимости от антирелигиозной политики и других обстоятельств.

Территориальные рамки исследования – Центральное Нечерноземье РСФСР (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области) ¹³ – аграрная староосвоенная территория, обладающая несмотря на внутренние различия общностью исторических, географических, экономических, социокультурных, демографических характеристик. Центральное Нечерноземье в послевоенные годы – самый густонаселенный район РСФСР (на 1 января 1965 г. плотность населения на 1 км² – 54,7 чел. ¹⁴), для которого были типичными низкое естественное плодородие почв, постоянно требующих удобрения, многоотраслевое сельское хозяйство с преобладанием отраслей растениеводства (выращивание зерновых, картофеля, овощей, льна) и

животноводства (преимущественно мясо-молочного), мелкоселенность как преимущественный тип расселения, неразвитость дорожной сети¹⁵, преобладание в этноконфессиональном составе русских, православие как основа религиозности и традиционной культуры. Спецификой Центрального Нечерноземья также является чередование даже в пределах одного региона урбанизированных и неурбанизированных территорий (например, во Владимирской области)¹⁶.

На протяжении всего исследуемого периода численность сельского населения в указанных областях неравномерно сокращалась (суммарно с 1946 по 1964 гг. – на 25%) вследствие понижения естественного прироста и увеличения миграции в города. До 1958 г. наиболее быстрыми темпами городское население росло в старопромышленных Московской, Ярославской, Тульской и Ивановской областях. В последующее время более интенсивно урбанизовались южные и западные регионы Центрального Нечерноземья, что связывается в том числе с влиянием поселенческого фактора: более плотно населенные области урбанизовались быстрее¹⁷. Однако несмотря на достижение к 1964 г. в Центральном Нечерноземье 67%-ной численности городского населения в Брянской, Калужской, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях сельское население еще преобладало¹⁸.

Особенностью демографической ситуации на селе Центрального Нечерноземья в послевоенные годы также стало неравномерное уменьшение численности сельских жителей под влиянием сокращения их естественного пророста и миграции в города. Причинами этого были как объективные тенденции (урбанизация, индустриализация, повышение уровня технической оснащенности сельскохозяйственного производства), так и особенности аграрной политики, направленной на обеспечение колхозов и совхозов рабочей силой в условиях нараставшего обезлюдения деревни путем укрупнения колхозно-совхозного производства, его совхозизации, сселения так называемых неперспективных населенных пунктов.

В качестве важного фактора, повлиявшего на динамику восстановления численности сельских жителей в первые послевоенные годы, выделяется влияние

оккупации и боевых действий, а также тип воспроизводства населения и плотность расселения: неблагоприятная расселенческая ситуация ухудшала демографическое положение и усиливала негативные последствия оккупации¹⁹. В 1945–1947 гг. в стране отмечался прирост колхозного населения вследствие компенсаторной волны рождаемости, демобилизации и других обстоятельств, однако в Центральном Нечерноземье он был менее значительным, причем в Орловской, Московской, Рязанской и Ярославской областях численность сельского населения сокращалась (в Орловской – из-за более выраженных, чем в других регионах, последствий голода 1946–1947 гг., в прочих регионах – вследствие значительного оттока на заработки в города, усиленного развитой традицией отходничества). Высокой была миграция из деревни и в других областях. По справедливому наблюдению О. В. Горбачева, в первые послевоенные годы мигрантов из села в первую очередь притягивали ближайшие города «своих» регионов. При этом уже в это время в большинстве областей Центрального Нечерноземья естественный прирост мог в весьма скромных размерах компенсировать последствия оттока в города (в Брянской области – наполовину, в наименьшей степени – в Калининской, Смоленской областях и на северо-востоке). В дальнейшем показатели естественного прироста сельского населения продолжали неравномерно снижаться, что подчеркивает ведущую роль миграции среди причин сокращения населения деревни Центрального Нечерноземья. Замедлил миграцию эффект стабилизации экономического положения на селе в середине 1950-х гг. Фактор городского притяжения на короткое время уступил влиянию деревни, а городские ценности еще не стали определяющим мотивом миграции. Наиболее значительными потери населения в период с 1950 по 1958 гг. оказались в «трудоизбыточных» Рязанской и Орловской областях, где к тому же были наиболее заметными последствия организованных государством переселений. Между 1939 и 1959 гг. в Рязанской и Ярославской областях численность сельских жителей уменьшилась более чем на 40%, Орловской – на 37%, Брянской, Владимирской и Ивановской – на 30%. С 1958 г. миграция из села вновь ускоряется. Ее экономическими факторами становятся

наступление государства на хозяйства подворий, общий упадок сельской экономики²⁰, несравненно более тяжелые, чем в городах, условия труда и жизни²¹. В Центральном Нечерноземье начинается абсолютное уменьшение сельского населения во всех областях, особенно сильное в Калининской, Брянской и Смоленской областях. В 1966–1975 гг. сельское население в Центральном районе сокращается на 7-8%, в 1976–1980 гг. – на 10%²². Уже к концу 1950-х гг. убыль сельского населения в Центральном Нечерноземье приобрела кризисные черты (с этого времени сельское население многих районов себя уже не воспроизводило), а в 1970-е гг. здесь создалась угроза депопуляции²³.

Важной особенностью многих областей Центрального Нечерноземья был большой ущерб, нанесенный их экономике и социальной сфере войной. На территории Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Московской, Смоленской, Тульской областей шли боевые действия, многие районы были продолжительное время оккупированы. Прочие регионы находились в прифронтной зоне или неглубоком тылу. Несмотря на значительный объем восстановительных работ, начатых после освобождения, огромный масштаб разрушений и скромные ресурсы, на которые могло полагаться село, долго препятствовали возвращению жизни в мирное русло. Особенно сильно пострадали поселения, располагавшиеся у железных и шоссейных дорог, вблизи городов, аэродромов и военных городков, использовавшиеся при обороне как опорные пункты. При этом многие глубинные сельские ареалы война почти не затронула²⁴. За время оккупации районов Калужской области ущерб промышленности, нанесенный войной, составил более 500 млн руб.²⁵, а общий материальный ущерб – 16 млрд руб. Одной из наиболее пострадавших территорий СССР являлась Смоленская область, в которой была уничтожена вся созданная за многие десятилетия социально-экономическая инфраструктура. Сумма ущерба народному хозяйству области составила более 40 млрд руб., народному хозяйству Калининской области - 27 млрд руб., Брянской – 23,5 млрд, Орловской – 17 млрд, Великолукской – 17 млрд, Тульской – 6 млрд, Московской – 30 млрд²⁶. Огромный ущерб был нанесен официальным учреждениям, многие из которых годы после

освобождения размещались в приспособленных помещениях ²⁷. Все это обусловило длительность и большую трудоемкость восстановления, особую напряженность выполнения плановых заданий, как следствие – обыденность административного нажима на село и развитие деревней приспособительного поведения, понижавшего это давление.

Кроме того, следует принять во внимание, что население регионов Центрального Нечерноземья, подвергавшихся длительной оккупации, испытывало влияние нацистской пропаганды и относилось властью к «группе риска» наряду с советскими военнопленными, фронтовиками, освобождавшими Европу, а также сотнями тысяч репатриантов. Так, на 1 июня 1945 г. в Орловскую область вернулись 69 300 чел., на 15 июля 1945 г. в Калужскую область – 150 009 чел., в Брянскую – 69 007 чел. В 19 районов Калининской области, подвергавшихся оккупации, на 25 июля 1945 г. возвратилось 12 129 чел., в Смоленскую область к 20 мая 1945 г., по неполным данным, – 3 024 чел. Эти люди принесли с собой жизненный опыт и настроения, часть которых власть считала «враждебными» и «антисоветскими» ²⁸. Среди репатриантов и переживших оккупацию в родных местах было немало тех, кто по разным причинам сотрудничал с оккупантами, а теперь рассматривался как «не прошедший проверку» на преданность советскому строю, хотя относительно немногие занимали явно враждебную позицию. Так, в годы войны на территории Калужской области за коллаборационизм и другие преступления против государства было привлечено 0,53% довоенной численности населения, в Смоленской области в 1942–1945 гг. – 0,46%, в Орловской – 0,90%, в Калининской – 0,43%, в Тульской – 0,38%, а в Ивановской области – 0,14%, Ярославской – 0,15%, в почти не знавшей оккупации Рязанской области – 0,09% ²⁹. Повышенный, хотя в целом и относительно небольшой процент «антисоветского элемента» в общей массе населения некогда оккупированных областей усложнял для власти налаживание взаимоотношений с деревней, повышал их конфликтный потенциал. С другой стороны, необходимость скорейшего завершения восстановительных работ, возрождения сети официальных учреждений в

ситуации нехватки достаточного количества подходящих кадров побуждала власть привлекать к сотрудничеству и остававшихся на оккупированной территории.

Историография темы. Путь, пройденный советскими историками-аграрниками в изучении взаимоотношений власти и села в 1945 – начале 1960-х гг., можно условно подразделить на три периода: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. (донаучное осмысление проблематики, преобладание пропагандистских и популярных работ, публикация выступлений, записей бесед с передовиками производства). До середины 1960-х гг. продолжалось накопление и осмысление конкретно-исторических данных, была возобновлена систематическая публикация статистических сборников, появились первые конкретные (экономические, историко-партийные, этнографические, социологические) исследования. С середины 1960-х гг. до конца 1980-х гг. создавалась документированная схема истории послевоенной деревни, в рамках которой началось изучение социальных изменений в деревне и, в частности, социально-политических отношений. Вехами изучения взаимоотношений власти и сельского социума были решения партийных структур, определявшие, что и как следует исследовать. Утверждение у власти нового лидера КПСС сопровождалось программными заявлениями о неблагополучии в сельском хозяйстве и необходимости корректировки аграрного курса (сентябрьский (1953 г.), мартовский (1965 г.) пленумы ЦК КПСС и др.). В зависимости от перемен в руководстве страны и колебаний аграрной политики осуществляли периодизацию истории советского села советские авторы³⁰.

Подходы, понятийно-категориальный аппарат, задействованные при изложении истории послевоенного общества, в том числе деревни, были сформулированы в партийных документах, выступлениях вождей, в первую очередь И. В. Сталина, еще до войны. Сталинские суждения о результатах преобразований в стране к концу 1930-х гг., содержащиеся в выступлениях на чрезвычайном VIII съезде Советов, XVIII съезде ВКП(б), а также в «Кратком курсе истории ВКП(б)», дополненные заявлениями военных и послевоенных лет,

составили каркас официальной истории страны и деревни. Особое значение имеют оценки характера взаимоотношений власти и общества. Провозглашалось, что на основе создания социалистической индустрии, колхозно-совхозной системы и ликвидации кулачества как класса в стране была уничтожена эксплуатация, стирались классовые различия между рабочими и колхозным крестьянством – «новыми социалистическими классами». Движущими силами нового общества вместо капиталистического антагонизма считались постоянно крепнущие «морально-политическое единство», «советский патриотизм» и «дружба народов СССР». Ведущая из них – «морально-политическое единство» – определялась как «общность экономических и политических интересов всех социальных групп, из которых состоит советское общество, и осознание ими этой общности интересов, единый моральный, духовный облик рабочих, крестьян и интеллигенции», заинтересованность их в победе коммунизма, укреплении советского государства как выражающего интересы всего народа. Усиливавшееся по мере успехов социализма сопротивление «враждебных элементов» и «остатков отживающих свое классов эксплуататорского общества», а также наличие у «отсталой части населения» «пережитков» обусловило выполнение социалистическим государством функции «охраны социалистической собственности от воров и расхитителей». В условиях социализма она называлась «основной формой классовой борьбы». Преодоление религиозности и других доставшихся от старого строя традиций происходило закономерно как результат прогрессирующего «коммунистического воспитания масс», в авангарде которого шли партия, государственные органы и общественные организации³¹. Принципиальное преодоление «старого» «новым» признавалось свершившимся фактом уже в довоенные годы.

Трактовка характера взаимоотношений власти и общества как нарастающего тождества их интересов была отправной точкой всех работ советских авторов по истории послевоенного села. До середины 1950-х гг. выходили пропагандистские и популярные издания, нацеленные на разъяснение широкой аудитории значения правительственных постановлений и задач по их

осуществлению (работы Н. И. Анисимова, И. А. Бенедиктова, М. А. Краева, Г. Н. Евстафьева, А. П. Теряевой, К. П. Оболенского, П. П. Лобанова, Д. М. Попова, П.И. Лященко и др.). Публиковалась масса методических брошюр по организации работы сельских Советов, учреждений культуры и других низовых официальных структур. Кроме конкретных вопросов шла теоретическая разработка сквозных для всей последующей советской историографии тем «социалистического перевоспитания» крестьянства, «стирания классовых различий между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией», «преодоления противоположности» между городом и деревней³². Систематическое изложение всего их круга содержалось в труде «Исторический материализм» (1950 г.), а также в учебнике по политэкономии (1954 г.). Публикации первых послевоенных лет в чистом виде содержали контуры истории послевоенной деревни, которая развивалась советской аграрной историографией вплоть до конца 1980-х гг. Относительно быстрое возрождение деревни, преодоление материальной разрухи и трудовой героизм крестьянства рассматривались как следствие «морально-политического единства», сплочения вокруг партии широких слоев деревни, их «высокой сознательности» и т. п.

Новый период в осмыслении проблем истории послевоенного села (с середины 1950-х по середину 1960-х гг.) обозначился с утверждением у власти Н.С. Хрущева. Основой публикаций стало его видение причин кризисного положения дел в сельском хозяйстве к 1953 году, изложенное в выступлениях на пленумах ЦК КПСС, XX, XXI и XXII съездах партии. Акцент был сделан на раскрытии «субъективной» составляющей – «нарушении в сельском хозяйстве принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства», неправильном сочетании общественного и личного в колхозах, «неудовлетворительном использовании новой техники», ошибках в руководстве деревней со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов, низкой трудовой дисциплине в колхозах³³. В последующем к этому добавились «влияние культа личности Сталина» и «действия антипартийной группы»³⁴. Ведущее место по-прежнему принадлежало публикациям экономистов,

анализировавших развитие сельского хозяйства в 1945–1950-х гг. (часто – в сравнении с состоянием до 1953 г.) с точки зрения решений сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС и съездов партии ³⁵. Источниками исследований стали статистические сборники, систематическое издание которых возобновилось в середине 1950-х гг. Многие работы продолжали носить пропагандистский характер, сводились к комментированию директивных документов ³⁶. В исторической литературе преобладали пособия для сети политпросвещения, посвященные политике КПСС в экономической сфере ³⁷. При изложении мер по восстановлению и развитию сельскохозяйственного производства после войны и оценке положения в сельском хозяйстве к 1953 г. историки, как и экономисты, придерживались «субъективных» причин в объяснении кризисной ситуации начала 1950-х гг. ³⁸ Некоторые авторы вообще приходили к выводу, что в первое послевоенное восьмилетие «проводилась линия на свертывание колхозно-кооперативной собственности», в сельском хозяйстве царил застой ³⁹. Несмотря на такие оценки, навеянные выступлениями Н. С. Хрущева, в партийной литературе проводилась мысль о соблюдении в партии «ленинских принципов внутрипартийной жизни», «коллективности руководства на местах», что позволило коммунистам мобилизовать сельское население на дальнейшее укрепление колхозного строя ⁴⁰. Следует отметить статью С. С. Култышева, посвященную динамике численности партийных рядов в 1945–1950 годах. В ней были приведены данные о росте числа и укрупнении состава сельских первичных парторганизаций, в том числе колхозных. Автор пришел к выводу об усилении партийного влияния на население, укреплении партийных рядов, повышении роли коммунистов в «хозяйственно-культурном строительстве» ⁴¹. Заметным исследованием деятельности региональных парторганизаций по осуществлению аграрного курса стала монография А.В.Лосева. Кризис сельского хозяйства начала 1950-х гг. в ней также объяснялся в основном «субъективными» причинами ⁴². Достоинством историко-партийной литературы по сравнению с публикациями предшествующего времени стало привлечение документов центрального и региональных партийных архивов.

Кроме экономических и историко-партийных работ продолжали выходить научно-популярные издания, где комментировались важнейшие партийные и государственные постановления, разъяснялось, как в новых условиях должна быть организована работа сельских Советов, органов управления колхозом. Появились первые исследования, посвященные положению и мерам по подъему сельского хозяйства отдельных областей, а также деятельности учреждений культуры на селе в годы четвертой и пятой пятилеток⁴³. Их авторы стремились показать непрерывный рост культуры села в послевоенные годы как результат целенаправленных усилий власти при широкой поддержке населения.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. изменения в культуре, быте, традициях деревни Центрального Нечерноземья становятся предметом интереса этнографов. Выводы их исследований подтверждали тезис о преодолении сохранявшихся элементов традиционной культуры, росте социальной и политической активности крестьянства в результате успехов общественного хозяйства, усилий государства по формированию «нового» духовного облика колхозников, его сближения с «культурным уровнем трудящихся города»⁴⁴. В начале 1960-х гг. в СССР возобновляются социологические исследования. Одним из первых социологических центров стал Институт общественного мнения газеты «Комсомольская правда», который за 1960–1967 гг. провел 27 опросов читателей газеты, в том числе и ее сельской аудитории. И хотя в 1967 г. ИОН «Комсомольской правды» был закрыт из-за несоответствия результатов опросов идеологическим установкам⁴⁵, социологические исследования колхозной деревни продолжались.

Начало наполнения документальными материалами сформулированной в сталинскую эпоху схемы послевоенной истории крестьянства, а в ее рамках и изучение с опорой на архивные документы взаимоотношений власти и деревни приходится на вторую половину 1960-х годов. Особенностью этого периода историографии стал, помимо изучения аграрной политики партии на местах, анализ социально-экономических процессов, изменений в социальной структуре села, вызванных «базисными» подвижками⁴⁶. На «комплексное изучение

социально-политических проблем развития социализма и перерастания его в коммунизм», «исследование путей и форм сближения условий труда, быта и культурного развития города и деревни», «обобщение опыта укрепления союза рабочего класса и крестьянства» историков ориентировало постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г.⁴⁷ Оценки и отбор сюжетов определялись также решениями октябрьского (1964 г.), ноябрьского (1964 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС, тезисами ЦК КПСС, работами Л. И. Брежнева. На первый план выдвигалось наполнение конкретными фактами известной схемы об «объективном характере» переживавшихся страной трудностей, о созидательной роли партии, массовом трудовом героизме и «политическом подъеме» деревни как следствии «морально-политического единства». Историки-аграрники получили доступ к некоторым архивным фондам. «Ошибки» в руководстве послевоенной деревней, зафиксированные в решениях сентябрьского (1953 г.) пленума, теперь трактовались более сглаженно. По-прежнему проводилась мысль о преемственности основного направления аграрной политики партии в первые послевоенные годы и после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС⁴⁸. Одной из первых работ, посвященных проблемам социально-экономических отношений и изменениям в классовой структуре крестьянства в период упрочения социализма (1932–1964 гг.), была монография В. Б. Островского⁴⁹. Анализ партийной политики в ней был совмещен с комплексным изучением ее результатов применительно к колхозам и подворьям колхозников, техническому оснащению села, изменениям в быту и духовном облике колхозного крестьянства. Впервые на конкретном материале автор обозначил вопрос о роли личного подсобного хозяйства колхозников в экономике колхозного двора. Одним из самых авторитетных советских специалистов по истории послевоенной деревни стал И. М. Волков⁵⁰. Появляются работы об отдельных категориях сельского населения, в частности, кадрах механизаторов, руководителях колхозного производства⁵¹. Событием в историографии истории советской деревни стал выход в 1970 г. обобщающего труда «Советское крестьянство. Краткий очерк истории». Авторами главы о послевоенном восстановлении деревни являлись

И.М. Волков и Ю. В. Арутюнян⁵². Активизировалось по сравнению с предшествовавшими годами изучение сферы взаимоотношений власти и сельского населения. В 1967 г. были опубликованы две работы, содержавшие данные о деятельности местных Советов в послевоенный период⁵³. Особенно объемный фактический материал был помещен в исследовании А. И. Лепешкина.

Тема послевоенного восстановления села, роль в нем коммунистов продолжала разрабатываться историками партии в контексте изучения аграрной политики и создания со второй половины 1960-х гг. историй региональных парторганизаций. Большое влияние на структуру и содержание этой литературы оказал второй том книги С. П. Трапезникова «Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана»⁵⁴. Однако большинство историко-партийных работ было посвящено не процессам в областных организациях КПСС, а их руководству «хозяйственно-культурным строительством». Сюжеты о «внутрипартийной» и «массово-политической работе» занимали в них периферийное положение⁵⁵. Переиздания «Очерков» в 1970–1980-х гг. были дополнены параграфами о «партийно-организационной» и идеологической работе⁵⁶. Отдельным вопросам послевоенной истории деревни Нечерноземья (в том числе и его центральных областей) было посвящено несколько статей и сообщений в научной периодике и на конференциях историков-аграрников. Речь, главным образом, шла о восстановительных процессах, динамике численности колхозного крестьянства⁵⁷. Итогом «преодоления» негативных оценок истории послевоенного восьмилетия, обозначившихся в литературе эпохи Н. С. Хрущева, первостепенное внимание созидательной работе региональных парторганизаций, демонстрации трудового героизма и политической активности населения стало создание к началу 1980-х гг. «героизованной» панорамы первых послевоенных лет. Со всей полнотой это проявилось во второй книге пятого тома шеститомной «Истории КПСС» (1980 г.), охватывавшей события 1945–1959 гг.⁵⁸ В связи с подготовкой к III Всесоюзному съезду колхозников и принятием нового Примерного Устава сельхозартели (1969 г.) получило импульс исследование «колхозной демократии» – истории

формирования «колхозного права» и практики участия колхозников в управлении колхозными делами сельхозартели⁵⁹, причем формы, масштабы активности колхозников изучались меньше, особенно на протяжении первого послевоенного восьмилетия⁶⁰.

С конца 1960-х гг. начинается публикация обобщающих работ по истории культпросветработы, которая определялась как область идеологической деятельности, «внешкольная образовательная и воспитательная работа среди широких слоев населения» в целях их «коммунистического воспитания», часть «культурно-организаторской и культурно-воспитательной функции советского государства». Периодизация истории культпросветработы, характеризовавшейся как непрерывный прогресс ее масштабов, форм и содержания, совпадала с вехами истории советского общества, так как производилась по одному основанию – «совершенствованию социалистических производственных отношений»⁶¹.

Середину 1960-х гг. следует выделить как рубеж, с которого в СССР начинается обсуждение проблем социальной психологии, в том числе психологии колхозного крестьянства. Центральным направлением поиска становится структурно-функциональный анализ общественного сознания, определение содержания и взаимосвязи его основных элементов и социально-психологических феноменов, таких как «общественное мнение», «общественные настроения», «общественно-психологическая атмосфера», «традиции», «обычаи», «социальные нормы» и т. п.⁶² Однако несмотря на обилие теоретической литературы не были созданы конкретно-исторические исследования массового сознания советской деревни 1945–1950-х гг. Продолжилось исследование колхозной деревни социологами. Их выводы не выходили за рамки тезиса о тождестве интересов власти и села и о прогрессивном движении деревни к новому образу жизни. Результаты комплексных социологических исследований отдельных сел, социальных слоев и социальной структуры деревни в целом свидетельствовали об уходе в прошлое традиционной культуры, снижении роли традиции как способа передачи социального опыта по мере прогресса советской культуры и быта, что рассматривалось как закономерное «стирание различий между городом и

деревней» – одно из проявлений «перехода к развернутому строительству коммунизма»⁶³. В то же время социальная эволюция деревни начинает осмысливаться как более сложный процесс, идущий не только на классовом, но и на внутриклассовом уровне. Развивается мысль о несовпадении классовой и социальной структур деревни: в связи со стиранием классовых различий на первый план выходят внутриклассовые, определявшиеся характером, содержанием труда и образом жизни. Путь деревни к социальной интеграции мыслился через урбанизацию и профессиональную дифференциацию, которая со временем должна была принять характер технологического разделения труда, равного по своей социальной значимости⁶⁴. Подчеркивалось значение «рационализации отношений между городом и аграрной подсистемой» со времени сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС как фактора, ускорившего социальную эволюцию села за счет постепенного перехода к эквивалентному обмену между городом и деревней, децентрализации управления и планирования производства, направления на село все большего потока материальных и кадровых ресурсов⁶⁵.

К работам этнографов и социологов о послевоенной деревне примыкали исследования организации досуга, формирования новых советских обычаев и традиций, значительное количество которых стало публиковаться в 1960–1970-е гг. Распространение советских обрядов с конца 1950-х гг. рассматривалось как закономерное приведение обрядности в соответствие с уровнем развития социалистической экономики, ростом благосостояния и культуры населения, обуславливавших изживание религиозных праздников и обрядов (С. Н. Бенкиев, В. И. Брудный, А. Н. Филатов, Г. И. Геродник, А. П. Курантов, Н. М. Закович и др.).

Выходит все больше работ о статусе религии в СССР и религиозности советского общества, развивавших мысль о его «однонаправленной» секуляризации. Изучение массовой религиозности было подчинено задаче прояснения факторов, динамики и особенностей этого процесса. Отправной точкой исследований был тезис о тотальном кризисе религии и закономерном

успехе секуляризации при социализме в ходе устранения корней массовой религиозности, создания экономических, социальных и культурных предпосылок сокращения влияния религии. Ликвидация массовой религиозности и вытеснение ее «материалистическим мировоззрением» мыслились по мере развития социализма, а сохранение «остаточной религиозности» в виде «пережитка» объяснялось действием «неблагоприятно складывавшихся обстоятельств общественной и личной жизни»⁶⁶. В уже упоминавшейся монографии В. Б. Островского – одной из первых работ, осветивших вопрос о религиозности колхозного крестьянства в послевоенные годы, – наличие «материалистического мировоззрения» и «убежденного атеизма» называлось «яркой и показательной чертой» духовного облика колхозного села. Всплеск религиозности в военные и первые послевоенные годы автор объяснял чрезвычайными условиями и связанными с ними переживаниями людей⁶⁷. Параллельно с выяснением степени религиозности сельского населения анализировалось распространение атеистических взглядов⁶⁸.

Увеличение числа конкретно-исторических, социологических, этнографических исследований создает фундамент для разработки советскими обществоведами понятия «социалистического образа жизни» («совокупности существенных черт, характеризующих деятельность социальных общностей в условиях социалистической формации»), в числе которых отмечались коллективизм, гуманизм, демократизм, интернационализм, социальный оптимизм, а основой – социалистический способ производства, общественная собственность на средства производства, советский общественно-политический строй. Утверждалось, что по мере преодоления пережитков в быту и сознании людей, изживания антисоциальных явлений «социалистический образ жизни» распространяется на все общество, формируется личность принципиально нового типа – человек социалистического общества. Проводилась мысль о постепенном сближении и унификации сельского и городского образа жизни на основе ценностей, морали и достижений социализма⁶⁹.

Параллельно конкретным исследованиям продолжается публикация документов (с начала 1970-х гг. начинается издание статистических сборников по истории региональных парторганизаций, в 1980-е гг. выходит ряд партхроник, сборников краеведческих материалов). Все это формирует основу для подготовки обобщающих трудов по социально-политической истории послевоенной деревни. Центральной идеей по-прежнему оставалась мысль о нарастании «морально-политического единства». На разработку социально-политической проблематики историков нацеливали партийные документы и историографические обзоры⁷⁰.

Проблемой стало определение границ социально-политической сферы. В. Б. Островский ввел понятие «духовного облика» колхозного крестьянства, которое, по его мнению, включало в себя изучение изменения общеобразовательного уровня крестьянства, расширения его умственного кругозора и познавательных интересов, участия в клубных формах работы и роста духовных запросов, вытеснения религиозного мировоззрения материалистическим, развития социалистического сознания и коллективистской психологии (в труде, сфере политической активности и т. д.). Процесс изменения духовного облика крестьянства изображался не лишенным трудностей, но в целом успешным преодолением традиционных черт крестьянского мировоззрения и духовности. Основными его результатами к началу 1960-х гг., с точки зрения В. Б. Островского, было формирование у крестьянства основ материалистического мировоззрения, сознательной общественной и политической позиции и стирания существенных классовых отличий между ним и рабочим классом⁷¹. Классическое для советской историографии понимание сферы социально-политического сформулировал И. Е. Зеленин на основе определения основных направлений развития политической системы, изложенных в Конституции СССР 1977 г., в числе которых отмечались: 1) развитие и деятельность КПСС, ее низовых ячеек, Советов, массовых общественных организаций; 2) различные проявления социалистической демократии; 3) рост политической активности, политические настроения, общественное мнение сельского населения⁷². Такой подход был реализован им в ряде исследований социально-политического развития послевоенного села⁷³. И. Е.

Зеленин писал о «яркой и полнокровной» общественно-политической жизни послевоенной деревни, когда во многом были преодолены ограничения военного времени и воплощались «ленинские демократические принципы руководства»⁷⁴.

Таким образом, в рамках советской историографии было положено начало осмысления взаимоотношений власти и деревни, введен в научный оборот значительный по объему фактический материал. Однако выработанная схема исследования проблемы базировалась на однообразной документальной базе, нивелировала сложный характер этих взаимоотношений, представляла их как закономерный процесс нарастания «морально-политического единства» при доминирующей позиции «верхов», реализовывающих по отношению к деревне свои «педагогические» амбиции. С точки зрения социальной эволюции села отмеченная динамика его взаимоотношений с властью отражала общую тенденцию размывания различий между основными классами советского общества, между городом и деревней, «подъем» уровня политического сознания и культуры ее жителей до городских стандартов.

В западной литературе с 1950-х гг. распространенной канвой исследований проблемы власти и общества в СССР стала выработанная политологами тоталитарная модель (К. Фридрих, З. Бжезинский, Х. Арэнд). Тоталитаризм определялся как во многом уникальная и появившаяся только в XX в. самовоспроизводящаяся политическая система, основанная на максимальном из возможных контроле государства над обществом посредством преимущественно репрессий, террора и пропаганды. Общество изображалось в целом пассивным объектом манипуляций, а политика – определяющей прочие сферы жизни. Определенная автономия признавалась за семьей, религиозной верой и национально-этническим самосознанием. К. Фридрих и З. Бжезинский считали тоталитарные режимы автократиями, адаптированными к индустриальному обществу XX в., важными условиями возникновения которых являлись современные технологии в вооружениях и массовой коммуникации, а также массовая демократия⁷⁵. Эти идеи получили развитие в исследованиях советской провинции М. Фейнсода, в «Гарвардском проекте», в рамках которого было

подготовлено одно из первых исследований повседневности сталинского общества⁷⁶. Тоталитарным советское общество первых послевоенных лет считал Р. Арон⁷⁷. Критики тоталитарной модели справедливо отмечают ее абстрактный характер, неспособность объяснить динамику советского строя⁷⁸. С рубежа 1960–1970-х гг. формируется «ревизионистское» по отношению к тоталитарной модели направление в изучении истории СССР. Предшественники ревизионизма (С. Коэн, М. Левин, И. Дойчер и др.) отталкивались от признания конфликтного, а не монолитного характера советского общества, стремились исследовать эти конфликты на разных уровнях⁷⁹. «Младшее поколение» ревизионистов (Ш. Фицпатрик, Дж. Гетти, Р. Мэннинг, Л. Виола, Г. Риттершпорн и др.) перенесло акцент в изучении власти и общества на общество и результаты политики, утверждало, что контроль государства был гораздо слабее, чем это утверждала тоталитарная школа, система власти на местах часто находилась в хаотическом состоянии, режим пользовался поддержкой части населения, рассчитывавшего таким образом повысить свой статус, был вынужден учитывать импульсы «снизу», которые меняли власть в той же степени, в какой она меняла общество⁸⁰. Позицию между тоталитарным и ревизионистским направлением в исследовании сталинского общества занимает С. Коткин, говорящий о неизбежной его вовлеченности в общие для США, стран Западной Европы, Японии, СССР процессы современности (распространение массовых производства, политики, культуры, потребления) и видящий в нем вариант общества модерна и особую цивилизацию⁸¹. К такому пониманию советского строя близок цивилизационный подход Й. Арнасона⁸².

Взаимоотношения власти и общества в СССР исследовались также с позиций теории типов политического господства М. Вебера, согласно которой советская система определялась либо как патримониальная, либо рационально-бюрократическая или сочетавшая в себе в разные периоды своей истории черты нескольких выделенных Вебером идеальных типов господства⁸³, что представляется плодотворным направлением исследований, так как в отличие от тоталитарной модели позволяет анализировать взаимоотношения власти и общества в динамике и с учетом цивилизационных особенностей России.

В эмигрантской историографии центральной идеей, объясняющей проблему власти и общества в послевоенном СССР, стала тоталитарная модель. В работах М. С. Восленского, А. А. Авторханова, М. Я. Геллера, А. М. Некрича и других ее представителей механизм власти в СССР характеризовался как тоталитарный с ядром в виде партаппарата, полностью контролировавшего все сферы жизни общества и правившего террором и ложью⁸⁴. А. А. Зиновьев, признавая в СССР наличие многих черт тоталитаризма, считал их не навязанными обществу, а идущими от него самого и адекватными его структуре⁸⁵.

В современной отечественной историографии наиболее распространенной и фундированной парадигмой осмысления проблем истории послевоенной деревни (и советского общества в целом) выступает теория модернизации, современное содержание которой было сформулировано в работах Р. Арона, А. Гершенкрона, У. Ростоу, Т. Парсонса и других исследователей⁸⁶. Модернизирующееся общество рассматривается как социум,двигающийся от традиционного состояния (низкая специализация и взаимозависимость организаций, аграрная экономика, неразвитость рынка, сословное общество в виде иерархии локальных общин, деспотические формы правления, обычное право как основной социальный регулятор, сервильность как психологический стереотип, nepотизм и др.) к индустриальной фазе (развитие промышленных технологий на основе рационального знания, формирование рынков ресурсов, самоподдерживающийся рост экономики, растущая индустриализация, повышение уровня жизни, автономизация разных социальных сфер, дифференциация социальных ролей, возрастание социальной мобильности, рациональный бюрократический аппарат, рациональные и светские процедуры принятия политических решений, «диффузия политической власти» к широким массам, рост территориального масштаба вследствие интенсификации реализации властных полномочий, легитимность власти на основе закона, рационализация поведения и появление новых индивидуальных ориентаций, растущая вера в науку и технологию, секуляризация и др.)⁸⁷.

Применение теории модернизации к отечественной истории XX в. выявило серьезное своеобразие советского модерна. Так, О. Л. Лейбович определяет тип модернизации в СССР как «догоняющий» в противовес «органической модернизации обществ-пионеров», так как инициатива модернизационных перемен исходила от государства ⁸⁸, черпавшего ресурсы из деревни, что предопределило высокий уровень конфронтации между ними, сопротивление села переменам, длительное сохранение социальной архаики, ведущую роль власти в формировании новых социальных страт. А. Г. Вишневский подчеркивает «консервативный» характер советской модернизации, в которой инструментальные цели неизбежно входили в противоречия с консервативными социальными средствами ⁸⁹. Неорганичный характер модернизации СССР вследствие неукорененности в обществе механизмов ее развития отмечает В. В. Согрин ⁹⁰. О «догоняющей» модернизации, навязанной Советскому Союзу логикой органичного развития стран ее «первого эшелона», рассуждает В. А. Красильщиков ⁹¹. В. В. Алексеев и И. В. Побережников считают «догоняющую» советскую модернизацию продолжением «имперской», но под большевистскими лозунгами, насаждавшей сверху железной диктатурой и шедшей в русле перманентной революции ⁹². Б. Н. Миронов возражает против определения советской модернизации как неорганичной, так как в ней, по его мнению, совмещались спонтанное и догоняющее развитие: государство форсировало технологический и материальный прогресс на основе традиционных социальных институтов, в результате по многим направлениям в стране состоялась вполне успешная небуржуазная модернизация ⁹³. А. П. Скорик и В. А. Бондарев развивают понятие «фрагментарной модернизации», понимая под ней процесс и механизм преобразований с осознанной или случайной заменой общемодернизационной цели более частной и менее ценной для общества, но важной для государства. Фрагментарная модернизация определяется ими как «ускоренная», «имперская», «неорганическая», «неполная», с «обратным вектором развития» (использованием для достижения цели модернизации архаичных институтов). Будучи не способна создать механизм

самоподдерживающегося развития, она вела к стагнации современной системы и новому витку реформ «сверху»⁹⁴.

По-разному осмысливается зрелость советской модернизации. Б. Н. Миронов считает ее в основном завершенной к окончанию советской эпохи⁹⁵, А. Г. Вишневский – незавершенной и к концу XX в.⁹⁶ О. Л. Лейбович полагает, что к началу 1950-х гг. советское общество находилось на раннеиндустриальной стадии развития, отягощенной отсталостью важнейших сфер жизни, а верхи, боясь потерять над ним контроль, на рубеже 1950–1960-х гг. останавливают модернизацию⁹⁷. В. В. Алексеев и И. В. Побережников называют гранью перехода СССР от традиционного к индустриальному обществу конец 1930-х гг., признавая однако, что тогда модернизация еще не состоялась в полном объеме⁹⁸. Авторы монографии «Тоталитаризм в Европе XX века» относят создание «фордистско-тейлористской технологической базы» и «своеобразной структуры индустриального общества» к концу 1930-х гг.⁹⁹ К сходным выводам приходит и В. А. Красильщиков. Но, по его мнению, к концу 1950-х гг. модернизация прекращается, а попытки реформ второй половины 1960-х гг. были всего лишь ее «имитацией»¹⁰⁰. Г. Е. Корнилов характеризует трансформации аграрной сферы в сталинскую эпоху как «агропереход» (переход от экстенсивных форм земледелия к интенсивным), который, по его мнению, в итоге не состоялся, так как не произошло радикального роста сельскохозяйственного производства и реальных доходов крестьянства¹⁰¹. Л. Н. Мазур считает «наиболее активным этапом» модернизации сельского хозяйства 1930–1980 гг., а ее содержанием – превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального¹⁰². При этом многие авторы подчеркивают незрелость классовой структуры советского общества с точки зрения западного индустриализма и значительную специфику оформившейся в ходе модернизации политической сферы.

Детально разработанную и глубоко обоснованную теорию модернизации советского аграрного строя создали М. А. Безнин и Т. М. Димони. По их мнению, суть модернизации – в происходившей на протяжении 1930–1980-х гг. капитализации аграрной подсистемы (в объективном процессе превращения

овеществленного труда, самовоспроизводящейся стоимости (капитала) в решающий фактор экономики и подчинении ему прочих ее факторов; денатурализации средств производства, утверждении господства крупных форм товарного производства, преобладании капитала над живым трудом в структуре производственных издержек, замене крестьянской семейной кооперации труда ее узкопрофессиональной специализацией и др.). В процессе капитализации на смену социальной структуре традиционного общества приходит капиталистическая классовая структура, соответствовавшая новым отношениям собственности и общественному разделению труда, состоявшая из протобуржуа, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии и сельскохозяйственного пролетариата. Государственная капитализация «сверху» обусловила использование в интересах модернизации механизмов аграрного (феодалного) общества, широко применявшихся в 1930–1950-е гг. для мобилизации и перераспределения ресурсов деревни в неаграрные секторы экономики. С конца 1950-х гг. им на смену приходят экономические механизмы, обеспечившие резкий рост товаризации сельского хозяйства в 1960–1970-е гг.¹⁰³

Востребованным концептом осмысления взаимоотношений власти и общества, соотносимым с модернизационной парадигмой, остается теория тоталитаризма, на основе которой, однако, даются противоположные оценки их характера. Одни сторонники тоталитарной модели признают тоталитаризм «порождением и формой модернизационных процессов»¹⁰⁴, модернизационную эффективность тоталитарных политических институтов в военные и первые послевоенные годы¹⁰⁵, а другие выступают категорически против этого, поскольку, по их мнению, политика большевиков вела только к установлению всепроникающей террористической власти, сопровождалась колоссальными жертвами населения, огосударствлением и милитаризацией экономики, варварской эксплуатацией природных богатств, экологическими катастрофами, отсутствием прогресса в управлении и социальных отношениях¹⁰⁶. Близким второму пониманию тоталитаризма в объяснении взаимоотношений власти и

общества в СССР можно считать появившийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. термин «административно-командная система»¹⁰⁷.

Принципиально иной взгляд на взаимоотношения государства и общества практикуют сторонники теории раздаточной экономики, признающие наличие в СССР в 1930–1980-е гг. «административного рынка», понимаемого ими как третий цикл эволюции раздаточной экономики – органичной для России с X в. хозяйственной системы, в которой роль распределительного механизма выполняет не рынок ресурсов, а институт «сдач-раздач» под управлением государства, а способом обратной связи общества и государства является институт административных жалоб¹⁰⁸.

Фундаментом многих выводов об эволюции советского аграрного строя, сделанных в рамках парадигмы модернизации, стали исследования социальных изменений в крестьянстве, особенно выяснение динамики и результатов процесса «раскрестьянивания». Под этим углом зрения рассматривалась и проблема взаимоотношений власти и деревни. На основе анализа большого массива бюджетных обследований крестьянских подворий 1950–1965 гг. М. А. Безнин обосновал некорректность понимания личного крестьянского хозяйства этого периода как подсобного, показал его истинное значение для снабжения продуктами городского населения, а также роль в формировании совокупного дохода двора. Были охарактеризованы механизм раскрестьянивания колхозной деревни (сочетание его «внутренней» составляющей – ограничения условий для воспроизводства подворья с «внешней» – постепенным превращением крестьян-колхозников в рабочих с огородом), динамика этого процесса, сопротивление ему деревни¹⁰⁹. О. М. Вербицкая пришла к выводу о прогрессирующем раскрестьянивании российского села в середине 1940-х – начале 1960-х гг. вследствие непродуманной аграрной политики, выразившемся в сокращении численности, ухудшении половозрастной структуры колхозного населения, потере им «генетически присущих» крестьянству черт: инициативы, чувства хозяина земли, трудолюбия, в результате чего деревня пролетаризировалась. К сходным выводам пришли Н. С. Иванов на материале второй половины 1940-х –

1950-х гг. и Е. Б. Никитаева, по мнению которой, раскрестьянивание ускорилось в 1950-1960-е гг. и завершилось к середине 1980-х гг.¹¹⁰ В монографиях Л. Н. Денисовой общий кризис села в 1960–1980-е гг. трактовался как результат политики выкачивания из него ресурсов и форсированной концентрации сельскохозяйственного производства, ускоривших миграцию населения и упадок культуры¹¹¹. По мнению В. А. Ильиных, исследовавшего на материале Сибири «социалистическое раскрестьянивание» (общее сокращение удельного веса крестьянства в составе населения, крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, трансформацию институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс), в 1930–1970-е гг. произошло окончательное уничтожение общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры. Крестьянство превратилось в сельскохозяйственных рабочих. Рост образовательного уровня и достатка при этом переплетался с элементами социокультурной деградации¹¹². Другое мнение высказал О. В. Горбачев, считающий сутью раскрестьянивания не подрыв возможности экономического и демографического самовоспроизводства крестьянского двора, а «уничтожение прежней системы отношений крестьянина с «миром». При этом, с его точки зрения, удары урбанизации по традиционному крестьянскому укладу означали не завершение истории крестьянства, а его переход в новое качество¹¹³. Данную точку зрения разделяет и В. В. Наухацкий, подчеркивающий, что раскрестьянивание советской деревни было объективным процессом, происходившим при активном влиянии государства и идеологической компоненты. Под раскрестьяниванием он понимает утрату сущностных черт традиционного крестьянского сознания, приспособление крестьянских хозяйств к условиям модернизации, разрушение производственной составляющей жизненного уклада крестьянства, изменение его среды обитания и социально-демографических характеристик. Однако переход традиционного общества к индустриальному, по его словам, не означал завершения раскрестьянивания как такового и исчезновения крестьянства¹¹⁴.

Проблема взаимоотношений власти и крестьянства в послевоенные годы анализируется, преимущественно, с точки зрения его попыток противостоять раскрестьянивающему курсу. Отдельные протестные проявления изучаются в связи с податной, репрессивной политикой государства ¹¹⁵. В теоретическом отношении отправной точкой первых попыток комплексного анализа социального протеста деревни стала категория «выживания», обозначенная в трудах экономистов организационно-производственной школы (прежде всего А. В. Чаянова), а также в концепции «моральной экономики» Дж. Скотта ¹¹⁶. «Выживание» трактуется не только как крестьянское понимание экономической справедливости и базирующиеся на нем социальные практики, но и как стремление защитить демографические, культурные, духовные устои своего жизненного уклада ¹¹⁷. Социальный протест определяется как реакция несогласия сельского социума на антикрестьянскую политику власти ¹¹⁸. По мнению М. А. Безнина и Т. М. Димони, крестьянский протест в указанный период можно подразделить на активный (покушения на представителей власти, порча общественной собственности, резко негативная оценка действий верхов, выраженная в слухах, листовках, частушках и т. п.) и пассивный (уход из деревни, уклонение от работ в общественном хозяйстве в пользу личного, письма во власть, отправление религиозных обрядов) ¹¹⁹. Изучая содержание и динамику конфликтных взаимоотношений крестьянства и власти, исследователи пришли к выводу о преобладании их пассивных форм, приспособительном к аграрному курсу характере и экономической детерминации. Значение протеста деревни они справедливо видят в его регулятивной функции по отношению к социально-экономической и социально-политической жизни советского общества ¹²⁰. В своих новейших исследованиях М. А. Безнин и Т. М. Димони подчеркивают различия в способах отстаивания своих интересов представителями разных классов советской деревни в процессе капитализации аграрного строя ¹²¹. В. А. Богданов определяет социальный протест деревни как перманентный, вышедший за рамки сталинской эпохи социальный конфликт, обусловленный насильственной коллективизацией и несовпадением темпов модернизационных преобразований, которых придерживались власть и деревня. По его мнению,

крестьянство сопротивлялось не модернизации, а стремлению власти восстановить его дореволюционный тяглого-податной статус, причем в послевоенные годы у крестьян уже не было сил для активного протеста, массовыми стали его пассивные и тупиковые формы (алкоголизм и т. п.)¹²². Распространена трактовка социального протеста (в широком смысле – проблемы власти и общества) как сопротивления общества тоталитарному государству¹²³. Причем нередко «тоталитарность» государства подразумевается априорно и противоречит привлеченному материалу о повседневности советской деревни. Так, в новаторском для отечественной историографии исследовании Ю. В. Костяшова, направленном, по словам автора, на «изучение феномена советского тоталитаризма», основной материал свидетельствует, скорее, не о всеохватном тотальном контроле власти над калининградскими колхозами, а о поверхностном вникании в проблемы деревни, слабости официальных институтов, многие из которых, по словам самого автора, были «пятым колесом» в управлении и, существуя «незаметно», не приносили «большого вреда», об индифферентном отношении сконцентрированного на выживании крестьянства к официальным ценностям, формализме пропаганды и агитации¹²⁴.

Противоречие между признанием тоталитарного характера власти и констатацией крайне неравномерной эффективности воздействия на население институтов официальной культуры ощущается также и в исследованиях культуры послевоенной деревни. Так, О. М. Вербицкая, исходящая из тоталитарного характера советского государства, пришла к выводу о невысокой отдаче клубных учреждений вследствие недофинансирования, неготовности многих на селе воспринять продвигаемую ими культуру, дефицита свободного времени, распространенности неорганизованного досуга¹²⁵. Е. М. Ключко, отметив в послевоенные годы прогресс материальной базы и форм взаимодействия официальных учреждений культуры с аудиторией, подчеркнула кризисные явления в их деятельности, спад посещаемости, в чем, по ее мнению, проявился протест людей против идеологизации сферы культурно-досуговой деятельности¹²⁶. К сходным выводам пришел и Е. В. Литовкин¹²⁷. О серьезных

противоречиях между задачами СМИ «в условиях тоталитарного режима» и их реализацией, шагами по формированию общественного мнения в послевоенные годы пишет Р. П. Овсепян¹²⁸.

Активно разрабатывались проблемы реализации аграрной политики, обстоятельные исследования которой были выполнены В. П. Поповым, В.А.Шестаковым, И. Е. Зелениным, В. Н. Томилиным¹²⁹. В монографии О.В.Хлевнюка и Й. Горлицкого затронут вопрос о попытках И. В. Сталина существенно повысить налоговый пресс на деревню последние месяцы своего правления, а также о работе комиссии правительства по вопросам развития животноводства¹³⁰. В литературе 1990-х гг. особое значение придавалось выяснению причин масштаба и последствий голода 1946–1947 гг. В отличие от И. М. Волкова, считавшего его основными причинами объективные обстоятельства (бедственное положение сельского хозяйства, сложную внешнеполитическую обстановку, тяжесть засухи 1946 г.) и отчасти издержки административно-командной системы, В. П. Попов и В. Ф. Зима выдвигают на первый план политику высшего руководства по продолжению индустриализации любой ценой и установку на «воспитание» народа голодом¹³¹. Вопрос функционирования системы партийно-государственного управления колхозной деревней затронут О. М. Вербицкой, Н.В.Романовским, И. Е. Зелениным, О. В. Хлевнюком¹³². В исследованиях А.В.Пыжикова реформы эпохи Н. С. Хрущева характеризуются как противоречивая и непоследовательная попытка модернизации социалистического строя при сохранении неизменными его основ, основные принципы которой были сформированы еще при Сталине, а важным проявлением во взаимоотношениях власти и общества стал нарастающий кризис доверия населения к власти и ее лидерам¹³³. В ликвидации «крайностей тоталитарного режима», углублении интенсификации и модернизации аграрного сектора экономики видел значение реформ Н. С. Хрущева И. Е. Зеленин¹³⁴. В. А. Ильиных находит главный итог реформ Н. С. Хрущева с сельском хозяйстве в ликвидации «агроулага» – системы, основанной на внеэкономическом принуждении и социальной дискриминации крестьянства, ее замене системой крупных государственных

сельхозпредприятий и появлении у крестьян выбора – мигрировать в города или работать в колхозах и совхозах за постепенно повышающуюся зарплату ¹³⁵. Возобновлены прерванные в начале 1990-х гг. исследования аграрной политики власти на региональном уровне, как правило, через призму реализации на местах реформ, общегосударственных кампаний, выяснения их разрушительного влияния на МТС, колхозно-совхозный сектор, крестьянские подворья ¹³⁶. Автор одной из наиболее обстоятельных работ, посвященных МТС Центрального Черноземья в 1946–1958 гг., В. Н. Томилин справедливо определяет их как эффективный рычаг модернизации аграрного строя, внедрения в него индустриальных методов труда с далеко не полностью использованным потенциалом. Однако вряд ли можно согласиться с его точкой зрения на МТС как главное действующее лицо в управлении колхозами в первые послевоенные годы, «стержень командно-административной системы в производственной сфере деревни» ¹³⁷. Такое суждение затрудняет понимание места в механизме управления колхозами партийных и государственных структур, которые автор вслед за И. Е. Зелениным считает «партийными надсмотрщиками» ¹³⁸. Более обоснованной представляется точка зрения, полагающая партаппарат главным ответственным за проведение на местах государственных решений и партийных директив ¹³⁹.

Новым направлением исследований начала 1990-х гг. стало изучение репрессий против населения, в том числе сельского. Некоторые авторы рассматривают их как составляющую общего курса верхов на «второе раскулачивание» деревни ¹⁴⁰. Выявлены и опубликованы секретный Указ Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 г., статистика выселений по нему крестьян, общая статистика их судимости за уголовные преступления, в том числе и так называемые контрреволюционные, за хищения хлеба и других продуктов, невыполнение налоговых обязательств и отработочной повинности, данные о судимости председателей колхозов, депортациях, «хулиганизации» будней в стране после смерти Сталина ¹⁴¹. Представляется продуктивной разработанная П. М. Поляном классификация принудительных миграций на

основе их разделения на репрессивные и нерепрессивные ¹⁴². К этим работам примыкает статья В. П. Попова об оформлении, эволюции и значении паспортной системы, в которой автор видит один из важнейших инструментов государства по принудительному закреплению крестьян в колхозах ¹⁴³. Актуальной в контексте изучения раскрестьянивания советской деревни 1945–1960-х гг., не разрабатывавшейся ранее, стала проблема крестьянских повинностей ¹⁴⁴. Обращают на себя внимание исследования В. П. Попова и В. Ф. Зимы, показавших, как фактически производился расчет норм налогообложения крестьянского хозяйства, рост которых в послевоенные годы опережал рост его доходности ¹⁴⁵. Изучается также заготовительная и налоговая политика в отношении колхозов ¹⁴⁶.

Как сюжет крестьянско-властных отношений исследуется религиозность - важнейший фактор роста национального самосознания, объединивший общество в годы войны, свидетельство тщетности насильственной атеизации 1920–1930-х гг. и пространство противостояния верующих и атеистического государства ¹⁴⁷. Параллельно с изучением официальных государственно-церковных отношений внимание исследователей привлекают проблемы подпольной церковной жизни в СССР. Одним из первых исследователей, обратившимся к ним, стал А. Л. Беглов, пришедший к выводу о сохранении тесных связей между легальными и нелегальными общинами РПЦ, разделенными произвольно установленной властью границей легальности. По его мнению, в 1940-е гг. руководство РПЦ проводило политику по преодолению этого разделения и вовлечению в церковную жизнь подпольных общин и заштатного духовенства ¹⁴⁸. Е. Ю. Зубкова исследовала религиозность как составляющую широкой палитры послевоенных общественных настроений и связала ее всплеск с тяготами и послевоенными надеждами населения ¹⁴⁹. О. М. Вербицкая констатировала отход от веры значительной части крестьянства вследствие секуляризации преподавания в школе, разгрома религиозных учреждений и отсутствия священных текстов. Результатами усилий государства по борьбе с религиозностью она считает искоренение из массового сознания крестьянства целостного религиозного

мировоззрения, что, тем не менее, не привело к торжеству атеизма, поскольку церковь продемонстрировала способность к адаптации обрядности, а духовная традиция продолжала жить в крестьянах старших поколений. Существовавшая к началу 1960-х гг. в российской деревне религиозность характеризовалась О. М. Вербицкой как «затухающая»¹⁵⁰. А. Л. Беглов считает причинами спада подпольной религиозности на рубеже 1950–1960-х гг. не только гонения власти, но и рост урбанизации и окончательное угасание сельской общины – основы сельского прихода РПЦ¹⁵¹. Ю. В. Гераськин, напротив, пришел к выводу о всплеске религиозности в 1950-е гг.¹⁵², формировании ее нового облика с доминированием горожан в качестве ее носителей¹⁵³, действенной материальной помощи верующих церкви в условиях антицерковной кампании конца 1950-х - начала 1960-х гг.¹⁵⁴ Коллектив авторов во главе с А. В. Камкиным, проанализировав общественно-религиозную активность сельского православного населения европейского севера России в 1918 – начале 1950-х гг., выделил четыре «волны общественно-религиозной активности», связывая четвертую из них с массовым движением за открытие приходских храмов, развернувшимся в стране с 1943 г.¹⁵⁵ Т. М. Димони пришла к выводу о стремлении крестьянства европейского севера России не только в противовес власти сохранить культурно-нравственные элементы образа жизни, базирующиеся на православии, но и в определенной мере вписать их в систему официальных ценностей¹⁵⁶. В работе П. Г. Чистякова о традиции паломничества к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. отмечается, как условием выживания церкви в хрущевскую эпоху становится участие клира в искоренении одной из «недопускаемых» форм религиозности населения - почитания местных святынь¹⁵⁷. А. Ю. Михайловский подчеркивает существенную разницу в отношении к низовым структурам и духовенству РПЦ центральной и сельской власти в конце 1940-х гг., торможении сельской властью антицерковных импульсов центра¹⁵⁸. Религиозность деревни в современных исследованиях рассматривается как свидетельство живучести духовной традиции, ее оживление и затухание ставятся в зависимость от активности борьбы с ней власти¹⁵⁹. Работы

историков церкви, хотя и содержат богатый фактический материал о религиозных настроениях населения, в основном затрагивают проблемы государственно-церковных отношений, статуса в обществе духовенства, попыток государства поставить РПЦ под более плотный контроль и использовать во внешнеполитической деятельности ¹⁶⁰. Таким образом, в отличие от истории государственно-церковных отношений исследование религиозности сельского населения в 1940–1960-е гг. пока затрагивает отдельные стороны этой важной для понимания модернизации советского общества проблемы.

Характерную тенденцию научного поиска последних лет составляет интерес к настроениям, ожиданиям, социальной памяти, духовным традициям отдельных слоев (сельчане, горожане, интеллигенция) или особых социумов (как, например, фронтовики), а в широком смысле – общественной атмосфере, духу времени. Развивается мысль о самостоятельном значении социально-психологического фактора в эволюции советского общества ¹⁶¹. Трудностью на этом пути является выработка адекватных эпохе категорий анализа. Так, в современной литературе о массовом сознании советского общества сталинской и хрущевской эпох применяются обозначения «общественное мнение», «политические настроения», «общественные настроения», «неформальное общественное мнение»¹⁶², «крамола», «менталитет», причем иногда ими определяются одни и те же социально-психологические феномены. Е. Ю. Зубкова оперирует категорией «общественное мнение», определяет ее как «мнение, которое человек высказывает публично, вслух, в присутствии других людей, не боясь оказаться в изоляции...» ¹⁶³. Б. М. Фирсов вводит понятие «разномыслия», обозначая им процесс распространения в обществе раскрепощенных форм общественного сознания, разбивавших «броню принудительного единодушия», утвердившуюся в годы сталинского правления. Разворачивание разномыслия прослеживается на протяжении второй половины 1940–1960-х гг. в виде различных социальных практик и сред – «суверенных территорий разномыслия» ¹⁶⁴. Ю. В. Аксютин исследует «процесс десталинизации массового сознания», понимая под ним «реакцию «низов» на исходящие «сверху» импульсы» ¹⁶⁵. В этих исследованиях

подчеркивается наличие гораздо более мощного пласта «нелояльных» власти настроений «рядовых» людей, чем феномен диссидентства или инакомыслия узких социальных корпораций. В то же время лояльность общественных настроений по отношению к власти оценивается по-разному¹⁶⁶.

Продолжаются исследования масштабов поддержки и преданности населения режиму, способов «вживания» людей в советский порядок, что делает актуальным изучение не столько репрессий, сколько неконфликтных или малоконфликтных форм их взаимоотношений с властью. Одной из центральных тем являются поиски разными слоями населения новой идентичности, попытки вписаться в жизнь в условиях советского строя. Зарубежная литература касается таких социальных феноменов, как массовые праздники и обряды, политические кампании, кадровая политика, школьное образование, система социальной поддержки и т. п.¹⁶⁷ Следует отметить, что и отечественные историки, исторические антропологи все более активно занимаются реконструкцией широкого спектра неконфронтационных форм взаимоотношений власти и общества в военные и послевоенные годы, осмысливая вопрос о факторах устойчивости политического порядка, масштабе и формах его поддержки людьми, способах «вживания» в него социальных групп и их отдельных представителей. Основой многих исследований является подход повседневности.

В западной историографии история повседневности как самостоятельное исследовательское направление в рамках состоявшегося в гуманитарном знании «антропологического поворота» существует с 1970–1980-х гг. Однако на Западе оно не было однородным. В работах основоположников французской школы «Анналов» М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя повседневность выступала частью макроконтекста жизни людей, существовавшей наряду с демографическими, производственно-техническими, экономическими, финансовыми, политическими, культурными и другими процессами. Ф. Бродель относил к «структурам повседневности» человеческую психологию и «каждодневные практики». В Германии основоположники истории повседневности Х. Медик и А. Людтке¹⁶⁸ практикуют «историю снизу», понимаемую как микроистория личностей и

небольших групп. А. Людтке считает, что история повседневности фокусируется на анализе поведения тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми». Главное, по его мнению, – «изучение человека в труде и вне его»¹⁶⁹. Сходное понимание истории повседневности существует в итальянской и американской историографии¹⁷⁰. Нет единства в определении предмета истории повседневности и в отечественной историографии. Л. В. Лебедева понимает под ней особую сферу социокультурной реальности, основанную на системной повторяемости смыслов человеческого бытия. Повседневность, по ее мнению, охватывает всю жизненную среду человека, его материальные и духовные потребности. Перемены в повседневности – процесс видоизменения традиций как результат внутренних потребностей социума или воздействий извне¹⁷¹. Е. Ю. Зубкова разделяет историю на «большую», профессиональную, и «малую», обыденную, подразумевая под историей повседневности способ изучения механизма их взаимодействия¹⁷². Одна из наиболее продуктивных, на наш взгляд, точек зрения принадлежит И. В. Нарскому, который трактует историю повседневности как подход и развитие социальной истории, что предполагает необходимость изучения и социальных структур, и их восприятия современниками¹⁷³.

Различия в подходах к понятию повседневности отражают бум исследований повседневности советского общества в последние годы. С точки зрения предмета исследования работы историков, выполненные с позиций истории повседневности, можно подразделить на несколько групп: анализ узловых понятий, символов, знаков, «культурного кода» советской эпохи (Б. М. Сарнов, Н. Б. Лебина, М. Столяр); исследования производственной, бытовой и праздничной повседневности, в том числе в микромасштабе отдельных населенных пунктов, трудовых коллективов, предприятий (Л. В. Лебедева, С. В. Журавлев, Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков, В. С. Измозик, А.А.Севастьянова, Е. А. Осокина, С. Ю. Мальшева, Ю. Гронов); исследование поведенческих практик в период социальных и политических катаклизмов (И.В.Нарский, Н. Б. Лебина, О. С. Поршнева, А. Ю. Ватлин, Е. А. Осокина); изучение ментальностей, общественного мнения (Е. Ю. Зубкова,

С.А.Шинкарук, Л. С. Тарасевич, Б. А. Старков, Я. В. Соколов, А. Я. Лившин, И.Б.Орлов, Ю. В. Аксютин, В. Э. Багдасарян, А. А. Федулин, А. К. Мазин, Е. В. Суровцева, В. Бердинских, В. Л. Пянкевич); проблемы частной жизни (Н. Н. Козлова, С.В.Журавлев, Е. Ю. Зубкова и др.)¹⁷⁴. Одной из целей поиска в рамках истории повседневности можно считать детальную реконструкцию спектра поведенческих реакций, воздержанность от выделения факторов, редуцирующих их реальное многообразие к универсальной детерминанте¹⁷⁵. Однако, несмотря на выход многочисленных работ о повседневности разных групп и слоев советского общества, взаимоотношения власти и деревни 1945 – начала 1960-х гг. рассматриваются преимущественно с точки зрения реализации аграрной политики и реакции на нее деревни, в основном протестной (Л. И. Вавулинская, Ю. В. Костяшов, Р.Ю.Лысенко, А. В. Григорьев, Н. В. Кузнецова, Е. В. Русев, Т.П.Стрельцова, М. Р. Стругова, Ш. Н. Исянгулов, Н. В. Чиркова и др.).

Таким образом, недостаточная и неравномерная изученность изменений функционирования механизма власти на низовом уровне, динамики институтов официальной культуры деревни, механизма взаимовлияния ее официального и традиционного пластов, реализации секуляризационной политики и трансформации под ее воздействием религиозности деревни обуславливает актуальность темы диссертационного исследования. Его результаты позволят уточнить и дополнить сложившееся в историографии понимание характера, механизма и особенностей эволюции взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Цель исследования – изучить повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья РСФСР в 1945 – начале 1960-х гг.

Задачи исследования:

- 1) изучить повседневный механизм управления деревней Центрального Нечерноземья с акцентом на масштабе сельского района;
- 2) сравнить динамику и глубину изменений основных составляющих этого механизма относительно друг друга, выявить наиболее значимые для

взаимоотношений власти и сельского социума, охарактеризовать отношение к ним деревни;

3) установить факторы, определявшие развитие основных институтов культуры на селе, спектр форм их взаимодействия с сельским населением, степень его вовлеченности в официальную культуру;

4) сопоставить динамику развития основных институтов культуры на селе Центрального Нечерноземья относительно друг друга и на этой основе проанализировать механизм взаимовлияния ее официального и традиционного пластов;

5) изучить политику власти в отношении религиозности верующих РПЦ села Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг., определить соотношение легальных и нелегальных форм религиозности;

6) исследовать динамику легальной религиозности деревни Центрального Нечерноземья, ее трансформацию под воздействием антирелигиозной и антицерковной политики власти;

7) выяснить причины, масштабы и формы нелегальной религиозности, ее значение для трансформации традиционной духовной культуры деревни;

8) определить специфику трансформации взаимоотношений власти и сельского социума в Центральном Нечерноземье 1945 – начала 1960-х гг., сделать выводы о ее характере и основных результатах к началу 1960-х гг.

Объект исследования – повседневность деревни Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг., **предмет** – повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Источниками исследования являются законодательные материалы; выступления, доклады, сочинения лидеров партии и государства; периодическая печать; делопроизводственная документация; источники личного происхождения (в основном письма и обращения жителей деревни к вождям, в органы власти и управления, прессу); материалы этнографических и историко-социологических обследований деревни Центрального Нечерноземья.

Подлежащие обнародованию законодательные материалы, затрагивающие взаимоотношения власти и общества, публиковались в центральной и местной прессе, выходили в составе периодических выпусков для сведения и отдельными изданиями, включались в сборники партийных и государственных постановлений¹⁷⁶. Законодательство сталинского и хрущевского времени было направлено на как можно более полную регламентацию деревенской жизни. Решения и постановления центральной власти являлись «генеральной линией» для регионального руководства, последовательно воспроизводившего их букву и дух в своих резолюциях. В сочетании со стремлением центра не допустить «самотека» при проведении в жизнь его инициатив, закрытостью процесса принятия политических решений, «единообразие» законодательства в то же время определило такую его особенность, как «многослойность»¹⁷⁷. Немалая часть подзаконных актов органов власти и решений высших партийных органов только начинает вводиться в научный оборот¹⁷⁸. Важное значение для исследования имеет анализ проектов постановлений ЦК ВКП(б) и органов государственного управления, позволяющий проследить определенную «борьбу мнений» в верхах по тому или иному вопросу, а в совокупности с комплексом сопроводительных документов – истинные мотивы принятия решений (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ). Вследствие фактической неподсудности партийно-государственного руководства в оперативном управлении селом было распространено так называемое телефонное право¹⁷⁹ – трансляция директив по телефону. В связи с низким уровнем телефонизации сельской местности вплоть до начала 1950-х гг. значительная их часть передавалась под запись в телефонизированные пункты для передачи в нетелефонизированные и в таком виде частично сохранилась в фондах обкомов и райкомов ВКП(б) (ГАДНИКО, ф. 27, 30, 42, 55, ГАОО, ф. П-52, ТЦДНИ, ф. 147).

К законодательным материалам примыкают сочинения, выступления лидеров партии и государства (И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, Т. М. Зуевой, Н. А. Михайлова, А. Н. Шелепина и др.), также являвшиеся директивными указаниями для нижестоящих уровней власти и населения¹⁸⁰.

В работе привлекаются материалы центральных партийных, государственных, профсоюзных периодических изданий («Правда», «Партийная жизнь», «Партийное строительство», «Культурно-просветительная работа», «Распространение печати»), областных и районных газет. Ценность периодической печати заключается прежде всего в том, что в ней отражались изменения в идеологии, публиковались важнейшие законы и постановления, содержались рекомендации по реализации директив центра, проявлялись изменения политики в отношении СМИ.

В отличие от подчиненных задачам пропаганды периодических изданий делопроизводственная документация партийных, государственных, хозяйственных учреждений и организаций несравненно более полно отражала положение сельского населения и политику власти. Часть привлеченных документов опубликована ¹⁸¹. По одной из предложенных классификаций делопроизводственных документов ¹⁸² их можно подразделить на: протокольную документацию; деловую переписку; информационные документы; отчетные материалы. Отдельным видом делопроизводственной документации являются статистические источники. Такая классификация делопроизводства до некоторой степени условна, так как границы отдельных групп документов в действительности являются размытыми. В процессе бюрократической обработки информации документы одной группы могли полностью или частично преобразовываться в документы другой. Отчетная документация одновременно использовалась в информационных целях, становилась основанием для разработки решений и постановлений и т. д. В советские годы многие делопроизводственные документы были засекречены, что определялось политической доктриной ВКП(б). Это в первую очередь касалось партийного делопроизводства, которое почти в полном объеме велось по правилам конспирации ¹⁸³. Большой объем этих материалов до сих пор находится на секретном хранении или в режиме ограниченного допуска. Так как центром принятия всех ключевых решений в системе власти были партийные органы, сюда стекался большой объем информативной делопроизводственной

документации. В исследовании задействованы делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах подразделений аппарата ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Бюро ЦК КПСС по РСФСР (РГАСПИ, РГАНИ). С точки зрения видового состава наибольший исследовательский интерес представляют деловая переписка, информационные документы и отчетные материалы. Часть этих документов направлялась в отраслевые отделы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ обкомами партии и комсомола и содержала информацию о положении на местах, просьбы, предложения регионального руководства. Другая часть исходила из самих аппаратов ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ и особенно ценна тем, что содержит данные обследований ситуации на местах их сотрудниками. В них содержится немало свидетельств о реальном положении в той или иной сфере, о котором региональные руководители предпочитали умалчивать. Делопроизводство отраслевых отделов центральных инстанций дополняется документацией местных (областных и районных) комитетов партии и комсомола, выявленных в ГАДНИКО, ЦНИТО, ГАОО, ГАНИСО, ГАБО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ. Наиболее информативными являются стенограммы пленумов и партийных конференций, деловая переписка и информационные документы, особенно если они составлялись не на основе поступающих в обком информации райкомов КПСС, а по итогам командировок работников аппарата обкома в районы. Частью делопроизводства обкомов КПСС являются делопроизводственные документы информационного, делового и отчетного характера, поступавшие из органов МВД, МГБ, прокуратуры, суда, исполкомов Советов. Важной составляющей делопроизводственной документации партийных органов являлись документы кадрового учета, в первую очередь номенклатуры райкомов и обкомов КПСС, списки их актива (ЦНИТО, ГАДНИКО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ). Привлекается также значительный массив делопроизводственной документации, отложившейся в фондах центральных и региональных органов государственной власти и управления (ГАРФ, РГАЭ, РГАЛИ). Среди изученных документов наиболее информативны отчеты о выполнении постановлений ЦК КПСС, постановлений союзного и республиканского правительства, указов Президиумов ВС СССР и

РСФСР, отчеты, информации, докладные записки, характеризующие ситуацию в той или иной отрасли управления в целом по стране и в отдельных регионах. Делопроизводство местных органов власти и управления представлено документами из фондов исполкомов областных, районных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и их отделов (ГАКО, ГАТО), уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР, уполномоченных Совета по делам колхозов (ГАКО, ГАДНИКО, ГАБО).

В исследовании задействован большой массив статистических материалов, в основном хранящихся в центральных и региональных архивах. Статистика КПСС представлена данными о численности, составе и распределении сельских первичных партийных организаций, сети партийного просвещения, о составе и движении руководящих работников сельских районов, колхозов, совхозов и МТС. Данные о сельских первичных парторганизациях за 1945 – начало 1960-х гг. содержатся в статистических сборниках, выпускавшихся ограниченным тиражом для узкого круга партийного руководства (РГАНИ, ф. 77, оп. 1), а также в документах организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 122). Они дополнены сведениями из изданий по истории региональных парторганизаций Центрального Нечерноземья, увидевших свет в 1960–1980-е гг., и материалами партийной статистики из фондов обкомов КПСС. Основной объем партийной отчетности о составе и сменяемости руководящих кадров на селе исследован в фондах обкомов КПСС (ГАДНИКО, ЦНИТО, ГАОО, ГАНИСО, ЦДНИ ГАЯО, ТЦДНИ). Сведения об этом также присутствуют в ряде делопроизводственных документов организационно-инструкторского отдела, Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 122), отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)–КПСС (РГАНИ, ф. 5, оп. 15). Ряд привлеченных документов опубликован¹⁸⁴.

Задействованную статистику центральных и региональных государственных учреждений можно подразделить на статистику кадрового состава и деятельности низовых органов советской власти и правлений колхозов; статистику деятельности сельских учреждений культуры и средств массовой информации;

статистику развития средств связи; данные о количестве действующих храмов РПЦ и основных показателях религиозности; о социальных девиациях. В связи с отсутствием многих необходимых показателей в изданиях советского периода значительная часть статистических данных выявлена в архивах. Сведения о кадровом составе и деятельности сельских и поселковых Советов изучены в фонде Верховного Совета РСФСР и фонде Калужского облисполкома. Данные о деятельности учреждений культуры на селе содержатся в фондах ЦСУ РСФСР, Министерства культуры РСФСР, Министерства кинематографии РСФСР, Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР, МГК РСФСР, обществ по распространению политических и научных знаний РСФСР и СССР, Государственного комитета по телевидению и радиовещанию при СМ СССР. Данные о тиражах центральной и местной прессы взяты из статистических сборников «Печать в СССР в ... году», а также из фонда ЦСУ РСФСР (ГАРФ). Часть данных о количестве сельских учреждений культуры, тиражах центральных газет взята из статистических сборников «Народное хозяйство РСФСР в 19... году»¹⁸⁵. Сведения о развитии на селе средств связи содержатся в фонде ЦСУ при СМ СССР, о количестве действующих храмов РПЦ и религиозности населения - в фонде Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Вспомогательный для нашего исследования характер носили сведения о численности сельского населения, количестве населенных пунктов, колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов в разрезе областей, привлекавшиеся для вычисления показателей охвата деятельностью культпросветучреждений, проникновения радио, телефонной связи и т. д. Источниками этих данных стали статистические сборники «Народное хозяйство РСФСР в 19... году», фонды Верховного Совета РСФСР (ГАРФ, ф. А-385, оп. 46), ЦСУ РСФСР (ГАРФ, ф. А-374, оп. 1, 10, 11, 30, 31), ЦСУ СССР (РГАЭ, ф. 1562, оп. 11).

Анализируемые в диссертации источники личного происхождения представлены письмами крестьян и людей, наблюдавших жизнь деревни со стороны (например, будучи в отпуске, командировке и т. д.), во властные инстанции, вождям, региональному руководству, в СМИ, общественные

организации. Хотя абсолютное большинство сельского населения не являлось носителями «книжной» культуры, склонными к рефлексии, деревня оставила богатое эпистолярное наследие. В работе над диссертацией было выявлено в архивах и проанализировано более пяти тысяч писем, затрагивающих разные стороны взаимоотношений власти и деревни. Принципами отбора писем выступали отказ от официальных подборок, горизонтальный просмотр, а не следование иерархической организации хранения; отбор писем, в центре которых обсуждение конкретного случая, прежде всего разовых обращений; выделение базовых архивных фондов, содержащих послания в разные органы, ряду партийных и государственных деятелей, и дополнение их посланиями, содержащимися в других фондах; расширение выборки для достижения относительно полного понимания структуры заключенной в письмах многослойной информации; соблюдение при отборе хронологических и географических рамок исследования ¹⁸⁶. Основной корпус задействованных в исследовании писем исследован в региональных архивах, в основном в фондах Калужского, Тульского, Орловского, Смоленского, Ярославского обкомов КПСС, Тверского обкома КП РСФСР, ряда райкомов партии этих областей, фондах Калужского, Тульского и Смоленского обкомов ВЛКСМ, фондах уполномоченного Совета по делам РПЦ по Калужской области, уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ярославской области, уполномоченного Совета по делам колхозов при СМ СССР по Брянской области. Отдельные важные для исследования письма выявлены в фондах ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Совета Министров СССР, Комитета по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР, фондах Совета по делам колхозов при СМ СССР, Совета по делам РПЦ при СМ СССР. Некоторые привлеченные письма опубликованы ¹⁸⁷.

Важным источником для анализа изменений в буднях власти и крестьянства Центрального Нечерноземья являются материалы комплексных этнографических и историко-социологических обследований деревни Центрального Нечерноземья, выполненные в 1950–1960-х гг. и в недавнее время ¹⁸⁸. Акцентирование внимания на документах регионального и местного уровня, источниках личного

происхождения, привлечение материалов этнографических и социологических исследований колхозной деревни формирует в целом репрезентативную источниковую базу диссертационного исследования и обеспечивает изучение будничного среза проблемы модернизации взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья.

Методологической базой исследования являются принципы объективности, историзма и системности, реализующиеся в общеисторических и специальных методах. Так, историко-генетический метод позволил установить причинно-следственные связи в процессах трансформации повседневных взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья, описать и охарактеризовать происходившие изменения. Историко-сравнительный метод применялся при изучении изменений в разных сферах взаимоотношений, а также исторической динамики разных институтов внутри каждой из сфер. Историко-типологический метод позволил выявить качественные изменения характера взаимоотношений власти и деревни. Историко-системный метод обеспечил возможность классификации институтов, в которых происходили взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья середины 1950-х – начала 1960-х гг., комплексный взгляд на их модернизацию. Статистические методы позволили систематизировать первичный материал, рассчитывать и группировать показатели, вычислять средние и относительные величины, выстраивать их в динамические ряды.

Акцент на будничном срезе взаимоотношений власти и сельского населения потребовал привлечения методологического инструментария отечественных и зарубежных исследователей проблемы повседневного, наработок исторической антропологии, достижений тоталитарного и ревизионистского направления западной историографии изучения советской истории¹⁸⁹. Под повседневным в данном исследовании понимается сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что предполагает комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего образ жизни,

включая эмоциональные реакции и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день». Ключевым в определении повседневного является регулярно повторяемое¹⁹⁰. Повседневность – один из способов освоения мира или способов человеческой активности. Ее исток – в способности перерабатывать любые объекты в одном и том же направлении, придавать им один и тот же облик. Можно согласиться с В. Н. Сыровым, что базисные компоненты обыденного мира концентрируются вокруг вопроса «как», а не «что», позволяя рассматривать повседневность как некую упорядочивающую действительность структуру. Тем самым повседневность предстает в виде своеобразной машины по производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов. Такой способ ее действия можно назвать кодом¹⁹¹. О скрытом за вещами, бытом культурном коде, позволявшем понять общественную позицию человека, мотивацию его поведения, писал Ю. М. Лотман¹⁹². Необходимое внимание к деталям – не тяга к иллюстрированию, а стремление «отыскать в истории то, что выражало «дух времени», соотнести частное существование человека с ходом исторических событий...»¹⁹³. Задействование категории повседневности также определяется состоянием источниковой базы, испытавшей значительное нивелирующее влияние идеологии: акцент на деталях, источниках личного происхождения позволяет до некоторой степени дистанцироваться от этого.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной историографии на материалах села Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. ставится проблема трансформации повседневных взаимоотношений власти и сельского населения применительно к механизму власти, сферам культуры и религиозности вне прямой связи со сферой «большой политики», что позволяет по-новому взглянуть на ее динамику, характер и специфику. Кроме того, новым для историографии села Центрального Нечерноземья является изучение этих взаимоотношений на низовом (районном и

сельском) уровне. Это потребовало привлечения наряду с традиционным исследовательским инструментарием подхода повседневности – сравнительно нового для историографии послевоенной деревни и позволило осветить ряд мало или почти не исследованных аспектов проблемы: состояние и реформы районного звена управления в 1950-е – начале 1960-х гг. и их восприятие деревней, будничные чрезвычайные практики власти, их постепенное вытеснение формализованным политическим контролем, трансформацию взаимоотношений колхозного населения и председательского корпуса под влиянием повышения статуса председателей и укрупнения колхозно-совхозного производства, динамику доступности основных форм официальной культуры, механизм взаимовлияния официального и традиционного пластов культуры села, трансформацию его будничной религиозности под влиянием дифференцированной секуляризации, соотношение легальной и нелегальной сторон религиозности. В результате исследования удалось определить грань, когда изменения в изучаемых сферах стали приобретать системный характер и выходить за рамки характеристик традиционного общества. Большинство задействованных в диссертации источников из более шестидесяти фондов пяти федеральных и девяти региональных архивов вводятся в научный оборот впервые. Источники обработаны по оригинальной авторской методике.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1). К концу сталинской эпохи механизм управления селом Центрального Нечерноземья, стержнем которого был местный партаппарат, переживал кризис функционирования, основанного на чрезвычайщине. Обостряется проблема «районных будней» – поиска более эффективной и легитимной системы управления. В начале 1960-х гг. на смену сталинскому механизму управления приходит систематический контроль управленцев-специалистов на основе развитых неформальных связей, низовых структур и формализованных процедур.
- 2). В конце сталинской эпохи сельский социум старался активно приспособиться к аграрной политике и механизму управления. Развитие формальных и неформальных возможностей партаппарата и руководителей укрупненного

колхозно-совхозного производства в ходе десталинизации было воспринято как увеличение социального отрыва деревни от иерархии ее руководителей. Социальная активность сельских жителей с приспособления переключалась на миграцию в города.

3). В заключительные годы сталинской эпохи сфера официальной культуры села оставляла достаточно пространства для бытования традиционной культуры. Основная нагрузка по трансляции официального дискурса лежала на культпросветучреждениях вследствие неразвитости кинофикации и СМИ.

4). Ускорившееся в середине 1950-х гг. развитие кинофикации и СМИ, превосходивших возможности стагнирующего сельского культпросвета, становится важнейшим фактором вытеснения традиционной культуры села в досуге, семейной и общественной жизни. Власти замещают ее «тотальной» советской обрядностью и досуговой культурой. Их рецепция селом ускоряется.

5). Под натиском официальной культуры и атеистической политики к началу 1960-х гг. в основном завершается переход от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры деревни к массовой секуляризованной культуре. Распадается целостность крестьянского религиозного мировоззрения.

6). В результате дифференцированной секуляризации религиозная традиция делится на легальную и нелегальную. Вместительной легальной становится официальная РПЦ, а нелегальной (и зачастую – неканоничной) – активность верующих у подпольных молелен, часовен и местных святынь, то есть много проявлений «малой» духовной традиции деревни.

7). На протяжении 1945 – начала 1960-х гг. граница легальности неуклонно перемещалась по пространству религиозности, сокращая количество легально действующих церквей и спектр допускаемого для верующих и духовенства. Форсированное сворачивание религиозности стартует в 1958 г.

8). Форсированная секуляризация углубляет трансформацию религиозности сельского населения, проявляющуюся в локализации религиозных общин, росте обрядоверия, профанации обрядности, перетекании религиозности в нелегальную

сферу, постепенном угасании ее неканоничных форм и нивелировании былого многообразия к началу 1960-х гг.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов и системы аргументации при ведении курса новейшей истории Отечества в учебных заведениях высшего профессионального образования, в средних общеобразовательных учреждениях, при подготовке спецкурсов по социальной истории, истории повседневности советского общества и деревни послевоенных лет.

Выводы и положения диссертации были апробированы в выступлениях автора на методологических семинарах кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в выступлениях на сессиях Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы (2004, 2006, 2008, 2010, 2014 гг.), в рамках авторского спецкурса по истории советской деревни 1940–1960-х гг. на историческом факультете Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского в 2006–2015 гг., в монографиях и статьях.

Диссертационное исследование состоит из введения, шести глав, заключения, перечня источников и литературы, условных сокращений.

Примечания к введению

¹ Политология. Энциклопедический словарь / сост. общ. и ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993. С. 252. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. Пред. науч.-ред. совета Г. Ю. Семигин. М., 1999. С. 157. *Бачинин В. А.* Политология. Энциклопедический словарь. СПб., 2005. С. 179. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Фесенко, В. Ю. Погорелый, К. В. Филиппов. Ростов-н/Д., 2010. С. 185.

² Более подробно о концепции социального иммунитета см.: Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387–406.

³ Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электростанции в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000. С. 13–14. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 61–62.

⁴ Политология. Энциклопедический словарь. С. 40, 43–44, 45.

⁵ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29. Д. 2391. Л. 19, 20, 28, 29, 37, 38.

⁶ ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 4521. Л. 3, 3 об.

⁷ Пронькина А. В. Национальные модели массовой культуры США и России: культурологический анализ. Рязань, 2009. С. 105–106.

⁸ Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 8, 10–11.

⁹ Димони Т. М. Политика экономической модернизации сельского хозяйства России в 1930-е – первой половине 1960-х гг. // Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса / науч. ред. М. А. Безнин, Т. М. Димони. Вологда, 2006. С. 39–77. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930-1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. Их же. Аграрный строй России 1930-1980-х годов. М., 2014.

¹⁰ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2001. С. 350–358. Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М., 2008. С. 253–261. Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / отв. ред. А. П. Скорик. Ростов-н/Д., 2005. С. 101.

¹¹ *Кометчиков И. В.* Власть и общество в освобожденных районах Калужского края (конец 1941 – 1945 гг.) // Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков и др. Редколл.: В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. Калуга, 2015. С. 192–247. Его же. Калужская область в послевоенные десятилетия (1944–1960-е гг.) // Калужский край в XX веке / редколл. М. А. Казак, В. Я. Филимонов, Д. Э. Миронов. Калуга, 2014. С. 311–396.

¹² *Димони Т. М.* Политика экономической модернизации. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930-1980-х годов.

¹³ Состав областей Центрального Нечерноземья РСФСР приводится согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 19 сентября 1963 г. «Об уточнении состава экономических районов СССР» (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области). См.: Справочник партийного работника. Вып. 5 / редколл. В. Н. Малин и др. М., 1964. С. 161, 162.

¹⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статезежегодник. М., 1965. С. 12.

¹⁵ *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946-1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 26, 31–32, 34, 39–43.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34–35. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 12.

¹⁹ *Горбачев О. В.* На пути к городу С. 48, 49, 51.

²⁰ Там же. С. 107–111.

²¹ *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 – середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 449–457. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2005. С. 45.

²² *Никитаева Е. Б.* Указ. соч. С. 444.

-
- ²³ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М., 2001. С. 288-289. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 3, кн. 1. С. 47.
- ²⁴ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 3, кн. 1. С. 50.
- ²⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 66. Л. 114, 115.
- ²⁶ *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 302, 303.
- ²⁷ *Кометчиков И. В.* Власть и общество в освобожденных районах Калужского края. С. 210–211.
- ²⁸ Его же. «Нам надо было оставаться в Германии...»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. // *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. (1–3 июля 2015 г.)»* / Редколл.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. Брянск, 2015. С. 306–307.
- ²⁹ Его же. Власть и общество в освобожденных районах Калужского края. С. 243. Подсчитано: *Комаров Д. Е.* Указ. соч. С. 364, 365. *Мозохин О. Б.* Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР // [Электронный документ]. Сайт «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/255> (дата обращения: 18.11.2015).
- ³⁰ *Волков И. М.* Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // *Проблемы истории советской деревни 1946–1973 гг.* / отв. ред. М. П. Ким, зам. отв. ред. И. М. Волков. М., 1975. С. 105. *Данилов В. П.* Изучение аграрной истории советского общества // *Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5* / отв. ред. М. В. Нечкина, зам. гл. ред. Е. Н. Городецкий. М., 1985. С. 515. *Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950* / отв. ред. И. М. Волков. М., 1978. С. 4.
- ³¹ *История ВКП(б). Краткий курс.* М., 1938. С. 327, 328, 329, 336. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 231, 232, 589, 606. *Исторический материализм* / под общ. ред. В. Ф. Константинова. М., 1950. С. 364, 698, 654–655,

657–658, 726–727. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева. М., 1954. С. 366–371. Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М., 1953. С. 221–229.

³² *Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. - М., 1949. *Абросенко К.* О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949.

³³ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 305–306, 306–307, 308.

³⁴ Там же. Т. 8. С. 303–304, 305. Т. 9. С. 16–17.

³⁵ *Викентьев А. И.* Очерк развития народного хозяйства СССР (1951–1958 гг.). М., 1959. *Александров П.* О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. М., 1954. С. 21–30. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / ред. И. А. Гладков. М., 1965. С. 253–261.

³⁶ См., например: За крутой подъем социалистического сельского хозяйства / под ред. Н. В. Васильева. М., 1954. С. 115–129, 133–134, 195–202.

³⁷ *Костецкий М., Федосеева Н.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период. 1945-1953 гг. М., 1961. *Каторгин И. И.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенные годы. (1945-1953 гг.). М., 1960. *Морехина Г. Г.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период. 1945-1953 гг. М., 1955.

³⁸ *Бромберг Л. М., Широков В. Г.* Борьба партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период (1945-1953 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1963. № 1. С. 80–81. *Лактионов И. Д.* КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. Челябинск, 1962. С. 25, 27, 38, 39, 40–41, 43.

³⁹ *Окорочов В. Н.* Деятельность КПСС по укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Горький, 1966. С. 7, 85, 86. *Тишков И. А.* Борьба

Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического сельского хозяйства в послевоенный период (1945–1953 гг.). М., 1960. С. 63.

⁴⁰ *Лактионов И. Д.* Указ. соч. С. 8, 13, 20, 50.

⁴¹ *Култышев С. С.* Рост рядов партии в 1945-1950 гг. // Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 72.

⁴² *Лосев А. В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1946-1964 гг.). Воронеж, 1965. С. 4.

⁴³ *Белов В.* Сельское хозяйство на пути подъема // Калужская область за сорок лет / Ред. колл. А. К. Сургаков, В. М. Косачев, В. В. Соловьев, Н. А. Рыбин и др. Калуга, 1957. С. 167–171. *Герасимов Н. В.* Культпросветработа в Ярославской области в годы 4-й пятилетки // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль, 1957. С. 135–153. *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945–1953 / отв. ред. В. Е. Быстров. М., 1955. *Синцов Н. Д.* Наши учреждения культуры. Система культурно-просветительной работы в СССР. М., 1957. И др.

⁴⁴ Рязанское село Кораблино. История, экономика, быт, культура, люди села / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. Рязань, 1957. С. 406–410, 425–437. Кораблино – село русское / отв. ред. и рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. М., 1961. С. 173–175. Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. // [Электронный документ]. Сайт «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/25159> (дата обращения: 21.07.2015). *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 342–343, 350–353.

⁴⁵ *Грушин Б. А.* Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 60-74. Его же. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 41–68.

-
- ⁴⁶ *Данилов В. П.* Изучение аграрной истории советского общества // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5 / отв. ред. М. В. Нечкина, зам. гл. ред. Е. Н. Городецкий. – М., 1985. С. 520.
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 244, 245.
- ⁴⁸ *Волков И. М.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в первые послевоенные годы // История СССР. 1973. № 1. С. 9–10.
- ⁴⁹ *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее результаты. Саратов, 1967.
- ⁵⁰ *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. Его же. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 3–19. Его же. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков. С. 102–129.
- ⁵¹ *Вылцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. М., 1976. *Чистяков В. Б.* Подготовка кадров руководителей колхозного производства в 1946–1950 гг. // Проблемы истории современной советской деревни. С. 371–379. *Денисов Ю. П.* Кадры председателей колхозов в 1950–1958 гг. // История СССР. 1971. № 1. *Тюрина А. П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946–1958. М., 1973.
- ⁵² Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. М., 1970. С. 338–368.
- ⁵³ Советы за 50 лет / Гл. ред. С. Ф. Найда. М., 1967. *Лепешкин А. И.* Советы – власть народа. 1936–1967 гг. М., 1967.
- ⁵⁴ *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – Изд. 3-е, доп. М., 1983.
- ⁵⁵ *Дубонос Д. И.* Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.) / отв. ред. В. М. Резванов. Ростов-

н/Д., 1970. *Коркоценко Д. И., Куликов В. И.* Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства. (1948-1958 гг.). М., 1974.

⁵⁶ Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1968. С. 281–341. Очерки истории Тульской организации КПСС. Тула, 1967. С. 484–560. Очерки истории Тульской организации КПСС. В 2 кн. Кн. 2. 1937–1983. Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. И. Х. Юнак, зам. отв. ред., рук. авт. колл. Н. Т. Марков. Тула, 1984. С. 80–106. Очерки истории Калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. Тула, 1967. С. 288–319. История Калужской партийной организации (иллюстрированный очерк) / предисл. и общ. ред. А. П. Бекасова. Тула, 1978. С. 166–195. Очерки истории Костромской организации КПСС / отв. ред. М. И. Синяжников, зам. отв. ред. Б. А. Миловидов. Ярославль, 1967. С. 304–331. Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966. Очерки истории Рязанской организации КПСС / гл. ред. Н. С. Приезжев. М., 1974. С. 369–380. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938-1965 гг. / науч. ред. В. Т. Анисков. Ярославль, 1990. С. 112–132. Очерки истории Смоленской организации КПСС / пред. ред. колл. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. М., 1970. С. 370–398. Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 332–353. Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. Изд. 2-е, доп. М., 1972. С. 350–377. Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. ред. колл. В. И. Смирнов. М., 1971. С. 512–551. Очерки истории Орловской организации КПСС / отв. ред. Н. Е. Афанасьев. Тула, 1967. С. 269–304.

⁵⁷ *Будаев Д. И., Рябков Г. Т.* История сельского хозяйства и крестьянства Западного региона РСФСР. Конференция в Смоленске // История СССР. 1978. № 5. С. 221. *Чигринов Г. А.* Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40–50-х годов // История СССР. 1982. № 4. С. 116–124. *Иванов Н. С.* Численность и состав крестьянства центральных областей нечерноземной зоны РСФСР (1951–1958 гг.) // Проблемы истории советского крестьянства / отв. ред. М. П. Ким, зам. отв. ред. И. М. Волков. М., 1981. С. 205–213.

⁵⁸ История КПСС. В 6 т. / пред. ред. колл. П. Н. Федосеев. Т. 5. Кн. 2. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1959 гг. / рук. ред. колл. тома А. Д. Педосов. М., 1980.

⁵⁹ Денисов Ю. П. Развитие колхозной демократии (1946-1970). Ростов-н/Д., 1975. Денисов Ю. П., Ивницкий Н. А. Развитие колхозной демократии (1917-1977 гг.) // Проблемы истории советского крестьянства. С. 226–239.

⁶⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950 / отв. ред. И. М. Волков. М., 1978. С. 158, 159, 163.

⁶¹ Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. М., 1974. С. 3, 4, 5, 184–223, 257. Культурное обслуживание трудящихся Нечерноземной зоны. Вопросы теории и практики / сост. Л. С. Лаптева. М., 1981. Красильников Ю. Д. Культурно-просветительная деятельность развитого социалистического общества. М., 1983. Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П. История культпросветработы в СССР. Киев, 1983. С. 4, 6, 177–204. И др.

⁶² Парыгин Б. Д. Что такое социальная психология. Л., 1965. Его же. Общественное настроение. М., 1966. Его же. Социальная психология как наука. Изд. 2-е. Л., 1967. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967. Левыкин И. Т. Теоретические и методологические проблемы психологии колхозного крестьянства. М., 1975. Его же. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел, 1970. Уледов А. К. Структура общественного сознания. Теоретико-социологическое исследование. М., 1968. Его же. Актуальные проблемы социальной психологии. М., 1981. Вдовин А. И., Дробижев В. З. Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества // История СССР. 1971. № 5. С.24–41.

⁶³ Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села / под ред. проф. В. Б. Островского. Саратов, 1979. С. 256–258.

Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / Под ред. В. Г. Карцова. М., 1968. С. 253–406. Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917–1967). Воронеж, 1967. Сельская молодежь. Социологический очерк / сост. И. Т. Левыкин. М., 1970. *Арутюнян Ю. В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968.

⁶⁴ *Амвросов А. А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1972. *Староверов В. И.* Город или деревня. Наше общество сегодня и завтра. М., 1972. Его же. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975. Его же. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976. Его же. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. *Венжер В. Г.* Гармоническое соединение земледелия и промышленности - условие окончательного устранения классовых отношений между городом и деревней // Стирание классовых различий в условиях развитого социализма / под ред. В. Г. Венжера. М., 1980. С. 10–25. *Яковлева Е. Н.* Основные направления изменений социальной структуры советского общества на этапе развитого социализма // Там же. С. 26–38. *Костыгова О. В.* Участие трудящихся в управлении общественным производством и стирание классово-социальных различий // Там же. С. 60–80. *Сенявский С. Л.* Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.). М., 1982. С. 149–186, 241–266. *Зубкова Е. Ю.* К вопросу о развитии процессов сближения социально-классовых структур города и села в условиях зрелого социализма // Социально-классовые отношения в советском обществе / редколл. Ю. А. Поляков (отв. ред.), В. П. Дмитренко, Е. И. Пивовар. М., 1984. С. 50–74.

⁶⁵ *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. С. 69, 70, 71.

⁶⁶ Исторический материализм. С. 590–591. *Гордиенко Н. С.* Основы научного атеизма. М., 1988. С. 125–137. *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. Изд. 2-е, доп. М., 1985. С. 192–203. *Арсенкин В. К.* Кризис религиозности и молодежь. Методологические аспекты исследования / отв. ред. В. Д. Тимофеев. М., 1984.

С. 65–67, 78–80. Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь и история СССР / отв. ред. П. К. Курочкин. М., 1980. С. 235–238. Коновалов Б. Н. Атеизм в социалистическом обществе // Там же. С. 246–253. Религия и церковь в современную эпоху / редколл. Л. Н. Великович, В. И. Гараджа и др. М., 1976. С. 92–93. Яблоков И. Н. Социология религии. М., 1979. С. 137–146, 160–168. Демьянов А. И. Истинно православное христианство / науч. ред. А. И. Клибанов. Воронеж, 1977. Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 250–254.

⁶⁷ *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее результаты. Саратов, 1967. С. 271, 279.

⁶⁸ *Москаленко А. Т., Квардаков А. И.* Секуляризация сознания и быта крестьянства в процессе строительства социализма в Сибири // Культурное развитие сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гуцин. Новосибирск, 1980. С. 315–317. Зоц В. А. Культура. Религия. Атеизм. М., 1982. С. 79. И др.

⁶⁹ *Симуш П. И.* Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. 1983. № 3. С. 3, 4, 6, 8, 10. *Поляков Ю. А., Писаренко Э. И.* Исторические аспекты изучения советского образа жизни (к постановке вопроса) // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 3–14. *Касьяненко В. И.* Роль КПСС в формировании социалистического образа жизни. М., 1979. Его же. Советский образ жизни. История и современность. М., 1985. Социалистический образ жизни. Политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневого, сост. В. В. Пошатаев. М., 1986. Социалистический образ жизни и новый человек / под общ. ред. А. И. Арнольдова, Э. А. Орловой. М., 1978. *Ефимов Н. И.* Советский образ жизни. М. 1983. Советский образ жизни: сегодня и завтра / сост. В. И. Добрынина. М. 1976. *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979. Социалистический образ жизни / ред. М. Н. Руткевич, Г. Е. Глезерман, С. С. Вишневский. М., 1980.

⁷⁰ КПСС в резолюциях. Т. 11. С. 244, 245. *Волков И. М., Данилов В. П., Шерстобитов В. П.* Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. 1977. № 3. С. 13–14. *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни в период социализма (некоторые итоги разработки и задачи исследования темы) // История СССР. 1982. № 4. С. 23.

⁷¹ *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. С. 324–325.

⁷² *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни 1948–1958 гг. М., 1978. С. 237–241.

⁷³ *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни 1948–1958 гг. Его же. Общественно-политическая жизнь крестьянства // История крестьянства СССР. В 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х гг. / отв. ред. и автор предисл. И. Е. Зеленин. М., 1988. С. 158–174. Его же. Общественно-политическая активность советского крестьянства // Там же. С. 307–324. Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. С. 407–448.

⁷⁴ *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни. С. 237.

⁷⁵ *Friedrich Carl J., Brzezinski Zb.* Totalitarian dictatorship and autocracy. – Cambridge (Mass.), 1965. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В.Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Попова. М., 1996. Тоталитаризм, что это такое? Исследования зарубежных политологов: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. В 2 ч. Ч. 2 / Л. Н. Верченков, Ю.И.Игрицкий. М., 1993. С. 90, 91. *Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. С. 21–27. *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007. С. 48–61.

-
- ⁷⁶ *Фейнсон М.* Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л. А. Кузьмина, вступ. статья и ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1995. *Кодин Е. В.* «Гарвардский проект». М., 2003.
- ⁷⁷ *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм / пер. с фр. Г. И. Семенова. М., 1993.
- ⁷⁸ *Масловский М. В.* Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. Н. Новгород, 2003. С. 90.
- ⁷⁹ *Некрасов А. А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 124–140.
- ⁸⁰ *Некрасов А. А.* Указ. соч. С. 140–157. *Меньковский В. И.* Указ. соч. С. 124–169. *Кодин Е. В.* Смоленщина как объект исторических исследований в послевоенной американской советологии // Сталинизм и российская провинция: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общ. ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1999. С. 27–41.
- ⁸¹ *Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб., М., 2001. С. 238–214. *Масловский М. В.* Советская модель модерна в современной исторической социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 81.
- ⁸² *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. *Масловский М. В.* Советская модель модерна. С. 76–85.
- ⁸³ *Масловский М. В.* Теории исторической макросоциологии. С. 95–98.
- ⁸⁴ *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 102–103, 170, 354, 613. *Геллер М. Я.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. // [Электронный документ]. URL: <http://www.twirpx.com/file/625928/> (дата обращения: 10.07.2015). *Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России 1917—1995. В 4. т. Т. 1. Утопия у власти 1917—1945. М., 1996 // [Электронный документ]. Сайт «Библиотека Якова Кротова». URL: http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_20a.html#_Тoc86078752 (дата

обращения: 10.07.2015). *Авторханов А. Г.* Технология власти // [Электронный документ]. Сайт «Библиотека Максима Мошкова». URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/AWTORHANOW/tehnologiq.txt> (дата обращения: 10.07.2015).

⁸⁵ *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность // [Электронный документ]. Сайт, посвященный А. А. Зиновьеву. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf> (дата обращения: 10.07.2015).

⁸⁶ *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер, с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998. Росту В. В. Стадии экономического роста / пер. с англ. Нью-Йорк, 1961. *Лейбович О. Л.* Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996. С. 8. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 9.

⁸⁷ *Лейбович О. Л.* Модернизация в России. С. 23–27, 58. *Побережников И. В.* Указ. соч. С. 61, 62, 64–65.

⁸⁸ *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 17. *Васильев Ю. А., Лельчук В. С.* Сталинизм и социальная модернизация // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. / отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2005. С. 169–182. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010. С. 416–421.

⁸⁹ *Вишневский А. Г.* Указ. соч. С. 418.

⁹⁰ *Согрин В. В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость. Размышление над монографией Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи» // *Общественные науки и современность.* 2002. № 1. С. 160.

⁹¹ *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

⁹² Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000. С. 69, 71.

-
- ⁹³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. В 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 332–334. Его же. История СССР с социологической точки зрения: о книге А. Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Социальная история. Ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин, А. К. Соколов. М., 2000. С. 333.
- ⁹⁴ *Скорик А. П., Бондарев В. А.* Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт // [Электронный документ]. Интернет-издание pandia.ru. URL: <http://pandia.org/text/78/214/92989.php> (дата обращения: 16.08.2015). Бондарев В. А. Указ. соч. С. 97, 98, 566–568, 576.
- ⁹⁵ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 333.
- ⁹⁶ *Вишневский А. Г.* Указ. соч. С. 271–275, 288.
- ⁹⁷ *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация. С. 67, 78, 85.
- ⁹⁸ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000. С. 68–70.
- ⁹⁹ Тоталитаризм в Европе XX века. С. 510.
- ¹⁰⁰ *Красильщиков В. А.* Указ. соч.
- ¹⁰¹ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006. С. 7. Его же. Трансформации аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / под ред. Х. Окуда. Токио, 2005. С. 286.
- ¹⁰² *Мазур Л. Н.* Политика интенсификации сельскохозяйственного производства в СССР в 1960–1980-е гг. специфика советского опыта // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 499.
- ¹⁰³ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. Их же. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.
- ¹⁰⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. С. 41, 509–510. *Вишневский А. Г.* Указ. соч. С. 175–215. *Карелин Е. Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М., 2014. С. 10, 387–390, 393–394. Его

же. Исторический опыт инновационного регионального управления в России // Местное управление и самоуправление: прошлое и настоящее. Проблемы и перспективы развития (к 300-летию образования Смоленской губернии). Смоленск, 2010. С. 37–49.

¹⁰⁵ *Комаров Д. Е.* Указ. соч. С. 331–332. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов, науч. ред. Н. В. Елисеева. М., 2014. С. 276–277, 278, 293, 556.

¹⁰⁶ *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С. 439–462. *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма. В 2 кн. Кн. 2. Апогей / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург, 1997. С. 19–29, 152–161. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 58, 275, 276, 282.

¹⁰⁷ *Попов Г. Х.* Блеск и нищета административной системы. Экономика, политика, литература. М., 1990. *Попов В., Шмелев Н.* На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 314–317. *Гордон Л., Клопов Э.* Сталинизм и постсталинизм: необходимость преодоления // Там же. С. 462–463, 476–477, 480. *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов (История 20–30-х годов и современная общественная мысль) // Уроки дает история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева. Сост. А. А. Ильин. – М., 1989. С. 238–267. *Коржухина Т. П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 17–28, 245.

¹⁰⁸ *Бессонова О. Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. Ее же. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997. *Кордонский С. Г.* Ресурсное государство. М., 2007. Его же. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 41–72.

¹⁰⁹ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Москва–Вологда, 1991. С. 222–224, 226, 227. Его же. Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950–1965 годах // История СССР. 1990. № 3. С. 27–40. Его же. Крестьянский двор Российского Нечерноземья. 1950–1965 гг. // Отечественная история 1992. № 3. С. 16–29. Его же. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е – первой половине 60-х гг. // История СССР. 1991. № 1. С. 69–85.

¹¹⁰ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов / отв. ред. И. Е. Зеленин. М., 1992. *Иванов Н. С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 416–435. *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня // Там же. С. 436–462.

¹¹¹ *Денисова Л. Н.* Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995. С. 163–164. Ее же. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы / отв. ред. В. В. Кабанов. М., 1996. С. 213–214.

¹¹² *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.

¹¹³ *Горбачев О. В.* На пути к городу. С. 20–21, 23.

¹¹⁴ *Наухацкий В. В.* Модернизация сельского хозяйства и российская деревня 1965–2000 гг. Ростов-н/Д., 2003. С. 4–9, 189.

¹¹⁵ *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание». (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 110–113, 119, 121. Его же. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / Отв. ред. В. П. Дмитренко. М., 1996. С. 208–209. *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Сб. документов. Париж, 1992. Его же. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.) М., 1993. Его же. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 59–60. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство. С. 53.

¹¹⁶ *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин, под ред. А. В. Гордона. М., 1992. С. 203–210. Его же. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Там же. С. 285–286. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 4–16.

¹¹⁷ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е годы) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81. Их же. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX век). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 160.

¹¹⁸ Их же. Социальный протест колхозного крестьянства. С. 81. *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. С. 227. Его же. Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, октябрь 1992 г. Ч. II. Вологда, 1992. С. 63–65.

¹¹⁹ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства. С. 85–95. Их же. Крестьянство и власть в России. С. 160. *Димони Т. М.* Северное крестьянство и власть: формы противостояния в общественно-политическом конфликте (1945–1960 гг.) // Северная деревня в XX веке. Актуальные проблемы истории. Выпуск 2 / гл. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2001. С. 108–124.

¹²⁰ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства. С. 96.

¹²¹ Их же. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 578–605.

¹²² *Богданов В. А.* Указ. соч. С. 574–576.

¹²³ *Макаров А. А.* Молодежное сопротивление тоталитарному режиму, 1945–1953 гг. // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2011 г. / под ред. Е. В. Кодина. М., 2011. С. 511–519. *Проценко П. Г.* Опыт сопротивления

советскому тоталитаризму «человека Церкви» // Там же. С. 329–337. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3 / сост. А. А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М., 2005. С. 12–13. *Костяшов Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.

¹²⁴ *Костяшов Ю. В.* Указ. соч. С. 81–84, 105, 123, 190–207.

¹²⁵ *Вербицкая О. М.* Указ. соч. С. 13, 178–191.

¹²⁶ *Клюско Е. М.* Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945 – 1985 гг.): Теоретико-методологический и исторический аспекты. 3-е изд. М., 2007. С. 23–24, 26, 48–50, 61–89, 154.

¹²⁷ *Литовкин Е. В.* Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте. М., 2004. С. 54–57, 141–142, 300–306. Его же. Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань, 2004. С. 11–12, 179, 180, 181.

¹²⁸ *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1999. [Электронный ресурс]. Сайт о журналистике, рекламе и PR «Evartist». URL: <http://www.evartist.narod.ru/text/51.htm> (дата обращения: 24.08.2015).

¹²⁹ *Попов В. П.* Экономическая политика Советского государства 1946–1950 гг. Тамбов, 2000. Его же. Хлеб как объект государственной политики. С. 49–66. Его же. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76. Его же. «Второй и важнейший этап» (об укреплении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27–50. Его же. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005. С. 87–91, 112–118. Его же. Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946–1953). Изд. 2-е, испр. М., 2002. С. 34–111, 115–124, 131–151. *Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 207–246. Его же. Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная

история. 2006. № 6. С. 106–119. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. *Томилин В. Н.* Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954-1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93. *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. С. 128-145. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. В 3 т. Т. 1. 1945–1964. М., 2009. С. 58–75, 345–359.

¹³⁰ *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер с англ. М, 2011. С. 183–191.

¹³¹ *Волков И. М.* Засуха, голод 1946-1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 4–5. Его же. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 116–117. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. С. 6, 9, 236. Его же. Голод, медицина, власть: 1946–1947 годы // Отечественная история. 2008. № 1. С. 119, 125. *Попов В. П.* Голод и государственная политика (1946–1947) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 36. Он же. Экономическая политика Советского государства. С. 208–209.

¹³² *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство. С. 18–36. *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. М., 1995. С. 134–138, 151–160. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. *Хлевнюк О. В.* Центр и регионы в советской политической системе. Позднесталинская и хрущевская модели регионализации // Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР / сост. Р. Ю. Болдырев, Б. Бонвеч, отв. ред. Р. Ю. Болдырев. Архангельск, 2009. С. 224–232.

¹³³ *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 315–324. Его же. Политические преобразования в СССР (50–60-е гг.). М., 1999. С. 294, 299, 300, 302, 303.

¹³⁴ *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. С. 282.

¹³⁵ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск, 2008. С. 304.

-
- ¹³⁶ *Азарев А. Ф.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937-1970 гг. Документы, события, факты. Рязань, 2010. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы. В 5 т. Т. 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М.–Н. Новгород, 2005. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы. В 5 т. Т. 4. Часть 1. Региональная власть и реализация политики «оттепели» / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М.–Н. Новгород, 2007. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы. В 5 т. Т. 4. Часть 2. Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М.–Н. Новгород, 2007. *Нововсельцева Т. И.* Деятельность региональной власти по решению экономических проблем Смоленской области в период хрущевских преобразований // Местное управление и самоуправление: прошлое и настоящее. Проблемы и перспективы (к 300-летию образования Смоленской губернии). Сб. статей. Смоленск, 2010. С. 50–55. Руководители Смоленской области (1917–1991 годы). Биографический справочник / Н. Г. Емельянова, Г. Н. Мозгунова, А. В. Баркова и др. Смоленск, 2008. С. 110–120, 152–168. *Томилин В. Н.* Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946–1958 годах: неравномерное партнерство // Отечественная история. 2006. № 5. С. 103–108.
- ¹³⁷ *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 114–115, 340.
- ¹³⁸ Там же. С. 122. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева. С. 81.
- ¹³⁹ История государственного управления России / под. общ. ред. Р. Г. Пихои. – Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2003. С. 269. *Романовский Н. В.* Указ. соч. С. 131, 134–136.
- ¹⁴⁰ *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание». С. 109–115.
- ¹⁴¹ *Попов В. П.* Крестьянство и государство. Его же. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31–38. Его же. Государственный террор в Советской России

1923-1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31. Зима В. Ф. «Второе раскулачивание». Его же. Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45–59. Бугай Н. Ф. 20–40-е гг.: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49. Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165. Его же. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147. Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. Его же. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). Жуковский, М., 2006. Козлов А. В. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 95–126. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М., 2005.

¹⁴² Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 46, 47, 138.

¹⁴³ Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3–13. № 9. С. 3–13.

¹⁴⁴ Зима В. Ф. «Второе раскулачивание». С. 115–119. Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111. Глумная М. Н., Изюмова П. В. Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х – начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2000. С. 52–77. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского

крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда, 2001. *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95–114. Его же. Экономическая политика Советского государства. С. 183–206. Его же. Российская деревня после войны. С. 123–125. Его же. Крестьянство и государство. С. 177–180.

¹⁴⁵ *Попов В. П.* Крестьянские налоги в 40-е годы. С. 102–106. *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание». С. 117.

¹⁴⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3: налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск, 2003. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год / Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. Москва – Самара, 2015.

¹⁴⁷ *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2000. Его же. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. Его же. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М., 1999. *Одинцов М. И.* Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 8. С. 19–20. 1991. № 7. С. 2–3. *Перельгин А. И.* Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1995. № 4. С. 126–136. И др.

¹⁴⁸ *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 231–232.

¹⁴⁹ *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999. С. 102–104. Ее же. Мир мнений советского человека, 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 34–36.

¹⁵⁰ *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 191–202.

¹⁵¹ *Беглов А. Л.* «В поисках «безгрешных катакомб». С. 239–246.

¹⁵² *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С.Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. С. 55–56.

¹⁵³ *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века). Рязань, 2007 // [Электронный документ]. Сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: <http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php>, [дата обращения: 11.07.2015].

¹⁵⁴ *Гераськин Ю. В.* К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 95–102.

¹⁵⁵ *Камкин А. В., Спасенкова И. В., Тимофеева Я. В., Бахтенков Е. В.* Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 – начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2000. С. 36–51.

¹⁵⁶ *Димони Т. М.* Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблема взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2000. С. 78–94.

¹⁵⁷ *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38–49.

¹⁵⁸ *Михайловский А. Ю.* Провинциальные церковные приходы во второй половине 1940-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 143–145.

¹⁵⁹ *Димони Т. М., Безнин М. А.* Крестьянство и власть в России. С. 160–163. *Димони Т. М.* Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России. С. 91. *Нечаев М. Г.* Место и роль религиозного фактора в сопротивлении

тоталитарному режиму (1917 – начало 1980-х гг.) // Тоталитарное сопротивление. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Пермь, 12–14 июля, 1993 г. Пермь, 1994. С. 8–9. *Голубев А. В.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). Сб. ст. / Под ред. В. П. Дмитренко, Г. Б. Куликова, Л. В. Ярушина. М., 1999. С. 24, 25, 28. *Гераськин Ю. В.* Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948–1970 гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С.151. *Христофоров В. С.* К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2011. № 4. С. 177.

¹⁶⁰ *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943-1964 годах. От «перемирия к новой войне». СПб., 1995. С. 19–58. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке / пер. с англ. М., 1995. С. 256–279. *Семенко-Басин И. В.* Политика в отношении церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // Российская история. 2010. № 2. С. 170–175. Его же. Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М., 2010. С. 93–109. *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. *Белякова Н. А.* Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124–130. *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.) - М., 2011. *Гераськин Ю. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 30-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России). М., 2008. И др.

¹⁶¹ *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964 / под общ. ред. Г. А. Бордюгова. М., 1993. С. 3–4. Она же. Мир мнений советского человека, 1945–1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 26. Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999. С. 3.

-
- ¹⁶² Ее же. Послевоенное советское общество. С. 4. *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. М., 2004. С. 4–5, 484. Крамола. С. 4. Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 5–14.
- ¹⁶³ *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество. С. 4.
- ¹⁶⁴ *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008. С. 5–14, 454–459.
- ¹⁶⁵ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. С. 4, 5. Его же. Отклики на XX съезд в стране и за рубежом // XX съезд КПСС в контексте российской истории / отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2012. С. 43–69.
- ¹⁶⁶ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель». С. 484. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. С. 220–222.
- ¹⁶⁷ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М., 2001. Ее же. Сталинские крестьяне. Ее же. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. М., 2011. *Юинг Е. Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова М., 2011. *Холмс Л.* Социальная история России: 1917-1941 / пер. с англ. Л. А. Вертоградовой, А. П. Захаровой. Отв. ред. А. В. Лубский, В. Н. Рябцев. Ростов-н/Д., 1994. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. М., 2010. *Штудер Б., Унфрид Б.* Советские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / пер. с нем. И. А. Золотарева. М., 2011. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 63–138. *Браунинг К. Р., Сигельбаум Л. Х.* Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под. ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик., пер. с англ. М., 2011. С. 301–348. *Фицпатрик Ш., Людтке А.* Заряжай энергией повседневность. Социальные связи при нацизме и сталинизме // Там же. С. 349–398. *Рольф М.* Советские массовые праздники / пер. с

нем. М., 2009. Его же. Изучение сталинского государства пропаганды: культурные представления, обычаи и заимствования при сталинизме // История сталинизма: итоги и перспективы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 407–421.

¹⁶⁸ См., например, *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин. М., 1999. С. 77–100.

¹⁶⁹ Там же. С. 77.

¹⁷⁰ *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований // [Электронный документ]. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovaniy_2010-03-16.htm (дата обращения: 09.07.2015).

¹⁷¹ *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 3.

¹⁷² *Зубкова Е. Ю.* О «детской литературе» и других проблемах нашей исторической памяти. // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996. С. 156–161.

¹⁷³ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 12–21.

¹⁷⁴ *Сарнов Б. М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. Ее же. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. - СПб., 2006. *Столяр М.* Советская смеховая культура. Киев, 2011. *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история». *Мальшева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. *Измолик В. С., Лебина Л. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве (социально-архитектурное микроисторическое исследование). 1920–1930-е годы.

СПб., 2010. *Томилин В. Н.* Наша крепость. *Севастьянова А. А.* Советский райцентр 50-х–60-х годов XX века. М., 2008. *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. *Лебедева Л. В.* Указ. соч. *Нарский И. В.* Указ. соч. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. Ее же. Общество и реформы. *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество. Диалог в письмах. М., 2002. Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995. *Андреева И.* Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя / Предисл. Р. Кирсановой. М., 2009. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. Ее же. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996. *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004. *Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Шнайден Й. Й., Федюлин А. А., Мазин К. А.* Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. М., 2007. *Суровцева Е. В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). М., 2010. Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы / под общей ред. Т. Вихавайнена. – СПб., 2000. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. 2-е изд., испр. М., 2008. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М., 2009. Ее же. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. 2-е изд., доп. М., 2008. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. *Журавлев С. В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013. И др.

¹⁷⁵ *Журавлев С. В.* История повседневности - новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в

Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. и англ. К. А. Левинсона и др. Общ. ред. и предисл. С. В. Журавлева. М., 2010. С. 22–23. Журавлев С. В., Соколов А. К. Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России // Там же. С. 30–31. Ретина Л. Р. Историческая наука на рубеже XX–XXI века: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 165, 549.

¹⁷⁶ КПСС в резолюциях. История колхозного права. Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2 т. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. – М., 1958, 1959. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. В 4 т. Т. 3. 1946–1952 гг. М., 1958. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 г.). М., 1956. Образование и развитие СССР (в документах) / отв. ред. А. П. Косицын. - М., 1973. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. Справочник партийного работника. Вып. 1 / Редколл. В. Н. Малин и др. М., 1957. Справочник партийного работника. Вып. 2 / Редколл. В. Н. Малин и др. М., 1959. Справочник партийного работника. Вып. 3 / Редколл. М. Т. Ефремов и др. М., 1961. Справочник партийного работника. Вып. 4 / Редколл. В. Н. Малин и др. М., 1963. Справочник партийного работника. Вып. 5. Материалы по культурно-просветительской работе. Сборник. М., 1959. Культурно-просветительная работа на селе. Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М., 1950. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. 2 изд., перераб и доп. М., 1951. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М., 1947.

¹⁷⁷ *Смыкалин А. С.* Парадоксы «двойного» законодательства в СССР // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 62, 67, 68.

¹⁷⁸ Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2009. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953 / сост. В. В. Денисов и др. М., 2004. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР в 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. «Добиться закрытия

так называемых «святых мест» // Источник. 1997. № 4. С. 120–129. Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31–38. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М., 2007. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. докум. / сост. О. Ю. Васильева и др. Пред. редколл. серии И. Соловьев. М., 2009. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / отв. ред. и автор вступ. ст. Я. Н. Щапов, отв. сост. и автор статей перед разд. О. Ю. Васильева. Сост. А. С. Масальская, И. Н. Селезнева, М. Е. Алексашина. - М., 1996. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. В 2 кн. Кн. 2. М., 1995.

¹⁷⁹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под общ. ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 98–99.

¹⁸⁰ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952 г., 6 октября. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1956. XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1959. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. М., 1962. О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

¹⁸¹ См. прим. 178, а также: Попов В. П. Крестьянство и государство. Его же. Российская деревня после войны. Советская жизнь. 1945–1953. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев.

¹⁸² Источниковедение новейшей истории России. С. 115, 117.

¹⁸³ Там же. С. 16–17.

¹⁸⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953. Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты.

¹⁸⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. Статистический ежегодник. М., 1957. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статистический ежегодник. М., 1959. Народное хозяйство СССР в 1959 году. Статистический ежегодник. М., 1960. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1961. Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Статистический ежегодник. М., 1966.

¹⁸⁶ *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество. С. 16, 17.

¹⁸⁷ Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Советская жизнь.

¹⁸⁸ Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. Рязанское село Кораблино. Кораблино – село русское. Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. В 2 т. Т. 2. М., 2009.

¹⁸⁹ *Людтке А.* История повседневности в Германии. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. 2-е изд. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля, вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. М., 2006. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. Е. М. Лысенко. Прим. А. Я. Гуревича. М., 1973. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб., 2011. История повседневности. Сб. научных работ / ред. колл. Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, В. В. Лапин, А. Н. Цамутали. Отв. ред. выпуска М. М. Кром. СПб., 2003. *Журавлев С. В.* История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3–27. Его же. К переосмыслению советского прошлого. Новые источники и методы исследования. М., 2011. С. 5–23. Его же. «Маленькие люди» и «большая история». С. 5–25. *Репина Л. Р.* Историческая наука на рубеже

XX–XXI века. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М., 1999. *Нарский И. В.* Указ. соч. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. Ее же. Сталинские крестьяне. Ее же. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. *Фейнсод М.* Указ. соч. И др.

¹⁹⁰ *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований.

¹⁹¹ *Сыров В. Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // [Электронный документ]. URL: <http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty> (дата обращения: 10.07.2015).

¹⁹² *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 9, 13. Его же. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Его же. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233.

¹⁹³ *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований.

Глава 1. Районные будни: уровни районной власти и отношение к ним на селе

1.1. Будни и реформы аппарата райкомов ВКП(б) и исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся

Высшим уровнем механизма управления деревней Центрального Нечерноземья, с представителями которого непосредственно соприкасались многие ее жители, являлись учреждения сельского районного центра, а их ядром – аппараты райкома ВКП(б) и исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся. Чем определялось их функционирование, менялось ли оно с течением времени, если да, то в какой мере это зависело от политики центра, а в какой – от характеристик самого «объекта управления» - деревни и как воспринималось ее населением?

Задача «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе» посредством «разукрупнения организаций» была озвучена И. В. Сталиным еще на XVIII съезде ВКП(б) ¹. С окончанием войны ее реализация продолжилась. Еще 5 июля 1944 г. были созданы Брянская и Калужская области, 22 августа – Великолукская, 13 августа – Костромская область, что давало возможность повысить управляемость и влияние структур власти на население. Несколько возросло и количество районных центров. Если на 1 января 1946 г. в тринадцати областях Центрального Нечерноземья насчитывался 451 районный центр, то на 1 января 1953 г. – 460 ². Политика уплотнения административной сети вполне понятна, так как «район» вышел из войны основательно потрепанным в кадровом отношении. Мобилизации на фронт, гибель в партизанских отрядах и в подполье, отстранение за нарушение многочисленных директив и вследствие наличия компромата привели к острой нехватке ключевых работников. Около 2/3 чиновников были выдвиженцами, только вступили в должность и имели малый опыт руководящей работы ³. Сменяемость руководящих кадров районного звена доходила до 60%, высоким

был удельный вес сменившихся по негативным причинам⁴. О ситуации, типичной для многих сельских районов Центрального Нечерноземья в первое послевоенное время, писал первый секретарь Андреевского РК ВКП(б) Смоленской области, информировавший секретаря обкома о своем бессилии в борьбе с нерадивыми районными руководителями, многие из которых за два-три года сделали «головокружительную карьеру»⁵. «Запущенность» кадровой работы в Смоленской парторганизации признал и Секретариат ЦК ВКП(б)⁶.

Объективные трудности первого послевоенного времени в работе аппарата РК ВКП(б) и РИКа (нехватка жилья, продовольствия, одежды и обуви, работа в кое-как приспособленных помещениях) усиливались сверхцентрализацией власти в райцентре, а в нем – в РК ВКП(б), отсутствием правового механизма и ресурсов для реализации низовыми советскими органами своих полномочий. В отличие от союзного уровня власти, где в послевоенные годы государственные структуры (СМ СССР) довели над партийными (ЦК ВКП(б), особенно в оперативном управлении экономикой⁷, на местах главная ответственность за реализацию политики (и соответствующие полномочия) лежала на аппаратах обкомов и райкомов ВКП(б)⁸. Еще в годы войны верхи не решились поколебать этот баланс, выражавший цементирующую роль ВКП(б) в политической системе, мирясь с перетягиванием партийными комитетами на себя функций государственных органов. В январе 1944 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) поступил проект постановления «Об улучшении государственных органов на местах», предполагавший сосредоточение функций оперативного хозяйственного руководства в государственных органах, а политическое руководство, контроль, подбор и выдвижение кадров – в партийных, перевод в госорганы работников партаппарата, занятых хозяйственными вопросами, упразднение отраслевых отделов партийных комитетов. Несмотря на поддержку И. В. Сталина и ряда других руководителей, он был отвергнут⁹. 10 мая 1948 г. председатель СМ РСФСР М. И. Родионов направил И. В. Сталину письмо и проект постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы местных Советов депутатов трудящихся». Причиной «серьезных недостатков» в деятельности местных Советов в проекте

называлось «неправильное руководство» ими со стороны парторганов, «подмена их и мелочная опека». Для исправления положения предлагалось передать вопросы о снятии, перемещении и назначении руководящих советских кадров из номенклатуры партийных органов на усмотрение исполкомов соответствующих Советов, разработать проекты новых положений о Советах и их исполкомах. Но, как и проект 1944 г., этот документ также был положен под сукно¹⁰.

Анализ делопроизводственной документации исполнительных комитетов районных Советов свидетельствует о большом объеме проводимой ими работы по управлению периферией района. Первыми вопросами в повестке дня почти всегда стояли выполнение колхозами и населением производственных заданий и контроль за соблюдением Устава сельхозартели. Но даже в сфере своей прямой компетенции исполкомы не были самостоятельны в принятии решений. Обычной была практика проведения совместных заседаний райисполкомов и бюро РК ВКП(б), по составу участников больше напоминавших «хозяйственно-политические активы». С одной стороны, такой формат заседаний придавал «больше веса» решениям РИКов, а с другой, свидетельствовал о стремлении их руководства разделить ответственность с руководством райкома ВКП(б) и готовности последнего держать руку на пульсе хозяйственной жизни¹¹. Подобным же образом пленумы РК ВКП(б), по свидетельству современников, превращались в «своеобразные инструктивные совещания», на которых руководители ведомственных организаций «поучали» актив района о том, как надо выполнять директивы обкома ВКП(б)¹². Гипертрофированные размеры принял бумагооборот. Так, Пахомовский сельсовет Володарского района Орловской области в 1948 г. получил из РИКа 158 решений и 277 распоряжений, за 9 месяцев 1949 г. – 108 решений и 404 распоряжения. От 300 до 600 решений было принято в 1946 г. райисполкомами Тульской области¹³. Однако, несмотря на такое переплетение усилий руководства райисполкомов и РК ВКП(б), жители деревни, наблюдавшие их взаимоотношения, ясно представляли, в чьих руках сосредоточена реальная власть. Весной 1950 г. анонимный автор из Моховского района Орловской области, делаясь с редакцией «Правды» наблюдениями по поводу реального

управления деревней, замечал: «Райисполкома не видно, да и он мало заметен в районе. Даже нужен мешок, и то за помощью нужно обращаться к секретарю РК...»¹⁴. При этом в силу законспирированности принятия решений население часто не представляло, где пролегает грань между формальными и неформальными прерогативами верхушки районного руководства (что особенно заметно в рассуждениях о ее материальных льготах¹⁵). В письмах во власть верхи района часто характеризовались как некомпетентные и корыстолюбивые самодуры-«кулаки» или «помещики», суть руководства которых - произвол¹⁶.

Блокирование попыток ограничить вмешательство партаппарата в работу государственных структур совпало с реформой аппарата РК и ГК ВКП(б), только усилившей на местах партийный контроль, даже несмотря на сокращения партаппарата 1946–1948 гг. В январе 1949 г. функциональный принцип организации работы райкомов ВКП(б), введенный XVIII съездом партии¹⁷, заменяется отраслевым. Вместо оргинструкторского, военного отделов, отдела кадров создавались сельскохозяйственный (при необходимости – промышленно-транспортный) отдел и отдел партийных, профсоюзных и комсомольских организаций (отделы пропаганды и агитации сохранялись почти без изменений), сосредоточившиеся на подборе кадров и контроле исполнения решений по «своим» отраслям¹⁸. Причинами отказа от ограничения влияния партаппарата в литературе называются неурожай 1946 г., сложная внешнеполитическая обстановка, милитаризация управления, редукция партийной работы на местах к решению хозяйственных вопросов¹⁹, а также осознание верхушкой партноменклатуры опасности потерять власть одновременно с освобождением от руководства экономикой²⁰.

Концентрация на хозяйственных вопросах часто отодвигала на обочину деятельности исполкомов районных Советов вопросы налаживания формальной стороны их собственной организационной работы. К концу войны в районных Советах оставалось около 40% депутатов, избранных в декабре 1939 г., а прочие были мобилизованы в армию, а также выбыли по другим причинам. Состав депутатского корпуса сократился более чем в два раза. Не являлись депутатами

районных Советов более 50% членов их исполкомов, 73,9% членов их постоянных комиссий²¹. Так, из 40 председателей РИКов Орловской области лишь один являлся депутатом райсовета, из 55 председателей РИКов Московской области – 23. К началу 1947 г. более четверти председателей райисполкомов РСФСР были вчерашними фронтовиками²², привнесшими в райисполкомовские будни свой недавний военный опыт. Много их было в областях Центрального Нечерноземья. В 1945 г. в среднем не более 20% районных Советов РСФСР созывали сессии в установленные сроки, а около 14% – вообще не проводили сессий, в 1946 г. – 23,6 и 13% соответственно²³. Налаживание формальной стороны функционирования районных Советов и их исполкомов происходило медленно. Даже во втором полугодии 1952 г. лишь 64,7% районных Советов областей Центрального Нечерноземья проводили сессии в установленные сроки, в большинстве случаев не переизбирали их депутатов вместо выбывших, число актива, привлеченного к работе в их постоянных комиссиях, значительно превышало число депутатов²⁴. Во втором полугодии 1953 г. выступления депутатов райсоветов в среднем составили 50,3% выступлений на сессиях, 21,5% райсоветов заслушали отчеты исполкомов о работе²⁵.

Аппарат РК ВКП(б) и подконтрольный ему аппарат РИКа, выстроенные по отраслевому принципу, работали с постоянной перегрузкой, усиленной сокращениями кадрового состава, опекая в условиях бездорожья и неразвитости телекоммуникаций²⁶ непосильное количество колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов, сел и деревень, рассеянных по огромной территории. Проживавшее на ней население постоянно совершенствовало «социальный иммунитет»²⁷ к колхозному строю – активное приспособительное поведение, направленное на обеспечение выживания, затруднявшее реализацию аграрной политики, особенно ее повинностной составляющей. Так, в ведении 560 имевшихся на начало 1946 г. ответственных работников 41 сельского райкома ВКП(б) Орловской области находилось 49 совхозов, 4 094 колхоза, 90 МТС, 575 сельсоветов²⁸. На 1 января 1946 г. 361 ответственному работнику райкомов ВКП(б) Калужской области необходимо было только на селе контролировать 13 совхозов, 3 244 колхоза, 60

МТС, 683 сельсовета, в 1948 г. 366 работникам – 21 совхоз, 3 458 колхозов, 56 МТС, 682 сельсовета, в 1950 г. 395 работникам – 26 совхозов, 1 164 колхоза, 62 МТС, 682 сельсовета²⁹ (ситуацию немного облегчило первое массовое укрупнение колхозов 1950 г., когда их число в Центральном Нечерноземье сократилось в 3 раза³⁰). Но и этих административных сил не хватало. Для того чтобы справляться с поставкой государству различных ресурсов, в первую очередь продовольствия, райкомы ВКП(б) и РИКи держали в мобилизационном напряжении не только собственный аппарат, но и актив учреждений и предприятий райцентра. Срыв важной «хозяйственно-политической» кампании представлялся несравненно более серьезным промахом и наказывался повышением ротации кадров и снятием с должностей. При таком функционировании аппарата стабилизации его состава не проходило, что говорит о хроническом действии причин текучести кадров. В начале 1950-х гг. состав основных категорий районного руководства по стажу работы и их сменяемость были примерно такими же, как и в середине 1940-х гг.³¹

Замена районных руководителей (особенно первого ранга), в свою очередь, запускала «ротацию», инициированную их преемниками – подбор кадров по неформальным признакам, сотрясавший нижележащие уровни власти. В середине 1950 г. из Дмитровского района анонимный автор «сигнализировал» секретарю Орловского обкома партии, что за непродолжительное время работы нового первого секретаря РК ВКП(б) «за критику» «смешаны с грязью» и лишены работы 14 чел., а троим удалось избежать этого только из-за выезда на учебу, что любое совещание актива проходит при низкой явке, так как активисты боятся угроз и оскорблений³². Такие же «сигналы» поступали из Смоленской области³³.

К началу 1950-х гг. аппарат сельских районов действовал в условиях обострившегося кризиса управления, состоявшего, как видно, в достижении предела возможностей сверхцентрализованной организации власти. Об этом говорили результаты важнейших «хозяйственно-политических» кампаний, которые не улучшались административными мерами. К июлю 1953 г. рост недоимок крестьянских хозяйств по сельхозналогу составил 528 млн руб. – около

10% его суммы, которая могла реально поступить в бюджет в 1953 г. По многим показателям развития сельского хозяйства не была выполнена первая послевоенная пятилетка. 50% колхозов страны во второй половине 1940-х гг. не выполняли планов заготовок зерна³⁴. В 1950–1953 гг. не менее 15% колхозников не вырабатывали установленного минимума трудодней. Еще выше этот уровень был в колхозах Центрального Нечерноземья³⁵, несмотря на угрозу выселения по указу ПВС СССР от 2 июня 1948 г. В 1948 г. было выселено 27 335 чел. (82,1% выселенных за 1948–1953 гг.)³⁶. Однако далее, судя по протоколам общих собраний в колхозах и переписке по вопросу выселений, сохранившихся в фондах исполкомов районных Советов, районное начальство убедилось в бесперспективности этой меры и указ почти не применялся³⁷. И власть, и общество часто были единодушны в оценке ситуации как критической. Из Руднянского района Смоленской области авторы анонимного письма Г. М. Маленкову сообщали, что в отличие от первых послевоенных лет, когда «район всегда шел в первой шеренге области», с 1953 г. он катился «под откос», провалив сев, подписку на заем, сенокос и другие кампании. Первый секретарь руководство районом «построил на толкачах», которые «в 10 дней получают по 3-5 часов зарядку и разбегаются, как мыши»³⁸. О том же московское руководство информировали из Детчинского района Калужской области, Тутаевского района Ярославской области³⁹.

Таким образом, функционирование аппарата РК ВКП(б) и РИКов Центрального Нечерноземья в 1945–1953 гг. определялось не только транслируемыми «сверху» принципами централизации власти, отраслевой специализацией, угрозой ротации или смещения в качестве ведущих стимулов для чиновничества, объективными тяготами послевоенного времени, но и приспособлялось к характеристикам «объекта управления» – во многом традиционному сельскому социуму, живущему во множестве мелких деревень, плохо связанных коммуникациями, постоянно совершенствующему социальный иммунитет. Это не в последнюю очередь обуславливало блокирование попыток разгрузить райкомы ВКП(б) от оперативного управления деревней с передачей

его советским органам, что угрожало ослаблением наиболее важного с точки зрения мобилизационного потенциала института власти. В то же время выполнение главной задачи РК ВКП(б) и РИКа по форсированному изъятию из села ресурсов обостряло противоречие между требованиями к аппаратам и их возможностями, в результате чего они постоянно функционировали в авральном режиме, широко опираясь на чрезвычайные практики. Неизбежные срывы выполнения планов, за которыми следовали «организационные выводы», придавали кризису управления в районном звене хронический характер.

Необходимость корректировки управления селом осознавалась еще в последние годы сталинской эпохи. В сентябре 1952 г. страна размышляла над дилеммой руководства колхозами «по-пролетарски» или «с крестьянской справедливостью», сформулированной в очерках В. В. Овечкина⁴⁰. На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС неблагополучие в районном звене было признано официально. Главная его причина виделась в неверных «содержании и методах» работы: в засилье чрезвычайщины, бюрократизме, «обезличке и безответственности», отрыве районного аппарата от колхозов и МТС⁴¹. Накануне пленума было обследовано функционирование нескольких райкомов КПСС, в том числе Рыбновского Рязанской области, считавшегося передовым. Хотя в 39 районных организациях было занято 582 чел., руководство велось через уполномоченных. Райком погряз в хозяйственных кампаниях, «подменив» райисполком и запустив политическую работу⁴². То же самое отмечалось в Брянской, Калининской, Ярославской и других областях⁴³, где районное звено переживало предел возможностей сверхцентрализованного управления. Как видно, осознание необходимости его реформирования совпало с резким сокращением в Центральном Нечерноземье масштаба политических репрессий: их всплески пришлись на 1945 г. (6 190 арестованных) и 1949 г. (5 374 арестованных). В 1952 г. было арестовано 746 чел., в 1953 г. – 700⁴⁴.

Провальные результаты «хозяйственно-политических» кампаний начала 1950-х гг. свидетельствовали не только о кризисе управления, но и о нелегитимности его повседневного чрезвычайного функционирования в глазах

населения. Не посягая на изменение порядка власти, село пыталось манипулировать «районом», указывая на забвение «правильного руководства» через первичные парторганизации и сельские Советы. Преодоление неэффективности функционирования районного звена, таким образом, переплелось с задачей восстановления доверия к нему деревни. Распутать этот узел новый лидер партии планировал, опираясь на известную сталинскую идею «улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе», о которой на XIX съезде ВКП(б) Г. М. Маленков напомнил словами о «большом развороте социалистического строительства и задачах дальнейшего приближения партийного и советского руководства к району, городу, селу»⁴⁵. С этой точки зрения преобразования означали «приближение» аппарата РК КПСС к непосредственному производству без передачи реальных полномочий советским и хозяйственным учреждениям – путем перемещения партработников по структуре аппарата. На сентябрьском пленуме ЦК Н. С. Хрущев призвал устранить «обезличку» и чрезвычайщину, «приблизив» аппарат сельских РК КПСС и РИКов к колхозам, совхозам и МТС⁴⁶. Вместо сельскохозяйственных отделов и отделов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в райкомах КПСС создавались группы инструкторов, обязанные вести основной объем партийной работы в зоне охвата МТС. Зональные инструкторы «закреплялись» на жительство в «опекаемых» колхозах, а секретарь РК КПСС по зоне МТС – на ее центральной усадьбе. При этом в райкомах формировались отделы пропаганды и агитации и организационно-инструкторский. Введенные по итогам февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) для дополнительного контроля колхозов и улучшения работы парторганизаций МТС должности замдиректора МТС по политчасти упразднялись⁴⁷. Принципом функционирования аппарата отделов райкомов становился отраслевой, а зональных групп – территориально-производственный. Выбор МТС в качестве «опорного пункта» райкома не был случайным. К началу реформы здесь имелись самые крупные первичные парторганизации села, в которых состояло в среднем 19,1–33,7 коммунистов⁴⁸, была сосредоточена сложная сельхозтехника. Отсюда

осуществлялось агрономическое и зоотехническое обслуживание колхозного производства. Почти все МТС имели телефонную связь с районными центрами. Даже в 1955 г. после неоднократных укрупнений колхозов в восьми областях Центрального Нечерноземья лишь 27,2–45% их правлений имели телефонную связь с районными центрами (в Московской области – 85,8% правлений)⁴⁹. Ответы обкомов КПСС Центрального Нечерноземья на запрос ЦК о новых штатах сельских райкомов свидетельствуют о стремлении региональных и местных партработников всячески их увеличивать вследствие пресеченного рельефа местности, подорванной экономикой колхозов, большого их количества и т. д.⁵⁰ Сам Хрущев высказывался за то, чтобы зональный инструктор приходился на «один, максимум два колхоза»⁵¹. На деле нагрузка оказалась существенно выше. Так, на 1 августа 1955 г. на одного работника инструкторских групп сельских РК КПСС Смоленской области приходилось в среднем 4,8 колхоза⁵², в Калужской - 4⁵³.

Но реформа натолкнулась на сопротивление районной бюрократии⁵⁴. Кадры для зональных групп частично переводились из аппарата РК КПСС, областных учреждений, частично – из других учреждений района и сельской округи. Наиболее опытные работники РК КПСС уже проявили немалую активность, чтобы выбраться из деревни, и пытались закрепиться в райцентре. В самих райкомах КПСС смысл преобразований увидели в разделении аппарата на «привилегированную» и «непривилегированную» ветви⁵⁵. Аппарат зональных инструкторов, ответственный за широкий спектр партийной работы, часто был предоставлен сам себе и действовал методами уполномоченных⁵⁶. Реформа аппарата РК КПСС сопровождалась реорганизацией сельскохозяйственных министерств и их органов на местах, упразднением сети участковых агрономов и зоотехников, а также агрономов в районных управлениях сельского хозяйства и заготовок⁵⁷. Параллельно шла мобилизация значительного числа коммунистов из городов, со строек и транспорта и перекраивание сетки административно-территориального деления. Только в ходе реализации постановления ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» к середине 1956 г. в РСФСР было упразднено 172

района, 13 368 сельсоветов, в три раза сокращен объем отчетности, штаты управленцев уменьшены на 193 тыс. чел. Высвобожденные 2 761 ответственный и 690 технических работников РК КПСС стали кадровым «ресурсом» для периферии⁵⁸. 24 марта 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О сокращении штатов обкомов, крайкомов КПСС и ЦК компартий союзных республик», обязывавшее их руководство представить конкретные предложения по сокращению штатов на 25-30%⁵⁹. Осенью 1956 г. на места было направлено постановление Президиума ЦК КПСС от 3 августа 1956 г. и записка Алтайского крайкома КПСС «О проделанной работе по упрощению и удешевлению управленческого аппарата в Смоленском районе края». Обкомы откликнулись на него отчетами о сокращении структуры и численности чиновников. Калужский обком КПСС сообщил о сокращении в 1955 г. 595 чел., в 1956 г. – 830 чел., занятых в аппарате районных и областных организаций, предложив сократить районный аппарат еще на 650 чел., ликвидировать ряд отделов райисполкомов и лишиться организационной самостоятельности многие их финансовые учреждения. Владимирский обком КПСС предложил сократить штаты районного аппарата на более чем 500 чел. В Калининской области только летом 1956 г. в рамках кампании было ликвидировано восемь сельских и два городских района, что позволило уменьшить партийный аппарат на 52 и советский на 230 чел., направив на «укрепление» сельских районов 13 секретарей РК КПСС, девять председателей РИКов и восемь их заместителей. В Брянской области было сокращено 1 966 административных должностей. Тульский обком КПСС планировал сокращение 600 аппаратных должностей. В Смоленской области за четыре года кампаний по сокращению аппарата органов государственной власти разных уровней его численность уменьшилась на 2 219 штатных единиц, но он «все еще нуждался в совершенствовании»⁶⁰. Всего же в Центральном Нечерноземье за 1953–1961 гг. число сельских районов сократилось с 460 до 313⁶¹.

Мобилизации коммунистов, перестройки районного аппарата обусловили высокую кадровую нестабильность. Передаваясь вниз, она лихорадила чиновников нижележащих уровней, вынужденных заново подстраиваться под

новое руководство. За 1956 г. в РСФСР сменилось 24% председателей РИКов, 28,6% их заместителей, 21,2% секретарей. За 1957 г. сменяемость составила соответственно 15,3; 17,9% и 11,6%⁶². В Ярославской области до двух лет в своих должностях работали 76,3% секретарей РК КПСС, 55,3% заведующих отделами райкомов партии, 41,3% председателей райисполкомов, в Смоленской области – 81,8; 70,8; 71,0, в Орловской области – 64,7; 75,8; 45,1% соответственно. Высокой была сменяемость состава руководства, доходя в год до 30-55%⁶³, воспринимавшаяся аппаратом как «наказание» и противоречившая замыслу десталинизации. Чтобы быть на хорошем счету, первый секретарь РК КПСС и председатель РИКа задействовали чрезвычайные методы. Население же, оценивая функционирование «района» с точки зрения доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», видело в этом сопротивление сворачиванию «культа» (доклад, скупое упоминавший о «голом администрировании», «лакировке действительности», бюрократизации аппарата, незнании им реального положения⁶⁴, наводил на мысли о схожести ситуации в верхах и в сельском районе). Так, в начале 1957 г. первому секретарю Смоленского обкома КПСС жаловались на секретаря Ельнинского РК КПСС: «Это сухарь-чинуша, который сидит целыми днями в кабинете... <...> Нам не нужны у власти чинуши-одиночки, самовластье нам не надо, время не то. Замучил всех, что захочет, то и делает. Нет у него человечности к людям. Уберите его от нас, дайте нам секретаря, который был бы с народом, понимал его...»⁶⁵. Из другого района области в конце 1957 г. в ЦК КПСС сообщали: «Сейчас ЦК КПСС провел большую работу по укреплению колхозных кадров. В результате в нашем районе образовалось некоторое несоответствие. В руководстве большинством колхозов стоят умные, высококультурные, образованные люди, а секретарь райкома КПСС – безграмотный невежда, привыкший руководить старыми дедовскими методами. <...> Не похоже ли это на культ личности <секретаря РК КПСС>? Такие методы, может быть, пригодны к 30-м годам, сейчас – нет. Мы привыкли видеть в секретаре культурного, грамотного человека»⁶⁶. В жалобах на рославльское руководство, направленных в ЦК КПСС и обком, анонимные авторы называли

первого секретаря горкома «местного масштаба культом», «Николаем Палкиным» за то, что «в районе все держится на угрозах, да палке», «не изжит культ личности, все заслуги – в его единственном лице, занимается голым администрированием, и все члены бюро в виде попугаев, что он скажет – то и есть»⁶⁷. Таким же виделся «стиль» руководства первого секретаря РК КПСС коммунистам Холм-Жирковского района Смоленской области, о чем они писали в анонимном письме первому секретарю Смоленского обкома КПСС П. А. Абрасимову: «Секретарь райкома партии – это тип старого руководителя, не способен в нынешних условиях возглавить район. Закончится год – вы в этом сами убедитесь, но будет поздно. Пока он еще не стал монархом, но хочет им стать, ну, точь-в-точь как "самодержец всея России". Никто ни в чем его никогда не переубедит. "Я сказал", "я сделал", чуть что - "выгоню из партии", "я вам покажу", "я на бюро вызову", и так без конца, еще хлестче. Соберет председателей колхозов и давай кричать на них матом, да притом такими постыдными словами, что писать стыдно. <...> Не терпит ни малейшей критики в свой адрес, ни малейшего замечания. Попробуй кто-нибудь высказать свое мнение, на это редко кто решится. Сразу: "Это заявление надо считать антипартийным". Он – это значит партия. И еще что-то в этом духе. Кричит: "И тебе найдем место!" В колхоз, значит. А что творится в колхозах, это же просто ужас! Колхозники бегут из колхоза, потому что они годами ничего не получают. Их никто не считает за людей, председатели колхоза с ними и разговаривать не хотят, только кричат матом на женщин...»⁶⁸.

Растущее сопротивление реформам районной бюрократии, зафиксированное в потоке жалоб с мест, ускорило признание неэффективности инструкторских групп как метода «приближения» партаппарата к колхозному производству. Зональные инструкторы дублировали отраслевые отделы райкомов, имели меньше опыта и знаний, чем руководимые ими председатели колхозов. Они стремились покинуть деревню, а первые секретари райкомов КПСС – вновь сосредоточить в своих руках полноту власти. Ликвидация зонального аппарата была оформлена постановлениями Секретариата ЦК КПСС от 14 сентября и

Президиума ЦК от 19 сентября 1957 г., так как он якобы выполнил свои задачи, обеспечив рост состава первичных партийных организаций, «укрепление» корпуса колхозных и совхозных руководителей и преодоление «в известной мере» «обезлички» руководства⁶⁹. Наиболее опытные зональные инструкторы влились в восстановленные отраслевые отделы РК КПСС. Другая их часть стала председателями колхозов, секретарями первичных парторганизаций и другими низовыми руководителями. В этом смысле инструкторские группы, безусловно, стали шагом вперед к полному охвату села «регулярными» партийными структурами и «приблизили» партийное руководство к низовой работе. Одновременно на 2–15% были увеличены ставки заработной платы заведующих отделами, их заместителей и инструкторов сельских райкомов КПСС (последних – особенно ощутимо). Часть средств на повышение ставок было получено от сокращения 3 500 освобожденных секретарей первичных парторганизаций⁷⁰.

Реформы районного партаппарата сопровождались столь же настойчивым налаживанием формальной стороны «советской демократии» в районных Советах. К концу 1950-х – началу 1960-х гг. в областях Центрального Нечерноземья уходят в прошлое кооптация в состав исполкомов райсоветов, нерегулярное и недостаточное проведение сессий. Большинство депутатов регулярно выступает с отчетами о работе перед избирателями, а исполкомы – перед сессиями, в разы по сравнению с серединой 1940-х гг. возрастает активность постоянных комиссий⁷¹. Однако, как видно, это недостаточно содействует скорейшему увеличению объемов сельскохозяйственного производства, выступая одним из факторов продолжения совершенствования верхами районного аппарата при сохранении доминирования в нем партийных структур.

Спад производства сельскохозяйственной продукции в начале 1960-х гг., свидетельствующий о провале хрущевской аграрной политики, приводит к созданию территориальных производственных колхозно-совхозных управлений, каждое из которых охватывало несколько районов и «подкрепляло» «живой организаторской работой» слабые колхозы и совхозы. Инспекторы-организаторы управлений обязывались «через правление колхоза и дирекцию совхоза»

выполнять планы и основное время находиться на селе вместе с группами инструкторов парторгов обкомов КПСС при управлениях, ответственных за политическую и пропагандистскую работу ⁷². Так попытки «приближения» районного партаппарата к производству материальных благ были распространены в полной мере и на государственный аппарат. В ноябре 1962 г. с преобразованием парторгов обкомов КПСС, групп инструкторов и райкомов КПСС в парткомы территориальных колхозно-совхозных управлений их труд был еще более специализирован ⁷³. К апрелю 1963 г. в Центральном Нечерноземье 127 укрупненных сельских районов, возглавленных парткомами, объединили территорию 290 районов, существовавших в начале 1962 г. ⁷⁴

Децентрализация власти, «критика культа», доктрина «общенародного государства»⁷⁵ узаконили погружение парторганов в управление экономикой села. Но отсутствие обстоятельств военного и первого послевоенного времени делало привычное им чрезвычайное функционирование нелегитимным в глазах населения, побуждая верховную власть обновлять образ своих представителей на селе. На смену чрезвычайному «комиссару» должен был прийти функционер-специалист. Необходимость знания партработником экономики сельского хозяйства неоднократно подчеркивал Н. С. Хрущев ⁷⁶. На местах это возводилось в абсолют⁷⁷. Акцент на «интересах дела» в официальной оценке руководящих кадров стал придавать «критике» (жалобам и доносам на районное руководство) оттенок «гражданского» контроля над властью ⁷⁸. Авторы обращений в региональные центры и в Москву, предлагая усовершенствовать управление селом, выступали за создание структур, которые бы боролись с «зажимом критики» и «семейственностью» бюрократии, «смелее направлять председателями колхозов областных руководителей», «взяться за КГБ» ⁷⁹. Однако подобные предложения растворялись в потоке просьб наказать «неправильно» действующих районных начальников-«специалистов», которые можно считать распространенной реакцией деревни на адаптацию бюрократии к реформам аппарата, децентрализации номенклатурного контроля и полному охвату к началу 1960-х гг. первичными парторганизациями укрупненного колхозно-совхозного

производства⁸⁰, а также на рост ее формальных и неформальных привилегий⁸¹. Почувствовал защитную реакцию аппарата и Н. С. Хрущев: одновременно с очередной перестройкой управления колхозами и совхозами ЦК КПСС утверждает «Инструкцию о проведении выборов руководящих партийных органов», согласно которой состав райкомов КПСС должен был обновляться наполовину каждые два года, вводился лимит пребывания в выборной должности не более трех сроков подряд⁸².

Отмена новаций в структуре районного аппарата после смещения Н. С. Хрущева⁸³ при сохранении возросших прав управления сельской экономикой стала победой райкомовской бюрократии не столько над реформатором, сколько над обществом. Используя десталинизацию для освобождения своей власти от теряющего легитимность чрезвычайного функционирования, опираясь на разросшиеся низовые структуры, она существенно продвинулась в легализации своего не только фактического, но и «правового» господства над селом. Переживавший кризис сталинский порядок заменялся «приближенным» к низовой работе систематическим контролем управленцев-специалистов, связанных устойчивыми неформальными связями между собой и с верхушкой районного партаппарата. Осознание деревней такого результата десталинизации, интуитивное, без знания реального механизма, как представляется, обусловило латентный рост недоверия к районной власти, безразличие к ее инициативам. Активизированная хрущевской десталинизацией и «оттепелью» социальная энергия людей переключалась с приспособления к колхозной повседневности на миграцию в города.

1.2. «Институт уполномоченных» партийных и советских органов в механизме управления деревней

Для верховной власти в послевоенные годы критерием эффективности управления селом было своевременное и полное выполнение производственных планов, что в значительной мере определяло сеть, структуру и деятельность

властных институтов. Однако в Центральном Нечерноземье их звенья часто не могли обеспечить этого, что делало актуальными чрезвычайные методы. Одним из них выступал так называемый «институт уполномоченных» («представителей») партийных и советских органов. Этим термином обозначались мобилизации верхушки партийно-советского актива, наделяемой чрезвычайными полномочиями для проведения на периферии «хозяйственно-политических» кампаний. За десятилетия организация уполномоченных стала рутинной местных комитетов ВКП(б)⁸⁴. Причинами воспроизводства института было чрезмерное по сравнению с возможностями штатного аппарата РК КПСС и райисполкомов количество объектов управления (колхозов, совхозов, сельсоветов, сел и деревень), сосредоточение основной массы номенклатурных кадров в райцентре, небольшое в сравнении с городами, промышленностью и транспортом количество на селе первичных парторганизаций и коммунистов, слабый кадровый состав и отсутствие реальных полномочий у низовых советских органов, низкий уровень телефонизации села⁸⁵, постоянно совершенствовавшийся деревней социальный иммунитет к колхозному строю.

На селе Центрального Нечерноземья институт имел ряд атрибутов полноценного органа власти: свою внутреннюю иерархию, своеобразную «нормативную базу», систему планирования и отчетности и т. д. Хотя основная масса документов, отражавших его функционирование, не сохранилась, по фрагментам текущих архивов райкомов и обкомов ВКП(б) можно представить институционализированность уполномоченных. Областные руководители получали санкцию на мобилизацию актива из Москвы и давали ее районному руководству⁸⁶, что оформлялось постановлениями бюро комитетов ВКП(б). Только в 1945–1950 гг. бюро Калужского обкома ВКП(б) приняло несколько десятков решений о направлении в районы областного актива для «оказания на месте организационной помощи» райкомам ВКП(б) в проведении сельскохозяйственных кампаний⁸⁷. Такие же телеграммы райкомам ВКП(б) адресовали Калининский, Тульский и Орловский обкомы⁸⁸. О поездках по «оказанию помощи районам» вспоминал первый секретарь МГК КПСС В. В.

Гришин, с 1950 г. заведовавший отделом машиностроения МК ВКП(б) ⁸⁹. Собственных уполномоченных в регионы направлял ЦК ВКП(б) ⁹⁰.

Командированные в колхозы и сельсоветы члены районного актива действовали в соответствии с «удостоверениями уполномоченных», в которых указывались фамилия работника, продолжительность, место и цель командировки ⁹¹. На основе решений бюро о проведении той или иной кампании райкомы партии разрабатывали инструкции, которые узаконивали полномочия своих порученцев, зачастую плохо знакомых с реалиями деревенской жизни и партийной работой. Плохая сохранность таких документов затрудняет оценку степени их распространенности, однако говорит о попытках аппарата суммировать опыт организации уполномоченных и повысить эффективность их усилий. По содержанию выявленные инструкции отличаются высокой степенью единообразия и представляют собой алгоритмы действий уполномоченного в той или иной ситуации ⁹². Летом 1945 г. работники Спас-Деменского РК ВКП(б) Калужской области составили для «отъезжающих уполномоченных РК ВКП(б) и райисполкома в сельсоветы и колхозы района» по проверке подготовки к уборке урожая и заготовительной кампании памятку из 19 пунктов, поясняющую, чем, как и в какие сроки должен заниматься уполномоченный и какие представить отчеты. Например, ее восьмой пункт обязывал уполномоченных правильно расставлять кадры колхозных руководителей «по важнейшим участкам работ на обмолоте, охране и сдаче хлеба государству», десятый пункт – организовать охрану урожая, выделив для этого «хорошо проверенных людей», представив материал по кандидатурам на утверждение РИКу, и т. д. ⁹³ В начале 1946 г. Спас-Деменский РК ВКП(б) составил памятку для членов актива, получивших поручение проверить первичные партийные организации. Ее 24 пункта с множеством подпунктов представляли собой развернутую анкету по обследованию состояния партийной работы и активности коммунистов. Так, шестой пункт требовал выяснения «бдительности коммунистов в вопросах сбережения себя от враждебного влияния, поступков и связи с чуждыми элементами, растратирования государственного и общественного имущества,

пьянства, бытовой распущенности», а также «бдительности в вопросах борьбы с враждебными элементами, которые наносят вред хозяйству, элементами, разлагающими трудовую дисциплину, растранижающими социалистическое имущество, занимающимися антигосударственной агитацией и т. д.»⁹⁴. В июле 1946 г. Хвастовичский РК ВКП(б) Калужской области адресовал уполномоченным по сельсоветам памятку из шести пунктов, разъясняющую их действия в ходе уборочной и заготовительной кампаний. Она особенно интересна детальной регламентацией схемы связи уполномоченного с районным руководством, который должен был ежедневно до 11 часов вечера вместе с председателем сельского Совета и секретарем парторганизации докладывать секретарю райкома и председателю райисполкома «по итогам работы за день в разрезе каждого колхоза». В сельсоветах, не имевших телефонов, уполномоченный обязывался направить письменную сводку с итогами работы за день с нарочным в ближайший телефонизированный сельсовет для ее передачи в райком и каждые два дня лично докладывать с ближайшего телефона⁹⁵. 9 марта 1946 г. в Хвастовичском РК ВКП(б) была составлена памятка уполномоченным РК ВКП(б) и РИКа о работе на весеннем севе. 2 декабря 1947 г. Хвастовичский РК ВКП(б) разработал еще одну памятку, разъяснявшую порядок и цели работы уполномоченных при подготовке и проведении в сельсоветах собраний «по поддержанию кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР», требовавшую от него обеспечить стопроцентную явку на собрание колхозников, выступления «лучших колхозников» и избрание на районное предвыборное собрание «вполне достойных людей»⁹⁶. Летом 1949 г. райком снабдил уполномоченных памяткой по проверке выполнения постановления IX пленума РК ВКП(б) от 8 января 1949 г. и II пленума РК ВКП(б) от 7 апреля 1949 г. об улучшении руководства комсомолом⁹⁷.

Анализ исходящей корреспонденции сельских райкомов партии также показывает обыденность присутствия на селе уполномоченных. И во второй половине 1940-х, и в начале 1950-х гг. исходящие телефонограммы и почтограммы сельских РК ВКП(б) адресовались в том числе и уполномоченным, а не только председателям колхозов и сельских Советов, директорам МТС и

секретарям первичных парторганизаций. Так, например, с 25 января по 14 ноября 1947 г. Мещовский РК ВКП(б) Калужской области направил на периферию района 59 почто- и телеграмм по вопросам выполнения сельхозработ и, прежде всего, хода хлебозаготовок, из них 20 были адресованы также и уполномоченным райкома, с 26 января по 15 декабря 1948 г. – 91 корреспонденцию, 18 из них – уполномоченным. С 24 января по 31 декабря 1949 г. РК ВКП(б) в адрес секретарей первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, уполномоченных РК ВКП(б) и РИКа, политорганизаторов РК ВКП(б) на молотилках МТС ушло 266 корреспонденций, в том числе 81, среди адресатов которых значились уполномоченные⁹⁸. С 29 января по 25 ноября 1951 г. Мосальский РК ВКП(б) направил на периферию района 88 корреспонденций по вопросам сельхозкампаний, в том числе семь, адресованных уполномоченным райкома и райисполкома, из отправленных с 4 января по 10 декабря 1952 г. 87 корреспонденций – 14⁹⁹. Юхновский РК ВКП(б) Калужской области с марта по 26 ноября 1947 г. отправил на периферию района 28 телефонограмм, в том числе 16 – в адрес уполномоченных РК партии и РИКа¹⁰⁰. Тарусский РК ВКП(б) Калужской области направил 31 телефонограмму, из них шесть были в том числе адресованы уполномоченным райкома партии и райисполкома (две касались посевной, четыре – уборочной кампании)¹⁰¹.

При распределении актива руководство райкомов стремилось максимально плотно охватить периферию, учесть особенности конкретных сельсоветов и колхозов, «политические и деловые качества» их председателей, наличие или отсутствие парторганизации и т. д. Это просматривается в «списках» уполномоченных, закреплявшихся за колхозами и сельсоветами: уполномоченные в первую очередь направлялись туда, где существовала угроза невыполнения плана, был «слабый» местный руководитель, отсутствовала первичная парторганизация и т. п.¹⁰² При соотнесении с основными системами кадрового учета района – актива и номенклатуры – списки уполномоченных позволяют представить их состав и численность. В целом актив¹⁰³ района был шире корпуса уполномоченных, среди которых редко встречались председатели сельских

Советов, секретари первичных парторганизаций, избачи и другие массовые номенклатурные кадры. По составу должностей списки уполномоченных в значительной мере совпадают с верхушкой номенклатуры сельского райкома ВКП(б) (кадры руководителей и ответственных работников райцентра), численность которой в конце сталинской эпохи редко превышала 35-40% работников, входящих в номенклатуру сельского райкома¹⁰⁴. На время кампании уполномоченные дополняли аппарат РК ВКП(б) и РИКов, который был не в состоянии вытянуть ее в одиночку. В масштабе области институт позволял мобилизовать несколько тысяч человек актива, чьи должности входили в номенклатуру обкома и райкомов ВКП(б). Так, в 1945 г. в Калужской области только в номенклатуре сельских РК ВКП(б) состояло 9 316 чел. (в среднем от 200 до 650 чел. в районе), в 1950 г. – 8 072 чел. (в среднем от 200 до 350 чел.)¹⁰⁵, то есть, исходя из того, что удельный вес руководителей и ответственных работников организаций райцентра в номенклатурах райкомов мог достигать до 40%, в 1945 г. численность уполномоченных РК ВКП(б) и РИКов в районах должна была составлять около 3,6 тыс. чел., в 1950 г. – около 3,3 тыс. чел. В Орловской области на начало 1946 г. в аппаратах 41 райкома ВКП(б) работало 560 ответственных работников, а в их номенклатуре насчитывалось 3 712 руководящих должностей¹⁰⁶.

На время кампании работа «активиста» по основной должности забрасывалась, он переключался на выполнение данного райкомом поручения. 6 мая 1953 г. заведующая отделом пропаганды и агитации Перемышльского РК КПСС Калужской области Г. Цветкова направила в ЦК КПСС письмо, в котором охарактеризовала практику управления районом силами нескольких десятков уполномоченных, типичную для села Центрального Нечерноземья: «По-прежнему, как и 15 лет назад, для проведения кампаний посылаются уполномоченные, которые проводят только данную кампанию, не занимаясь глубоко вопросами колхозного строительства. <...> В районе все превращается в кампанию: укрупнение колхозов – кампания, борьба с нарушениями Устава – кампания. Кампании провели – и забыли, а надо изучать результаты сделанного,

обобщать опыт. Но уполномоченные могут проводить только кампанию. Чем скорее они "провернут", задание райкома, тем скорее они могут вернуться в район...» В ответе ЦК КПСС Калужский обком КПСС подтвердил обыденность направления уполномоченных¹⁰⁷.

Многომесечные командировки уполномоченных в колхозы и сельсоветы вынуждали их устраивать на месте «второй» работы свой быт, улаживать вопросы питания и проживания, что формировало благоприятную почву для завязывания между ними и сельскими руководителями неформальных отношений. Повод для этого создала сама центральная власть. Уполномоченный райкома ВКП(б) и РИКа, отправляясь на село, попадал под действие постановления СНК СССР от 19 июня 1940 г. № 1047 «Об оплате служебных командировок в пределах Союза ССР», согласно которому командированным в сельские местности на срок не менее двух суток выплачивались суточные в размере 1,5% твердой месячной ставки (в пределах 5–13 рублей в день), а при командировках в пределах административного района – 1% ставки (в пределах 5–10 рублей в день). Проезд командированного по железной дороге оплачивался по «тарифу жесткого вагона», «по водным путям» – по тарифу второго класса, по шоссейным и грунтовым дорогам – по тарифам, действовавшим в данной местности. На время командировки заработная плата по основному месту работы сохранялась. При этом командированному не предусматривалось никакого дополнительного вознаграждения за работу в выходные и праздничные дни¹⁰⁸. В 1945 г., когда Тульский обком ВКП(б) в связи с большой актуальностью вопроса о размере командировочных разослал копию этого постановления в райкомы партии, килограмм сливочного масла в магазинах государственной ненормированной торговли стоил 25 руб. (в коммерческой торговле – 370 руб.), литр молока – 2 руб., десяток яиц – 6,5 руб., килограмм сахара-рафинада – 5,7 руб., килограмм сыра – 29 руб., килограмм пшеничной муки высшего сорта – 4,6 руб., килограмм хлеба из ржаной муки – 1 руб., килограмм хлеба из пшеничной муки второго сорта – 1,7 руб. (цены коммерческой торговли – 40; 100; 250; 330; 90; 24; 30 руб. соответственно)¹⁰⁹. Кроме того, многим уполномоченным организация,

являвшаяся их основным работодателем, вообще отказывала в командировочных, так как поездка в колхоз не была связана с их прямыми должностными обязанностями. Таким образом, уполномоченному предстояло не только сознательно выполнять данное ему партпоручение, но и тратить на питание немалую часть своего заработка.

Неудивительно, что обыденность и размах «самоснабжения» уполномоченных в колхозах проявлялись в ходе ежегодных проверок соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Первая послевоенная общесоюзная кампания развернулась осенью 1946 г. после выхода известного постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б). По ее итогам в 2 896 колхозах Ивановской области было установлено «разбазаривание» на различные нужды из колхозов 90 лошадей, 136 коров, 632 овец и молодняка крупного рогатого скота, 212 т зерна и муки, 189 т картофеля, 16,2 т мяса, 40,3 т молока, 2,3 млн руб., в 7 017 колхозах Калининской области – 139 лошадей, 648 коров, 845 голов прочего скота, 291 т зернопродуктов, 199 т картофеля, 2,188 млн руб., за «разбазаривание колхозной земли и имущества» к ответственности было привлечено 165 работников районных и сельских организаций, председателей колхозов. В 5 477 колхозах Смоленской области было выявлено «разбазаривание» 210 лошадей, 649 коров, 1 225 голов мелкого скота, 579 свиней, 211 т зерна, 416 т картофеля и т. д.¹¹⁰ Устав сельхозартели становился в руках сельского населения инструментом манипуляции властью, которая получала тысячи писем о безобразиях уполномоченных на селе. Автор письма секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву (осень 1947 г.) сообщал из Смоленской области: «Что творится в районах <...> Секретари райкомов и члены бюро завели коров, по стаду овец, пчел, имеют по два огорода, все это приобретается за счет колхозов. Полученные коровы раздаются семьям полицейских и старост, секретари райкома машинами возят картофель в Вязьму и в Москву. <...> В районах самоснабжение, круговая порука, кумовство...»¹¹¹. Анонимный автор из Становлянского района Орловской области отмечал в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и секретарю Орловского обкома ВКП(б) Крылову в конце 1949 г.: «Как может выступить

перед населением-колхозниками секретарь <Становлянского РК ВКП(б)> по вопросу о сокращении аппетита на раздувание своего личного хозяйства и по вопросу изжития пережитков капитализма в сознании людей, когда он сам в этих вопросах запутался. Раздул свое хозяйство: имеет 2-3 годовалых поросенка, корову, теленка, разной птицы голов более 200 (утки, куры, гуси, индюшки). По поголовью превосходит фермы некоторых колхозов. Для содержания такого поголовья необходимы зернушки, откуда они берутся, эти зернушки, очень интересно? Наступит сезон, и т. <секретарь Становлянского РК ВКП(б)> начинает производить убой скота и продажу на выгодных условиях. Коммунисты говорят, когда подъезжаешь к райкому, где квартира т. <секретаря Становлянского РК ВКП(б)>, и не верится, что это райком, а напоминает какой-то комбинированный совхоз...» В справке по письму, направленной Орловским обкомом ВКП(б) заведующему отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Дедову, говорилось, что в течение июля–ноября 1949 г. бывший секретарь Становлянского РК ВКП(б) свое хозяйство, размещавшееся в надворных постройках «в непосредственной близости от здания райкома», почти полностью ликвидировал, оставив лишь несколько голов птицы ¹¹². Таким же виделось на селе «сотрудничество» уполномоченных района и председателей колхозов колхозникам Дросковского района Орловской области, Износковского и Мосальского районов Калужской области, Новозыбковского и Клинцовского районов Брянской области ¹¹³.

Руководители области и района наделяли уполномоченных правом управлять людскими и материальными ресурсами, исходя из задач «хозяйственно-политической кампании». Представители могли забрать из колхоза последний центнер хлеба, заставить правление сдать государству семенное зерно, санкционировали приписки к отчетности, в приоритетном порядке распределяли помощь шефских организаций, кредиты, технику, определяли сроки сельхозработ, без формальностей смещали председателей колхозов, сельских Советов, секретарей первичных организаций. Они проверяли жалобы на сельский актив, инициировали следствие по фактам злоупотреблений, формировали по указанию

секретарей РК ВКП(б) состав делегатов на пленумы и районные партконференции, готовили и проводили общие собрания колхозников и т. д.¹¹⁴

Однако главной функцией уполномоченного был, безусловно, политический контроль и «направление» той или иной кампании. Отсутствие специальных знаний или слабая политическая грамотность не являлись препятствием для командирования в колхоз. И материалы прессы, и письма населения во власть содержат множество примеров этого. «Уполномоченный райкома по колхозу "Коминтерн" <...> (управляющий конторой «Заготлен») приказал сеять лен в полузамерзшую землю. Лен посеяли, но ничего не убрали, что принесло большой ущерб колхозу...» - писали весной 1951 г. из Куйбышевского района Калужской области в редакцию «Правды»¹¹⁵. В сентябре 1949 г. несколько председателей колхозов Плавского района Тульской области пожаловались заместителю председателя СМ СССР Г. М. Маленкову на многочисленных уполномоченных из райцентра и области: «Опять в этом году, несмотря на то что много наших колхозов давно рассчитались по поставкам, районные и областные руководители приезжают к нам, председателям колхозов, и требуют дополнительно хлеб. К нам с этим делом обращались по пять-семь раз, начали залезать в семена. <...> Несмотря на то что мы досрочно рассчитались по хлебу, уполномоченные все сидят в колхозе и требуют хлеб. Неужели, товарищ Маленков, не настала еще пора полностью доверять председателю колхоза работу колхоза и хлебосдачу? Неужели из-за этого громадные деньги надо платить уполномоченным, которые не разбираются в нашем колхозном деле и больше озлобляют колхозников, которые прямо нам говорят: "Сколько ни работай, сколько сверх плана ни сдавай, все мало, из-за чего зажиточная жизнь не улучшается..."»¹¹⁶.

Невыполнение уполномоченным поручения считалось тяжким проступком и часто (особенно в первые послевоенные годы) влекло серьезное взыскание, вплоть до исключения из партии и снятия с работы. Конфликты из-за «недисциплинированности перед райкомом ВКП(б)» начальников райотделов МГБ, райвоенкомов постоянно возникали в Орловской, Смоленской и

Калининской областях в конце 1940-х – начале 1950-х гг.¹¹⁷ В спорах о мобилизации в качестве «представителей» оперативного состава органов госбезопасности, прокуратуры, милиции, пожарной охраны секретари райкомов ВКП(б) часто поддерживались руководством обкомов¹¹⁸. Гораздо жестче верхушка райкомов действовала по отношению к работникам «несиловых» ведомств¹¹⁹. При этом сами уполномоченные в массе относились к своим поручениям как к трудной и малопочетной, но необходимой для парторганизации работе¹²⁰.

За многие годы институт уполномоченных врос в систему власти на селе, на вершине которой находился райком ВКП(б). Уполномоченные выступали его важным звеном, передающим «мобилизационное напряжение» в колхозы, сельсоветы, первичные парторганизации. Значимость их роли зависела от количества и «качества» кадров на местах, наличия или отсутствия первичной парторганизации, размеров планового задания, сроков проведения кампании, реакции на нее населения, уровня экономического развития территории и др. Представители райкома всегда стояли выше сельских руководителей, действовали автономно, перетягивая на себя их полномочия и подталкивая к скорейшему решению главной задачи. Не случайно в райкомах ВКП(б) и в народе за уполномоченным закрепилось прозвище «толкач», «теребильщик».

Хозяйственно-политические кампании первых послевоенных лет показательны с точки зрения реализации представителями своей власти. В течение года уполномоченные без оглядки на необходимость соблюдения формальностей перевыборов смещали и назначали сотни председателей колхозов и сельских Советов¹²¹. Подобная практика продолжалась и в дальнейшем, хотя не достигала размаха первых послевоенных лет. Обратной стороной кратковременного эффекта от вмешательства уполномоченных было подавление инициативы сельских руководителей, принятие множества неквалифицированных решений, подрывавших местную экономику. Судя по провальным результатам хозяйственных кампаний начала 1950-х гг., не улучшавшихся административным нажимом, можно сделать вывод о кризисе управления селом, основанном на

«чрезвычайщине», об осознании и населением, и местными руководителями ее нелегитимности. Росло несоответствие чрезвычайных методов руководства усложнению и укрупнению масштаба задач, решение которых требовало специальных знаний. Весной 1950 г. председатель одного из колхозов Моховского района Орловской области писал в «Правду» по поводу эффективности уполномоченных: «На протяжении всей моей работы председателем колхоза <...> в руководимом мною колхозе почти ежедневно бывают представители райкома партии, а если учесть и представителей других учреждений района – райисполкома, райфо, уполминзага, то их бывает ежедневно несколько человек. Есть хотя бы от этого какая польза, а то их частое и повседневное присутствие ущемляет мою инициативу в работе, направленную на быстрое окончание хотя бы отчасти озимого сева...»¹²². В анонимном письме о ситуации весной 1946 г. в Мосальском районе Калужской области сообщалось: «Работники района все время гонятся по колхозам, всю работу в колхозах возлагают на уполномоченных, с председателями колхоза и сельсоветов не спрашивают ответственности, этим самым создают условия, что уполномоченный один в колхозе ничего не сделает, и колхоз идет не на укрепление, а на упадок, т. к. пока находится уполномоченный в колхозе, то делается, как только ушел – все прекращается...»¹²³. В письме на имя И. Сталина колхозники Старицкого и Луковниковского районов Калининской области писали: «В колхозы района выезжают комиссии за комиссиями, вплоть до секретарей обкома. <...> Комиссии ругают колхозников, бьют руководителей, одних снимают, других ставят, но воз и ныне там. Бытие определяет сознание, но какое сознание к труду, когда труд не оплачивается, когда полуголодное состояние. Ни одна агитационно-массовая работа не действует...»¹²⁴.

Установить «правильные» методы руководства попытался Н.С.Хрущев, заявивший об этом на сентябрьском (1953 г.) и февральско-мартовском (1954 г.) пленумах ЦК КПСС¹²⁵. Создание инструкторских групп РК КПСС по зонам МТС (сентябрь 1953 г.), укрупнение районов и сельсоветов, сокращение управленческого аппарата, объединение аппарата сельских РК КПСС (1957 г.),

организация территориальных колхозно-совхозных управлений и парткомов при них, разделение партийного и госаппарата по отраслевому принципу (1962 г.) преследовали цель повышения эффективности работы районного аппарата путем его приближения к «объектам управления», а также вытеснения чрезвычайных методов управления планомерной активностью первичных парторганизаций, сельских Советов, «укрепленного» председательского корпуса. Фоном реформ стало усиление приема в партию, достижение к концу 1950-х – началу 1960-х гг. полного охвата укрупненных колхозов и совхозов первичными парторганизациями, мобилизация на село тысяч городских коммунистов, упорядочение формальной стороны деятельности советских органов, завершение к началу 1960-х гг. телефонизации колхозов ¹²⁶, распространение номенклатурного учета на низовые категории руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства ¹²⁷.

Однако сопровождавшая преобразования высокая сменяемость кадров нервировала районное руководство, усиливая актуальность чрезвычайных властных практик, становившихся важным инструментом создания благоприятного имиджа в глазах вышестоящего руководства. В 1953 г. Ярославский обком КПСС 958 раз направлял сотрудников своего аппарата уполномоченными и широко практиковал это в начале 1954 г. Только за три месяца уборочной кампании 1953 г. бюро обкома командировало на 12–15 дней 138 чел. Сообщая об этом на пленуме обкома КПСС в январе 1954 г., заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Я. Сторожев заявил: «Товарищи, я прошу не понять меня таким образом, что не следует посылать в районы партийный актив. Сама по себе эта мера полезная. Но нельзя терять чувство меры и руководить только посредством уполномоченных...» ¹²⁸. Калининский обком КПСС и облисполком в 1953 г. 43 раза направляли в районы большие группы уполномоченных, командировав 1 295 чел. Аналогично действовали РК КПСС и РИКи ¹²⁹.

В Москву шел поток писем о пробуксовке системы управления, основанной на инструкторских группах. В конце 1957 г. первому секретарю

Орловского обкома КПСС В. С. Маркову поступило письмо бывшего председателя колхоза им. К. Маркса Корсаковского района, в котором управление колхозами характеризовалось как «аракчеевские методы, стиль работы в районном масштабе». Из многих подобных оно выделяется тем, что его автор обозначил важную для тех лет проблему столкновения «старого» и «нового» стилей руководства и победы «старого». Ранее не работавший в сельском хозяйстве, в 1955 г. он как тридцатитысячник прибыл работать председателем одного из самых слабых колхозов, где столкнулся с типичными для многих хозяйств проблемами: нехваткой рабочих рук, слабой механизацией работ, нерентабельностью производства, отсутствием действенной помощи районной власти. Управление колхозами описывалось так: «При неблагополучии в ходе текущих сельскохозяйственных работ в районе, а тем более если по этому поводу получено замечание из обкома партии, <первый секретарь РК КПСС> немедленно вызывает в райком партии работников районных организаций и посылает их в качестве уполномоченных в колхозы, не подумав при этом и не обсудив как следует, что нужно делать на месте. Дается одна директива – "нажимать"..."¹³⁰.

После упразднения инструкторских групп по зонам МТС (ноябрь 1957 г.) инструкторы организационных отделов РК, на которых возлагались работа по руководству сельскими номенклатурными кадрами и контроль выполнения решений партийных комитетов, должны были закрепляться не за колхозами, а за парторганизациями. Объединение аппарата райкомов КПСС сопровождалось его сокращением, что не способствовало сворачиванию института. Весной 1960 г. заведующий отделом культуры по кинофикации г. Орла направил в редакцию «Правды» письмо, в котором жаловался на «незаконное», по его мнению, направление уполномоченным Орловского РК КПСС в колхоз, хотя постановление СМ СССР, принятое еще в 1952 г., запрещало отправлять работников кинофикации в командировки, не связанные с их основной работой: «Несколько дней тому назад я был назначен райкомом партии в один из колхозов постоянным ответственным уполномоченным по сдаче мяса, молока, яиц, шерсти и т. д. Я же помимо своей основной работы имею много поручений. По партийной

линии я – агитатор, по профсоюзной – председатель местного комитета. Пожарная инспекция назначила меня внештатным райпожинспектором. Ко всему этому я учусь заочно в вузе. Когда попробовали отдельные товарищи сказать, что у них уже достаточно нагрузок и работы, то секретарь РК КПСС ответил буквально следующее: "Мы деремся за выполнение колхозами взятых на себя обязательств, а в драке обязательно кому-нибудь разобьют нос. Вот мы и решили разбить нос тем, кто посмеет не выехать в колхоз"...»¹³¹. Правда, упоминания об «осужденных» методах руководства к началу 1960-х гг. почти перестают появляться в партийных документах, прессе, создавая впечатление «правильного» управления. Фактически же функции уполномоченных не изменились: как и в первые послевоенные годы, они продолжали осуществлять оперативный контроль за ходом хозяйственных кампаний¹³². Устойчивость направления уполномоченных сохраняли актуальность их инструктирования. Если ранее это достигалось за счет составления памяток и инструктивных совещаний, то теперь сами уполномоченные предлагали организовать специальные курсы, чтобы у обкома «под рукой был всегда боевой отряд способных и знающих дело»¹³³.

Крах «рязанской авантюры» и других аграрных «сверхпрограмм» Н. С. Хрущева, сопровождавшийся значительным спадом производства продовольствия, обозначил невозможность решить эту проблему посредством перекраивания аппарата, который воспринимал реформы как угрозу стабильности своего положения, преодолеваемую привычной чрезвычайщиной. После принятия Рязанской областью обязательства выполнить в 1959 г. три годовых плана заготовки мяса руководство обкома КПСС создало специальную «мясную» комиссию, которая работала с секретарями райкомов, руководителями колхозов, совхозов, кооперативных, торговых, заготовительных организаций, координируя махинации с отчетностью. При проверке секретари РК КПСС заявляли ревизорам из Москвы, что на протяжении нескольких лет руководство обкома практиковало «голый нажим, администрирование, шантаж»¹³⁴. То же самое происходило и в других регионах. Во многих крестьянских письмах во власть тех лет шла речь об уполномоченных, обшаривавших колхозные фермы и крестьянские подворья в

поисках яиц, молока и других продуктов, что напоминало крестьянам времена немецкой оккупации¹³⁵. Хотя иногда деревня даже благодарила «своих» уполномоченных, смягчавших шквалы хрущевских преобразований и «перегибы» местного руководства: месяцами живших в колхозе и помогавших ему перезимовать, «выбивавших» для него в районе семенные ссуды, трактор или комбайн, «воевавших» с пьянством и бесхозяйственностью колхозных руководителей. О рутинности пребывания в колхозе «партприкрепленных» говорится в анонимном письме председателю КПК при ЦК КПСС Н. М. Швернику из колхоза «Знамя победы» Мордвесского района Тульской области (конец 1961 г.). Это люди, которые решают в колхозе главные вопросы, в том числе основной – сколько будет выдано на трудодни и будет ли выдано вообще. О председателе колхоза в письме упоминается только однажды в конце повествования как о человеке, которому может подсказать уполномоченный. По словам его авторов, колхоз мог бы «хорошо жить», если бы «партприкрепленная» (заместитель председателя Мордвесского РИКа) не велела возить на заготовительный пункт скот «с красными флагами» и не приказала сдать государству все зерно с семенных участков, из-за чего колхоз оказался в долгах, так как семена пришлось покупать у государства. Кроме того, под снег в колхозе ушло 50 га ржи, которую «партприкрепленные» запретили колхозникам косить вручную за 20% урожая в свою пользу. В результате «неумения и незнания» «партприкрепленных» на трудодни колхозникам ничего не было выдано. Спасать положение в колхозе, «еле-еле» пережившем зиму, из райкома прибыли сам первый секретарь РК КПСС и его помощник, которые «сидели в колхозе», «все помогали зиму прожить и посеяться». Чтобы не допустить падежа оставшегося без кормов скота, «корма возили со Сталинграда». В заготовительную кампанию 1961 г. прикрепленный к колхозу начальник районной инспекции сельского хозяйства вновь приехал в село «с каким-то тульским» и пытался вывезти весь хлеб, «говорит, нечего вам давать на трудодень, ходите – идите с сумкой». «Может, и пойдем перед коммунизмом просить из-за таких начальников-партийцев», – сетовали в письме. Заканчивалось оно на мажорной ноте известием

о смене прикрепленного: «А сейчас <...> к нам ездит из района. Он и председателю подскажет, и с народом поговорит, и помог колхозу купить комбайн кукурузный и трактор новый и два комбайна. Он и ругается, и штрафует пьяных, а все ж справедливо, как секретари нашего района все. Он настоящий партприкрепленный, не то, как были до него пустые люди, а им доверили учить наших партийцев, они сами не понимают...»¹³⁶. От уполномоченных не отказались и с созданием территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. В начале 1960-х гг. руководство обкомов КПСС постоянно направляло в районы бригады из десятков членов бюро обкома, облисполкома и чиновников областных организаций для «оказания организационной помощи и налаживания практической работы»¹³⁷.

Изменение роли уполномоченных, опекавших руководителей укрупненных колхозов и совхозов, происходило по мере расширения полномочий, повышения квалификации и статуса последних: если ранее представителей воспринимали как агентов региональной или районной власти, то теперь могущественный хозяйственный руководитель, уже поработавший начальником в «районе» или «области», часто видел в них «свой» административный ресурс, как это было в передовом колхозе «Россия» Перемышльского района Калужской области¹³⁸. В документах Орловского и Смоленского обкомов КПСС есть свидетельства отрыва некоторых председателей колхозов и директоров совхозов от прикрепленных уполномоченных и инструкторов райкомов КПСС. Представители, пытавшиеся «поправить» руководителей, грубивших населению, оказывались выставленными из кабинета и даже избитыми. Райком при разборе подобных случаев становился на сторону «грубияна» или ограничивался выговором¹³⁹. Партийная пресса конца 1950-х гг. все чаще писала о нецелесообразности направления в колхозы уполномоченных в связи с улучшением состава колхозных руководителей¹⁴⁰.

Таким образом, непосильность одновременного выполнения широкого спектра задач по управлению селом Центрального Нечерноземья в первые послевоенные годы заставляла ослабленные войной официальные структуры

концентрироваться на главном – текущих хозяйственных кампаниях. Но даже их ведение было невозможно без чрезвычайных методов управления, одним из которых был институт уполномоченных, вписавшийся в систему сверхцентрализованной власти. Уполномоченные компенсировали ее слабые стороны, преодолевали накопленный деревней социальный иммунитет к колхозному строю, способствовали решению главной задачи, как ее понимало политическое руководство, – максимизации изъятия ресурсов деревни. С этой точки зрения эффективность института, измерявшаяся прежде всего в количестве поступивших в распоряжение государства продовольствия и денег (только в 1946–1953 гг. из сельского хозяйства в другие отрасли было переведено 105 млрд руб.)¹⁴¹, была несомненна. Именно она мирила власть с неквалифицированными решениями уполномоченных, их работой вхолостую, дезорганизацией «штатного» руководства и т. д. Тактический успех института стратегически приводил к пирровой победе: к исходу сталинской эпохи его пример наиболее рельефно обозначил пределы возможного для управления на основе административного нажима. Позднее институт способствовал провалу аппаратных реформ, аграрных «сверхпрограмм» Хрущева, окончательному подрыву мотивации к труду и переходу к дотированию сельского хозяйства. Слабая восприимчивость института к аппаратным реформам, увеличению числа коммунистов и первичных парторганизаций, оптимизации административно-территориального деления, прогрессу телекоммуникаций подчеркнула противоречивость попыток повсеместно утвердить «правильные» методы руководства, так как это неизбежно вело и к подавлению мобилизующего потенциала членства в КПСС – ключевого основания и института, и политического порядка в целом. И верхушка местного руководства использовала это противоречие в своих интересах, не торопясь отказываться от нарастающей в условиях усложнения управленческих задач неэффективности «чрезвычайщины», к тому же терявшей легитимность. Медленное сворачивание института происходило не вследствие повышения «уровня организационно-партийной работы», а, в первую очередь, по мере «приватизации» районными

руководителями подконтрольного им слоя номенклатуры, роста квалификации и расширения полномочий колхозно-совхозного руководства при погружении парторганов в управление экономикой села на «законных» основаниях.

1.3. Эволюция номенклатуры РК ВКП(б) и ее репрезентация деревней

Наряду с районным аппаратом и институтом уполномоченных важнейшим составляющим механизма власти в сельском районе выступала номенклатура. В литературе о номенклатуре в послевоенные годы речь по преимуществу идет о борьбе ведомств и партаппарата за право контролировать ее на высшем или региональном уровнях¹⁴². Изменения в самой номенклатуре изучены слабее и в основном в масштабе государства или региона¹⁴³. Еще меньше известно о подвижках в повседневно соприкасавшемся с населением уровне номенклатурного контроля, который осуществлял РК ВКП(б). Что представляла собой его номенклатура как система назначений, менялась ли она, какими факторами это обуславливалось, как влияло на механизм управления сельским районом и как воспринималось сельскими жителями?

В первые послевоенные годы комплектованием номенклатур РК ВП(б) занимались единые отделы кадров партийных комитетов. 25 октября 1948 г. и 4 января 1949 г. постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) аппарат региональных, городских и районных органов партии был реорганизован, были созданы отраслевые отделы, на которые возложены подбор кадров и реализация решений вышестоящих партийных, государственных и советских органов в «своих» отраслях¹⁴⁴. Номенклатурный контроль стал более специализированным. В исследуемый период номенклатура РК ВКП(б) подразделялась на две части – основную и учетно-контрольную (или учетно-резервную). В первом случае речь шла о ключевых руководящих должностях, утверждением кандидатур на которые занимались вышестоящие партийные комитеты (в основном – обкомы ВКП(б), во втором – руководству колхоза, совхоза, учреждения или предприятия достаточно было уведомить о подобранном кандидате РК ВКП(б) и направить в его адрес

учетные документы. Грань между частями номенклатуры переносилась в зависимости от изменения принципов номенклатурного учета, потребности усиления внимания к определенной отрасли или учреждению, местных особенностей состава и численности кадров.

Основным принципом номенклатурного контроля РК ВКП(б) во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. была централизация, сосредоточение принятия решений о ключевых назначениях в районе, во-первых, в ЦК ВКП(б) и обкомах и, во-вторых, в райкомах ВКП(б). Структуры номенклатур сельских райкомов ВКП(б) характеризуются детальным учетом кадров руководителей и специалистов предприятий, организаций и учреждений районного центра (что отражало концентрацию в нем власти) и неразвитостью учета сельских руководителей. Все руководящие должности в РК ВКП(б), РИКа, основных районных организациях и предприятиях, входившие в основную номенклатуру РК ВКП(б), являлись частью основной номенклатуры бюро и отраслевых отделов обкома ВКП(б). Так, номенклатура Чекалинского РК ВКП(б) Тульской области на 1948 г. состояла из 87 должностей на 313 чел., в том числе 22 должности на 27 чел. входили в номенклатуру обкома ВКП(б). Большую часть номенклатуры райкома, повседневно взаимодействовавшую с населением (65 должностей на 286 чел.), комплектовало бюро и отраслевые отделы РК ВКП(б). В нее входили шесть инструкторов и два пропагандиста РК ВКП(б), 64 секретаря первичных парторганизаций и четыре руководителя кандидатских групп, 27 председателей сельских Советов и председатель горсовета, заведующие отделами РИКа, не вошедшие в номенклатуру обкома, председатели 96 колхозов и кадры райЗО, директора и преподаватели истории 12 средних и неполных средних школ, заведующий райбиблиотекой, руководители и инженеры местных предприятий, транспорта и связи, начальник милиции района и четыре оперуполномоченных райотделов МВД и МГБ, райвоенком и его заместитель, помощник прокурора района и два следователя, председатель районного комитета физкультуры и спорта и другие кадры¹⁴⁵. Номенклатура Воловского райкома ВКП(б) Тульской области на 1945 г. насчитывала 71 должность на 253 чел., в том числе в

номенклатуру обкома ВКП(б) по району входило 44 должности на 55 чел.¹⁴⁶ Основу сельского уровня основной номенклатуры РК ВКП(б) составлял немногочисленный перечень должностей секретарей первичных организаций, председателей сельских Советов и колхозов, директоров совхозов и МТС, заместителей директора МТС по политчасти, специалистов МТС, иногда – заведующих избами-читальнями и секретарей комсомольских организаций¹⁴⁷.

Распыленные по территории района номенклатурные кадры терялись в остальной массе работников различных учреждений села, колхозов, совхозов и МТС. Однако к окончанию сталинской эпохи началось распространение принципов номенклатурного контроля «вниз», в первую очередь на ряд административных должностей в колхозах. Важнейшей предпосылкой этих перемен стало первое послевоенное массовое укрупнение сельхозартелей (1950 г.). Так, на 1 января 1953 г. основная номенклатура Чекалинского райкома ВКП(б) состояла из 98 должностей на 250 чел. и почти не изменилась по составу должностей в сравнении с 1951 г. Но теперь в нее были включены должности бригадиров полеводческих, огородных бригад и заведующих фермами¹⁴⁸. Номенклатура Некрасовского РК ВКП(б) Ярославской области на 1952 г. насчитывала 103 должности на 431 чел., из которых кандидатуры на замещение 17 должностей на 20 чел. утверждались обкомом ВКП(б), а остальные – райкомом, в том числе должности председателей колхозов и их заместителей, заведующих фермами и бригадиров (две последние категории работников впрочем окончательно еще не вошли в номенклатуру и были вычеркнуты от руки при правке машинописного текста)¹⁴⁹.

Однако ответом на укрупнение колхозов административными методами стал рост социальной апатии, отстраненности колхозников от мероприятий власти. Часто негативное отношение к работе председателя колхоза вызывало недовольство самим номенклатурным принципом комплектования председательского корпуса¹⁵⁰. В начале 1952 г. из Куйбышевского района Калужской области писали в ЦК ВКП(б), перечисляя злоупотребления председателя колхоза имени Сталина: «Когда обращаешься в райком: почему так,

они отвечают, что председатель колхоза – номенклатура обкома, они их снимают и ставят на работу, когда обращаешься в обком, то ответа нет. Поэтому колхоз идет не в гору, а катится назад, но мер не принимают...»¹⁵¹.

Следует отметить, что, несмотря на наличие определенного «типового» перечня номенклатурных должностей в сельской округе (как правило, верхушки руководства), местные особенности определяли различия в номенклатурах конкретных райкомов ВКП(б). Это позволяет говорить об определенной дифференциации номенклатурного учета, действии некоего номенклатурного «конструктора», ослаблявшего или концентрировавшего кадровый контроль на тех или иных категориях работников с учетом политической целесообразности, качественного состава и наличия на месте необходимых кадров¹⁵². Колебания номенклатурного контроля отчетливо просматриваются в местностях с наличием неблагонадежных, с точки зрения властей, категорий населения, подчас смыкаясь с акциями по их выявлению и преследованию органами госбезопасности. 2 января 1945 г. секретарь Орловского обкома ВКП(б) направил секретарям райкомов партии секретное письмо, в котором обращал внимание на наличие большого числа «политически сомнительных людей» в руководстве колхозами и земельными органами, предлагал проверить руководящие кадры «по деловым и политическим качествам», отстранив «немецких старост, полицейских, кулацкие и антисоветские элементы»¹⁵³. В результате только в 1945 г. в области было снято с работы 159 председателей, 67 бригадиров, 23 заведующих фермами, 58 счетоводов¹⁵⁴. В Смоленской области в 1945–1946 гг. «за пассивность и недостойное поведение на оккупированной территории» из партии был исключен 21 председатель колхоза¹⁵⁵. В Калужской области в 1945 г. из 3 237 председателей колхозов было отстранено как скомпрометировавших себя 132 чел., а 230 (33,4%) из 688 председателей сельских Советов и 1 769 председателей колхозов (54,6%) были учтены как проживавшие на оккупированной территории¹⁵⁶. Графы о награждении правительственными наградами и проживании на оккупированной территории были обязательными в таблицах номенклатурного учета вплоть до начала 1950-х гг.¹⁵⁷ Руководство райотделов и УМГБ по Смоленской области

регулярно информировало секретарей обкома ВКП(б) о наличии в сельских райцентрах, сельсоветах и колхозах немалого числа лиц, «не внушавших политического доверия», но, тем не менее, занимавших руководящие должности¹⁵⁸. «Засоренность» руководящих кадров села и райцентра была рефреном многих обращений во власть сельского населения. Бывший председатель Дубровского сельсовета Екимовичского района Смоленской области, воевавшая в партизанском отряде, сообщала в письме председателю ПВС СССР М. И. Калинину (май 1945 г.): «Все же жизни, работы, уважения партизанам в Екимовичском районе нет. Здесь широко открыты двери кулакам, которые начинают засорять ряды партии, которые в районе пользуются авторитетом больше, чем партизаны...» В качестве примера она приводила дочь репрессированного, исключенную до войны из ВЛКСМ, которая после войны вступила в партию и, работая директором неполной средней школы, трудоустраивала учителей, преподававших в открытых оккупантами школах¹⁵⁹. «Делается большое внимание к людям, которые были в оккупации и работали на немцев, а теперь все эти люди работают не на лесозаготовках, а в учреждениях, многие являются ответработниками, получают литерный паек, работают председателями сельсоветов, колхозов. А честные люди, которые боролись на фронте или честно работали в тылу, но не прохвосты и подхалимы, как первые, не замечаются районными руководителями и на них никто не обращает внимания...» - сообщал в «Правду» летом 1946 г. житель Хотынецкого района Орловской области¹⁶⁰. Как видно, нехватка кадров в первое послевоенное время и развитые неформальные связи позволяли даже при наличии «пятна» в биографии занять выгодную номенклатурную должность.

С приходом к власти Н. С. Хрущева курс на расширение охвата номенклатурным контролем организаций и предприятий района сохранился, но средством его реализации стала децентрализация номенклатур. При подготовке перестройки партийного и государственного аппарата была изменена номенклатура ЦК КПСС. Новая номенклатура, принятая 16 июля 1953 г., расширила права обкомов КПСС в части назначений первых секретарей

райкомов, председателей райисполкомов, районных уполномоченных министерства заготовок и других районных руководителей, уменьшившись из-за этого с 45 до 25,3 тыс. должностей ¹⁶¹. Следующее ее сокращение вводилось постановлением Президиума ЦК КПСС от 1 июня 1956 г., в результате которого основная номенклатура ЦК КПСС сократилась вдвое, а учетно-контрольная – более чем в 3,5 раза. Региональным партийным комитетам рекомендовалось вновь уменьшить свои номенклатурные списки, предоставив больше прав по подбору и расстановке кадров «нижестоящим органам» ¹⁶². На селе Центрального Нечерноземья фоном этих нововведений было укрупнение районов, сельсоветов и колхозов (за 1953–1961 гг. число районов сократилось с 460 до 313, сельсоветов – с 10 411 до 4 436, колхозов – с 14 650 до 4 280 ¹⁶³), полный охват колхозов и совхозов первичными партийными организациями к началу 1960-х гг., несколько волн кадровых мобилизаций из городов на село, аппаратные реформы.

Децентрализация номенклатурного учета сопровождала первую хрущевскую реформу аппарата РК КПСС – создание инструкторских групп райкомов по зонам МТС (1953–1957 гг.) ¹⁶⁴. Но убедившись, что партийные работники не могут изменить сложившуюся практику руководства, а многие инструкторские группы работают формально ¹⁶⁵, верхи партии сделали следующий шаг к совершенствованию номенклатурного контроля. Уже постановлением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС проводилась реорганизация системы агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов: состоя в штатах МТС, агрономы и зоотехники закреплялись за обслуживаемыми колхозами и, как и аппарат инструкторских групп, должны были там жить ¹⁶⁶. Постановлением февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС региональные партийные организации обязывались направить на работу в деревню «лучших работников из аппаратов» областных организаций, а также из городов и промышленных центров. В постановлении, опубликованном в «Правде» 6 марта 1954 г., говорилось о включении должности председателей колхозов в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей, бригадиров производственных бригад и заведующих фермами колхозов – в номенклатуру райкомов КПСС, что мыслилось

как мера по «повышению ответственности местных партийных органов за правильный подбор, расстановку и воспитание руководящих колхозных кадров»¹⁶⁷. 20 августа 1955 г. ЦК КПСС и СМ СССР принимают решение о зачислении агрономов и зоотехников МТС в штаты колхозов, рекомендовав им вступать в их члены¹⁶⁸. Таким образом, партийное руководство продолжило начатое еще в начале 1950-х гг. наращивание «нижних» ярусов номенклатуры сельских РК КПСС, распространяя ее на все новые должности в административной иерархии колхозов, перераспределяя в их пользу кадры МТС.

Однако, как и комплектование групп инструкторов РК КПСС по зонам МТС, подбор и утверждение кадров низовых руководителей проходили сложно, со значительной долей формализма. В Калужской области на 1 января 1954 г. не было утверждено 20,5% номенклатуры сельских РК КПСС, на 1 января 1955 г. – 23,3% (2 622 работника). Указания обкома КПСС об этом райкомами игнорировались. На 1 января 1955 г. из 962 заведующих колхозными фермами райкомами было утверждено только 571 чел. (59,3%). Часто утверждение производилось даже без предварительной беседы работников райкома с кандидатом на замещение должности¹⁶⁹. Те же недостатки в кадровой работе отмечались в справке обкома за 1955 г. Несмотря на сокращение сельскими райкомами КПСС своей номенклатуры с 12 105 до 10 981 должности, 2 109 чел. (17,5%) номенклатурных работников не были утверждены райкомами. Председатели колхозов смещали и назначали их по своему усмотрению. В Людиновском, Дугнинском, Калужском, Ульяновском районах утверждение происходило заочно. Из 2 937 бригадиров полеводческих бригад колхозов на 1 января 1956 г. РК КПСС утвердили 2 033 чел. (69,2%), из 1 078 заведующих животноводческими фермами – 732 чел. (68%), из 723 бригадиров тракторных бригад МТС – 616 чел. (85,2%), из 385 председателей сельских Советов – 260 (67,5%), из 752 секретарей колхозных парторганизаций – 672 (89,3%)¹⁷⁰. Еще более подхлестнуло перераспределение кадров специалистов в пользу колхозов ликвидация МТС и перевод их работников в штаты колхозов и совхозов. К началу 1960-х гг. в номенклатурах РК КПСС еще более увеличивается число должностей

и работников села, особенно низовых руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства, в том числе входящих в учетно-контрольную часть.

Подобно тому, как право назначать верхушку районного руководства увеличивало самостоятельность региональных лидеров, передача райкомами КПСС председателям укрупненных колхозов, совхозов, других учреждений и предприятий полномочий по подбору подчиненных им напрямую кадров говорила о повышении статуса и самостоятельности хозяйственного руководства. Из 507 чел., входивших в утвержденную в декабре 1959 г. номенклатуру Тутаевского райкома КПСС Ярославской области, 206 чел. утверждалось бюро райкома как ее основная часть, а 301 чел. составили «учетно-контрольную группу», объединявшую кадры председателей сельских Советов, начальников железнодорожных станций, заместителей председателей, бригадиров полеводческих и тракторных бригад, заведующих фермами колхозов, директоров неполных средних школ, заведующих сельскими клубами и библиотеками ¹⁷¹. Состав должностей, входящих в основную номенклатуру Боровского РК КПСС Калужской области на 1 января 1959 г., показывает, что кроме присутствовавших в ней в середине 1950-х гг. должностей руководителей низовых советских органов и колхозно-совхозного производства добавились должности агрономов и зоотехников колхозов. В учетно-контрольную номенклатуру вошли 13 руководящих должностей работников культуры (43 чел.), должности восьми руководителей промышленных предприятий, директоров семилетних школ, управляющих отделениями совхозов, председателей сельских и поселковых Советов, должность секретаря горсовета, председателей колхозов и работающих в них специалистов сельского хозяйства ¹⁷². На 1 января 1962 г. основная номенклатура Боровского РК КПСС включала восемь должностей руководителей производства в колхозах и совхозах, а также должности секретарей сельских первичных парторганизаций, председателей сельских Советов, в совокупности охватывая на селе 183 чел. (46,5% основной номенклатуры) ¹⁷³. Согласно отчету Орловского обкома КПСС о составе и сменяемости кадров на 1 января 1961 г. номенклатурный контроль на селе распространялся на 18 должностей (4 457

руководителей производственных звеньев, специалистов, секретарей первичных парторганизаций 48 совхозов, 324 колхозов и 27 РТС, в том числе и должности начальников 72 производственных участков колхозов)¹⁷⁴.

Обращает на себя внимание персональный состав номенклатурных работников, многие из которых возглавили укрупненные колхозы, совхозы и их первичные партийные организации, перейдя с руководящих должностей в аппарате райкомов КПСС, РИКов и других районных организаций¹⁷⁵. Свидетельством повышения статуса руководителей колхозов и совхозов в начале 1960-х гг. стало включение их должностей в основную или учетно-контрольную номенклатуру обкомов КПСС, что можно рассматривать в качестве ответа системы номенклатурного учета не только на рост масштабов сельскохозяйственного производства, но и на укрупнение «масштаба» людей, которые его теперь возглавляли. Должности 371 председателя колхозов Калужской области вошли в учетно-контрольную, а должности директоров 63 совхозов – в основную номенклатуру обкома КПСС, утвержденную 23 мая 1961 г. То же самое происходило в Тульской области¹⁷⁶. Районные и областные руководящие работники, приходя к руководству колхозами и совхозами, дополняли свой новый должностной статус прежними неформальными связями. Письма населения во властные инстанции изобилуют примерами того, как районные и сельские руководители «приватизировали» доступный им уровень номенклатуры. О том, как работал механизм рекрутирования кадров в районе по неформальным признакам, проросший через принципы номенклатурного учета, рассказывается в нескольких анонимных письмах из Велижского района Смоленской области, где в начале 1960-х гг. произошла смена руководства. Первый секретарь РК КПСС вызвал в 1960 г. в Велиж из Холм-Жирковского района своего племянника и поставил директором РТС, «культурно убрав» его предшественника, а спустя год обеспечил избрание родственника на должность председателя райисполкома с одновременной заменой многих работников аппарата РИКа. Вторым секретарем РК ВЛКСМ стал брат жены первого секретаря райкома КПСС, родственнице новоиспеченного председателя РИКа

была обеспечена должность заведующей сберкассой. Писавшие об этом первому секретарю Смоленского обкома КПСС П. А. Абрагимову жаловались: «В тяжелые годы после войны Велижский район выполнял все задания партии, и это было потому, что руководители района по-человечески относились к людям. Теперь с людьми не разговаривают, их чистят, и это делает первый секретарь райкома...» В справке о проверке писем из Велижа факты родства руководителей района отрицались, а также говорилось о переводе в другие районы или снятии «вышестоящими организациями» большинства упомянутых в письме руководителей ¹⁷⁷. В конце 1961 г. на руководство Дмитровского района Орловской области поступило несколько анонимных заявлений первому секретарю обкома КПСС и Н. С. Хрущеву. Верхи района обвинялись в «земляческом подходе» при подборе кадров (второй секретарь РК КПСС, заведующий организационно-инструкторским отделом райкома, председатель РПС, директор заготконторы РПС и другие руководители были родственниками и уроженцами одной деревни). Проверившие жалобу сотрудники обкома подтвердили факты родства и землячества, сделав, однако, вывод, что «указанные лица работают уже давно и выдвинутое обвинение в том, что [второй секретарь Дмитровского РК КПСС] подбирает кадры по-приятельски, не имеет основания» ¹⁷⁸. Из Дедиловского района Тульской области информировали руководство обкома КПСС, что за 13 лет работы в районе первый секретарь райкома КПСС перевез из другого района области 15 семей своих родственников, обеспечив их работой и квартирами. Кроме райцентра, его родня проживала в трех населенных пунктах (в общей сложности было «перетянуто» более ста человек). По мнению авторов письма, первый секретарь имел «большие связи в обкоме», так как обком его «поддерживал», из-за чего из района выдавлены многие руководящие работники. К письму был приложен «список родных и знакомых» первого секретаря из 13 фамилий с перечислением должностей и мест работы. Авторы письма сообщали: «Он любит его не поправлять, а если поправил, то, значит, берегись». Главе района они дали следующую оценку: «Ведь он старый волк, работает 13 лет на одном месте, укоренился, одобряет проект <программы> партии, что партийных,

советских работников надо менять. <...> Пора к руководству приобщать людей-специалистов, которые могут работать с народом не при помощи палочной дисциплины, а являться настоящим партийным руководителем, с которым можно строить коммунизм»¹⁷⁹.

Таким образом, изменения в номенклатуре сельского РК КПСС Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. следовали общему направлению совершенствования районного звена управления, цель которого верховная власть видела в как можно более плотном охвате района политическим контролем. При Сталине средством ее достижения была централизация номенклатурного учета верхушки районных кадров в ЦК и ОК ВКП(б), а прочих районных и сельских кадров – в РК ВКП(б), детализация на уровне райцентра и разреженность – на селе. В результате существовали не охватывавшиеся номенклатурным учетом «мертвые пространства», а нижние ярусы номенклатуры РК ВКП(б) были уязвимы от нежелательных в глазах власти кандидатов на замещение должностей. Приход на высший пост в партии Хрущева ознаменовался децентрализацией номенклатурного контроля, возрастанием удельного веса учетно-контрольной части номенклатур обкомов и райкомов КПСС, расширением их сельского уровня, а значит – кадровых полномочий верхушки района, руководителей колхозно-совхозного производства, сельских учреждений и предприятий. В глазах сельского населения прорастание номенклатурного контроля «вниз» выглядело как «приватизация» верхами района и села доступного им уровня номенклатуры, углубление их отрыва от непривилегированного населения.

Примечания к главе 1

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 28–29, 37.

² Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7.

-
- ³ *Кометчиков И. В.* Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945–1953 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». Выпуск 60. 2014. № 12 (341). С. 66–67.
- ⁴ Там же. С. 67.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953. С. 56–68.
- ⁷ *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. С. 73, 74. *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». С. 87.
- ⁸ История государственного управления в России / под. ред. Р. Г. Пихои и др. М., 2003. [Электронный документ]: URL: <http://www.twirpx.com/file/402937/> [дата обращения: 17.12.2013].
- ⁹ *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 204–211.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4953. Л. 1–8.
- ¹¹ ГАКО. Ф. Р-431. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–256 об. Ф. Р-1296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–205 об. Д. 3. Л. 1–4. Д. 4. Л. 12–87. Д. 5. Л. 17–20.
- ¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 479. Л. 121.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 4926. Л. 21. Д. 6364. Л. 176.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 206. Л. 144 об.
- ¹⁵ *Кометчиков И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2 (30). С. 243.
- ¹⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2783. Л. 177, 177 об., 387. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 47. Л. 39. 194, 194 об. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 30. Л. 66. Д. 165. Л. 62–65 об. Оп. 5. Д. 221. Л. 169. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594. Л. 57–58. Д. 598. Л. 147–148.
- ¹⁷ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 671, 674.
- ¹⁸ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 34–35. *Федоров А. Н.* Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2005. № 7 (47). С. 104–107.

-
- ¹⁹ Федоров А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 13–17, 24.
- ²⁰ Левин М. Номенклатура – Arcanum Imperii // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1997. С. 74.
- ²¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2, 8, 9.
- ²² Там же. Д. 55. Л. 5.
- ²³ Подсчитано: там же. Л. 27.
- ²⁴ Подсчитано: там же. Д. 65. Л. 4, 5, 7, 11.
- ²⁵ Там же. Д. 69. Л. 16.
- ²⁶ Кошетчиков И. В. Будни аппарата... С. 68.
- ²⁷ Осокина Е. А. О социальном иммунитете. С. 387–406.
- ²⁸ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1152. Л. 9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 20, 29, 38.
- ²⁹ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 70. Л. 125, 126. Д. 178. Л. 13 об., 41. Д. 801. Л. 7 об., 16. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3020. Л. 64, 70. Д. 3745. Л. 125, 132, 138. 40 лет образования Калужской области. Юбилейный статистический сборник. Для служебного пользования. Калуга, 1984. С. 32, 33.
- ³⁰ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138, 139.
- ³¹ Кошетчиков И. В. Будни аппарата... С. 69.
- ³² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 222. Л. 45 об., 46 об.–47.
- ³³ Кошетчиков И. В. Будни аппарата... С. 69–70.
- ³⁴ Попов В. П. Крестьянские налоги в 1940-е годы. С. 106–107. Его же. Сталин и проблемы экономической политики. С. 79–80. Вербицкая О. М. Российское крестьянство. С. 23.
- ³⁵ Кошетчиков И. В. Будни аппарата... С. 70.
- ³⁶ Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38.
- ³⁷ ГАКО. Ф. Р-3032. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–198 об. Ф. Р-1156. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–111. Д. 42. Л. 1–37.

-
- ³⁸ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242.
- ³⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 68. Л. 20. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1025. Л. 16, 17–18.
- ⁴⁰ *Овечкин В. В.* Районные будни // Овечкин В. В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1989. С. 20.
- ⁴¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 341–343.
- ⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 2–6, 14.
- ⁴³ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 55–56, 64, 65. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 454. Л. 108–109. Д. 483. Л. 35, 52.
- ⁴⁴ *Мозохин О. Б.* Указ. соч. С. 365–366, 401–402, 444–446, 456–458.
- ⁴⁵ Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952 г., 6 октября.
- ⁴⁶ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 343–344. Правда. 1953 г., 15 сентября.
- ⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 433. Л. 6. КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 144–145, 343.
- ⁴⁸ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–75.
- ⁴⁹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 198.
- ⁵⁰ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 – начало 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 78.
Подсчитано: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 412. Л. 123–124, 132. Д. 413. Л. 21, 22, 32, 33. Д. 414. Л. 19, 20, 42, 82, 203, 206.
- ⁵¹ Правда. 1953 г., 15 сентября.
- ⁵² Подсчитано: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 414. Л. 81. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 89. Л. 127.
- ⁵³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 390. Л. 1. Д. 391. Л. 1.
- ⁵⁴ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 388.
- ⁵⁵ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 78.
- ⁵⁶ Там же. С. 78–79.
- ⁵⁷ Томилин В. Н. Наша крепость. С. 120–121.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 1.

-
- ⁵⁹ Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 406.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 48. Л. 85–88, 92–93, 99, 101, 106, 157-158. Д. 118. Л. 284.
- ⁶¹ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 88. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7–10.
- ⁶² Подсчитано: ГАРФ. А-385. Оп. 46. Д. 74. Л. 15. Д. 77. Л. 15.
- ⁶³ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 79.
- ⁶⁴ О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 160.
- ⁶⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 394. Л. 69.
- ⁶⁶ Там же. Д. 395. Л. 159.
- ⁶⁷ Там же. Д. 1086. Л. 189 об., 192. Д. 1261. Л. 1, 6.
- ⁶⁸ Там же. Д. 1086. Л. 56.
- ⁶⁹ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 117–119.
- ⁷⁰ Подсчитано: там же. С. 155, 159, 160.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Л. 81. Л. 25–28. Д. 113. Л. 25–27. Д. 116. Л. 27–29. Д. 120. Л. 41–43.
- ⁷² Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 321-328.
- ⁷³ КПСС в резолюциях. Т. 10. С. 292–293.
- ⁷⁴ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 88. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 8.
- ⁷⁵ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 234.
- ⁷⁶ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 81.
- ⁷⁷ Там же. С. 81–82.
- ⁷⁸ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 218, 219.
- ⁷⁹ *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом». С. 83.
- ⁸⁰ Там же. С. 84.
- ⁸¹ Его же. Привилегии номенклатуры. С. 243–249.
- ⁸² Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 482, 484.
- ⁸³ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 288.

⁸⁴ Институт уполномоченных РК ВКП(б) и РИКов на селе Центрального Нечерноземья приобрел значительное распространение еще в довоенные годы. На уполномоченных центрального, губернских, уездных и волостных комитетов РКП(б) и Советов возлагалось не только проведение регулярных сельскохозяйственных и политических кампаний, но и таких важных акций, как коллективизация и раскулачивание, выселение раскулаченных и т. д. Множество упоминаний о деятельности уполномоченных содержат документы партийных, советских и политических органов 1920–1930-х годов, а также периода Великой Отечественной войны. См.: Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокругения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С. В. Журавлев и др. М., 1999. С. 65, 72, 93, 116, 117, 118, 135, 155–156, 185, 207, 213, 214, 215, 216, 217, 211, 228, 229, 232–233, 240–241, 247–248, 263, 273, 274, 322, 323, 324, 344, 347, 348, 352, 353, 361, 379, 392, 397, 399, 410, 411, 412, 425, 427–428, 449–451, 455, 461, 463, 483, 485, 489, 493, 497, 498, 501, 501–502, 520, 525–526, 539–540, 556, 558–559, 570–571, 654. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. С. 108, 110–111, 112, 113–114, 119, 137, 401, 513, 634, 660, 685, 699, 713. Трагедия советской деревни. В 5. т. Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 128, 129, 213, 221, 300, 322, 323, 372, 599–600, Трагедия советской деревни. В 5. т. Т. 3. Конец 1930 – 1933 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. - М., 2001. С. 106-112, 153-158, 254-255, 378-380, 746-750, 806. Трагедия советской деревни. В 5. т. Т. 4. 1934-1936 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. - М., 2002. С. 212, 614. Трагедия советской деревни. В 5. т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 г. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М., 2004. С. 126–127, 233–234, 518. Трагедия советской деревни. В 5. т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939 гг. / под ред. В. Данилова. М., 2006. С. 235, 267–269, 436–437. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В.

Данилова. М., 2000. С. 79–80, 81, 96, 103, 111–112, 232, 243, 474, 475, 480, 497, 566, 584–585, 660, 663, 692, 698, 703. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 181, 507, 522, 731, 774, 847. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. С. 232, 234–235, 562, 608, 687, 789. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2005. С. 115, 142, 158–159, 172, 173, 486, 524. *Зима В. Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. С. 222. Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сб. докум. / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2007. С. 68–69, 95–96, 200, 218–219, 295, 412, 441, 446, 464–465, 551. ГАДНИКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 12, 16. Д. 18а. Л. 6.

⁸⁵ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х - начала 1960-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 4 (27). С. 125–126.

⁸⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 98. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 226–227.

⁸⁷ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 69. Л. 7, 13. Д. 70. Л. 88, 89, 91, 110, 218–221. Д. 74. Л. 6, 10, 80, 100, 101, 118. Д. 443. Л. 24, 63, 154, 155, 178, 179. Д. 445. Л. 116, 120, 125, 137. Д. 693. Л. 9, 11, 21, 23, 53, 109, 189. Д. 689. Л. 10, 11.

⁸⁸ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 127.

⁸⁹ *Гришин В. В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары / ред.-сост. Ю. П. Изюмов. М., 1996. С. 142–143.

⁹⁰ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 133–134.

⁹¹ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 127.

⁹² Там же.

-
- ⁹³ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 324. Л. 120–121.
- ⁹⁴ Там же. Д. 323. Л. 33, 33 об.–34.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 48, 48 об.
- ⁹⁶ Там же. Д. 102. Л. 66. Д. 120. Л. 49.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 11. Д. 12. Л. 9.
- ⁹⁸ Подсчитано: там же. Ф. 30. Оп. 5. Д. 291. Л. 1–85. Д. 392. Л. 1–126. Д. 511. Л. 1–346.
- ⁹⁹ Подсчитано: там же. Ф. 27. Оп. 23. Д. 52. Л. 1–139. Оп. 24. Д. 68. Л. 1–136.
- ¹⁰⁰ Подсчитано: там же. Ф. 53. Оп. 2. Д. 131. Л. 1–33.
- ¹⁰¹ Подсчитано: там же. Ф. 32. Оп. 11. Д. 17. Л. 1–45.
- ¹⁰² *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 127–128.
- ¹⁰³ Политический словарь 1940 г. содержит следующее определение понятия «актив»: 1) «руководящие кадры и наиболее деятельные члены организации, общества»; 2) партийный актив – «руководящие партийные кадры, активные работники организаций ВКП(б)». См.: Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 18.
- ¹⁰⁴ Подсчитано: ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 555. Л. 221–225. ЦНИТО. Ф. 2322. Оп. 3. Д. 85. Л. 1–2. ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 27. Д. 82. Л. 21–24.
- ¹⁰⁵ Подсчитано по: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 135. Л. 7, 76, 103, 120. Д. 136. Л. 18, 26, 41, 61, 75, 102, 133, 136, 155, 162. Д. 137. Л. 8, 20, 21, 39, 65, 81, 89, 100, 108, 129, 158 (отсутствуют данные по Людиновскому и Барятинскому РК ВКП(б). Д. 772. Л. 6, 7.
- ¹⁰⁶ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1152. Л. 8, 9, 33, 36.
- ¹⁰⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 429. Л. 107, 108, 109.
- ¹⁰⁸ ЦНИТО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 145. Л. 24, 25, 26.
- ¹⁰⁹ Советская жизнь. С. 512–513.
- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 642. Л. 19, 21, 30, 74.
- ¹¹¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 342. Л. 62 об.–63.
- ¹¹² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Оп. 5. Д. 219. Л. 2, 3, 4, 4 об.

-
- ¹¹³ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 220. Л. 36. ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 23. Д. 59. Л. 2, 3, 5. Ф. 55. Оп. 8. Д. 467. Л. 28. ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 56. Л. 8. Д. 91. Л. 34.
- ¹¹⁴ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 242, 284, 285–286. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 1537. Л. 23, 113, 142, 160–167. Д. 1538. Л. 138. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 432. Л. 152. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 18. Д. 86. Л. 255–256.
- ¹¹⁵ ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 10. *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 129.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 85. Д. 27. Л. 65.
- ¹¹⁷ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 159. Д. 1860. Л. 62. Оп. 2. Д. 1086. Л. 65–66. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2749. Л. 31, 32. Оп. 4. Д. 66. Л. 182, 182 об. Д. 67. Л. 6. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1074. Л. 34.
- ¹¹⁸ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1336. Л. 27–28. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 75. Л. 28.
- ¹¹⁹ ГАДНИКО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 324. Л. 143. Ф. 30. Оп. 5. Д. 511. Л. 54, 54 об.
- ¹²⁰ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 129.
- ¹²¹ Там же. С. 130.
- ¹²² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 206. Л. 144 и об.
- ¹²³ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 211. Л. 29 об.
- ¹²⁴ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 500. Л. 255.
- ¹²⁵ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 342, 388.
- ¹²⁶ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 87–88.
- ¹²⁷ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 105-108, 108 об., 109–126. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 189, 191, 192. Д. 1879. Л. 92, 121, 150, 179, 180. Д. 1880. Л. 207, 234, 261, 288, 315, 345, 365. Д. 1881. Л. 396, 426, 455, 485, 575.
- ¹²⁸ Региональная политика Н.С.Хрущева. С. 64, 65.
- ¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 483. Л. 35, 52.
- ¹³⁰ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 849. Л. 155, 156.
- ¹³¹ Там же. Д. 1842. Л. 13, 13 об.
- ¹³² *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 131.
- ¹³³ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 2101. Л. 106, 106 об., 107.

-
- ¹³⁴ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 131–132.
- ¹³⁵ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1820. Л. 225, 225 об., 105–106. Д. 1828. Л. 12, 12 об. Д. 1833. Л. 53–54. Д. 1843. Л. 53 об. Д. 1844. Л. 23, 26–29. Д. 92. Л. 108.
- ¹³⁶ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 82. Л. 307–308, 310–211, 211 об., 312–313, 313 об.
- ¹³⁷ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1123. Л. 69, 82, 108, 118, 122, 135–136, 160. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 772. Л. 116.
- ¹³⁸ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119–120, 123, 124, 134–136, 139.
- ¹³⁹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1094. Л. 145, 146. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1829. Л. 120 об., 128.
- ¹⁴⁰ *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных»... С. 132.
- ¹⁴¹ *Вербицкая О. М.* Указ. соч. С. 24–25.
- ¹⁴² *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского госуниверситета. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 22.
- ¹⁴³ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 22.
- ¹⁴⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 25–26, 34–35.
- ¹⁴⁵ Подсчитано: ЦНИТО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 71. Л. 1, 1 об.–2, 2 об.
- ¹⁴⁶ Подсчитано: там же. Ф. 15. Оп. 3. Д. 84. Л. 11, 11 об.
- ¹⁴⁷ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 23.
- ¹⁴⁸ Подсчитано: ЦНИТО. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 1 об.–2.
- ¹⁴⁹ Подсчитано: ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 555. Л. 221–225.
- ¹⁵⁰ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 37. Л. 209. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 6. Д. 128. Л. 2.
- ¹⁵¹ ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 18. Д. 14. Л. 7.
- ¹⁵² *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 24.
- ¹⁵³ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1074. Л. 1, 1 об.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 1152. Л. 35.
- ¹⁵⁵ Подсчитано: ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1905. Л. 1.
- ¹⁵⁶ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 132. Л. 25, 26, 30, 31.

-
- ¹⁵⁷ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 24–25.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 25.
- ¹⁵⁹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1861. Л. 130, 130 об., 132.
- ¹⁶⁰ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 167. Л. 203, 203 об.
- ¹⁶¹ Региональная политика Н. С. Хрущева. С. 6.
- ¹⁶² Там же. С. 7.
- ¹⁶³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7–10. Д. 68. Л. 28–30. Д. 116. Л. 27–29, 41–43. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С. 352. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 111.
- ¹⁶⁴ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 343.
- ¹⁶⁵ Там же. Т. 9. С. 387–388.
- ¹⁶⁶ Там же. Т. 8. С. 337.
- ¹⁶⁷ Там же. Т. 9. С. 389.
- ¹⁶⁸ Томилин В. Н. Наша крепость. С. 205–206.
- ¹⁶⁹ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 26.
- ¹⁷⁰ Подсчитано: ГАДНИКО. Оп. 9. Д. 243. Л. 117. Д. 388. Л. 1, 2, 6, 16, 19–20, 22, 24, 25–26.
- ¹⁷¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 616. Л. 179.
- ¹⁷² ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 105–108, 108 об., 109–126.
- ¹⁷³ Подсчитано: там же. Д. 53. Л. 31.
- ¹⁷⁴ Подсчитано: ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 189, 191, 192. Д. 1879. Л. 92, 121, 150, 179, 180. Д. 1880. Л. 207, 234, 261, 288, 315, 345, 365. Д. 1881. Л. 396, 426, 455, 485, 575.
- ¹⁷⁵ *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС... С. 27.
- ¹⁷⁶ ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 53. Л. 14 об., 15 об., 16, 16 об. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1009. Л. 104, 110. ЦНИТО. Ф. 16. Оп. 4. Д. 70. Л. 45.
- ¹⁷⁷ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1087. Л. 224, 227, 230, 239–240.
- ¹⁷⁸ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 2107. Л. 5 об.–6, 7–8.
- ¹⁷⁹ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 84. Л. 49, 50, 51, 52, 52 об.

Глава 2. Сельская власть и население

2.1. Состав, функционирование сельских Советов, отношение к ним деревни

Хотя с низовыми Советами изо дня в день соприкасалось значительное число сельского населения, немного известно об их будничном функционировании. Верховная власть отнюдь не считала его раз и навсегда определенным, разработав в послевоенные годы несколько вариантов реформ. Важным для понимания направлений реформирования, места сельских Советов в механизме управления деревней может стать выяснение соотношения в их деятельности формальной и повседневной сторон, функций органов государственной власти и местного самоуправления.

К окончанию войны сельские Советы, как и другие советские и партийные органы на местах, потеряли большую часть довоенного состава. На 1 января 1945 г. в сельских Советах РСФСР числилось 38,4% депутатов, избранных в декабре 1939 г., недепутатами «своих» Советов были 65,5% их председателей, 30,2% заместителей председателя, 75,8% секретарей, 48,5% состава исполкомов. Сельские Советы на две трети состояли из членов исполкомов. К 1 января 1947 г. из состава депутатов сельских и поселковых Советов, избранных в 1939 г., осталось лишь 45,7%, депутатами являлись 32,8% их председателей. В Великолукской области депутатами сельских Советов были 20,9% их председателей, в Рязанской области – 53,2%, в Московской – 41,1%. Остроту кадрового вопроса понизил приток на советскую работу значительного числа демобилизованных. На 1 января 1947 г. 52% председателей сельских и поселковых Советов РСФСР являлись вчерашними фронтовиками, в Брянской области их было 77,3%¹. С другой стороны, значительное число людей в гимнастерках закрепило «военизированную» практику их работы. Органы прокуратуры регистрировали десятки тысяч жалоб на нарушения законности

райисполкомами и исполкомами сельских Советов, в основном по поводу незаконных обысков, изъятия имущества и скота, трудовых мобилизаций, угроз оружием, наложения штрафов². Так, заведующий Шумячским райЗО Смоленской области и председатель Балахновского сельсовета (оба партизаны, члены ВКП(б), награжденные орденами), находясь в марте 1945 г. в колхозе им. Михайлова Балахновского сельсовета и проверяя готовность к весеннему севу, провели незаконный обыск у 12 семей военнослужащих и инвалидов войны с изъятием их имущества. Старший ревизор налогового отдела Смоленского облФО и председатель Кокоревского сельсовета Вяземского района занимались сбором военного налога в д. Кокорево. Выпив, они обходили дома семей инвалидов и военнослужащих, многие из которых были освобождены от его уплаты. При отказе немедленно уплатить налог, они по своему усмотрению оценивали и изымали имущество, избивая крестьян и угрожая им оружием. За подобные действия в области было предано суду 41 чел., в том числе 11 председателей сельских Советов, заведующий райФО, секретарь РК ВКП(б), заместитель председателя РИКа, начальник райотдела НКГБ и др. В органы прокуратуры области в 1944 – мае 1945 гг. поступило 29 485 жалоб, в том числе около 20 тыс. – о незаконном изъятии имущества, проведении обысков и т. п. Исполкомы Балакиревского сельсовета Дорогобужского района и Добринского сельсовета Знаменского района вынесли решения штрафовать председателей колхозов на 50 руб. в доход сельского Совета за неявку на его сессию. РИК и сельские Советы по своему усмотрению распоряжались имуществом, транспортом колхозов и трудом колхозников. Ельнинский РИК направил 24 апреля 1945 г. председателям сельских Советов такое решение: «Исполком Ельнинского райсовета депутатов трудящихся обязывает Вас выделить по одному человеку из колхоза, а из больших колхозов по два человека и направить на работу на узкоколейку. Выделенные люди будут работать один месяц, будут получать питание и зарплату в леспромхозе, а колхозы обязаны будут начислять им трудов дни». Такие же решения издавал и Смоленский облисполком³. В Ершичском районе Смоленской

области в ноябре 1944 г. на районном совещании председателей сельских Советов и колхозов была дана установка комплектовать колхозные фермы за счет молодняка скота колхозников без заключения договоров контрактации и оплаты. Председатели сельских Советов совместно с уполномоченными РИКа производили у колхозников обыски с изъятием трофейного и колхозного имущества без всякого документального оформления изъятых⁴. Заведующий мобилизационным отделом Стодолищенского РИКа (член ВКП(б) с 1939 г., награжденный медалью «Партизану Отечественной войны II степени»), будучи уполномоченным РК ВКП(б) и РИКа в Алексеевском сельсовете, заставлял колхозниц подписываться на заем угрозами изъятия имущества и расстрела, избивал и оскорблял их. 12 апреля 1945 г., будучи вызванным с кустового совещания председателей колхозов при сельском Совете, был сам избит сыновьями оскорбленных—офицерами, приехавшими в отпуск⁵.

Преобладание «исполнительно-распорядительной» функции потеснило такие формы работы сельских Советов, как созыв и проведение сессий, деятельность постоянных комиссий, отчетность депутатов перед избирателями, а во многом и вовсе лишило их значения. В первом полугодии 1945 г. лишь 71,3% сельских и поселковых Советов РСФСР созывали сессии, из них в сроки, установленные Конституцией (не реже раза в месяц), – 19,5%, во втором полугодии – 70,8 и 21,4%, в первом полугодии 1946 г. – 77,1 и 28,3%, во втором полугодии 1946 г. – 79,9 и 26,3% соответственно. Из требовавшегося по норме количества сессий сельские и поселковые Советы республики в 1946 г. провели лишь 46,6%. Подавляющее большинство постоянных комиссий сельских Советов были малоработоспособными по составу. В 1945 г. в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР в среднем состояло 1,1 депутата, в 1946 г. – 1⁶. В Калужской области в 1946 г. из 12 426 членов 2 798 комиссий депутатами были 2 013 чел. Из состава комиссии в среднем 4,4 чел. депутатами было 0,7 чел.⁷ Невысокого мнения о работе сельских Советов были руководящие советские работники. 15 июля 1946 г. в выступлении на заседании Тульского областного Совета его

председатель заявил: «Руководители сельских Советов <...> превращаются в устных деяг, не способных привлечь трудящихся к активному участию в деятельности сельских Советов. Сельские Советы строят свою работу бессистемно, без плана, конституционные сроки созыва сессий Советов, как правило, не соблюдаются. Проводимые заседания сессий сельских Советов малосодержательны, превращаются в простые собрания, в пустую говорильню, не говоря уже о том, что всякая критика и самокритика отсутствует. Решения, как правило, принимаются неконкретные, выполнение их не контролируется...»⁸.

Во многом такое функционирование сельских Советов задавалось верховной властью. Их правовой статус и практика функционирования оформились до войны на базе доминирования функций органов государственной власти над функцией сельского самоуправления. Как и другие местные Советы, они были обязаны согласовывать с вышестоящим Советом «план хозяйственного и социально-культурного строительства» и бюджет. Облсполком ежегодно представлял на рассмотрение сессии областного Совета проект бюджета области в объеме, установленном законом ВС РСФСР и утвержденном СМ РСФСР. Его обсуждение носило формальный характер, так как сессия не могла увеличить по сравнению с утвержденными ни размеры фондов заработной платы, ни объем капиталовложений, ни сеть подведомственных учреждений, даже если в течение года появлялись неплановые доходы, и т. д. То же самое происходило на сессиях районных и сельских Советов. Предмет ведения сельского Совета положение от 1 января 1931 г. определяло с высокой степенью детализации, но не оговаривало процедур реализации функций, что порождало разное их понимание работниками райисполкомов и сельских Советов. Обследования работы сельских Советов показали, что одни из них пытались «давать колхозам руководящие указания, как им выполнить государственное задание», чего «не могла обеспечить структура советских районных организаций», а другие не делали этого из-за укрупнения колхозного производства⁹.

Другими основными заботами сельских Советов были ремонт и содержание объектов социально-культурной инфраструктуры села, поглощавшие львиную долю их бюджета. Часть его составляли доходы от имущества и предприятий самого сельского Совета, а также отчисления от собираемых на его территории государственных и местных налогов, платежей и займов. Размер отчислений определял райисполком с учетом разницы между доходами сельского Совета от собственных источников и расходами¹⁰. Скудость бюджета заставляла руководство сельских Советов обращаться за материальной помощью к администрациям предприятий, колхозов, сельпо и других организаций. При этом депутаты и актив почти повсеместно вели основной объем работы по исчислению и взиманию налогов и страховых платежей, хотя согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г. этим должен был заниматься аппарат райФО, а также отвечали за выполнение плана натуральных поставок продовольствия колхозами и населением государству, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1937 г. это возлагалось на аппарат райуполнаркомзага. Такое противоречивое положение стимулирует попытки приведения формального статуса сельских Советов в соответствие с реалиями их работы. В 1946 г. возобновляется разработка нового положения о сельском Совете, в 1947–1953 гг. составляются четыре его проекта, проект укрупнения сельсоветов, два проекта укрупнения сельсоветов и создания волостей и волостных Советов, проект укрупнения сельсоветов и повышения должностных окладов их работников, исходившие из необходимости передачи сельским Советам значительной части полномочий районных организаций по управлению колхозами, учреждениями и организациями сельской местности (начисление и взимание налогов и страховых платежей, руководство агрономическими и зоотехническими участками, контроль за кадрами села и др.)¹¹. Однако тогда эти идеи не получили развития.

И юридическое оформление деятельности сельских Советов, и практика управления ими со стороны райисполкомов и РК ВКП(б) выхолащивали даже те элементы самоуправления, которые потенциально содержали основные формы

сельсоветской работы. Активности депутатов предписывалось разворачиваться вокруг уже принятых директив, что делало ее почетной, но не содержавшей реальных полномочий бесплатной обязанностью, и разновидностью «политического воспитания». Пониженный статус сельских Советов в управлении селом просматривался в скудном материальном обеспечении членов их исполкомов. До 1954 г. они были одними из самых низкооплачиваемых работников сельских учреждений.

Чрезмерная концентрация власти в центре сельского административно-территориального района предопределяла живучесть чрезвычайных властных практик, компенсировавших пониженную дееспособность институтов власти на селе. Для «помощи» и контроля за деятельностью низовых Советов в период хозяйственно-политических кампаний из района направлялись многочисленные уполномоченные РК ВКП(б) и райисполкома. В военное время это имело, с точки зрения властей, известное оправдание: повышалась оперативность руководства, сглаживалась нехватка кадров и т. д. Но война уходила в прошлое, а «военные» методы управления сохранялись, хотя о недопустимости смешения функций партаппарата и Советов писала центральная партийная пресса¹². Зачастую даже простейшие решения принимались через голову низовых советских органов и райисполкомов – в райкоме партии, а на местах – его уполномоченными, которые смещали и назначали членов исполкомов сельских Советов исходя из задач очередной кампании (с введением в середине 1920-х гг. номенклатуры выборных должностей выборы в Советы и другие органы вообще стали фикцией¹³). В 1945–1947 гг. ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК ВКП(б) обновляют секретные инструкции об организационной и агитационно-пропагандистской работе парторганизаций в период предвыборных кампаний и выборов, детально регламентировавшие порядок подбора, утверждения и выдвижения кандидатов в депутаты Советов и устанавливавшие квоты на «представительство» основных социальных групп, что сохранялись и позднее¹⁴. Во главу угла при назначениях на должности в исполкомах сельских Советов ставилось умение быть

«приводным ремнем» «района» – справляться с большим объемом работы по исполнению директив. Любой серьезный провал в ней влек «избиение» сельсоветских кадров. Особенно велика была текучесть их состава в первые два года после войны¹⁵. К моменту первых послевоенных выборов в местные Советы 24,5% председателей сельских Советов РСФСР имели стаж работы в должности до одного года, 26,6% – от одного до трех лет, 12,4% – от трех до пяти лет, свыше пяти лет работали 14,9%. По общему стажу руководящей работы в Советах 62,9% председателей работали до трех лет, т. е. были назначены в первые послевоенные годы, еще 15,5% – в годы войны¹⁶. Особенно велика была текучесть кадрового состава исполкомов сельских Советов в первые год-два после войны. Например, в Тульской области только за 1946 г. сменилось 359 председателей (40%), в Калужской области за 1945 г. и пять месяцев 1946 г. из 687 председателей сельсоветов сменилось 483 чел. (72%). Докладывая об этом в середине 1946 г. на пленуме Калужского обкома ВКП(б), секретарь обкома по кадрам произнес: «Это страшная цифра...»¹⁷.

Казалось, текучесть состава председателей сельских Советов должна была сократиться после первых послевоенных выборов, но этого не произошло, так как и в мирное время административное смещение и назначение сельсоветских кадров обуславливались централизацией власти на селе в руках парторганов, номенклатурными принципами кадровой политики. За 1948–1949 гг. из состава председателей сельских Советов РСФСР, избранных на первых послевоенных сессиях, выбыло 26,1%, недепутатами были 10,6%, за 1950 г. выбыло 13,2% председателей, 14,3% секретарей, за 1952 г. – 18% председателей, недепутатами были около 8%, секретарей соответственно 17,4 и 20,9%. За 1953 г. вновь выбыло 5,6% председателей исполкомов сельских Советов РСФСР и 7,8% секретарей. Значительна была сменяемость исполкомов сельских Советов в Центральном Нечерноземье, доходившая до 20-30% состава в год¹⁸. В коллективном заявлении из колхоза «Боевик» Замишевского сельсовета Новозыбковского района Брянской области, адресованном председателю Совета по делам колхозов

А. А. Андрееву, рассказывалось, как руководство РИКа выполняло решение бюро РК ВКП(б) о снятии с должности неугодного «району» председателя сельсовета. Дважды в сельсовет приезжали «представители», которые запугиванием пытались добиться этого от сессии, а когда не удалось – отстранили, не объясняя причин, на заседании РИКа¹⁹.

Милитаризация управления селом и подавление без того урезанных полномочий сельских Советов вели к забвению формальных процедур их функционирования. За 1948–1949 гг. только 44,7% сельских Советов РСФСР соблюдали конституционную норму созыва сессий. Только в пяти областях Центрального Нечерноземья за этот период более 50% Советов созывали сессии в конституционные сроки, а в остальных – от 18 до 48,8%²⁰. В первом полугодии 1952 г. в девяти областях Центрального Нечерноземья созывали сессии в установленные сроки свыше 60% сельских и поселковых Советов, во втором полугодии 1952 г. – в шести областях, в первой половине 1953 г. – в одиннадцати областях. Некоторое упорядочение созыва сессий низовыми Советами наблюдается к середине 1953 г., хотя и не говорит о соответствующем росте активности депутатов. Исполкомы сельских и поселковых Советов были оторваны от основной массы депутатов, почти не отчитались на сессиях о работе. В первом полугодии 1953 г. только в Костромской области доля Советов, заслушавших отчеты, превысила 30%, а по остальным областям Центрального Нечерноземья колебалась от 1,3 до 26,2%. Большинство присутствовавших на сессиях были представителями сельского актива (агентами финансовых, заготовительных органов, секретарями первичных парторганизаций, председателями колхозов и т. д.) и уполномоченными РК ВКП(б) и райисполкома. Относительно высокий удельный вес выступлений депутатов на сессиях (65–75%) формировался благодаря «штатным ораторам» – членам исполкомов²¹.

Распространенной формой политической мобилизации населения в рамках сельских Советов была деятельность постоянных комиссий. Несмотря на то что итоги их работы оформлялись как необязательные для исполнения

«предложения», количество состоявших в них депутатов и актива росло. В первые послевоенные годы постоянные комиссии были малочисленны абсолютно и по составу. На 1 января 1947 г. в среднем в постоянной комиссии сельского Совета РСФСР состоял один депутат, а среднее число комиссий в сельском Совете равнялось 4,1. В реальности, скрывавшейся за средними цифрами, постоянные комиссии могли быть еще малочисленнее. В конце 1947 г., после первых послевоенных выборов в местные Советы, средний состав комиссии сельского Совета РСФСР повысился до трех депутатов, а количество комиссий в сельском Совете составляло в среднем четыре, в последующие годы – 2-3 депутата и 3,4-4 комиссии соответственно ²². Но даже с учетом этого малочисленность состава и количества комиссий продолжали оставаться серьезным препятствием для их нормальной работы. Выбытие даже одного члена часто влекло прекращение их деятельности. Работа депутатов в постоянных комиссиях находилась под контролем актива, численность которого превышала число депутатов. В абсолютном большинстве сельских Советов действовали три постоянные комиссии – бюджетная, сельскохозяйственная и культурно-просветительная (по другим отраслям они создавались значительно реже). На неудовлетворительное выполнение постоянными комиссиями низовых Советов своих функций периодически указывали в отчетах облисполкомы и ВС РСФСР ²³. За первые полгода 1953 г. постоянные комиссии сельских и поселковых Советов восьми из тринадцати областей Центрального Нечерноземья провели в среднем по одному заседанию (более двух – только в Московской области), а в Брянской, Владимирской, Костромской, Тульской областях – менее одного заседания. Ни в одной из областей количество поданных комиссиями предложений в сельские и поселковые Советы и их исполкомы в среднем на одну комиссию не достигло одного, а у подавляющего большинства колебалось: по предложениям в Совет – в пределах 0,49-0,58, по предложениям в исполком – 0,10-0,19. В большинстве областей с отчетами о работе выступили менее 30% постоянных комиссий.

Изучение же распределения постоянных комиссий сельских Советов и их членов по отраслям деятельности вообще говорит о декоративном характере их функций: большинство депутатов совмещало членство в комиссии с выполнением профессиональных обязанностей в той же сфере. На 1 января 1947 г., 1 января 1950 г. и 1 января 1953 г. бюджетные, сельскохозяйственные и культурно-просветительные комиссии сельских Советов РСФСР составляли 60-75% их общего числа, объединяя 65-75% депутатов²⁴. Участие сельского населения в проведении «советской демократии», как видно, было весьма ограниченным. Да и сами сельские Советы оставались практически лишены самостоятельности вспомогательными инструментами районной власти в глубинке, несмотря на некоторое упорядочение к концу изучаемого периода формальных показателей их работы. Для многих депутатов юридически закреплённая зависимость органов сельской администрации от РИКов и, что более важно, от контроля партаппарата почти исключала возможность повлиять на судьбу своего села. В деятельности немалого количества сельских Советов существовало осознававшееся его членами разделение на работу, проводившуюся на профессиональной основе членами исполкома, и массово-политические мероприятия на «общественных началах».

В первые годы эпохи Н. С. Хрущева происходит упорядочение формальной стороны функционирования сельских Советов, повышение активности депутатов, исполкомов и постоянных комиссий. К середине 1950-х гг. сводится к минимуму замещение должностей в исполкомах недепутатами и текучесть депутатского корпуса. С 1957 г. усиливается тенденция сокращения количества Советов, нарушавших сроки созыва сессий. К середине 1950-х гг. большинство депутатов сельских Советов стали выступать с регулярными отчётами перед избирателями. Проявлением общей тенденции нормализации работы низовых Советов Центрального Нечерноземья стало и увеличение к 1955–1957 гг. до 50-90% числа сельских Советов, заслушивавших отчёты исполкомов. Стабильным в середине 1950-х гг. оставался размер постоянных комиссий сельских Советов РСФСР, равнясь в среднем 4,1 депутата на одну комиссию, хотя активность комиссий не

изменилась. С содокладами на сессиях ежегодно выступало до 30-45% из них, а на одну сельсоветскую комиссию в РСФСР в 1954–1956 гг. в среднем приходилось от 1 до 1,5 содоклада, сопровождавшего доклад председателя исполкома Совета²⁵. Как и ранее, исполкомы сельских Советов значительную часть времени посвящали исполнению рутинных функций: финансировали социально-культурную инфраструктуру, выдали справки, регистрировали акты гражданского состояния, совершали нотариальные действия, вели похозяйственные книги. Эти поводы обращения в сельский Совет запечатлены в крестьянских жалобах во власть на некомпетентных и корыстолюбивых работников сельских Советов²⁶.

Наряду с восстановлением формальной стороны «советской демократии» власть в 1954–1957 гг. реформирует сельсоветы. В 1954 г. проводится их укрупнение, в результате в Центральном Нечерноземье количество сельсоветов сокращается до 5 611 (на 42,5%)²⁷. В то же время новое положение о сельском Совете РСФСР, утвержденное 12 сентября 1957 г., содержало мало нового по сравнению с Положением 1931 г. и вышедшим после его принятия законодательством, касавшимся сельских Советов: с 18 до 12 уменьшилось количество статей, посвященных предмету ведения сельского Совета, сократилась детализация функций (советская государственно-правовая наука и современные авторы подчеркивают размытость формулировок компетенций сельских Советов в положении 1957 г.²⁸). Хотя основные функции остались неизменными, по новому положению сельские Советы лишились права вынесения решений об отсрочке, рассрочке, сложении и возврате сумм по налогам и сборам, зачисляемым в сельский бюджет, взыскании штрафов и недоимок, описи и продажи имущества недоимщиков, исполнении решений сельского суда, постановлений об административных взысканиях, а также привлечении осужденных к принудительным работам, проведении обысков и задержаний и др. Положение 1957 г. сохраняло за сельскими Советами право контролировать поступление налогов, страховых и других платежей организаций, колхозов и

колхозников. Им вновь передавались функции по приему налогов, имевшиеся по положению 1931 г., но отмененные постановлением ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 г.²⁹ Важным нововведением стало предоставление сельскому Совету права при перевыполнении доходной части сельского бюджета расходовать сверхбюджетные средства «кроме увеличения расходов на зарплату и содержание аппарата» (хотя ранее это разрешалось постановлением СНК СССР от 3 августа 1935 г.). Полномочия сельского Совета продлевались с одного до двух лет, его депутатов запрещалось привлекать к судебной ответственности и арестовывать без санкции Совета или его исполкома. Депутат мог направить запрос исполкому сельского Совета и руководству организаций и учреждений на его территории³⁰. Введение нового положения симулировало инициативы мест по расширению полномочий постоянных комиссий. В некоторых регионах принимались решения о делегировании им права принимать обязывающие решения по отношению к подчиненным Советам сельским учреждениям³¹. Однако в целом положение 1957 г. не изменило перекоса в балансе власти на селе в пользу учреждений райцентра, так как не дало сельским Советам почти никаких реальных административных прав. Они оставались в полной зависимости от района при формировании и исполнении бюджета, назначении председателя и ряда других должностных лиц сельской округи.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. становится временем окончательного упорядочения формальной стороны деятельности сельских Советов, вписывавшегося в инициативы Н. С. Хрущева по вовлечению в «управление государством» широких слоев населения как важный показатель трансформации «диктатуры пролетариата» в «общенародное государство»³². Прекращается смещение членов исполкомов, соблюдаются формальности перевыборов, доизбрания депутатов, количество сельских Советов, нарушавших сроки созыва сессий, к 1963 г. стабилизируется в среднем на уровне 0,5-5%. К концу 1950-х гг. 60-100% депутатов сельских Советов Центрального Нечерноземья регулярно отчитывалось перед избирателями. Увеличилось число Советов, заслушивавших

отчеты исполкомов о работе. В 1958–1961, 1963 гг. их удельный вес составлял от 76,7 до 100%. В 1959 г. с содокладами выступило 15,7–47,7%, в 1960 г. – 25,7–44,5% постоянных комиссий, на одну из них приходилось в среднем от 1,1 до 2,0 содокладов³³.

Но налаживание формальной стороны «советской демократии» не привело к повышению статуса сельских Советов в механизме власти. Как и в первое послевоенное время, они были не в состоянии в одиночку обеспечить проведение важных для власти мероприятий, что подтвердилось в ходе «соревнования» с США по производству продуктов животноводства, когда село наводнили многочисленные уполномоченные района, «помогавшие» им организовать закупки у населения мяса, яиц, молока, шерсти и других продуктов. Письма сельских жителей во власть содержат немало рассказов об этом. Кроме того, в глазах многих председатель сельского Совета продолжал оставаться должностным лицом, прежде всего выполнявшим функции по документальной фиксации изменений в составе семьи и ее имуществе. Самой распространенной темой писем во власть, «героями» которых были председатели сельских Советов, являлись жалобы на их злоупотребления и пьянство за счет «подношений» нуждавшихся в справках. Из колхоза «Авангард» Кировского района Калужской области летом 1958 г. сообщали: «Много в сельсовет без пол-литра не ходи. [Председатель сельского Совета] всегда пьяный и все нам грозит, я, мол, вам покажу, вы меня будете знать. Если узнает, кто получил получку, то берет за лапку и давай пол-литры...»³⁴. В письме первому секретарю Бабынинского РК КПСС Калужской области анонимный автор жаловался в январе 1960 г. на председателя Сабуровщинского сельсовета: «Известный Вам председатель сельсовета <...> – известный пьяница и без стеснения просит за каждую справку: "А будет? ", кабинет сельсовета превращен в пивную самую настоящую... <...> Гулянки начинаются с 10 утра и кончаются поздно вечером...»³⁵.

Принятие в 1957 г. нового положения о сельском Совете, а также постановления Президиума ЦК КПСС от 17 марта 1959 г. «Об укреплении и

повышении роли местных Советов депутатов трудящихся» оживили дискуссии о месте, которое низовые советские органы должны занять в управлении селом. Некоторые предложения содержали, по сути, новое положение о сельском Совете, принятие которого могло стать правовой основой формирования дееспособного сельского самоуправления по образцу волисполкомов начала 1920-х гг. Так, Рязанский обком КПСС представил в ЦК КПСС проект положения, в котором подчеркивалось отсутствие у сельских Советов «какой-либо ответственности» за развитие подведомственной территории и административных прав. Это планировалось исправить за счет наделения их полномочиями налагать административные взыскания, расширения бюджетных прав, передачи права начисления и взыскания средств по сельскохозяйственному и местным налогам, установления размера самообложения, штрафования «шабашников» и других лиц, занимающихся запрещенными промыслами, начисления пенсий и др. При сельском Совете предлагалось создать административные комиссии и общественные суды с подсудностью мелких преступлений, а также институт общественных исполнителей, вернуть право производства обысков и выемок, а председателям исполкомов Совета в исключительных случаях и арестов совершивших тяжкие преступления. Рекомендовалось вновь укрупнить сельсоветы, существенно увеличив заработную плату их работникам, включить должность председателя в номенклатуру обкома КПСС, выделить ассигнования на ремонт и содержание зданий и транспорта и даже ввести специальный нагрудный знак депутата. Для «усиления» партийного руководства сельскими Советами предлагалось сосредоточить всех коммунистов подчиненных им учреждений, за исключением состоявших на учете в парторганизациях предприятий, в сельских территориальных парторганизациях³⁶. Однако подобные инициативы, связанные с пересмотром объема административных прав сельских Советов, находились вне основной тенденции развития «советской демократии». По справедливому замечанию А. В. Пыжикова, критерием прогресса здесь были количественные параметры, связанные с привлечением к участию в системе

Советов и решению актуальных для государства проблем как можно большего числа людей³⁷. В то же время власть предлагает широким слоям населения оказать содействие в поддержании общественного порядка, в борьбе с преступностью, усилении контроля за соблюдением законности, норм «советской морали», утверждая для этого такие формы «сотрудничества», как товарищеские суды, народные дружины, женсоветы, группы народного контроля и т. д. Президиум ВС РСФСР указом от 3 июля 1961 г. утвердил «Положение о товарищеских судах», на которые возлагалась профилактика правонарушений и «антиобщественного поведения» вообще. На селе их предписывалось организовывать по производственному (в трудовых коллективах) или территориальному (в населенных пунктах) принципу на общих собраниях «по согласию» с исполкомами Советов. Товарищеским судам становились «подсудными» случаи нарушения трудовой дисциплины, недостойного поведения в общественном месте и на работе, нарушения норм поведения в семье, а также родительского и сыновнего долга, сквернословия, распространения сплетен, порчи общественного имущества, имущественные споры между гражданами на сумму до 50 руб., антиобщественные поступки, не влекущие уголовной ответственности, и др. В компетенции суда было наложить денежный штраф на сумму до 10 руб., объявить порицание или выговор, инициировать перед администрацией предприятия перевод провинившегося на низкооплачиваемую работу и т. д. Руководство товарищескими судами на селе возлагалось на исполкомы Советов³⁸. Власти расширяли компетенцию сельских товарищеских судов с точки зрения «подсудности» дел и применяемой ими санкции. К расширительному толкованию полномочий были склонны и члены таких судов³⁹. Быстро росли ряды народных дружин, объединявшие к 1960 г. по стране 2,5 млн чел.⁴⁰

Несмотря на эти новации к началу 1960-х гг. сохранение сложившихся в довоенные годы принципов и практики функционирования сельских Советов Центрального Нечерноземья, за которым стоял приоритет интересов государства

над развитием локальных территорий, законсервировало их место в управлении селом. Непрерывные укрупнения колхозов, преобразование их в совхозы, сосредоточение в учреждениях райцентра основных функций по снабжению, кадровому обеспечению, руководству их производством сделали фикцией право сельских Советов участвовать в управлении ими, а малый объем бюджетных прав выхолацивал попытки улучшить социальную инфраструктуру села. Для всего этого сельские Советы не располагали ни кадрами, ни материальными ресурсами, ни юридическими механизмами.

2.2. Численность, распределение и функционирование первичных парторганизаций села

Согласно Уставу КПСС первичные парторганизации должны были привлекать новых членов, содействовать их политическому просвещению, помогать руководящим структурам партии в выполнении официальных решений, мобилизовывать для этого беспартийных. Важнейшей их прерогативой являлось право контролировать администрации предприятий, обоснованное еще в докладе А. Жданова на XVIII съезде ВКП(б) необходимостью «наладить контроль за состоянием дела на производстве и помочь хозяйственникам выполнить и перевыполнить программу» и бывшее, как видно, конкретизацией сталинской идеи об «улучшении повседневного партийного руководства» через его «приближение к низовой работе»⁴¹. Тезис о контроле первичной парторганизацией производственной администрации повторялся в редакциях Устава, принятых XIX и XXI съездами партии⁴². Представляется, что в изучаемый период регулирование состава, численности и функционирования ячеек КПСС на селе Центрального Нечерноземья в первую очередь преследовало реализацию этой установки, включавшей не только преодоление объективных и организационных трудностей роста низовых структур партии, но и отработку системы взаимодействия с усилившим свое влияние местным партаппаратом.

Налаживание контроля над деревней посредством ячеек ВКП(б) затруднялось обстоятельствами военного времени и малочисленностью сельских коммунистов. Война замедлила рост партийных рядов. К ее окончанию прирост численности коммунистов на 45-50% по сравнению с довоенным периодом наблюдался только в областях Центрального Нечерноземья, не знавших боевых действий. В остальных областях он был относительно скромным: в Брянской – 4,6%, Великолукской – 12,6%, Калужской – 17%, Орловской – 14,3%, Смоленской – 7,2%⁴³. Потери, которые ВКП(б) понесла в годы войны, лишь отчасти возмещались приемом в ее ряды на фронте. На 1 января 1946 г. члены и кандидаты в члены ВКП(б) «военного призыва» составляли 72,4% ее состава⁴⁴, в парторганизациях Центрального Нечерноземья – более 2/3⁴⁵. С одной стороны, «военное» поколение качественно отличалось от однопартийцев с довоенным партстажем, так как не знало массовых чисток, обладало фронтовым опытом, обостренным самосознанием победителей. Многие его представители видели Западную Европу взглядом, мало замутненным пропагандой⁴⁶. С другой, значительная его часть имела в целом скромный общеобразовательный уровень, знание «политической грамоты» и опыт участия во внутривнутрипартийных процедурах и «мирных» политических кампаниях. Именно за счет демобилизованных коммунистов в 1945–1947 гг. преимущественно увеличивался состав региональных парторганизаций, росла разреженная сеть первичных парторганизаций на селе⁴⁷. Демобилизация обострила задачу регулирования численности рядов ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)», кроме указаний на недопустимость огульного подхода при приеме, парторганизациям сельских районов предлагалось улучшить работу по отбору в партию передовиков⁴⁸. Фактически речь шла о сдерживании приема, ограничивать который ЦК регулярно требовал и позднее⁴⁹. Однако во многих областных парторганизациях, нуждавшихся в пополнении, эти директивы выполнялись непоследовательно⁵⁰.

С начала 1950-х гг. ежегодные темпы прироста рядов коммунистов в областях Центрального Нечерноземья ускоряются: в 1951 г. они составляют 4-7,3% состава областных парторганизаций, в 1952 г. – 1,9-6%. В 1953 г. происходит понижение приема и рост количества исключенных, что, как представляется, было связано со смертью Сталина и последовавшими политическими катаклизмами: прием в КПСС сокращается до 1,7-2,7% состава областных парторганизаций, а количество исключений, напротив, возрастает до 0,8-2,6% их состава⁵¹.

Особенность увеличения количества коммунистов на селе в 1945–1953 гг. состояла в том, что оно шло в основном не за счет колхозников, рабочих совхозов и МТС, а благодаря первостепенному приему работников, учитывавшихся в партийной статистике как «служащие», что подчеркивало приоритет, отдававшийся совершенствованию контроля над управленческими структурами⁵². Немалая часть сельских коммунистов оседала в аппаратах различных организаций (сказывались номенклатурные принципы кадровой политики и нехватка элементарно грамотных людей). К середине 1947 г. в десяти областях Центрального Нечерноземья там работало 35-50% сельских партийцев, непосредственно в колхозном производстве – 50-60% коммунистов-колхозников (в Брянской области – 34,1%, в Ивановской – 20,3%)⁵³. Итогом послевоенного партийного призыва с преимущественным приемом административных работников стало увеличение к началу 1953 г. численного состава региональных парторганизаций Центрального Нечерноземья по сравнению с 1945 г. в 1,5-3 раза. Таким был один из основных способов, которым на местном уровне пытались усиливать партийное влияние.

Избирательный прием в партию соседствовал с чистками (хотя формально от них решено было отказаться еще на XVIII съезде ВКП(б)⁵⁴. Поводом для этого стала война, воспринимавшаяся на местах как проверка на преданность советскому строю. Если в 1945 г. количество исключенных из ВКП(б) в большинстве областных парторганизаций Центрального Нечерноземья колебалось в пределах 0,2-1,8% их состава (только в Брянской области – 6,5%), то

уже в 1947 г. оно резко увеличилось и составило 1,2-3,8% всех коммунистов. В Брянской, Великолукской, Ивановской, Калининской, Калужской, Орловской, Смоленской парторганизациях количество исключенных из ВКП(б) в 1947 г. существенно превысило число принятых⁵⁵. По всей стране с 1 июля 1945 г. по 1 июля 1947 г. за пребывание на оккупированной территории было исключено 29,2% всех удаленных из ВКП(б) (на первом месте находились исключенные за должностные преступления и «морально-бытовое разложение» – 37,8%)⁵⁶.

Сдерживать прием в партию также приходилось из-за довольно низкого усвоения потенциальными кандидатами официального дискурса. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров указывал на политическую безграмотность 70-80% коммунистов⁵⁷. Исправить положение было призвано развертывание сети политического просвещения. В отличие от предвоенных лет, когда основным «методом изучения марксизма-ленинизма» было самостоятельное освоение «истории и теории большевистской партии»⁵⁸, теперь на первом плане находилось развитие кружковых форм⁵⁹. В качестве показателя, реалистично отражающего эффективность работы сети политпросвета, можно рассматривать количество кандидатов в члены ВКП(б) с просроченным кандидатским стажем. По Уставу ВКП(б) 1939 г. он составлял год, в течение которого кандидат должен был усвоить Программу, Устав и «тактику партии»⁶⁰. Однако большинству кандидатов тяготы послевоенных лет и сеть политпросвещения не обеспечивали своевременного его прохождения⁶¹. Даже политическая грамотность руководителей воспринималась сельским населением как не затрагивающая сути их повседневной работы⁶².

Преобладание в Центральном Нечерноземье до начала 1950-х гг. мелких колхозов и малочисленность сельских коммунистов влияли на их распределение. Долгое время основным видом первичной парторганизации была сельская территориальная (при сельсовете), объединявшая коммунистов его центра и близлежащих сельхозартелей. С точки зрения главной на тот момент задачи, как ее определял ЦК ВКП(б) – «борьбы за план»⁶³, это имело известные

преимущества. Поэтому в первые послевоенные годы многие сельские территориальные парторганизации превратились в своеобразные «подрайкомы», одинаково вмешивающиеся и в дела первичных парторганизаций колхозов, и колхозов, где вообще не было коммунистов⁶⁴. Объединяя актив сельсовета, они являлись более крупными по составу, что делало их важными агентами райкома в работе с населением. В 1953 г. в сельской территориальной парторганизации областей Центрального Нечерноземья состояло в среднем от 5,2 до 11,2 коммуниста (в Московской области – 16,8)⁶⁵. Но формирование партячеек по территориальному принципу консервировало слабый уровень их влияния на периферийные колхозы и чрезвычайные методы руководства. В середине 1947 г. в восьми из десяти областей Центрального Нечерноземья более 80% сельхозартелей не имели первичных парторганизаций, а в Великолукской, Ивановской, Калининской, Калужской, Смоленской и Тульской областях более 50% коммунистов-колхозников в них не состояло⁶⁶.

Количественный перевес сельских территориальных парторганизаций над колхозными завершился в Центральном Нечерноземье в начале 1950-х гг., когда после укрупнения количество колхозов сократилось в 3 раза. В конце 1952 г. первичные парторганизации имелись в 61,5-84,9% колхозов (во Владимирской области – 92,9%, в Рязанской – 93,3%). Состав большинства первичек при этом уменьшился до 11,4-24% членов облпарторганизаций (в Московской области – 2,3%, в Ивановской – 26,9%)⁶⁷. В определенной степени такая перегруппировка носила компенсирующий характер: в условиях оттока значительной доли трудоспособных колхозников в города она должна была усилить мобилизующее влияние партийных организаций.

И официальные документы, и партийные историки значительно переоценивали уровень политической «сознательности» и «активности» сельских коммунистов, что на деле часто было невысоким. Самыми подготовленными секретарями первичных организаций были работники умственного труда (избач, учитель, заведующий медпунктом, работник сельского Совета, колхозной

администрации, финансовый агент), многие из которых не были заняты на производстве и соответственно не имели возможности повседневно «передавать мобилизационное напряжение» на фермы и в бригады. Внутривнутрипартийная и массово-политическая работа на селе, выражаясь языком партийных документов, хронически отставала от задач «хозяйственно-культурного строительства». Причиной этого были, с одной стороны, материальные трудности, которые переживали многие сельские партийцы, а с другой – концентрация райкомов партии на хозяйственных кампаниях⁶⁸. Сами секретари райкомов ВКП(б) и актив района часто были невысокого мнения о возможностях сельских партиячек. В своем объяснении Смоленскому обкому КПСС по жалобе Н. С. Хрущеву член бюро Шумячского РК ВКП(б), сетуя на «укрывательство и разбазаривание» хлеба председателями колхозов, указывал: «Справедливо в жалобе отмечается, что районный партийный актив все же часто посылаются райкомом в колхозы и первичным парторганизациям все же мало оказывает помощи в работе <...> больше работает за председателей колхозов и секретарей парторганизаций, иногда подменяя их, потому что они самостоятельно не решают вопросы так, как это требуется, по-государственному...»⁶⁹. Такое же мнение о сельских первичках часто встречалось в письмах во власть населения. «Слабая политмассовая работа на низах привела к тому, что когда-то революционно настроенное село ослабило свою работу и нет того революционного огня, которым оно горело раньше. На ряд безобразий не реагируют. <...> Нет настоящей заботы о подготовке кадров, об учебе, особенно сельскохозяйственной, о развертывании социалистического соревнования, все как-то формально...» - писал И. В. Сталину один из уроженцев села Никольское Свердловского района Орловской области, член ВКП(б) с 1917 г., создавший в 1917 г. в Никольском одну из первых организаций РКП(б) в деревне⁷⁰. Из Холм-Жирковского района Смоленской области секретарю обкома ВКП(б) Д. М. Попову в середине 1948 г. сообщали: «Руководство первичными организациями на селе райком партии отдал на откуп заведующему оргинструкторским отделом <...>, который закопался в бумагах, живого

руководства нет, отдельные парторганизации <...> не работают, воспитанием коммунистов никто не занимается, и отдельные коммунисты докатились до обывателей, ведут себя не по-партийному, роль организаций на селе незаметная, отсюда мероприятия на селе проходят с большим криком...»⁷¹. Побывавший в колхозе «13 лет РККА» Становлянского района Орловской области армейский политработник так подытоживал свои впечатления от увиденного и услышанного в письме редакции газеты «Правда» в начале 1950 г.: «От беспартийных масс очень трудно услышать о какой-нибудь деятельности коммунистов (я имею в виду как настоящих коммунистов), от некоторых можно лишь узнать, что секретарем парторганизации является преподаватель физической подготовки Алексей Федорович, а о его работе с массами я ничего не мог услышать. Если спросишь у населения: что из себя представляют и как работают в колхозе коммунисты, то услышишь ответ, характеризующий коммунистов как ничем не отличающихся от беспартийных или даже хуже беспартийных...» В немногословном ответе автору письма Орловский обком ВКП(б) сообщил, что отмеченные им факты при проверке подтвердились и в сельсовет командированы районные партийные работники для оказания помощи партийной и комсомольской организации⁷².

Несмотря на провозглашенный после войны курс на усиление внутрипартийной работы и попытки наладить соблюдение уставных процедур сельские парторганизации оставались заложниками системы управления деревней, сложившейся в довоенные годы. Обкомы и райкомы ВКП(б) делали ставку на рост партийного влияния в деревне не за счет увеличения состава и улучшения работы производственных первичных парторганизаций, а распространяя членство в партии и номенклатурный учет на все новые должности в колхозно-совхозном производстве. Вследствие этого первичные организации ВКП(б) в деревне Центрального Нечерноземья к концу сталинской эпохи переживали кризис, проявлявшийся в сокращении численности их членов, оттеснении сельских ячеек на периферию механизма управления. Если на 1 июля

1947 г. в Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях непосредственно на селе работало 167 519 коммунистов (из них более 40% – в учреждениях и организациях), то на 1 января 1954 г. на учете в сельских первичных организациях их состояло на 26,6% меньше⁷³, хотя за 1945–1953 гг. прирост облпарторганизаций Центрального Нечерноземья (без Московской области) составил 157 861 коммунист (43,4%)⁷⁴. Неудивительно, что широкое распространение получили такие чрезвычайные властные практики, как «институт уполномоченных».

С утверждением у власти Н. С. Хрущева были предприняты шаги по сворачиванию чрезвычайных методов управления и форсированию полного охвата первичными парторганизациями производственной структуры колхозов и совхозов. Укрепить производственные парторганизации села призвал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС⁷⁵. Были скорректированы подходы к регулированию и учету численности коммунистов⁷⁶. В результате, если в 1954 г. прирост рядов облпарторганизаций Центрального Нечерноземья составил 1,8-3,4% (в Калужской парторганизации – 4,5%, в Орловской – 3,8%), в 1955 г. – 1,4-6,2%, то в 1956 г. уже 3,4-7,2%, в 1957 г. – 3,1-7,6%. Количество исключаемых, напротив, снижалось: в 1954 г. оно колебалось в пределах 1-3% состава областных парторганизаций, в 1955 г. – 0,3-1,8%, в 1956 г. – 0,4-1,1%, в 1957 г. – 0,4-1,0%⁷⁷. Хотя доля колхозников среди принимаемых в КПСС не превышала 25%, в большинстве случаев колеблясь от 8 до 20%, за 1954–1957 гг. их численность выросла по двенадцати областям на 21 170 чел. (31,5%)⁷⁸. Сокращалось число кандидатов с просроченным стажем, что говорит о некотором росте политической грамотности коммунистов. В 1953 г. их количество равнялось 55,9-75,6%, в 1954 г. – 24,8-58,4%, в 1955 г. – 13,9-47,9%, в 1956 г. – 10,7-43,8%, в 1957 г. – 8,9-48%⁷⁹. И все же итоги приема в партию на селе в эти годы следует признать скромными. Численность коммунистов, состоящих на учете в парторганизациях колхозов, совхозов, МТС и сельских территориальных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской,

Рязанской, Смоленской и Тульской областей, увеличилась на 38 373 чел. (25,5%), но так и не превысила уровня середины 1947 г.⁸⁰

Однако увеличение числа сельских коммунистов стимулировало расширение охвата колхозов сетью первичных парторганизаций. В 1953 г. первичные парторганизации действовали в 50-85% колхозов (во Владимирской – в 93%, в Рязанской – 94,4%), объединяя от 9,6 до 24,5% коммунистов области; в 1954 г. – 66,6-96,4% колхозов и 11,1-28,4% коммунистов; в 1955 г. – 69-97,6% колхозов и 12,2-30,3% членов и кандидатов КПСС; в 1956 г. – 72-99% колхозов и 7,3-32,5% коммунистов; в 1957 г. – 87-100% колхозов и 7,8-31% коммунистов соответственно⁸¹. В то же время следует отметить, что и в 1950-е гг., несмотря на невиданную концентрацию партийных сил в колхозном производстве, малочисленность сельских партийцев, особенно вдали от райцентра, заставляла райкомы КПСС, как и в случае с сельскими территориальными парторганизациями, объединять в колхозных парторганизациях много коммунистов–нечленов колхозов. Как видно, волны партийных мобилизаций на работу в деревню до колхозов доходили слабо: в 1954 г. в областях Центрального Нечерноземья число членов колхозных парторганизаций, не состоявших в колхозе, равнялось 17,8-32,8% состава колхозных партячек, в 1955 г. – 19,1-40%, 1956 г. – 16,7-31,2%, 1957 г. – 7,8-31%⁸².

Наиболее крупными по составу, хотя и относительно малочисленными были первичные парторганизации совхозов и МТС. К началу 1950-х гг. их сеть почти полностью охватывала эти сельскохозяйственные предприятия. В 1954 г. в одной первичной партийной организации совхоза в среднем состояло 12,6-25,6 коммунистов, в 1955 г. – 14,1-30,7, в 1956 г. – 13,9-34,0, в 1957 г. – 16,0-51,1, в первичной парторганизации МТС – 22,3-39,6, в 1955 г. – 23,9-39,7, в 1956 г. – 18,7-41,0, в 1957 г. – 29,5-45,6 членов соответственно⁸³. Вторым по массовости (после колхозных) типом первичной парторганизации оставались ячейки при сельсоветах (в 20-50% их числа). Они были в среднем более крупными, чем колхозные, могли более эффективно концентрировать свои усилия на различных

«хозяйственно-политических» кампаниях. В 1954 г. в сельской территориальной парторганизации состояло в среднем 7,4-13 коммунистов (в Московской области – 20,8), в 1955 г. – 7,0-12,7 (в Московской области – 25,8), в 1956 г. – 8,3-13,5 (в Московской области – 30,0), в 1957 г. – 9,6-16 (в Московской области – 33,2)⁸⁴.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. становится важной вехой на пути увеличения численности сельских коммунистов и их концентрации в производственных первичных парторганизациях при возрастании числа последних, что объявлялось основой повышения эффективности партийного управления и сворачивания чрезвычайщины⁸⁵. Ряды региональных парторганизаций в областях Центрального Нечерноземья росли: в 1958 г. на 3,2-7%, в 1959 г. – 3,7-8,2%, в 1960 г. – 4,5-8,3%, в 1961 г. – 4,5-8%, причем, как и ранее, основную долю прироста обеспечивали коммунисты, учитываемые как «служащие по роду занятий», которых насчитывалось 40-50%. Но если с 1 января 1958 г. по 1 января 1961 г. Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская и Ярославская парторганизации возросли на 99 020 чел. (17%), то колхозников по роду занятий среди них было лишь 37 749 чел.⁸⁶ В 1958 г. из одиннадцати областей Центрального Нечерноземья только в Брянской, Орловской, Рязанской и Смоленской количество колхозников, занятых непосредственно в колхозе, составляло около 30% принятых в партию, а в остальных областях колебалось от 14 до 24%. В 1959 г. около 30% колхозников приняли в партию в Брянской, Калининской, Калужской, Костромской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, в 1960 г. – в Брянской, Калининской, Орловской, Рязанской и Смоленской областях, в 1961 г. – только в Орловской⁸⁷. Низким оставалось число исключаемых из КПСС, не превышавшее 0,3-1% состава региональной парторганизации⁸⁸, и число коммунистов с просроченным кандидатским стажем. В 1959 г. по облпарторганизациям Центрального Нечерноземья оно составляло 7,5-38,5%, в 1960 г. – 6,9-32,4%, в 1961 г. – 7,3-26,7%, понизившись за 1958–1961 гг. по всем облпарторганизациям на 22,6%⁸⁹. И все же численность рядов КПСС

на селе к началу 1960-х гг. говорит о пробуксовке курса на увеличение числа сельских коммунистов. На 1 января 1961 г. в первичных парторганизациях колхозов, совхозов и сельских территориальных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей насчитывалось 172 457 членов, что было на 11 259 чел. (7%) больше по сравнению с численностью на 1 января 1958 г. Всего за 1947–1960 гг. в этих областях количество коммунистов села увеличилось лишь на 4 938 чел.⁹⁰ Продолжилось перераспределение сельских коммунистов между типами первичных парторганизаций: сокращение числа сельских территориальных и увеличение – колхозных. В 1958 г. парторганизации имелись в 4,4-20,4% сельсоветов (в Московской области – 26%), в 1959 г. – 1,8-11,8% (во Владимирской области – 20,6%, в Московской – 26,4%), в 1960 г. – 0,8-8,0% (во Владимирской области – 18,5%, в Московской – 23,4%)⁹¹. Как и ранее, они оставались более крупными по составу, чем парторганизации колхозов⁹². Наиболее многочисленными и важными с точки зрения управления селом виделись производственные первичные парторганизации. Самыми крупными среди них были парторганизации совхозов и МТС. В 1958 г. в одной первичной парторганизации совхоза насчитывалось 21,4-53,1 коммуниста, в 1959 г. – 26,5-107,2. В 1958 г. первичная парторганизация МТС насчитывала в среднем 18,9-25,3 коммуниста, в 1959 г. – 19,2-30,4⁹³. Не случайно постановлением декабрьского пленума ЦК КПСС (1959 г.) только при первичных парторганизациях совхозов было решено создавать комиссии по контролю хозяйственной деятельности администраций⁹⁴.

В результате роста отряда коммунистов на селе, а также укрупнения колхозов Центрального Нечерноземья власти к 1961 г. впервые удалось добиться почти полного их охвата первичными парторганизациями. С конца 1950-х гг. ими полностью охватывались совхозы⁹⁵. Однако неизбежным следствием быстрого перевода основной массы сельских коммунистов на учет в колхозные парторганизации стал большой удельный вес нечленов колхоза в их составе (в

1958 г. – 17,4-35,4%, 1959 г. – 17,1-30,3%, 1960 г. – 16,6-27,5%, 1961 г. – 16,1-27,9%)⁹⁶, что не могло не сказаться на осуществлении ими контроля над колхозным производством. Распространенными были формализм, апатия, приспособление внутрипартийных процедур под личные интересы, что становилось обычным среди сельских партийцев, занимавших административные должности. До некоторой степени это провоцировала и политика ЦК КПСС по децентрализации власти. Так, постановлением ЦК КПСС от 30 сентября 1958 г. «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий республик, крайкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов» первичным парторганизациям разрешалось определять «целесообразность предоставления» протоколов бюро и общих собраний первичных организаций в РК КПСС⁹⁷, что объективно вело к ослаблению контроля райкома над ними. Из колхоза «Колос» первому секретарю Кировского РК КПСС Калужской области осенью 1958 г. писали о том, что большинство коммунистов парторганизации «не критикуют неблагоприятные поступки других», «зажимает критику» и председатель колхоза, заявляющий в ответ на предложение собрать «серьезное» партсобрание, что «болтовни в наш век много, работать надо». Взятые обязательства никем не контролировались, в том числе и представителями райкома. «Хуже всего, что эти дела – привычные для многих и не встречают осуждения. Критикуют те, кого обходят. Получивши подачку, молчат. Колхоз катится вниз по наклонной плоскости. Пьянка и драка – ежедневное явление... Надо взбудоражить парторганизацию, раскрыть глаза от сна и вина...» – предлагал автор письма руководству райкома⁹⁸. Колхозники и механизаторы колхоза «Новый путь» Дугнинского района Калужской области в декабре 1958 г. сообщали в редакцию газеты «Сельское хозяйство»: «Руководители не то что не советуются с колхозником, они не хотят разговаривать, собрания собирают очень редко, чаще всего собирают партийные закрытые <и> открытые ввиду того, что председатель – коммунист и заместитель – секретарь партийной организации, агроном и завхоз, и

потому на общем собрании нам, колхозникам, не дают выступить с болтовней, а на партийном поговорили – вроде сделают, а дела стоят, как и стояли, на одном месте. Колхозники и механизаторы жаловались в обком и Верховный Совет, но оттуда отсылают на местную власть, а местная власть на смех на тех, кто писал, а жизнь идет по-старому: колхозник переживает, а [председатель колхоза и секретарь партийной организации. – *Авт.*] поживают и добра наживают и водочку попивают...» Проверив эту жалобу, Дугнинский РК КПСС признал, что «в руководстве хозяйственной деятельностью колхоза» много упущений, однако содержание письма счел «клеветой» на колхозников и парторганизацию колхоза ранее судимого и исключенного из партии бывшего председателя этого колхоза, который один и написал письмо⁹⁹. Колхозники колхоза «Знамя победы» Сухиничского района Калужской области, жалуясь в ЦК КПСС на самоуправство и грубость председателя колхоза, отмечали, что он ни во что не ставит секретаря колхозной первичной организации, который к тому же являлся и его заместителем, даже не доверяя ему «легкую телегу», из-за чего секретарь партиячки разъезжал по колхозу «на разломанной фурманке, как ферябник»¹⁰⁰. К началу 1960-х гг. под влиянием нарастания проблем в экономике увеличилось количество писем, авторы которых были скептически настроены по отношению к коммунистам вообще. Очень лаконично эти настроения выразил в 1960 г. автор анонимного письма, поступившего на имя Н. С. Хрущева из Орловской области: «т. Хрущев, прочтите. Радио и газеты: члены партии – лучшие, кристально чистые люди. Народ: в партию идет для наживы, воровства и расхищения народного богатства»¹⁰¹.

Обновление состава руководителей укрупненного колхозно-совхозного производства, выступавшее важной чертой хрущевских преобразований на селе, обострило противоречие между уставным правом первичной парторганизации контролировать администрацию предприятия, при котором она создана, и повышением номенклатурного статуса и прерогатив его руководства. По письмам во власть можно судить о том, что часто на селе фигуры хозяйственных

руководителей воспринимались стоящими выше, чем секретари первичных парторганизаций. Председатель рабочкома совхоза «Анастасьино» Смоленской области осенью 1961 г. в письме в ЦК КПСС заключал, что из-за райкома КПСС роль первичных организаций в районе «сведена к нулю»: «Можно было привести десятки примеров и фактов, когда председатель колхоза пьянствовал, бездельничал, попирал законы советской власти и волю колхозников, жульничал и этими поступками снижал трудовую активность колхозников, а партийная организация стояла в стороне, райком партии знал, но мер не принимал. Более того, если отдельные секретари первичных партийных организаций пытались поднять голос против таких руководителей, их быстро убирал райком или переводил в другую организацию. Такие секретари, переведенные в другие парторганизации, становились смирнее и не ставили уже перед райкомом [вопросов] о безобразиях...»¹⁰². Член колхоза «7-й съезд Советов» Краснинского района Смоленской области, направивший весной 1961 г. в редакцию «Правды» письмо о злоупотреблениях его председателя, так оценивал главу партячейки колхоза: «Секретарь парторганизации – это очень недалекий, ограниченный человек, который даже газеты читает редко, именуя их “политикой”, вкладывая в это слово все, что называют нудным, скучным, но он хорошо может жонглировать лозунгами и самое главное – он пьяница и верный соратник и соучастник всех дел и махинаций <председателя колхоза>...» Сам же председатель колхоза, по словам автора письма, считал партийную работу в колхозе «пустой кисельной болтовней»¹⁰³.

Таким образом, к началу 1960-х гг. руководству райкомов и обкомов КПСС Центрального Нечерноземья удалось несколько нарастить количество сельских коммунистов, создать первичные организации во всех колхозах и совхозах, упорядочить соблюдение в них внутрипартийных процедур. Однако противоречие между задачей утверждения эффективного влияния на колхозно-совхозное производство посредством ячеек КПСС и их способностью проводить его в жизнь осталось неразрешенным, отражая углубление разрыва между

почувствовавшим свою власть партаппаратом и рядовыми сельскими коммунистами. Количественное разрастание сети производственных первичных парторганизаций не сделало их основным рычагом партаппарата в решении проблем, стоявших перед КПСС в деревне. Руководство партийных комитетов продолжало опираться в первую очередь на непосредственно управлявших материальными ресурсами и рабочей силой, а не на сеть первичных организаций, носившую вспомогательный характер и являвшуюся более или менее налаженным каналом мобилизации сельского населения при проведении «массово-политических кампаний», резервуаром для выдвижения низовых номенклатурных кадров и опорой представителей райкомов КПСС и РИКов.

2.3. Председатель и колхозное население: трансформация взаимоотношений

Важным уровнем политической власти на селе, с которым взаимодействовало большинство сельского населения, являлись председатели колхозов. Значительное влияние на трансформацию этих взаимоотношений в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х годов оказали изменения правового статуса и состава председателей по мере укрупнения колхозов и преобразования их части в совхозы¹⁰⁴. Правовой статус председателя оформился в предвоенные годы. Согласно Примерному уставу сельхозартели (1935 г.) колхозом управляло общее собрание, избиравшее подотчетные ему ревизионную комиссию, правление и председателя, которые вели повседневное руководство. Устав обязывал председателя не реже двух раз в месяц собирать правление для обсуждения текущих дел, отвечать за выполнение обязательств перед государством, давал право распоряжаться средствами артели¹⁰⁵. На председателей распространялись правовые нормы, касавшиеся прочих ее членов¹⁰⁶.

Не менее значимыми для взаимоотношений председателей и колхозного населения были неписаный кодекс поведения руководителей колхозов и осознание ими своего «пограничного» места в механизме управления селом – между иерархией власти и деревенскими жителями. Многие председатели стремились учитывать многообразие «незаконных» отношений, посредством которых деревня адаптировалась к аграрной политике и разрешала свои внутренние конфликты. Сюда были вытеснены традиции мирского общежития. Отражавшие эту «неуставную» демократию решения правлений и общих собраний касались вопросов труда, землепользования, организации различных «помочей», подготовки к официальным и неофициальным коллективным торжествам. Правления колхозов «судили» односельчан за незначительные преступления, облагали «налогами» колхозников-отходников и т. п.¹⁰⁷ Такие взаимоотношения председателя и колхозников можно считать коллективистскими, базировавшимися на тождестве их социального происхождения и статуса.

Председатель «из своих» был центральным действующим лицом крестьянских обращений во власть по поводу нарушения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах»¹⁰⁸. Они рисовали деревенский мирок раздираемым борьбой «партий» односельчан или жителей соперничавших сел за избрание колхозной администрации и контроль над «привилегиями». Восстановить «порядок», под которым авторы писем понимали жизнь по Уставу, должен был представитель верховной власти, которая его ввела. Для обозначения выделившихся «партий» использовался как бытовавший продолжительное время «терминологический аппарат», так и «наслоения» военных и послевоенных лет, что говорит о спорах в среде хорошо знавших друг друга людей, одним из которых был и председатель. Односельчан делили на «врагов-кулаков» и «народную массу колхоза», «класс бывших полицейских и старост» и «класс бывших бедняков и середняков», «группировки изменников родины» и «массу

колхозников», на «весь трудовой народ» и «бракоделов-коммунистов»¹⁰⁹. С другой стороны, чрезвычайные условия военного времени усилили директивный стиль управления колхозом, при котором основные решения принимались председателем. Во многих сельхозартелях годами не созывались общие собрания, не производились перевыборы правлений. Местные партийные структуры часто закрывали на это глаза: необходимость выполнения планов в сжатые сроки заставляла пренебрегать «демократией». Высокая централизация власти, частые авралы в проведении «хозяйственно-политических» кампаний, выработанный деревней социальный иммунитет к колхозному строю деформировали деятельность правлений и председателей колхозов, подстраивавшихся под уполномоченных райкомов ВКП(б) и райисполкомов, стремившихся любой ценой «дать план».

Столкновение коллективистской и директивной тенденций определило направление «селекции» властью председательского корпуса, заключавшейся в наращивании количества председателей-«администраторов» и сокращении – «коллективистов». В ходе хозяйственно-политических кампаний 1945–1947 гг. в большинстве областей Центрального Нечерноземья от руководства были отстранены многие председатели, с которыми колхозники пережили войну и первое послевоенное время, бывшие выходцами из крестьянской среды, нередко - из своей же деревни. Немало их привлекалось к уголовной ответственности за «саботаж хлебозаготовок» (стремление хоть что-нибудь выдать на трудодни) и т. п.¹¹⁰ Многие слагали полномочия сами, будучи не в состоянии руководить разоренным хозяйством и не желая заставлять односельчан трудиться бесплатно¹¹¹.

С начала 1950-х гг. отношение деревни к председателям еще более изменяется. В результате первого массового укрупнения 1950 г. количество колхозов в Центральном Нечерноземье уменьшилось в 3 раза. До укрупнения каждый из них объединял в среднем 1,5 сельских населенных пункта, после – 4,7¹¹². В председательском корпусе увеличивается партийная прослойка, растет охват колхозов первичными парторганизациями. Укрупнение справедливо

рассматривается как усиление контроля государства за колхозами и углубление раскрестьянивания¹¹³. Хотя формально решения об объединении должны были приниматься добровольно, частым был нажим власти на общие собрания. Житель Кушалинского района Калининской области сообщал в ЦК КПСС, что в районе «как-то само собой дело по укрупнению колхозов форсировалось»: на то, чтобы «всеми правдами и неправдами» «из 105 колхозов сделать 20», потребовался месяц. Во главе этих хозяйств оказались люди, «которые едва-едва справлялись или совсем не справлялись с руководством маленьким колхозом». Резко упала дисциплина, колхозники «сильных» колхозов не хотели работать за колхозников «слабых». «Из обиходов колхозной жизни» исчезли общие собрания, которые удавалось собирать только после обещания выдать в счет аванса по 15-20 рублей тем, кто «высидит» их до конца. В укрупненных колхозах не знали, что происходит в соседней бригаде и в хозяйстве в целом¹¹⁴.

Особенностью укрупнения 1950 г. стала массовая «селекция» председателей по критерию готовности проводить директивы власти: только по итогам 1950 г. в областях Центрального Нечерноземья их было заменено 3 911 чел. (около четверти состава), многие – как «не обеспечивающие руководство»¹¹⁵. Если ранее должности председателей, входя в номенклатуру сельского райкома ВКП(б), по причине «кадрового голода» часто замещались местными жителями, то теперь – «чужаками», среди которых было немало бывших районных руководителей. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 г. обязывало местные власти «укреплять» кадры председателей «поверенными в политическом и деловом отношении специалистами», которым первые три года работы гарантировались оплата труда деньгами, льготы по налогообложению, сохранялось членство в профсоюзах, право на пенсионное обеспечение, выделялись льготные кредиты на обустройство и т. д.¹¹⁶

В ответ на административное укрупнение колхозов росла отстраненность колхозников от участия в «колхозной демократии». В 1951 г. отмечается спад посещаемости общих собраний и количества выступлений на них колхозников. В

колхозах Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской и Рязанской областей явка колхозников составила 65,1-74,5% ¹¹⁷, сочетаясь с пассивностью в прениях. Немало собраний проходило без кворума. На рядовых членов артели давили колхозные администрации и районная власть, не заинтересованные в «неуправляемой» смене правления и председателя. Член колхоза им. Жданова Бабынинского района Калужской области сообщал в Президиум ЦК КПСС в середине 1953 г., что в укрупненном колхозе почти перестали созываться общие собрания, «как это было в прошлом»: «Так что живем сейчас, как при анархии: сильные и жулики давят слабых и честных. Недовольство в народе, что "нет никакой жизни", растет все...» ¹¹⁸. К началу 1950-х гг. положение с соблюдением формальной стороны «колхозной демократии» настолько обострилось, что в Совете по делам колхозов был разработан проект введения тайного голосования на выборах председателей и ревизионных комиссий. Необходимость этого объяснялась тем, что открытое голосование «ограничивает демократические права колхозников, связывает их инициативу при выборах руководящих органов сельскохозяйственной артели и сдерживает критику и самокритику» ¹¹⁹.

С приходом к власти Н. С. Хрущева «укрепление» председательского корпуса было форсировано, став частью реформ управления селом. Только по итогам 1953 г. в Центральном Нечерноземье было заменено 26,2% председателей ¹²⁰. Несмотря на некоторое увеличение на селе числа коммунистов и первичных парторганизаций при выборе кандидатур председателей ставка вновь была сделана на «чужаков». По решению сентябрьского (1953 г.) и февральско-мартовского (1954 г.) пленумов ЦК КПСС партийным и советским органам следовало направить на работу в колхозы, МТС и совхозы «лучших работников из аппаратов» областных организаций, из городов и промышленных центров ¹²¹. Должности председателей колхозов были включены в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей – в номенклатуру райкомов ¹²². На деле подбор председателей колхозов из бюрократии провинциальных административных

центров проходил сложно. В Калужской области из 665 человек, направленных председателями колхозов с осени 1953 г., на 1 августа 1955 г. выбыло 18%, 11% – как не справившиеся, в Ярославской области из 715 чел. - 11,7 и 11%, в Смоленской из 1 124 чел. - 20,2 и 12% соответственно ¹²³. Чтобы преодолеть сопротивление чиновников мобилизациям на село, 25 марта 1955 г. ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». Вожди партии через голову местных руководителей обращаются к коммунистам и «лучшим беспартийным», желающим возглавить колхозы, гарантируя им тот же, что и в 1950 г., перечень льгот и обаявая «не препятствовать отпуску их с работы» ¹²⁴. В рамках выполнения этого постановления в Центральном Нечерноземье предполагалось заменить председателей 3 656 колхозов (34%) на кандидатуры, подобранные партийными органами в счет «30 тысяч» (в том числе 1 280 – за счет перераспределения из других областей). Из 3 749 кандидатов на должности председателей, утвержденных бюро обкомов КПСС, 73% имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование, 24,4% – среднее специальное, почти все были коммунистами, по опыту работы 21,8% являлись партийными и советскими работниками, 51,1% работали в промышленности и на транспорте, 7% – в сельскохозяйственных органах. Как видно, главным при формировании председательского корпуса оставалась партийность, а не специальное образование и подходящий опыт работы ¹²⁵. Обкомы КПСС стремились обеспечить своим выдвиженцам как можно более выгодные условия труда. В феврале–апреле 1957 г. в сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР поступили просьбы Костромского, Калининского, Великолукского, Ярославского обкомов КПСС об установлении доплаты 440 председателям экономически слабых колхозов, хотя ее уже получали соответственно 49, 28, 37 и 33% председателей колхозов этих областей. Однако в этом было отказано ¹²⁶.

И власть, и деревня оценивали тридцатитысячников двойственно. С одной стороны, руководству и деревне импонировало, что они не имеют неформальных

связей в округе, не пьянствуют, «не смотрят свысока на крестьян», не чураются физической работы, «достойно ведут себя в быту», строят в колхозе дома и вообще «прочно устраиваются»¹²⁷. Однако партработники были более сдержаны в оценке тридцатитысячников, отмечая их «неверие» в малочисленные колхозные парторганизации, наивность в оценке целесообразности планирования общественного хозяйства, ведения севооборотов, робость секретарей первичек перед городскими коммунистами и др. Распространенными причинами неудовлетворительной работы «посланцев партии» были отсутствие опыта и желания работать, пьянство, слабые организаторские способности, тяжелое положение доставшихся колхозов¹²⁸. Как осознание временного характера работы в колхозе расценивалось раздельное проживание тридцатитысячника со своей семьей. О сопротивлении тридцатитысячников устройству в колхозах сообщалось в многочисленных крестьянских письмах¹²⁹. Многие председатели-«чужаки» не знали реалий управления селом и, погружаясь в них, быстро убеждались в полной зависимости председателя от верхушки района, что вызывало их высокую сменяемость. Тридцатитысячника из колхоза им. К. Маркса Корсаковского района Орловской области первый секретарь райкома довел до нервного срыва и вынудил подать заявление об уходе. После нескольких стычек, когда председатель публично предложил секретарю «не заниматься мелкой опекой», он стал мишенью его оскорблений. На заседаниях бюро райкома КПСС секретарь райкома заявлял, что «председатели с 2-классным образованием лучше работают тридцатитысячников», угрожал «не выпустить чистым из района». Для смещения нового председателя против него была запущена «кампания», сопровождавшаяся разгромными статьями в районной газете. Орловский обком КПСС подтвердил «правильность» снятия тридцатитысячника, встав на сторону райкома¹³⁰. Часть тридцатитысячников, напротив, вписалась в механизм управления деревней и извлекала выгоду из нового положения, занимаясь «самоснабжением» за счет колхоза. Из колхоза «Красная звезда» Юрьев-Польского района Владимирской области в сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР сообщали, как

председатель – бывший работник экскаваторного завода заявлял колхозникам: «Меня прислали быть хозяином, значит – я хозяин. Мне все положено получать, и мне пока указывать никто не может, вряд ли кому я здесь подчиняюсь...»¹³¹.

Эффект от мобилизаций на должности председателей назначенцев партийных комитетов закреплялся расширением их прерогатив. 6 марта 1956 г. выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР¹³², позволявшее колхозам самим «изменять и дополнять» положения Устава, касавшиеся организации и оплаты труда, исключения из колхоза, размеров личных подворий и другой экономической активности за пределами общественного хозяйства. Хотя формально это право предоставлялось общему собранию, в условиях «укрепления» председательского корпуса, увеличения числа первичных парторганизаций в колхозах нововведение в первую очередь расширяло возможности председателя и представителей райкома КПСС по манипулированию собраниями колхозников. Тем более что теперь колхозам в зависимости от размеров самим разрешалось определять порядок рассмотрения вопросов, вынося их на общие, бригадные собрания или собрания уполномоченных.

Несмотря на дезорганизацию производства и рост отстраненности колхозников от участия в управлении делами сельхозартелей вследствие их укрупнения мобилизации для них председателей продолжались. За 1954–1962 гг. количество сельхозартелей в Центральном Нечерноземье сократилось в 3,2 раза. На 1 апреля 1961 г. в 4 495 колхозах Центрального Нечерноземья 43,3% председателей колхоза работали в своих должностях до трех лет, 52% являлись практиками без специального образования, 10,7% имели высшее образование, 37,1% - среднее специальное. Таким образом, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. председательский корпус вновь обновился более чем наполовину. Ставка при этом, как и прежде, делалась отнюдь не на увеличение в нем числа специалистов сельского хозяйства¹³³.

Направление председателями колхозов значительного количества коммунистов из городов и промышленности укрепило осознание деревней отгороженности от участия в управлении колхозными делами большим размером хозяйств и иерархией «посаженных» сверху руководителей, которые утверждали отношения с колхозниками на основе субординации. Вследствие децентрализации номенклатурного учета, включения в середине 1950-х гг. должностей председателей колхозов в номенклатуры обкомов и сельских райкомов КПСС региональное и районное партийное руководство интегрировало в реформированный механизм власти многих сокращенных из аппарата своих коллег. «Снизу» же номенклатурные принципы комплектования председательского корпуса виделись основанием неформальных отношений в среде местной «знати», враждебных «интересам тружеников». Из колхоза «Россия» Дедиловского района Тульской области первому секретарю обкома КПСС в начале 1961 г. писали о том, как руководители района сами назначают председателей колхозов из бывших сотрудников, поскольку после сокращения аппарата «деть их было некуда, тогда они их развезли по колхозам, несмотря на протесты колхозников...»¹³⁴. Колхозники колхоза «Россия» Дедиловского района Тульской области в письме первому секретарю Тульского обкома КПСС О. А. Чуканову весной 1961 г. сообщали о «спайке» между руководством района и председателями колхозов, установившейся за десять лет нахождения у власти районного начальства: «У нас тоже бывают районные совещания, на которых мы делимся опытом своей работы, чаще говорим о своих председателях колхозов, ведь они почти все живут в городе Киреевске, ездят к нам в колхозы на работу за 15-25 км на колхозных машинах. Председатели между собой даже спорят, кто из них имеет лучшую машину за счет колхоза, а некоторые имеют по две машины, т. е. для зимы и лета. Об этом прекрасно знают руководители района, и они смотрят на все это с улыбкой, так как председатели и их снабжают колхозным добром...»¹³⁵.

Как и ранее, председатели, не способные вписаться в механизм управления селом, отстранялись. В Смоленской области только за второе полугодие 1957–1959 гг. из 769 председателей было освобождено 28,7%, из них 65% как не справившихся. Из 374 тридцатитысячников к 1959 г. продолжали работать лишь 74 чел. Райкомы и горкомы КПСС, представив в 1958 г. к награждению 415 председателей, через несколько месяцев сняли из них 46 чел. как не справившихся. 133 председателя были исключены из партии, при этом райкомы инициировали возбуждение в отношении них уголовных дел за хозяйственные преступления без обсуждения этого на общих собраниях. В Калининской области за 1959 – первый квартал 1960 гг. из 921 председателя сменилось 24%, в т. ч. 98 – как не справившиеся и скомпрометировавшие себя, 57,7% работали в своих должностях до 3 лет. В Орловской области за 1960 г. из 324 председателей сменилось 17,2%, 44,7% руководили колхозами до 3 лет¹³⁶.

«Своих» председателей партийное начальство «вело» на протяжении многих лет, делая из возглавляемых ими хозяйств «маяки». Показательна судьба председателя колхоза им. Кирова Перемышльского района Калужской области, направленного в 1954 г. с поста руководителя областной конторы Сельхозбанка «поднимать» колхоз, который, по утверждению автора письма председателю КПК при ЦК КПСС А. Н. Шелепину, никогда не был отстающим. Впервые о его «отсталости» заговорили новый председатель, руководство области и областная газета. В результате колхоз упоминался в закрытом письме ЦК КПСС как пример быстрого роста «отсталой» экономики при «грамотном» руководстве, а его новый руководитель был награжден орденом Ленина. За время работы (1954–1961 гг.) выбранного обкомом КПСС председателя посевная площадь выросла в 4,3 раза, производство молока – в 10 раз, мяса – в 8,8 раза, яиц – в 9,8 раза, денежные доходы – в 17 раз, а задолженность по ссудам государству – в 21,6 раза. В 1961 г. обком КПСС рекомендовал «своего» председателя на ту же должность в колхоз «Россия», долги которого только за 1962 г. выросли на 405,3 тыс. руб. Но руководство обкома продолжало рекламировать «маяк». В декабре 1962 г.

материал о колхозе «Россия» появился в журнале «Советский Союз», а в мае 1963 г. – сюжет на центральном телевидении. Председатель «России» пользовался поддержкой обкома: кризис с уборкой урожая 1962 г. был преодолен за счет сторонней рабочей силы и «организационной помощи» уполномоченных обкома. Автор письма призывал привлечь руководство обкома к ответственности за «обман ЦК» и сокрытие тяжелого положения сельского хозяйства области. Однако для председателя «России» письмо не имело последствий. За работу в этой должности он будет удостоен звания Героя Социалистического Труда, избран депутатом Верховного Совета РСФСР¹³⁷.

Диктат «посаженного районом» председателя отмечали не только старожилы, но и наблюдавшие жизнь деревни во время отпусков и командировок. В письме о колхозе «VII съезд Советов» Краснинского района Смоленской области отношение его председателя к рядовым труженикам характеризовалось как «барско-пренебрежительное». Спасаясь от преследований председателя, «выживающего» всех, кто пытался его критиковать, из колхоза уехало 46 семей. На слова о том, что так «из колхоза все разбегутся», председатель в духе эпохи заявил, что «это и лучше будет: объявим территорию целинной и пригласим новых людей»¹³⁸. В анонимной жалобе ЦК КПСС на самоуправство председателя члены колхоза «Знамя победы» Сухиничского района Калужской области сообщали: «При грубости председателя колхоза многие колхозники разъезжаются по соседним колхозам, так как при таком председателе не стало возможно жить в этом колхозе. Которые колхозники переезжают в другие колхозы – работают и находятся в почете. Наш председатель колхоза не стал уже считаться с народом и не дорожит им, поэтому так и получается. <...> [Председатель колхоза] хочет разогнать колхоз, чтобы он и не существовал. Мне, мол, зарплату не от народа платят, ну, а народу нужен будет – пришлют из городов... <...> Но сказать нельзя: общих собраний в нашем колхозе не бывает, потому что он сам хозяин, что хочу, то и ворочу, в моих руках все. А членов правления за 14 годов подобрал очень хороших, большинство с денежными окладами и хорошими должностями,

что же они могут сказать против, что Михаил [председатель колхоза] крикнет – то и все замерло, ни за, ни против, вот как он решает, попробуй, скажи-ка, с работы снимет – это для него пустяки, и поставит работать за трудодни, лучше молчать...»¹³⁹. Этим строкам вторил член колхоза «Коммунар» Козельского района Калужской области, писавший в «Правду» о самоуправстве председателя: «За последний только 1962 год, не считая прошлых лет, с нашего колхоза выехало 350 человек. В настоящее время население колхоза везде разговаривает только о выезде из родных мест. Каждый день идут в правление колхоза, просят справки, чтоб уехать. Ежедневно в сельском Совете сидит народ, просит снять с учета военные билеты и паспорта, что категорически запрещено председателем колхоза <...> В колхозе дела каждый год все хуже. <...> 40-50 процентов населения колхозников председателем колхоза судимы, если что скажешь – кричит: ты – нахал, – и звонит в милицию, после чего человек получает 10-15 суток. Все коммунисты побывали у него или бригадиром, или кладовщиком, и каждого выгонял с позором, держит не более года. Кассиров тоже меняет каждый год. Штрафы процветают как обычное явление. Если кто попытается сказать или посоветовать, то будет наказан председателем...»¹⁴⁰.

Завершение отчуждения колхозников от участия в управлении общественным хозяйством и общественной собственности происходило в ходе преобразования экономически слабых колхозов в совхозы, начавшегося в Центральном Нечерноземье с середины 1950-х – начала 1960-х гг. Если в 1947–1953 гг. число совхозов сократилось с 540 до 521 (в результате некоторого укрупнения), то в 1954–1962 гг. возросло с 488 до 852. В 1947 г. на один совхоз приходилось 93,4 колхоза, в 1954 г. – 27,4, в 1962 г. – 4,9¹⁴¹. Директор совхоза представлялся вчерашним колхозникам еще более недостижимым, чем председатель, так как, отвечая за выполнение плана, он единолично распоряжался материальными ценностями, увольнял и принимал работников, давал и отбирал приусадебные участки и т. п. Член колхоза им. Сталина Воловского района Тульской области жаловался на председателя, распорядившегося за «самовольное оставление

работы» запахать огород и уничтожить сад, редакции журнала «Сельская жизнь»: «Я обращался в районные организации, в областные, даже в Центральный Комитет писал, но пока нет никаких результатов. Дорогая редакция, я уже измучился, я изнемог. Неужели на такого варвара нет управы? Я голодаю, а председатель сейчас надо мной форменным образом издевается. Если я виноват, накажите меня, а если виноват председатель, а он виноват, наказать его надо по заслугам. В начале сентября избил колхозника <...> и посадил его на 15 суток за то, что он не сдал в колхоз теленка. Сослал в отдаленные края колхозника <...> с женой. Так и заявляет во всеуслышание, что участки Малую Шишовку и Большую Шишовку сотрет с лица земли. Стало боязно на свете жить. Милиция и районные организации перед ним все пляшут...»¹⁴². Рабочие совхоза им. Красина Ефремовского района Тульской области сообщали в газету «Сельская жизнь», что присланный в 1960 г. парторг «сначала взялся, как положено коммунисту», но скоро «остыл и стал плясать под дудку директора и прочих»: «Если кто придет к нему с вопросами, что работают механизаторы по 17 часов безо всякой чести, а он отвечает, что ты работаешь себе кусок хлеба, а если тебе плохо, да ты еще ищешь здесь порядки, то бери расчет...» Администрация совхоза открыто заявляла рабочим, что жалобщиков следует «выкорчевать»¹⁴³. Рабочие совхоза «Воловский» Воловского района Тульской области, жалуясь на управляющего отделением совхоза заместителю председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронову, обвиняли его в расходовании четверти миллиона рублей, выделенных на строительство линии электропередачи, на возведение личного особняка и самоснабжении за счет совхоза: «В данное время берет продукцию – мясо и делают так: нужен поросенок – сделайте, что он сломал ногу – специалисты делают. Нужны утки – сделайте, что пали от болезни – специалисты делают. А они их жарят...» Упрекая райком КПСС, куда обкомом было направлено их первое письмо, в «зажиме» критики и стремлении «не выносить сор из избы», авторы письма заключали: «Ведь руководители у нас приходят и уходят, а мы, рабочие села Верхаулье, останемся на нашей кормилице-земле». Тульский обком

КПСС, рассмотрев жалобу на администрацию совхоза, сообщил в общий отдел ЦК КПСС по РСФСР о снятии за пьянство и «безответственное отношение к работе» управляющего отделением. Злоупотребления директора совхоза при проверке «не подтвердились»¹⁴⁴.

Таким образом, к началу 1960-х гг. в Центральном Нечерноземье была завершена трансформация взаимоотношений председателя и колхозного населения, состоявшая в вытеснении коллективистского принципа их построения субординационно-административным. Укрупнение колхозного производства приводило и к отчуждению деревенских жителей от собственности, и от участия в управлении колхозом. Государство углубляло пропасть, отделявшую их от председателя, комплектуя председательский корпус городскими коммунистами, проводя его «селекцию» по принципу безусловной лояльности аграрной политике. Вехой на этом пути стало укрупнение колхозов 1950 г.: если ранее ключевые должности в колхозной администрации замещались местными жителями, то теперь – «чужаками», чувствовавшими ответственность, в первую очередь, перед властью и наделенными рядом привилегий и неформальных возможностей. Прерогативы новых председателей вытеснили и уставные, и «неуставные» процедуры коллективного принятия решений правлениями и общими собраниями. Массовое преобразование колхозов в совхозы окончательно закрепило административный характер взаимоотношений руководителей и тружеников, подчиненное положение трудовых коллективов.

Примечания к главе 2

¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 54. Л. 1, 2, 4, 5, 6, 8.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 129. Л. 300.

³ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1854. Л. 103, 103 об., 104, 104 об., 105, 105 об., 106, 106 об., 108.

⁴ Там же. Л. 111, 111 об., 112–113.

-
- ⁵ Там же. Л. 121, 121 об.
- ⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 12, 16, 27, 29.
- ⁷ Подсчитано: ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 125. Л. 20.
- ⁸ ГАТО. Ф. Р-2640. Оп. 2. Д. 198. Л. 58.
- ⁹ СУ. 1931. № 11. С. 142-145. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 14–15. Д. 287. Л. 2–5. Оп. 58. Д. 924. Л. 54. Д. 925. Л. 6–7
- ¹⁰ Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. Калуга, 1949. С. 190, 191, 205–218.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 287. Л. 16, 17, 18. Оп. 58. Д. 924. Л. 56–60. Оп. 75. Д. 413. Л. 5–9.
- ¹² См., например: Партийное строительство. 1945, № 23–24. С. 10–11.
- ¹³ *Фигатнер Ю. Ю., Коржихина Т. П.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 30.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 495, без нумерации. Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 3.
- ¹⁵ *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского госуниверситета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 2 (65). С. 13.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 57. Л. 19, 20.
- ¹⁷ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 13. Д. 39. Л. 76. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 189. Л. 117.
- ¹⁸ Подсчитано: там же. Л. 57. Л. 17. Д. 63. Л. 4, 5. Д. 64. Л. 4, 37. Д. 65. Л. 5. Д. 68. Л. 14. Д. 69. Л. 14.
- ¹⁹ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 21. Л. 74–75.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 59. Л. 46, 47, 48.
- ²¹ Там же. Д. 64. Л. 31, 31 об., 32. Д. 65. Л. 6, 7, 8, 9, 10. Д. 68. Л. 39, 50, 51, 52.
- ²² *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 13–14.
- ²³ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 244. Л. 60–61. Д. 302. Л. 18. Д. 583. Л. 95.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 55. Л. 30, 31, 34. Д. 59. Л. 24–25, 33. Д. 65. Л. 29. Д. 68. Л. 39, 40.
- ²⁵ *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 14.

-
- ²⁶ Там же. С. 14–15.
- ²⁷ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 70. Л. 24. Ф. Р-7523. Оп. 58. Д. 1103. Л. 40–42.
- ²⁸ *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян в России (XIX – начало XXI в.). М., 2004. С. 82–83. *Лукьянов А. И.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти. (Некоторые вопросы истории, теории и практики). М., 1978. С. 147.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 72. Положения о сельских Советах депутатов трудящихся. (Сборник официальных текстов). М., 1959. С. 5–13. СУ. 1931. № 11. С. 142–145.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 152. Л. 64. Оп. 75. Д. 552. Л. 49.
- ³¹ *Лепешкин А. И.* Советы – власть народа. 1936–1967 гг. М., 1967. С. 273–276. Памятка депутата местного Совета. Калуга, 1965. С. 3. Советы за 50 лет / гл. ред. проф. С. Ф. Найда. М., 1967. С. 444.
- ³² *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР (50-60-е гг.). М., 1999. С. 204.
- ³³ *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов. С. 15.
- ³⁴ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1843. Л. 53 об. Д. 1844. Л. 29. Д. 1586. Л. 141. ГАДНИКО. Ф. 34. Оп. 27. Д. 45. Л. 23.
- ³⁵ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 42. Д. 40. Л. 6.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 147. Л. 202–218.
- ³⁷ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 215, 249.
- ³⁸ Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 555–561.
- ³⁹ *Пыжиков А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х - начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 104.
- ⁴⁰ Его же. Политические преобразования в СССР. С. 249.
- ⁴¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 28, 535.
- ⁴² КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 105. Т. 8. С. 298. Т. 10. С. 201.
- ⁴³ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 99, 100, 101.
- ⁴⁴ *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945-1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 118.

-
- ⁴⁵ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 11 (49). Часть 1. С. 107.
- ⁴⁶ *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС. С. 119.
- ⁴⁷ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 108.
- ⁴⁸ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 25, 27.
- ⁴⁹ *Романовский Н. В.* Указ. соч. С. 126. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г. М. Маленкова // Правда. 1952 г., 6 октября.
- ⁵⁰ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 108.
- ⁵¹ РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60-69, 96-115, 120-123. Д. 19. Л. 96-111.
- ⁵² *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 108.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159, 161, 162.
- ⁵⁴ XVIII съезд ВКП(б). С. 519-520.
- ⁵⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–119, 124–125. Д. 17. Л. 134–143, 148–149.
- ⁵⁶ *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945-1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 124.
- ⁵⁷ *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 191.
- ⁵⁸ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). С. 368–369, 374–375.
- ⁵⁹ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 109.
- ⁶⁰ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 97.
- ⁶¹ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 109.
- ⁶² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 222. Л. 44 об. – 45.
- ⁶³ Задачи партийной работы в современных условиях // Партийная жизнь. 1946. № 1. С. 18.

-
- ⁶⁴ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 105.
- ⁶⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–75.
- ⁶⁶ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 146, 154, 156, 162.
- ⁶⁷ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 18. Л. 60–69, 96–115, 120–123.
- ⁶⁸ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 110.
- ⁶⁹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1790. Л. 198, 198 об.
- ⁷⁰ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 221. Л. 17 об.
- ⁷¹ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 597. Л. 82.
- ⁷² ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 205. Л. 36, 37, 40.
- ⁷³ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 62–63, 66–67, 70–71, 74–75.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159, 161, 162.
- ⁷⁴ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–119, 124–125. Д. 18. Л. 96–115, 120–123.
- ⁷⁵ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 344. Правда. 1953 г., 15 сентября.
- ⁷⁶ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 110–111.
- ⁷⁷ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 96–111. Д. 20. Л. 82–83, 86–87, 90–91, 94–95. Д. 21. Л. 78–79, 82–83. Д. 22. Л. 80–85.
- ⁷⁸ Подсчитано: там же. Д. 18. Л. 96–115, 120–123. Д. 22. Л. 94–101.
- ⁷⁹ Подсчитано: там же. Д. 18. Л. 127–129. Д. 19. Л. 131–134. Д. 20. Л. 139–142. Д. 21. Л. 152–155. Д. 22. Л. 150–153.
- ⁸⁰ *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 111.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 342–343, 387–388, 390, 486, 490. Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 342–345.
- ⁸⁶ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 100–115. Д. 24. Л. 100–105. Д. 25. Л. 100–105. Д. 26. Л. 87–91.

-
- ⁸⁷ Подсчитано: там же.
- ⁸⁸ Подсчитано: там же. Д. 23. Л. 84–85, 88–89, 92–93. Д. 25. Л. 72–83. Д. 26. Л. 72–77.
- ⁸⁹ Подсчитано: там же. Д. 23. Л. 182–185. Д. 24. Л. 172–175. Д. 25. Л. 172–175. Д. 26. Л. 158–161.
- ⁹⁰ Подсчитано: там же. Д. 22. Л. 130–145. Д. 25. Л. 152–154, 156–167. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221. Л. 158, 159, 161, 162.
- ⁹¹ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 162–177. Д. 24. Л. 152–167. Д. 25. Л. 152–154, 156–167.
- ⁹² *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС. С. 112.
- ⁹³ Подсчитано: там же. Д. 23. Л. 162–177. Д. 24. Л. 152–167.
- ⁹⁴ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 467–472, 488.
- ⁹⁵ Подсчитано: РГАНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. 82–83, 86–87, 90–91, 162–177. Д. 25. Л. 72–83, 152–154, 156–167. Д. 26. Л. 72–77, 138–149, 150–153.
- ⁹⁶ Подсчитано: там же. Д. 23. Л. 162–177. Д. 24. Л. 152–167. Д. 25. Л. 152–167.
- ⁹⁷ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 555, 556.
- ⁹⁸ ГАДНИКО. Ф. 34. Оп. 27. Д. 45. 117 об., 118.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 51. Оп. 29. Д. 23. Л. 1, 5.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 118.
- ¹⁰¹ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1811. Л. 216.
- ¹⁰² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 91–92.
- ¹⁰³ Там же. Д. 1086. Л. 216.
- ¹⁰⁴ *Кометчиков И. В.* Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // Вестник Тверского госуниверситета. Серия «История». 2015. № 2. С. 43.
- ¹⁰⁵ История колхозного права. Т. I. С. 432–433.
- ¹⁰⁶ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008. С. 19.

-
- ¹⁰⁷ ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 242. Л. 2. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 15. Д. 113. Л. 21. Оп. 16. Д. 74. Л. 121. Оп. 18. Д. 131. Л. 106. ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 3. Л. 204. Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 176. Л. 35. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12. Л. 129, 200. Д. 17. Л. 28. Д. 30. Л. 51.
- ¹⁰⁸ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 55–61.
- ¹⁰⁹ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 16. Д. 69. Л. 107. ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 40. Л. 579. Д. 57. Л. 3 об. Д. 87. Л. 283.
- ¹¹⁰ *Попов В. П.* Российская деревня после войны. С. 25-28. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 102-106. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 337. Л. 1, 3.
- ¹¹¹ ГАДНИКО. Ф. 30. Оп. 5. Д. 288. Л. 1. Д. 205. Л. 19 об., 20, 21, 37.
- ¹¹² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3745. Л. 138, 139. Д. 4102. Л. 113, 114.
- ¹¹³ *Попов В. П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 27–35. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 204.
- ¹¹⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 1051. Л. 2, 2 об., 3, 4.
- ¹¹⁵ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1150. Л. 79, 88, 90, 125, 149, 150, 184, 305. Д. 1151. Л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324.
- ¹¹⁶ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 236-239.
- ¹¹⁷ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1150. Л. 75, 88, 125, 149, 184, 305. Д. 1151. Л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324.
- ¹¹⁸ ГАДНИКО. Ф. 15. Оп. 24. Д. 22. Л. 18.
- ¹¹⁹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1156. Л. 58, 59.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 5. Л. 73, 74, 75.
- ¹²¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 338, 389–390.
- ¹²² Там же. С. 389.
- ¹²³ *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х – начале 1960-х годов: замысел и результаты // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 186.

-
- ¹²⁴ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 499–504. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. IV. С. 388–398.
- ¹²⁵ Кошетчиков И. В. Мобилизации провинциальной бюрократии. С. 188.
- ¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 180. Л. 5, 7, 13, 48.
- ¹²⁷ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 404. Л. 7–8, 17–18.
- ¹²⁸ Там же. Л. 19–21.
- ¹²⁹ *Кошетчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии. С. 189–190.
- ¹³⁰ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 849. Л. 158–164.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 180. Л. 75.
- ¹³² История колхозного права. Т. II. С. 449–452.
- ¹³³ *Кошетчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии. С. 190.
- ¹³⁴ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 89. Л. 143 об. – 144.
- ¹³⁵ Там же. Д. 89. Л. 143, 143 об.
- ¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 134. Л. 103–104. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 692. Л. 19, 19 об. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1875. Л. 191, 191 об.
- ¹³⁷ Подсчитано: ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 63. Л. 119-120, 123, 124, 186, 126, 127, 134–136, 139.
- ¹³⁸ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1086. Л. 210, 214–215, 217.
- ¹³⁹ ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 65. Л. 111–118.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 63. Л. 40–42.
- ¹⁴¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2391. Л. 28, 29, 37, 38. Д. 4445. Л. 132, 133. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 330.
- ¹⁴² ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 81. Л. 179–180.
- ¹⁴³ Там же. Оп. 32. Д. 100. Л. 11, 14 об., 15, 16, 16 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 31. Д. 90. Л. 146, 148, 149.

Глава 3. Учреждения культуры между властью и селом Центрального Нечерноземья

3.1. Клубные учреждения и библиотеки в культуре деревни

В первые послевоенные годы клубные учреждения и библиотеки являлись одним из самых развитых институтов официальной культуры на селе. Выделившись в феврале 1945 г. из системы образования, ведомство «культурно-просветительной работы»¹ объединило большинство государственных учреждений культуры, взаимодействовавших с аудиторией на основе живого слова. В этом обособлении проявилось стремление власти нивелировать «нездоровые» послевоенные настроения и мобилизовать общественное мнение вокруг идей «русского» («советского») патриотизма², когда другие средства идеологического воздействия (кино, радио и др.) еще не получили на селе широкого развития. Несмотря на переименование политико-просветительной работы в культурно-просветительную и формальное отступление от ее идеологизации³, суть виделась руководству нового ведомства в «продолжении массово-политической работы» ВКП(б) среди крестьянства⁴. Для повышения результативности работы сельских клубных учреждений было объявлено об их унификации на основе сельского клуба, который должен был располагать типовой материально-технической базой⁵. Еще до конца войны началось восстановление довоенной сети клубных учреждений⁶, завершение планировалось к 1946–1947 гг. одновременно с радиофикацией каждого из них, обеспечением демонстрации кино не менее двух раз в месяц, комплектованием инвентарем, библиотекой на 300-500 томов, подшивками центральной прессы и т. д. Благоустроенные клубы должны были появиться в каждом селе РСФСР⁷.

Однако выполнение этих планов происходило медленно и с большими трудностями. Материальная база сельских клубных учреждений была подорвана.

В большинстве областей Центрального Нечерноземья незначительное количество изб-читален имели две и более комнат, что позволяло организовать кружковую и лекционную работу, разместить библиотеку и т. д. Зачастую одна большая комната и составляла все помещение избы-читальни. Чуть лучше были обеспечены помещениями сельские клубы: их здания были относительно недавно и специально построены для культпросветработы⁸. Впрочем, даже возобновление деятельности маленького и скудно оборудованного клуба воспринималось как свидетельство возвращения к мирной жизни и признак «полноценности» сельского населенного пункта. К 1951 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья только около двух третей изб-читален имели собственные здания (в Калужской области – 24,2%, в Великолукской – 39,1%, в Брянской – 45,3%). Две и более комнат свыше 20% изб-читален имели в Брянской, Ивановской, Костромской, Московской и Орловской областях, а в остальных – 3,6-18,7%. В большинстве регионов около половины изб-читален имели только зрительный зал. Собственными зданиями располагали 75,3-100% сельских клубов, в шести областях количество клубов, имевших две и более комнат, превышало 40%, в одиннадцати областях более 50% клубов имели только зрительный зал⁹.

Несмотря на трудности восстановление клубных учреждений на селе в 1945–1950 гг. позволило в большинстве областей Центрального Нечерноземья иметь клуб или избу-читальню в каждом сельсовете¹⁰. Однако после укрупнения колхозов в 1950 г. количество «очагов культуры» уменьшилось из-за преобразования их части в почти не функционирующие «красные уголки». В одной из бригад колхоза «Красный доброволец» Малоархангельского района Орловской области после укрупнения говорили: «Живем мы, будто на острове. Ни лекций, ни бесед у нас не бывает. Кино к нам не привозят, а когда бывает в колхозе на центральной усадьбе, нам не говорят, да за 6 км не всегда и пойдешь смотреть...» В отдаленных бригадах ничего не знали о текущих событиях в СССР, войне в Корее, «великих стройках коммунизма». О том же сообщалось из других областей¹¹.

Скудное финансирование строительства клубов побуждало партийные и комсомольские органы стимулировать «инициативу снизу»¹². Движение за строительство сельских клубных учреждений развернулось в конце 1946–1947 гг. и получило отклик населения, особенно молодежи¹³. Чтобы ускорить строительство клубов и изб-читален и укрепить их материальную базу, высказывались предложения о передаче их в собственность колхозов с возложением «заботы о расширении культурно-просветительной сети»¹⁴. Но почины не меняли сложившуюся практику финансирования. Даже спустя продолжительное время после войны не удалось ощутимо улучшить условия функционирования клубных учреждений, что, в свою очередь, консервировало их скромные в целом возможности по организации досуга населения. К концу 1953 г. 35-70% изб-читален и 3-45% сельских клубов Орловской, Смоленской, Рязанской и Ярославской областей не имели собственных помещений, почти все не имели комнат для кружковой работы, представляя собой более или менее просторный зал¹⁵. К 1953 г. только в Калининской, Костромской, Тульской, Ярославской областях количество клубных учреждений превысило их число в 1940 г., а в остальных было ниже, чем до войны: если в 1940 г. в Центральном Нечерноземье их насчитывалось 14 747, то в 1953 г. – 12 854¹⁶.

Ограничивало возможности клубных учреждений и недофинансирование их текущей деятельности. Клубы и избы-читальни находились на бюджете сельского Совета, который должен был руководить их работой¹⁷. По положению о сельском клубе в основе его деятельности лежала смета доходов и расходов. Доходная часть формировалась из «ассигнований по местному бюджету», из средств, выделяемых колхозами, промкооперацией и другими организациями, доходов от платных мероприятий клуба и других поступлений¹⁸. Но уровень финансирования часто не обеспечивал и минимума потребностей, что видно на примере исполнения смет в 1945 и 1950 гг. В 1945 г. 70-100% средств на содержание сельских клубных учреждений поступало из бюджета сельсоветов, еще от нескольких десятых долей до 1-5% – от платных мероприятий клубов. В ряде

областей Центрального Нечерноземья 0,5-16% доходов сельских клубов и изб-читален формировалось из средств колхозов, что допускалось Уставом сельхозартели¹⁹. Впрочем, большинство колхозов не могли ничего выделить клубам или же эти суммы были незначительны: в 1945–1953 гг. они не превышали 1-3% их денежных доходов за год (чаще всего около 1-3,5 млн руб.) и в основном расходовались в самом колхозе²⁰. Всего же в 1945 г. на содержание избы-читальни поступило в среднем 126-438 руб. в месяц. Большая дифференциация существовала в финансировании клубов, что, однако, не позволяло радикально улучшить работу даже части из них. Около 75-90% расходов изб-читален и 40-60% расходов сельских клубов составляла заработная плата сотрудников. На покупку книг, организацию работы с населением, ремонт и оборудование помещений приходилось 3-25% расходов изб-читален и 13-40% – клубов. В 1950 г. финансирование несколько улучшилось. Поступления из бюджетов сельсоветов составляли 95-100% доходов изб-читален и 85-100% – клубов. Собственные доходы клубов и изб-читален были незначительны. Колхозы восьми областей формировали 0,1-2,2% доходов изб-читален, колхозы семи областей – 1-9,1% доходов сельских клубов (в остальных областях перечислений от колхозов не было). На содержание избы-читальни в месяц выделялось в среднем 539,5-724 руб., сельского клуба – 724,5-1230,5 руб., в том числе до 65% этой суммы составляла заработная плата клубных работников. 12-35% средств шло на приобретение литературы, организацию массовой работы, ремонт и оборудование помещений²¹. С конца 1940-х гг. в бюджете РСФСР не предусматривалось средств на строительство и ремонт сельских учреждений культуры, а ассигнования на их оборудование и инвентарь из года в год уменьшались²². Заведующий клубом или избой-читальней был одним из самых низкооплачиваемых работников официальных сельских учреждений²³, что препятствовало комплектованию этих должностей квалифицированными специалистами. Так как финансирование текущей деятельности сельских учреждений культуры и вообще социальной сферы производилось за счет

отчислений в местный бюджет части налогов с населения и колхозов, средств самообложения и займов, провалы в их сборе приводили к недофинансированию, частым задержкам заработной платы²⁴.

Сельские учреждения культуры мыслились как средоточие на селе «предметов культуры», обеспечивающих организацию разноплановой культурно-просветительной работы. Но скудный бюджет ставил под вопрос своевременное и полноценное обеспечение инвентарем. Во второй половине 1940-х гг. действовал запрет Наркомторга СССР на продажу культурно-просветительным учреждениям по безналичному расчету культтоваров, вынуждая их работников идти на ухищрения, чтобы приобрести необходимое для работы²⁵. В конце 1945 г. большинство изб-читален и сельских клубов имели только самую простую обстановку: стулья, столы, шкафы. Среди собственно «культурного» инвентаря наибольшее распространение имели географические карты. Полностью отсутствовали духовые инструменты, было мало патефонов²⁶. Не намного улучшилась обеспеченность инвентарем к началу 1950-х гг.²⁷ Собственную библиотеку в 1945 г. имели 8,7-65,2% изб-читален и 5,2-45,8% сельских клубов. В большинстве изб-читален объем книжного фонда не превышал 300 экз. (больше только в Великолукской и Костромской областях), а число читателей, приходившееся в среднем в год на библиотеку, в восьми областях составляло не более 100 чел. В Брянской, Владимирской, Калининской и Тульской областях объем книжного фонда сельских клубов в среднем не превышал 300 экз., в Ивановской составлял 352,8 экз., в Ярославской – 784, в Костромской – 860. Число читателей, приходившееся в год на библиотеку сельского клуба, превышало 200 чел. только в Костромской и Тульской областях²⁸. Сельским бюджетом предусматривалось выделение средств на выписку газет и журналов, но не на пополнение книжного фонда²⁹. К началу 1951 г. собственной библиотекой располагали уже 52,8-91% изб-читален и 28,3-75,1% клубов. Увеличился и объем их книжного фонда: в библиотеке избы-читальни он составлял в среднем 245-605 экз., в библиотеке сельского клуба – 345-1 006 экз.

Число читателей библиотек изб-читален составляло в среднем 70,1-161 чел., библиотек клубов – 105-186 чел. (в Тульской области – 343 чел.)³⁰.

Абсолютное большинство сельских клубных учреждений во второй половине 1940-х гг. не имели собственных киноустановок и только сдавали в аренду свое помещение для кинопередвижек Министерства кинофикации. В начале 1946 г. собственными киноустановками располагало 0,2-0,8% изб-читален (в Московской области – 3,5%, в шести областях избы-читальни их не имели) и 2,6-18,1% сельских клубов (в пяти областях клубы собственных киноустановок не имели). К началу 1951 г. киноустановки имелись в 0,13-12,1% изб-читален (в Московской области – 26,1%) и в 1,1-26,6% сельских клубов (в Московской области – 56,1%)³¹. В 1945 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья киносеансы проводило до 50% изб-читален (в Калининской – 65,4%, в Ивановской – 79,8%, во Владимирской области – 89,6%). Свыше 50% сельских клубов проводили киносеансы только во Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской и Ярославской областях. В 1945 г. в большинстве изб-читален киносеансы проводились до 20 раз в год, в большинстве сельских клубов – до 30 раз. В 1950 г. в избах-читальнях киносеансы проходили 20-30, в сельских клубах – 40-50 раз в год³². Пик радиофикации сельских клубных учреждений Центрального Нечерноземья достигается к началу 1950-х гг., когда, согласно официальной статистике, радио располагало 70-90% изб-читален и сельских клубов (в начале 1946 г. радиопередачи можно было слушать в 15-20% из них)³³. Как видно, к началу 1950-х гг. обеспеченность сельских клубных учреждений инвентарем кардинально не улучшилась, а большие межобластные колебания говорят о последствиях войны (особенно на территориях, где шли боевые действия), разной собираемости налогов и займов, упадке хозяйства колхозных дворов и колхозов – основных налогоплательщиков села Центрального Нечерноземья.

Быстрее, чем сеть клубных учреждений, в первые послевоенные годы восстановилась сеть библиотек. Если в 1940 г. в двенадцати областях

Центрального Нечерноземья их насчитывалось 9 767, то в 1953 г. – 12 926 (132,7%)³⁴, однако они находились в таких же тяжелых условиях. Охват читателей редко превышал 10-25% взрослого населения и 50% школьников, проживавших на обслуживаемой библиотекой территории³⁵. К концу 1953 г. в Центральном Нечерноземье на один сельсовет приходилось около 1,2 библиотеки. В 1953–1963 гг. почти вдвое вырос книжный фонд, которым располагали библиотеки областей Центрального Нечерноземья³⁶, однако и при этом он редко превышал на селе 2-4 тыс. экз. книг и журналов, что делало распространенной формой знакомства с ними чтение вслух. Тем более что в противовес официально провозглашавшейся функции библиотеки как источника «производственно-политических» знаний³⁷ большинство их посетителей видели в книге прежде всего способ проведения досуга: 45-90% запросов читателей составляла художественная и детская литература, на которую и приходилась большая часть прироста книговыдач, в 1951–1959 гг. по областям Центрального Нечерноземья он увеличился в 1,2-3 раза³⁸.

Недофинансирование ограничивало спектр досуга, который сельские клубные учреждения могли предложить населению. Согласно положениям о сельском клубе 1946 и 1948 гг. его деятельность должна была «способствовать повышению культурного уровня населения», воспитанию «активных и сознательных строителей коммунистического общества», а первостепенная задача состояла в «разъяснении текущих политических событий, повседневной информации о решениях коммунистической партии и советского правительства, о постановлениях местных партийных и советских органов и мобилизации населения на их выполнение». На клуб возлагались развертывание социалистического соревнования, ведение научно-просветительной и агрозоотехнической пропаганды, справочной работы, содействие самообразованию населения, распространению «военных знаний», физкультуры и спорта, развитию народного творчества и художественной самодеятельности, а также (в последнюю очередь) – «организация культурного отдыха и художественного обслуживания трудящихся и членов их семей»³⁹.

Так как для власти организация большинства досуговых мероприятий была более сложной, затратной и менее важной, чем политическое информирование, последнее было ведущим направлением клубной работы. Большинство клубных учреждений выполняли рекомендованный Положением о сельском лектории от 14 июня 1949 г. минимум лекционной пропаганды (ежемесячно 2-3 лекции в клубе и по одной в ближайших населенных пунктах) в основном за счет лекций на общественно-политические темы. В конце 1940-х гг. на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем 0,7-3,4 посещения клубных лекций и докладов в год, что свидетельствует об охвате клубной лекционной пропагандой малой части потенциальной аудитории⁴⁰. Еще меньшее количество населения (в основном – молодежь) затрагивала кружковая работа. В 1947 г. в областях Центрального Нечерноземья на одну избу-читальню в среднем приходилось 2,7-5,3 кружков (в сельских клубах – 3,4-4,6), которые посещало 0,02-0,06% сельского населения. В 1949 г. на избу-читальню в среднем приходилось 3,3-4,8 кружков (на сельский клуб – 3,7-6,1), посещавшихся 0,03-0,07% сельского населения. При этом следует отметить, что вторая половина 1940-х гг. была временем многообразия тематики кружковой работы. В 1947 г. сельские клубные учреждения могли предложить посетителям на выбор более десятка тематических кружков, наиболее распространенными из которых были политические. Действовали также хоровые, драматические, агрозоотехнические, общеобразовательные, литературные, военно-оборонные и другие. Примерно такое же распределение аудитории кружков сохранилось и в 1949 г. В 1950 г., по сравнению с 1947 г., число и аудитория кружков выросли более чем на четверть⁴¹.

Ближе к «чистому» досугу находилась организация концертов, вечеров художественной самодеятельности, выступлений агитбригад, хотя власть рассматривала самодеятельное художественное творчество как «одно из средств коммунистического воспитания советского народа»⁴². Частота их проведения также была невелика, а количество год от года колебалось. В 1947 г. 80-90% изб-читален и клубов проводили спектакли и выступления художественной

самодеятельности, организовав в среднем на одно учреждение 6-45,6 мероприятий. 70-90% сельских клубных учреждений организовывали вечера танцев. Агитбригады имелись при 9-60% сельских клубов и изб-читален (в Тульской области – при 85%), выступая в среднем 5,4-31 раз в год. В 1949 г. мероприятия с участием художественной самодеятельности организовывали 90-100% сельских клубных учреждений, в каждом из которых состоялось в среднем 5,6-10,4 выступлений, вечера танцев - 50-60% клубов и изб-читален (в Орловской области – 95,6%, в Смоленской – 100%). Агитбригады действовали при 17,2-46,5% сельских клубных учреждений, проводя в год в среднем 6,2-16,6 выступлений. В 1950 г. по сравнению с 1947 г. состоялось 86,1% выступлений самодеятельности, 55% – агитбригад⁴³.

В послевоенные годы восстанавливается многоуровневая система смотров художественной самодеятельности⁴⁴ с вершиной в виде концертов на сценах Москвы⁴⁵. Однако сельская самодеятельность часто существовала в отрыве от опеки партийной пропаганды и Домов народного творчества, которые должны были оказывать самодеятельным коллективам методическую помощь и «направлять» при выборе репертуара. Подведение итогов сельских и районных ее смотров в 1947 г. показало, что в репертуаре было много подготовленных наспех «вредных» пьес, инсценировок старинных свадебных обрядов «без критического подхода». Самодеятельные хоры исполняли песни, имевшие «только этнографическое значение». Вместо «содержательных народных танцев» демонстрировались «вариации чечетки», западноевропейские танцы, а также «чуждые народу безвкусные “лубки”». Кружки художественной самодеятельности собирались только «под большой праздник» или если удавалось достать новую пьесу⁴⁶. В феврале 1953 г. в Орловской области действовало 1 137 кружков художественной самодеятельности, в которых занималось около 12 тыс. чел. Коллективы самодеятельности были малочисленными по составу, насчитывали 5-11 чел. Деятельность их оживлялась лишь в период подготовки к смотрам самодеятельности, исполняемый репертуар

никто не контролировал. Хор бригады № 3 колхоза им. Ленина Новосильского района исполнил на районном смотре художественной самодеятельности песню под названием «Не целуй меня, подлец, в щечку правую», а в Краснинском районе один из мужских хоров спел на смотре «Песню пьяниц», начинавшуюся словами «Прощайте, друзья, помираю». Из Хотынецкого района на областную выставку самодеятельных художников была направлена картина «В защиту детей», на которой был изображен ангел, ведущий по мосту через пруд двоих детей⁴⁷.

Даже формально открытый сельский клуб или изба-читальня нередко были недоступны крестьянству. В начале 1951 г. сотрудники отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ направили в бюро ЦК ВЛКСМ справку об участии комсомола Рязанской области в работе сельских клубов, в которой характеризовали содержание работы клуба колхоза «Мыс Доброй надежды» Сасовского района. Клубом руководил секретарь комсомольской организации. В марте 1950 г. клуб работал 16 вечеров: четыре вечера демонстрировалось кино, четыре раза были танцы, еще четыре вечера была организована игра в шашки, два вечера ушли на выдачу читателям книг, а еще два – на выпуск стенгазеты. В сентябре клуб работал восемь вечеров: слушали радио, были организованы игра в шашки и шахматы, громкая читка газет, занятия кружка начального политического образования. «Неудивительно, что молодежь не любит клуб и очень редко посещает его. Помещение клуба напоминает большой, неуютный, крытый соломой сарай, который не отапливается. Еще в прошлом году в клубе были четыре печки, которые весной этого года разобрали, так как колхозу понадобился кирпич для хозяйственных построек. Но бывают дни, когда, одевшись потеплее, 10-15 человек решаются прийти в клуб и весь вечер танцуют «Золотые горы», «Ноченьку», «Елецкого». Село, где находится клуб, большое. В нем только молодежи проживает 120 человек...» – сообщалось в справке⁴⁸. Из Селивановского района Владимирской области в начале 1951 г. комсомольцы писали в «Комсомольскую правду»: «Ни лекций, ни вечеров отдыха, ни вечеров художественной самодеятельности у нас не бывает. Часто клуб закрывают.

Подойдут к клубу юноши и девушки, а он на замке. Посмотрят-посмотрят на закрытую дверь да и отправятся домой. Если откроется клуб ненадолго, то в нем такой холод, что зуб на зуб не попадает...»⁴⁹. О таком же положении в сельских клубах сообщалось в середине 1951 г. в письме из Куйбышевского района Калужской области в областную газету «Знамя»⁵⁰. Вот как описывался «вечер молодежи» в клубе села Новоселки Рыбновского района 17 декабря 1950 г.: «К 8 часам вечера в клуб собралось более 100 юношей и девушек, так как в клубе нет скамеек, то молодежи пришлось стоять. Некоторое время потолкавшись и изрядно накурив, молодежь изъявила желание потанцевать. Но оказалось, что гармонь была унесена на частную вечеринку. Часть молодых людей явилась в клуб в нетрезвом виде и стала хулиганить. Через полтора-два часа молодежь разошлась. Так закончился "вечер молодежи"...»⁵¹. Во многих районах области молодые люди не посещали клубы в субботу и воскресенье, а также на протяжении постов, считая это «грехом». Председатель Погарского районного комитета профсоюза работников культпросветучреждений Брянской области сигнализировал в 1952 г. в письме ЦК ВЛКСМ о реальном состоянии работы с населением: «В селах очень редко читаются лекции и доклады, тематических вечеров и вечеров вопросов и ответов нигде не проводится. Вечеров молодежи, за исключением вечеров танцев, не проводится, кружков в избах-читальнях нигде нет, а в отчетах числится 142 кружка художественной самодеятельности. <...> Население и молодежь очень часто пишут в газеты недостатки, и когда редакция запрашивает ответ – факты, то Иван Антонович пишет (инспектор Погарского районного отдела культпросветработы. – *Авт.*), не выезжая на место проверки: факты не подтвердились, или же подтвердились, помощь оказана. В Бугаевской избе-читальне лежат на полках книги, а вверху висят лампадки церковные да иконы...»⁵².

Кроме государственных клубных учреждений на селе действовали красные уголки и клубы колхозов, однако во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. количество их было невелико и непостоянно, работа зачастую хаотична

вследствие бедственного положения колхозов, на содержании которых они находились. Работали также ведомственные клубы и библиотеки, подчинявшиеся райкомам отраслевых профсоюзов и обслуживавших «свои» аудитории. Вход в них для «посторонних» часто был закрыт, как это было в Ясной поляне Тульской области, где из-за недоступности клуба шахтеров молодежь осаждала многочисленные закусовые, после чего устраивала драки⁵³.

Слабая материальная база сельских клубов, узкий спектр возможностей по организации досуга, периферийное положение культпросветработы по сравнению с хозяйственно-политическими кампаниями, малое количество свободного времени у крестьянства, почти не знавшего официальных выходных и праздничных дней (в первой половине 1950-х гг. крестьянская семья выработывала около 5 тыс. часов в год⁵⁴), тяжелые условия труда и быта формировали в сфере досуга значительное неподконтрольное власти пространство, заполнявшееся элементами традиционной досуговой культуры, профанированными попытками подражания западной музыкальной культуре. Дефицит клубного досуга приводил к «присвоению» функций клубов железнодорожными станциями, пристанями, общежитиями и другими людными местами⁵⁵. Сельское руководство закрывало глаза на кризис клубных учреждений, а часто само принимало участие в традиционных развлечениях, в числе которых были распространены гулянья в дни религиозных праздников, гадание на картах, азартные игры, кулачные бои, часто сопровождавшиеся значительным употреблением алкоголя. В справке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Е. Харламову о состоянии культпросветработы в Смоленской области в середине 1947 г. сообщалось, что из-за очень слабой материальной базы сельских клубов и «безучастного отношения» к их работе комсомольских организаций в области участились случаи хулиганства, пьянок, посещения церквей, гаданий, веры в чудеса. В Орловской области во многих районах бытовали посещаемые и комсомольцами «посиделки», где часто пили, сквернословили, играли в карты. «Вечера молодежи» в Елецком Доме культуры сводились к организации

«западных танцев», которые сопровождались выпивками и драками. В 1952 г. в области к уголовной ответственности было привлечено 1 960 молодых людей, в том числе 199 комсомольцев. 88 культпросветучреждений на селе использовались не по назначению, в том числе и для содержания скота. В сельской местности отсутствовали бани, имевшиеся только в райцентрах. Однако и они работали только по два дня в неделю, поэтому зимой население «месяцами не мылось». В ряде сел Сосковского, Кромского, Елецкого районов жила традиция кулачных боев, которые приурочивались к религиозным праздникам⁵⁶. В Троснянском районе области в колхозе «Коммунар» на Покров день (15 октября 1949 г.) в кулачных боях принимали участие не только рядовые колхозники, но и представители местной верхушки – секретарь колхозной парторганизации и председатель колхоза, который «вызывал у присутствующих восхищение своей отвагой». РайПО подогревало азарт состязающихся, организовав в местах поединков торговлю водкой⁵⁷. Традиции кулачных боев «стенка на стенку» существовала в начале 1950-х гг. и в Шиловском, Спасском и Рыбновском районах Рязанской области⁵⁸.

Для осмысления окружающей их серой действительности, непохожей на броские лозунги пропаганды, сельские жители пользовались широко распространенным стереотипом противопоставления ей «хорошей жизни» колхозников «по всей стране». Член колхоза «Знамя Ленина» Орловского района Орловской области летом 1950 г. в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову рассуждал: «Есть возможность жить нам хорошо, как слышим от других, куда поедешь, а здесь прямо горе берет, почему мы так живем. Сидишь голодный, холодный, дети кричат, возьмешься за голову - и не знаю, что бы сделал. Есть возможность построить электростанцию – строить не хотят, радио нет, газеты не читаешь, сидишь, как волк в Борвигове зимой, и никуда не вылезает...»⁵⁹. Из колхоза «Красное знамя» Веневского района Тульской области осенью 1951 г. писали Тульскому обкому комсомола о работе местного «очага культуры»: «Живем мы как темные, захолустные, оторванные от нашей Родины, у нас имеется возможность культурно

проводить свой досуг в свободное от работы время. Мы выписываем достаточное количество газет, журналов, имеем свой радиоприемник "Родина", правду сказать, мы его не слушаем, так как нет в нашем районе для него питания и каких-либо запасных частей, нет у нас организатора, освобожденного от всяких других работ, который занимался бы только массово-воспитательной работой среди нашего населения, а не так, как мы сейчас проводим время: с вечера на печку. Мы слышим о спортивных обществах "Колхозник", о проведении художественных вечеров, спрашивается, почему же мы, молодежь села, лишены такой возможности и почему от нас так отмахиваются наши районные работники, неужели им бесполезно воспитать достойных строителей коммунизма на селе...» Пытаясь оживить работу избы-читальни в колхозе, районные власти сменили ее заведующего, а когда это не помогло, Веневский РИК перевел «очаг культуры» в более крупное село⁶⁰.

В годы «оттепели» власть попыталась повысить отдачу от клубных учреждений, культивируя в их деятельности, как и в общественных организациях, начала «советского демократизма»⁶¹. Но к середине 1950-х гг. много сельских клубов да и районных Домов культуры выглядели аутсайдерами на фоне бурного развития на селе радио, кино, телевидения⁶². Хотя число государственных сельских клубных учреждений в Центральном Нечерноземье увеличивалось (за 1953–1957 гг. – на 8,9%)⁶³, система их финансирования не изменилась⁶⁴. Недостаточное финансирование определяло слабость материальной базы. Клубные учреждения в основном хотя и располагались в собственных помещениях, но многие из них не были приспособлены для культпросветработы. В ходе унификации клубных учреждений на базе сельских клубов росло количество их собственных киноустановок, которые имелись в 0,7-9,3% изб-читален (в Ивановской области – в 20,7%, в Московской – 44,2%, в Ярославской – 53,9%) и в 10,7-28,6% сельских клубов (в Смоленской области – 3,6%, в Ивановской – 51,7%, в Московской – 80%). Узким был спектр клубного досуга, слабым – охват потенциальной аудитории. В 1955 г. сельские клубные

учреждения обеспечили проведение в год в среднем 1,0-3,4 лекций на сельского жителя. Объем лекционной пропаганды составил 78,5% от уровня 1947 г., а охват аудитории – 85,8%. На избу-читальню приходилось в среднем 1,3-2,6 кружка, на сельский клуб – 2,1-3, которые посещало 0,01-0,06% сельских жителей. По сравнению с 1947 г. действовало 60,0% кружков с числом занятых 55,0%. В большинстве клубов имелись агитбригады и художественная самодеятельность, хотя интенсивность выступлений была невысокой: в среднем в год 2,5-12,7 выступлений самодеятельности и 0,8-2,7 агитбригад на клубное учреждение. В 1955 г. количество выступлений самодеятельности составило 71,3%, агитбригад – 30,6% от уровня 1947 г.⁶⁵

Много писем жителей глубинки, темой которых был упадок учреждений культуры, узкий спектр организуемого ими досуга, его коммерциализация и т. д., поступало в середине 1950-х гг. в партийные и комсомольские органы, редакции газет и журналов⁶⁶. Их авторы обозначили важную и для власти, и для общества проблему хронического отставания институтов советской культуры от прогресса материального производства и изменений социальной структуры деревни, проблему больших различий в доступности и разнообразии «культурных благ» в городе и на селе. Осенью 1955 г. в редакцию «Комсомольской правды» поступило письмо старожила г. Алексина – быстро развивающегося индустриального районного центра Тульской области. Его автор сравнивал свою жизнь в «двух эпохах» – «эпохе монархизма» и «эпохе построения коммунистического строя». Жизнь в первой эпохе описывалась как череда 10-12-часовых трудовых смен шестидневной рабочей недели и воскресного отдыха, состоявшего из церковных служб, посещения трактиров и пивных, а также азартных игр и кулачных боев. Октябрь 1917 г. открыл «новую эпоху», которую автору письма пришлось дважды защищать с оружием в руках, мечтая о «переменах в жизни для трудового народа». Однако окружавшая его на склоне лет реальность принципиально не отличалась от «эпохи монархизма». Досуг населения Алексина и прилегающих поселков по-прежнему был заполнен азартными играми, хулиганством, пьянством

и драками: «Я выхожу на стадион поселка и вижу то же самое, что видел в молодости... Чайная и забегаловка забиты до отказа грязным рабочим классом молодежи, на зеленой траве стадиона также группы рабочих, развлекающихся игрой в очко, домино, лото и другие игры. Ребятишки-школьники играют в вышибалку под деньги, в каждой группе слышится трехэтажный мат, особенно много мата в детской группе. Женский пол далеко обходит это место и с боязнью смотрит на группы играющих. <...> И вот я лежу в постели больной и думаю: что принесли трудовому народу эти жертвы лучших людей страны, павших на поле боя и лишенных трудоспособности и здоровья...»⁶⁷.

«Сверху» причина материально-технологической отсталости сельских культпросветучреждений и узкого спектра клубного досуга виделась прежде всего в ведомственности, а ее преодоление – в расширении внебюджетного финансирования и стимулировании общественной активности. Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС рекомендовал «экономически крепким колхозам» выделять средства для строительства учреждений культуры⁶⁸. Местные органы власти обязывались активизировать их ремонт и оборудование за счет местного бюджета, самообложения и других источников, «поддерживать» инициативу колхозов⁶⁹. Увеличение числа колхозов, имевших или строивших собственные клубы, обусловило принятие «Положения о колхозном клубе» (1954 г.). Отражая стремление к равномерному размещению учреждений культуры по территории района, устанавливалась регистрация колхозного клуба в отделе культуры исполкома районного Совета⁷⁰. На протяжении 1953 – начала 1960-х гг. в верхах было разработано несколько проектов реформирования системы сельского культпросвета, но ни один из них не был реализован полностью, главным образом, из-за слабой экономики колхозов, которые должны были принять на себя финансирование значительной части культпросветучреждений⁷¹. Официально рекомендовались лишь некоторые меры⁷².

Следует отметить, что в конце 1950-х гг. Центральное Нечерноземье стояло на пороге нового витка концентрации сельскохозяйственного производства с

сселением мелких населенных пунктов, что повлияло на сеть учреждений культуры. Расходовать средства государства на любое их плановое строительство запрещалось⁷³. Решение вопроса перекладывалось на плечи колхозов, совхозов, предприятий, перепоручалось комсомолу, профсоюзам. Накануне XIII съезда ВЛКСМ (апрель 1958 г.) стартовал двухлетний поход комсомола и молодежи за культуру как почин комсомольских организаций Калужской, Воронежской областей и Башкирской АССР по «повышению культуры молодежи», особенно сельской. Выбор Калужской области в числе его инициаторов был далеко не случаен: много калужских учреждений культуры, как и в других областях Центрального Нечерноземья, находились в упадке. Главными целями похода объявлялись подъем общеобразовательного и культурного уровня населения, строительство, благоустройство и оборудование культурно-просветительных учреждений, кинофикация, радиофикация сел и поселков, их озеленение. Совместно с органами культуры, профсоюзными организациями, колхозами за 2-3 года молодежи предлагалось построить 10 тыс. клубов, 10 тыс. киноаппаратных, благоустроить 40 тыс. учреждений культуры, подготовить 25 тыс. руководителей художественной самодеятельности и т. д.⁷⁴

Начало похода сопровождалось активизацией поиска вариантов улучшения деятельности учреждений культуры, объединенных идеей оптимизации государственных расходов на их содержание. В начале 1958 г. в ЦК КПСС стали поступать предложения по изменению сложившегося порядка финансирования и руководства ими. В начале 1958 г. председатель СМ РСФСР Д. Полянский направил в Бюро ЦК КПСС по РСФСР докладную записку и проект постановления о передаче или продаже колхозам сельских клубов, находившихся на государственном бюджете. С одной стороны, проект признавал слабость материальной базы сельских клубов, на содержание которых государство в 1958 г. выделило в среднем 10 300 руб. в год (из которых 5 400 рублей составляла заработная плата заведующего), с другой – готовность колхозов принять «на полное содержание» значительную часть клубов, что должно было улучшить их

деятельность. Предусматривалась постепенная передача клубов с бюджета сельсоветов на содержание колхозов, установление колхозом гарантийного минимума заработной платы заведующему колхозным клубом в размере ставки учителя сельской школы (500-600 рублей в месяц). Руководство работой клубов, методическая помощь, подготовка и переподготовка кадров их работников возлагались на органы культуры. За государством сохранялась функция кинообслуживания населения, но предусматривалась выплата колхозам арендной платы за использование принадлежащих им помещений и аппаратуры⁷⁵. Сходное предложение поступило в марте 1958 г. в ЦК КПСС из ЦК ВЛКСМ⁷⁶.

Более глубокие преобразования предлагало Министерство культуры СССР (май 1958 г.), выступавшее за выравнивание охвата сельского населения учреждениями культуры за счет перестройки их «стихийно сложившейся» сети. Вместо нее в течение 10-15 лет планировалось сформировать унифицированную сеть государственных учреждений культуры с охватом центра каждого сельсовета, а также сети типовых Домов культуры, клубов и библиотек на центральных усадьбах, в крупных отделениях колхозов и совхозов. В отдаленных деревнях предлагалось строить красные уголки или обслуживать население передвижными автоклубами районных Домов культуры. Реализация этих планов означала бы передачу в «безвозмездное полное содержание» колхозам 25 тыс. из 80 тыс. сельских клубов с направлением высвободившихся средств на ремонт, оборудование и приобретение инвентаря для остающихся в ведении государства. За счет этого в 1958–1965 гг. планировалось укомплектовать обязательным его минимумом каждый государственный клуб, построить в течение 10-15 лет около 3,5 тыс. типовых зданий районных Домов культуры и районных библиотек⁷⁷.

Различия в понимании механизма совершенствования деятельности учреждений культуры проявились в ведомственном соперничестве за право возглавить поход. Первый год двухлетки совпал с проведением Всероссийского общественного смотра работы культпросветучреждений, организованного по решению Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР. ЦК ВЛКСМ кроме

объявления похода использовал в качестве «своих» поводов для активизации «борьбы за культуру» установление 7 февраля 1958 г. указом Президиума ВС СССР Дня советской молодежи и объявление о проведении в 1960 г. второго Всесоюзного фестиваля советской молодежи⁷⁸. Кроме того, 19 февраля 1960 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе комсомольских организаций в связи с постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», обязывавшее комсомольские органы разработать планы, согласованные с органами культуры, управлениями радиовещания и другими организациями⁷⁹. Министр культуры РСФСР в письме от 24 февраля 1958 г. указал, что поход «должен стать составной частью всей деятельности всех органов и учреждений культуры», рекомендовав им, однако, принимать участие в составлении планов похода, разработке конкретных обязательств комсомольцев по подъему культуры и оказании им практической помощи⁸⁰. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов (в прошлом секретарь ЦК ВЛКСМ) ориентировал местные органы культуры на сотрудничество с комсомолом и председателями колхозов в создании «единой, планомерной сети культпросветучреждений»⁸¹.

В выполнении планов похода в Калужской области проявились как объективные трудности, так и противоречия, связанные с организацией взаимодействия структур разных ведомств. «Двухлетка по улучшению культурно-массовой работы, эстетического и физического воспитания» молодежи была провозглашена по инициативе бюро обкома комсомола с 1 января 1958 г. на состоявшейся в декабре 1957 г. VIII Калужской областной конференции ВЛКСМ. За время похода планировалось построить с участием комсомольцев и молодежи 180 и капитально отремонтировать 250 клубов, создать красные уголки на каждой животноводческой ферме, высадить 300 тыс. деревьев, распространить литературы на 10 млн руб., завершить радиофикацию населенных пунктов, построить во всех райцентрах стадионы, на всех предприятиях и в организациях – спортплощадки⁸². Однако вместо сотрудничества органов власти и общественности двухлетка выявила немалые разногласия между, с одной

стороны, администрациями колхозов и совхозов, руководителями предприятий и организаций, с другой – секретарями комитетов комсомола и стоявшими за ними партийными чиновниками, с третьей – руководителями органов культуры по поводу целей, методов «культурного строительства» и использования на это местных ресурсов. На IX Калужской областной конференции ВЛКСМ (декабрь 1959 г.), подводившей итоги двухлетки, в адрес районных отделов культуры раздавались обвинения секретарей райкомов ВЛКСМ в преследовании коммерческой выгоды при организации работы клубов, отрыве от задач похода и действиях вразрез с усилиями комсомольцев⁸³. Анализируя проблемы укрепления материальной базы учреждений культуры и, в частности, выполнение обязательств похода, руководство Калужского обкома комсомола в докладной записке ЦК ВЛКСМ подчеркнуло «неохотное» финансирование его мероприятий профсоюзными организациями, правлениями колхозов, администрациями предприятий, преодолевавшееся, однако, «настойчивостью комитетов ВЛКСМ»⁸⁴. В то же время секретарь Калужского обкома ВЛКСМ В. Козырев констатировал, что строительство клубов и библиотек полностью зависело от экономического состояния колхозов, большинство которых вести его не могли⁸⁵.

Но, несмотря на оживление работы сельских учреждений культуры и некоторое укрепление их материальной базы, поход в итоге оказался шумной кампанией. Это вынуждено было признать руководство Калужского обкома комсомола. В июне 1962 г. заместитель директора Туркменского филиала ЦПА ИМЭЛ при ЦК КПСС обратился с просьбой к Калужскому обкому ВЛКСМ принять сотрудника филиала, работающего над темой «Молодежь Туркменистана в борьбе за повышение культуры на селе», желавшего изучить «прошлое и настоящее» похода в области и пообщаться с активистами. В июле 1962 г. в Туркменистан было сообщено о «хороших результатах» «напряженной работы» комсомола области по укреплению материальной базы учреждений культуры и улучшению содержания их работы, но при этом отмечалось, что в дальнейшем

«натиск был ослаблен» и «в настоящее время никакими особыми достижениями мы похвастаться не можем»⁸⁶.

В масштабе страны итоги «похода за культуру» были подведены на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ (август 1960 г.), посвященном усилиям комсомола по организации досуга молодежи. Активисты-общественники, перекрыв план, построили 15 тыс. новых клубов, Домов культуры, библиотек, кинотеатров, 16 тыс. помещений для киноустановок, десятки тысяч стадионов и спортплощадок, отремонтировали свыше 40 тыс. учреждений культуры, подготовили около 25 тыс. руководителей художественной самодеятельности, что позволило создать около 40 тыс. новых коллективов. Стремясь развить этот успех, пленум постановил продлить поход и построить в течение 2-3 лет силами молодежи еще 5 тыс. клубов, 20 тыс. киноаппаратных, 5 тыс. турбаз и пансионатов, отремонтировать 50 тыс. клубов и библиотек⁸⁷. В Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Орловской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях за время «двухлетки культуры» было построено 2 837 и отремонтировано 2 604 сельских и колхозных клубов, районных Домов культуры, библиотек, красных уголков, построено 4 138 спортивных площадок, стадионов, бассейнов, тиров, танцплощадок, 5 084 бани и 3 718 колодцев, разбито 333 сквера, посажено свыше 5,5 млн деревьев, организована установка свыше 123 тыс. радиоточек и 19,3 тыс. радиоприемников, создано 1,5 тыс. коллективов художественной самодеятельности, подготовлено 728 работников культуры⁸⁸.

Однако за цифрами отчетов обкомов комсомола просматривается не только невыполнение ряда показателей похода многими областями, но и значительная пестрота при планировании, что еще раз несмотря на поддержку решения ЦК ВЛКСМ о «непрерывном» характере похода, подтверждает его кампанейский характер. Судя по представленным в ЦК ВЛКСМ документам, только в пяти областях Центрального Нечерноземья из десяти готовились на курсах кадры работников учреждений культуры, в трех велись работы по радиофикации, в двух –

создавались новые коллективы художественной самодеятельности, в пяти – высаживались деревья, в трех – строились и ремонтировались общественные колодцы, бани, разбивались скверы и парки и т. д.⁸⁹ Однако, даже не достигнув ряда запланированных нормативов, поход все же обеспечил временное улучшение деятельности изб-читален, клубов, библиотек на волне активности комитетов ВЛКСМ и общественного энтузиазма. Хотя другая важная его цель – запуск на местах межведомственной модели решения проблем культуры села – не была достигнута, накопленный опыт лег в основу последующих попыток преодоления ведомственности в управлении учреждениями культуры, их недофинансирования, расширения спектра организуемого ими досуга и более полного охвата населения. Наряду с усилиями государства по налаживанию лекционной пропаганды, завершению радиофикации и кинофикации сельской местности, наращиванию тиражей прессы, развитию телевидения и совершенствованию других институтов советской культуры на рубеже 1950-х – 1960-х гг. поход стал формой кооперации власти и общества, ускорившей окончательное замещение традиционной культуры деревни массовой секуляризованной культурой.

Таким образом, увеличение сельскохозяйственными предприятиями финансирования клубных учреждений происходило с трудом, так как зависело от состояния их экономики, а она была слабой. Так, в 1958 г. только колхозы Ивановской, Костромской, Московской, Орловской и Рязанской областей отчислили в культфонд 1,06-1,46% годового денежного дохода, а колхозы остальных областей Центрального Нечерноземья – 0,68-0,97%. В 1959 г. более 1% годового денежного дохода отчислили только колхозы Рязанской области. Строительство помещений культурно-бытового назначения в объеме капиталовложений 1958–1959 гг. почти повсеместно не превышало 3%⁹⁰. Статистика Министерства культуры РСФСР свидетельствовала, что к началу 1960-х гг. материальная база сельских клубных учреждений Центрального Нечерноземья оставалась слабой, хотя по сравнению с серединой 1950-х гг. обеспеченность клубами и избами-читальнями выросла в среднем до 1,8-2,7 их единиц на

сельсовет ⁹¹. Сократилось количество клубов, располагавших собственными библиотеками, неудовлетворительным было обеспечение инвентарем. При этом клубы активно насыщались оборудованием для трансляции кинофильмов, фонограмм, телепередач и т. д. В 1960 г. собственной киноустановкой располагало 12,3-49,2% изб-читален (во Владимирской области – 51,1%, в Смоленской – 67%) и 35-87,6% сельских клубов, уровень радиофикации изб-читален составлял 40-70%, сельских клубов – 40-75% ⁹². Рост оснащенности трансляционной аппаратурой препятствовал развитию сложных форм клубного досуга, способствовал его «коммерциализации» ⁹³.

Разнообразие сложных вербальных форм клубной работы постепенно вытеснялось единообразием кино-, радио- и телетрансляций. Не увеличивался объем лекционной пропаганды сельских клубных учреждений: в 1960 г. он составил 94,2% от уровня 1947 г., аудитория – 97,6%. Стагнировала кружковая работа: общее количество кружков составило 70,6%, а число их участников – 61,7% от уровня 1947 г. Участники художественной самодеятельности провели в среднем в год в сельском клубном учреждении 6,1-10,3 выступлений, еще 1,4-3,5 выступлений состоялось благодаря агитбригадам. По сравнению с 1947 г. самодеятельностью клубов было организовано 67,7% концертов, агитбригадами – 52,7% ⁹⁴. Барьерами для развития самодеятельности также были отсутствие квалифицированных организаторов, трудовая занятость ее участников, их возраст: большинство составляла холостая молодежь, «отстававшая» от самодеятельности с появлением собственной семьи ⁹⁵. Спад активности самодеятельности ко второй половине 1950-х гг. происходил и из-за разрыва преемственности между поколениями ее участников, потери интереса к традиционному репертуару, роста ожиданий к исполнению под влиянием радио, кино и т. д. ⁹⁶ Фасадом самодеятельности, имевшим мало общего с ее повседневностью, были парадные смотры разного масштаба – мероприятия с отобранными по разверстке и хорошо подготовленными коллективами ⁹⁷. Самодеятельное творчество страдало из-за попыток подражания

профессиональным артистам, от вытеснения традиционного репертуара стилизованным «под фольклор» и усиления официального контроля⁹⁸. В программах смотров, фестивалей самодеятельности этого времени 30-40% номеров занимали «общерусские» песни, еще 30-40% – авторские произведения, представлявшие собой стилизацию народной музыки. Шло активное освоение самодеятельностью музыки кинофильмов и грамзаписей⁹⁹, усиливалась унификация обработанной фольклорной традиции танца, тиражировавшаяся в виде «методических рекомендаций» для кружковой танцевальной самодеятельности¹⁰⁰. Однако предпринимались и попытки ввести его централизованное утверждение. В 1955 г. Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской направил в Министерство культуры СССР свои предложения по ужесточению контроля за репертуаром художественной самодеятельности на местах, предложив выпускать раз в квартал списки рекомендованных им пьес и эстрадных номеров, которые должны были стать основой репертуара. Директора Домов народного творчества в регионах могли дополнить присланный из Москвы список только произведениями национальных авторов. Обязанность контролировать репертуар художественной самодеятельности возлагалась на директоров районных Домов культуры, начальников областных и районных отделов культуры. Для реализации этого права директора районных Домов культуры должны были разослать во все коллективы театральной самодеятельности письмо с требованием высылки на утверждение репертуарного плана на полугодие с тем, чтобы разрешать постановку только тех пьес, которые есть в спускаемых сверху списках¹⁰¹. На местах предпринимались попытки запретить даже пение частушек, казавшихся местным руководителям культуры слишком фривольными¹⁰².

В передовых колхозах в конце 1950-х – начале 1960-х гг. вследствие роста общественного хозяйства и благосостояния населения, повышения доступности радио, электричества, укрепления материальной базы клубных учреждений фиксировались прогрессивные, с точки зрения власти, изменения. Уходила в

прошлой традиция досуговой самоорганизации молодежи, вытеснявшаяся досугом в клубе и на спортивной площадке. С клубным досугом активно конкурировал домашний за чтением художественной литературы, прессы, слушанием радиопередач. Работники клубов отмечали преобладание в будни молодежной и подростковой аудитории, появление взрослых – только по праздникам или «значительным» поводам ¹⁰³. Население же большинства экономически слабых хозяйств отмечало нахождение их села на периферии «культурной жизни», недостаток у колхозов средств на «культуру», остаточное бюджетное финансирование клубов, скудный выбор форм клубного досуга, индифферентность местной власти к этим проблемам ¹⁰⁴. Неразвитость будничного клубного досуга считалась одной из основных причин распространения на селе карточных игр, пьянства, хулиганства, драк ¹⁰⁵, уличных танцев и частушек. Молодежь одной из бригад колхоза «Путь к рассвету» Кромского района осенью 1956 г. обратилась в Орловский обком КПСС с просьбой освободить клуб от зерна, которое находилось там уже более двух месяцев: «Мы живем в советском государстве и должны продвигать культуру в села, а у нас получается наоборот, живем по старинке и приходится молодежи собираться в хатах, все равно <как> в дореволюционной России. До прошлого года скиталась молодежь по хатам-сидокам. В прошлом году в августе открылся клуб, но радоваться нам долго не пришлось – он снова под зерном...» ¹⁰⁶. В колхозе «Завет Ильича» Брейтовского района Ярославской области, где не демонстрировалось кино и не было клуба, была распространена молодежная «беседа»: для «гулянья» арендовалась одна из изб, где проводились танцы под пение и игра в «бешеного» – нанесение друг другу ударов ремнями «до острой боли и синяков» ¹⁰⁷. Увлеченность лото и карточными играми, а также организация молодежью самодеятельных танцев и исполнения частушек под гармонь или аккордеон летними вечерами на улицах села компенсировали неразвитость «официального» досуга даже в довольно благополучных с точки зрения работы учреждений культуры населенных пунктах ¹⁰⁸. Распространенность «заменителей»

досуга вынуждены были признавать и республиканское руководство культурой. В марте 1956 г. министр культуры РСФСР Т. М. Зуева сообщала в Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Многие сельские клубы находятся в таком запущенном состоянии, что колхозники просто не идут в них. Нередко молодежь устраивает вечеринки с выпивкой и танцами, арендуя частные дома колхозников...»¹⁰⁹.

На рубеже 1950–1960-х гг. многие официальные учреждения культуры села по-прежнему могли предложить населению довольно узкий спектр досуга, что наряду с более низким по сравнению с городом уровнем оплаты труда, гораздо более скромным выбором профессий, тяжелыми условиями труда и быта являлось фактором усиления оттока сельских жителей в города. Особенно много уезжало молодежи. Отпускница, гостившая у своих родственников в д. Солдатское Ефремовского района Тульской области сообщала в начале 1962 г. в редакцию газеты «Правда»: «В деревне страшная скука. У молодежи нет стремления организовать что-либо, и даже какая-то пассивность наблюдается. <...> Молодежь не может культурно и весело отдохнуть. Негде. Только кино иногда в тесной комнате, которую называют почему-то клубом. Куда доступен вход всем, даже детям дошкольного возраста. Этим зрителем как раз гораздо больше, чем взрослых. В деревне не знают, что такое самодеятельность, спорт и т. д. Это не только некому организовать, но главное – негде. Нет библиотеки. Идеологическая работа вообще не проводится: ни лекций, ни докладов, ни бесед никто не проводит, вряд ли есть политкружки. Можно было бы провести электричество от линии, которая находится в этом же совхозе, тогда можно было бы приобрести телевизоры, радиоприемники. Но опять же никто не хочет об этом подумать...»¹¹⁰. О том же писал в «Комсомольскую правду» в конце 1959 г. студент, наблюдавший жизнь и труд в колхозе им. Димитрова Лев-Толстовского района Калужской области: «В колхозе нет бани. Да как же жить без бани? Нет клуба. В селе очень скучно. Молодежь "сбежала" в города. Как же так? Да вот так, что им невмоготу такая жизнь. Но молодежь приходит и из города, особенно молодые специалисты, но быстро разочаровываются...» В соседних деревнях, по его

словам, культурные блага были, но председатель колхоза им. Димитрова и парторг, «страстные любители спиртного спорта», не стремились к появлению этого в колхозе: «Возможно, они не хотят, чтобы колхозники слышали и знали, радовались, как штурмуют космическое пространство наши спутники и ракеты, как успешно проходят визиты дружбы Н. С. Хрущева и других членов правительства в зарубежные государства, особенно, как борется весь советский народ за досрочное выполнение и перевыполнение планов семилетки и пр.»¹¹¹. Председатель рабочкома совхоза «Анастасьино» Смоленского района Смоленской области размышлял в письме ЦК КПСС о том, почему молодежь уходит из деревни в город: «Как известно, на Смоленщине деревни малые, как правило, от 20 до 60 домов, в которых избы плохие, в большинстве из них нет ни бань, ни клубов, зачастую даже колодцев, молодежь сейчас стала не та, что была 40 лет тому назад. Она желает жить не только богато, но и культурно, это нужно учитывать. Никакие тут административные меры, законы не помогут по удержанию молодежи в деревне. Чтобы удержать молодежь в деревне, нужны меры более капитальные и правильные, нужно настойчиво подтягивать деревню к уровню города. Разрыв этот на Смоленщине очень велик, и пока этот разрыв будет существовать, деревня будет самым узким местом с точки зрения обеспечения рабочей силой...»¹¹².

Отставание культпросветучреждений села в организации будничного досуга отчасти компенсировалось попытками сделать их эпицентрами советской праздничной культуры и обрядности. К концу 1950-х – началу 1960-х гг. новые праздники и обряды начинают действовать как многоуровневая советская праздничная культура, заостренная против религиозности и стремящаяся к «тотальному» охвату разных сторон жизни советского человека. Устанавливается более тесная взаимосвязь между политикой внедрения советского праздника и его рецепцией населением на основе включения «приемлемого» старого в новое, ускоряющая размывание традиционной культуры деревни Центрального Нечерноземья¹¹³.

Новые возможности проведения досуга постепенно видоизменяли традицию досуговой самоорганизации молодежи, создавая сплав традиционных и новых форм проведения свободного времени. В отдаленных от центральной усадьбы деревнях экономически крепких колхозов Бежецкого, Весьегонского, Молоковского, Сандовского районов Калининской области в начале 1960-х гг. жила традиция посиделок (или «бесед») и «светлых вечеров», самостоятельно организуемых молодежью. Но если раньше по таким случаям арендовалась одна из изб, приглашался гармонист, то теперь «на беседу» собирались в более просторном доме одного из ее участников или в домах каждого по очереди. В «беседах», на которые собирались в основном девушки, принимали участие и домашние. Собравшиеся слушали радио или патефон. Часто с «беседы» молодежь отправлялась в кино или клуб. Разрастание сети учреждений культуры вытесняло «беседы». Более широко были распространены «светлые вечера», которые собирались и в населенных пунктах, где были клуб, кино и т. д. Поводами для них становились проводы в армию, приезд кого-либо из односельчан на побывку и т. д. На «светлый вечер» приходила молодежь не одного села, а всей округи. Для «гулянья», как и раньше, арендовалась свободная изба, где танцевали под гармонь, двусмысленно шутили, пели частушки, играли. Быстрота вытеснения «светлых вечеров» также считалась производной от разнообразия клубного досуга и активности сельской комсомольской организации¹¹⁴.

Таким образом, стремясь нивелировать общественное мнение в условиях материальной и технологической отсталости культуры села, власть в середине 1940-х гг. обособила культпросветработу, формально отказалась от ее сплошной идеологизации и пыталась расширить содержание. Однако скудость средств, на которые могли рассчитывать сельские клубы, предопределила их медленное восстановление, узкий спектр форм работы, основанных преимущественно на живом слове, заслонение организации досуга политической информацией. В сочетании с малым бюджетом свободного времени большинства сельских жителей, живучестью подчинявшихся религиозному ритму форм его проведения

все это оставляло многих в деревне вне клубного досуга или вовлекало в его орбиту время от времени. Реформы клубного досуга, нацеленные на преодоление ведомственности и развитие инициативы снизу, свелись к попыткам перераспределить скудные бюджетные средства и развить внебюджетное финансирование при еще большей концентрации во властных структурах организационного и идеологического контроля. Не сумев создать сеть клубов, равномерно охватывавшую основные звенья укрупненного колхозно-совхозного производства ¹¹⁵, наладить повседневно широкий спектр традиционной клубной работы, власть все больше полагается на прогресс кинофикации, радио и телетрансляций, теснивший ее сложные вербальные формы. Под влиянием этой тенденции и альтернативы семейного досуга многие сельские клубы утрачивают потенциал многопрофильных «очагов культуры», какими, судя по официальной статистике, они были во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

3.2. Организация и функционирование лекционной пропаганды

Лекционной пропагандой на селе в первые послевоенные годы занималось несколько структур. Одной из них являлись лекционные бюро, действовавшие на базе учреждений культуры ¹¹⁶. Налаживание работы областных лекционных бюро и особенно районных лекторских групп происходило медленно, созданные действовали нерегулярно, многие местные советские органы запускали руководство ими ¹¹⁷. Еще более медленно складывалась сеть сельских лекториев, что вполне объяснимо: в отличие от штатных лекторов областных и городских лекционных бюро члены районных лекторских групп, а также сельских лекторских объединений действовали на общественных началах ¹¹⁸. Согласно Положению о сельском лектории от 14 июня 1949 г. его основной целью определялась «пропаганда политических и научных знаний» посредством чтения «популярных лекций», причем не только лекторами-общественниками из числа сельской интеллигенции, но и работниками партийных, комсомольских органов,

лекционных бюро, лекторами Общества по распространению политических и научных знаний. Лекторий должен был обеспечить проведение 2-3 лекций в месяц в пункте своего расположения, а также по одной лекции в ближайших населенных пунктах¹¹⁹. Отчеты сельских клубных учреждений свидетельствуют о том, что большинство из них выполняло этот план¹²⁰. Однако аудитория данных лекций была невелика и составляла в среднем 30-70 слушателей, чаще всего жителей того сельского населенного пункта, где находился сельский клуб или изба-читальня, т. е. основная масса сельского населения не охватывалась лекциями местных культпросветработников. В 1947 и 1949 гг. на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем от 0,7 до 3,4 посещения клубных лекций и докладов. Ранжирование клубных лекций конца 1940-х гг. по тематике и посещаемости дает следующую картину: наиболее распространенными были лекции по общественно-политической тематике (в среднем 0,5-1,5 посещений в год на одного сельского жителя); по вопросам техники и агротехники (в среднем 0,06-0,5 посещений); на естественно-научные темы (0,03-0,4 посещений); на литературные и художественные темы (0,03-0,2 посещений)¹²¹.

Другим институтом лекционной пропаганды являлось Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (далее – Общество – *Авт.*). В условиях неразвитости на селе технических средств трансляции информации, могущих единовременно обеспечить большой охват аудитории, живое слово долгое время было основным инструментом, с помощью которого власть обращалась к живущему в тысячах сел и деревень населению. Предтечей Общества можно считать действовавший в довоенные годы Союз воинствующих безбожников, возглавляемый Е. М. Ярославским. Но постановлением СМ СССР от 29 апреля 1947 г. № 1377 Союз был упразднен, а функция по «распространению научных и материалистических знаний» передавалась Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний¹²². Создание новой структуры в дополнение к системе лекционных бюро, районных

лекторских групп и сельских лекториев находилось в общем русле активизации пропаганды для нивелировки общественного мнения, оживившегося в военные и первые послевоенные годы. Создание Общества можно объяснить стремлением максимизировать число лекторов и продублировать систему лекционных бюро посредством привлечения к чтению лекций квалифицированных научных и политических работников. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (республиканское Общество – в РСФСР) с разветвленной сетью областных, районных отделений, сельских объединений и групп его членов на первых порах объединяло преимущественно представителей городской (научной и вузовской) интеллигенции. Ему было предназначено стать верхним ярусом всесоюзного пропагандистского аппарата. Согласно Уставу всесоюзного общества, принятому 9 июля 1947 года, оно являлось «общественной политико-просветительной организацией» по «распространению научных и политических знаний», что достигалось путем организации публичных лекций по различным вопросам¹²³.

Членство в Обществе формально было добровольным и имело две градации. Действительными членами являлись лично принимавшие участие в составлении и чтении лекций, написании научно-популярной литературы, а членами-соревнователями – читавшие лекции на основе одобренных Обществом текстов и участвовавшие в организации научных опытов, выставок и т. д. Членство в Обществе было платным¹²⁴. Действительное членство давало возможность выступать от имени Общества с платными лекциями, что должно было стать стимулом вступать в его ряды. Однако статистические отчеты и другая документация о деятельности провинциальных отделений Общества свидетельствуют, что платные лекции местных интеллигентов в глубинке составляли меньшую часть его пропаганды. Для вступивших в Общество в сельских районах членство было обременительной обязанностью, связанной с уплатой высоких для села членских взносов¹²⁵. Среди части партийного руководства на местах образование ячеек Общества было воспринято как сигнал к

массовой вербовке его членов ¹²⁶. Власть была заинтересована в превращении Общества в действительно массовую организацию. Для этого Обществу и его членам периодически предоставлялись финансовые льготы ¹²⁷.

В конце 1940-х гг. низовым звеном Общества на селе являлись его лектории в колхозах, совхозах, МТС, селах, к которым тяготела основная масса читавших лекции сельских интеллигентов. В 1947–1953 гг. плотность ячеек Общества на селе была очень низкой: в 1951 г. в областях Центрального Нечерноземья на один сельский лекторий Общества приходилось в среднем от 116 до 966 колхозов, совхозов, МТС и сел (исключение составляла только Московская область, где этот показатель равнялся 50). В 1953 г. в областях Центрального Нечерноземья действовало 136 его лекториев в сельских райцентрах, 356 районных отделений и 448 лекториев в колхозах, совхозах, МТС и селах ¹²⁸. Анализ объема лекционной пропаганды областных отделений Общества в зависимости от тематики показывает, что с 1949 по 1953 гг. наиболее распространенными темами лекций в областях Центрального Нечерноземья были (по мере убывания): международное положение, история КПСС, история СССР и всеобщая история, сельское хозяйство, медицина, история государства и права, научный атеизм, биология, опыт передовиков сельскохозяйственного производства ¹²⁹.

Несмотря на то что деятельность Общества контролировалась партийными пропагандистами, тематика лекций существенно зависела от наличия на месте узких специалистов. Этим обстоятельством объясняется преобладание лекций по вопросам «международной обстановки», истории партии и сельскому хозяйству, с которыми в глубинке мог выступить почти любой человек, читавший прессу и слушавший радио. Чем более специфичным был предмет, тем меньше квалифицированных лекторов можно было найти. Чаще всего нагрузка по ведению таких лекций возлагалась на врачей, агрономов, зоотехников, низовых партийных, советских работников и учителей сельских школ – в своем большинстве самых подготовленных и способных лекторов сельской местности.

Обращает на себя внимание довольно скромное количество атеистических лекций в общем объеме лекционной пропаганды, которые прочно держались на 6-7 месте. В 1951 г. их количество, приходящееся в среднем суммарно на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, было незначительно и во всех областях Центрального Нечерноземья не превышало 0,012-0,045 лекции¹³⁰. При этом в начале 1950-х гг. власть не придавала антирелигиозной пропаганде большого значения¹³¹. Антирелигиозная и естественно-научная пропаганда отличалась неконкретностью, часто запаздывала с реакцией на локальный всплеск религиозности, а то и вовсе провоцировала нагнетание панических слухов и суеверий. 23 февраля 1945 г. заместитель наркома государственной безопасности СССР Б. З. Кобулов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) информацию, основанную на материалах перлюстрации частной переписки, о распространении панических слухов о якобы «предстоящей катастрофе Земли от столкновения с раскаленным телом, оторвавшимся от Солнца». Слухи о «конце света» спровоцировала трансляция по радио лекций «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Есть ли жизнь на планетах?», «Необыкновенные явления в природе», «Астрономия на войне», которые читал сотрудник московского планетария А. Ларионов. В письмах, отправленных из Смоленской области, авторы так осмысливали услышанное по радио: «У нас здесь говорят, что через 14 дней свалится планета, величина ее займет всю Смоленскую область. Дорогие, сильно не волнуйтесь, если свалится, то попадем все в рай и на том свете в раю встретимся»; «Ждем падения метеора. Вот по этому поводу решила написать. Чем черт не шутит, возможно, стихия решит нашу судьбу. У нас в колхозе только и разговоров про это сообщение. Падение ожидается к 1-му числу. Так что, Петя, будем живы – увидимся, но все возможно»; «От Большой Медведицы оторвалась звезда, которая должна упасть на одну из трех областей: Московскую, Смоленскую или Орловскую. Думали эвакуировать население, но уже поздно – не успеют. Все население одной из этих областей должно погибнуть. Если об этом не говорит официальная печать, то просто не хотят создать паники у населения»¹³².

Содержание лекций на селе было притчей во языцех во власти при обсуждении вопросов идеологической и культурно-просветительной работы¹³³.

Были у отделений Общества и успехи. В отчете о работе Ивановского областного отделения Общества за 1951 г. его ответственный секретарь В. Крылов не без гордости сообщал, что благодаря активности отделения «во многих районах впервые увидели и услышали живого ученого, а иногда и вообще впервые прослушали квалифицированную лекцию»¹³⁴. В сельских районах Центрального Нечерноземья объем лекционной работы отделений Общества с 1949 по 1953 гг. увеличился в 2-35 раз, а в колхозах, совхозах и МТС с 1949 по 1953 гг. он возрос в 1-11 раз¹³⁵. Большинство лекций, прочитанных на селе членами Общества, были бесплатными. Наиболее активно лекционная работа велась в сельских райцентрах. В то же время существовали значительные межобластные различия. Так, в 1949 г. на один сельский районный центр в областях Центрального Нечерноземья в среднем пришлось от 2,2 до 52,8 лекций, в 1951 г. – от 41,7 до 207,3, в 1953 г. – от 11,6 до 332,4¹³⁶. Гораздо меньшее количество лекций читалось непосредственно на селе. В 1951 г. на один сельский населенный пункт, колхоз, совхоз и МТС в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем 0,5-0,95 лекций¹³⁷. Неудивительно, что часто и с трибун различных заседаний, и в письмах сельского населения во власть как обыденное явление отмечалось почти полное отсутствие лекционной пропаганды. Исключительный с точки зрения элементарного информирования о событиях в стране казус привел в апреле 1953 г. на заседании Калужского областного Совета заведующий облконторой «Заготзерно», упомянувший о ситуации в колхозе им. Сталина Спас-Деменского района, в котором с октября 1952 года не было ни областных, ни районных руководителей: «Народ даже не знает, был ли похоронен товарищ Сталин или нет. Никакой разъяснительной работы там не проводится. В колхозе есть партийная организация. Секретарь парторганизации – учитель, который все время находится в Широковском сельсовете и появляется в колхозе один раз в квартал...»¹³⁸.

Таким образом, несмотря на создание на селе Центрального Нечерноземья в первые послевоенные годы разветвленной системы лекционной пропаганды, добиться массовости и высокой интенсивности пропагандистского воздействия не удалось. Власть вынуждена была мириться с параллелизмом, заметным в работе областных и районных отделений Общества, низовых объединений лекторов областных лекционных бюро, штатных и внештатных пропагандистов обкомов и райкомов ВКП(б), порождавшим приписки объемов лекций и «тройную бухгалтерию» – учет одной лекции несколькими ведомствами ¹³⁹. Качество и интенсивность лекционной пропаганды существенно понижались по мере удаления от крупных городов и районных центров, были крайне неравномерными между ними. Для жителя сельской местности лекция была довольно редким, а подчас и недоступным мероприятием.

В середине 1950-х гг. верхи предпринимают объединение лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, направленное на расширение числа лекторов и увеличение числа лекций, особенно на селе. К этому времени кроме областных лекционных бюро Министерства культуры РСФСР практически в каждом районе действовали районные бюро, которые координировали работу десятков бюро при МТС и колхозах, а также сотен сельских лекторских объединений ¹⁴⁰. В начале 1956 г. количество членов лекционных бюро и сельских объединений лекторов в Центральном Нечерноземье в 2-3 раза превосходило ряды отделений Общества ¹⁴¹. От 45 до 65% лекторов системы лекционных бюро составляли учителя, от 11 до 16% – медицинские работники, от 15 до 24% – специалисты сельского хозяйства, от 1,5 до 5,5% – инженерно-технические работники ¹⁴². В канун завершения деятельности лекционных бюро областей Центрального Нечерноземья в качестве самостоятельной структуры их лекторы добавляли к лекциям отделений Всесоюзного общества в среднем в год на одного сельского жителя от 1,3 до 2,9 лекций. Исключение составляла только Московская область, где один сельский житель в среднем 5,2 раза в год посещал лекции лекторов-общественников ¹⁴³. По

составу эти лекции, как и лекции членов Общества, являлись сочетанием политической информации и сельскохозяйственной пропаганды: мероприятия на общественно-политические темы составляли от 25 до 44%, на сельскохозяйственные темы – от 15 до 33%, по медицине – от 5,4 до 10,5%, на естественно-научные темы – от 7 до 17,3%, по вопросам техники – от 1 до 3%, научно-атеистические лекции – от 4,8 до 8%¹⁴⁴.

Узким местом лекционной пропаганды отделений Общества оставалось чтение научно-атеистических лекций, упирившееся в проблему отсутствия на селе достаточно квалифицированных для этого кадров. В 1955 г. количество антирелигиозных лекций, приходящееся в среднем на один колхоз, совхоз, МТС и сельский населенный пункт, колебалось по областям Центрального Нечерноземья от 0,017 до 0,21 лекций¹⁴⁵. 4 февраля 1955 г. на совещании руководителей секций при правлении Общества, посвященном корректировке научно-атеистической пропаганды, первый заместитель председателя правления Общества, профессор Лаптев проанализировал типичные промахи лекторов-антирелигиозников. К ним он отнес подмену антирелигиозной пропаганды оскорблением представителей духовенства и верующих, попытки безосновательного опровержения постулатов вероучения, отсутствие понятной аудитории связи естествознания и атеизма, нехватку квалифицированных кадров лекторов-атеистов и их выступления перед неверующей аудиторией. Отрыв атеизма от естествознания аргументировался так: «Был такой случай, когда на селе была поставлена лекция, даже с передвижным планетарием, где для верующих показывалось строение Вселенной. Слушали все внимательно. После лекции спросили: "Ну, как, вам понравилась лекция?" "Очень понравилась". – "А что, собственно, вам понравилось в лекции?" – "Нам понравилось, как прекрасно бог устроил Вселенную"»¹⁴⁶.

Основная ставка при проведении лекционной пропаганды по-прежнему делалась на живое слово. В середине 1950-х гг. число лекций, переданных по радио, продолжало оставаться незначительным. В 1955 г. из двенадцати областей Центрального Нечерноземья только в Ярославской области по радио было

передано 14 лекций, в Московской области – 31 лекция, составлявшие десятые доли процента в общем объеме лекционной пропаганды Общества для сельской аудитории. В 1957 г. незначительное количество лекций для слушателей в сельских районах было прочитано во Владимирской, Калужской и Тульской областях¹⁴⁷.

И в правлении Общества, и в его областных отделениях признавали малочисленность многих районных отделений и слабую активность значительного числа лекторов, стремившихся уклониться от чтения лекций для села. В Калужской области из около 10 тыс. специалистов умственного труда членами Общества в 1954 г. состояли 1 367 чел., причем в некоторых районах их насчитывалось по 15-20 чел.¹⁴⁸ Когда Спас-Деменский РК КПСС направил директора Нестеровской семилетней школы, бывшего к тому же в колхозе этого сельсовета парторгом, прочитать доклад о 36-й годовщине Октябрьской революции в одну из деревень, тот не выполнил поручения, говоря в своем кругу: «Там народ готовится встречать Казанскую. Зачем им мешать?»¹⁴⁹. В Федосовском сельском клубе Невельского района Великолукской области местные лекторы часто сводили свои выступления к «громким читкам» научно-популярных брошюр и статей из журналов. Заведующие сельскими клубами и избами-читальнями в районе были уверены, что «на лекцию народ не пойдет, если ее не сопроводить кино, а лучше всего танцами». Стремясь «дать план» по посещаемости лекций, заведующий Пучковским сельским клубом попросил бригадиров колхоза привлечь аудиторию, и те ходили по домам и «наряжали на лекцию»¹⁵⁰.

Следует отметить, что и руководство Общества было заинтересовано в представлении в выгодном свете статистики прочитанных лекций. По существовавшему в конце 1950-х гг. порядку планирования объемов лекционной пропаганды годовые планы составлялись в областных отделениях Общества и согласовывались в обкомах КПСС, после чего поступали на утверждение правления Общества. Интенсивность лекционной пропаганды определялась из

расчета чтения 1-2 лекций на каждое предприятие, цех, смену, колхоз, МТС, РТС, совхоз, бригаду, полевой стан, ферму, клуб, Дом культуры, ЖАКТ, изба-читальню, красный уголок. Порядок планирования лекционной пропаганды на душу населения в правлении Общества считали «оригинальным», но «неправильным», рекомендуя отделениям при составлении плана исходить из «наличия производственных и иных единиц, насчитывающих от 15 и более работающих», для каждой из которых должно было проводиться ежемесячно по одной лекции¹⁵¹. При этом в закрытых статистических обзорах о деятельности учреждений культуры конца 1950-х гг. многие показатели охвата сельского населения теми или иными формами культурного обслуживания рассчитывались из их числа, приходящегося на количество сельских жителей¹⁵².

Незадолго до решения о слиянии систем лекционной пропаганды на страницах периодики развернулся обмен мнениями и опытом унификации пропагандистских структур на селе под эгидой партийных органов. В качестве одной из мер по упорядочению лекционной пропаганды, устранению параллелизма и несогласованности в работе лекторов, а главное – по достижению равномерного охвата сельского населения лекционной пропагандой предлагалось введение единых планов лекционной пропаганды с учетом лекторов разных ведомств. Контроль их выполнения предлагалось возложить на пропагандистский аппарат РК КПСС¹⁵³. До объединения лекционной пропаганды под эгидой Всесоюзного общества были введены единые ставки гонорара лекторам¹⁵⁴.

Не сумев обеспечить динамичный прирост на селе численности рядов Общества «изнутри», власти превратили его в массовую организацию административно. Решение о передаче ведения лекционной пропаганды от органов Министерства культуры СССР Обществу было принято ЦК КПСС 29 января 1957 г. 12 февраля 1957 г. вышел приказ министра культуры СССР Н. А. Михайлова «О передаче функций лекционной пропаганды органов Министерства культуры СССР Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний»¹⁵⁵. В РСФСР его реализацию конкретизировало постановление СМ

РСФСР от 2 марта 1957 г. № 83, предусматривавшее резкое увеличение чтения членами Общества бесплатных лекций, особенно на селе. Его четвертый пункт обязывал привлекать в сельские группы членов Общества лекторов из существующих сельских объединений и лекторских групп при МТС. Ряды Общества также должны были возрасти за счет членов лекторских групп при РИКах ¹⁵⁶. Активные лекторы сельских лекторских коллективов, вступившие в члены Общества до 1 июля 1957 г., освобождались от уплаты вступительных взносов. Районным отделениям Общества рекомендовалось формировать сельские группы Общества при наличии на селе 7–10 его членов ¹⁵⁷. Слияние, таким образом, предполагало не только концентрацию лекционной пропаганды в одной организации, но и усиление ее районного звена, что вписывалось в курс мобилизации на село партийных и советских работников из городов. В результате численность членов Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР только за 1957 г. выросла на 162 тыс. чел. Было создано 22 тыс. сельских групп его членов ¹⁵⁸. Если в 1956 г. ряды отделений Общества в областях Центрального Нечерноземья насчитывали от 1 400 до 2 800 членов (исключение составляла только Московская область, где ряды областного отделения насчитывали около 12 тыс. членов), то в конце 1959 г. – от 4 до 9 с лишним тысяч членов (Московское областное отделение объединяло 17 370 членов) ¹⁵⁹. К 1957 г. по сравнению с 1953 г. объем лекционной пропаганды отделений Общества в сельских районах возрос в 3–10 раз, а число лекций в колхозах, МТС и совхозах – в 3–20 раз ¹⁶⁰. Вследствие этого в сельских районах в 3–9 раз увеличивается посещаемость лекций: если в 1953 г. на одного сельского жителя областей Центрального Нечерноземья пришлось в год в среднем от 0,3 до 0,5 посещения лекций (в Московской области – 1,3), то в 1957 г. этот показатель колебался от 1,5 до 3,8 посещения (в Орловской области – 0,5, в Калининской области – 0,7 посещений) ¹⁶¹.

Объединение лекционной пропаганды в Обществе находилось в общем русле политики, проводимой Министерствами культуры СССР и РСФСР под

руководством отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, состоявшей в ужесточении контроля над сферой культурно-массовой работы путем ее концентрации в одном ведомстве, расширении охвата ею сельского населения, а также унификации транслировавшихся культурных ценностей. Стремясь повысить эффективность лекционной пропаганды на селе, власть продолжала и ее интеграцию в сеть учреждений культуры. Их заведующим и руководителям сельских групп членов Общества рекомендовалось составлять совместные планы работы, организовывать университеты культуры при клубах и кинолектории с еженедельным чтением в них лекций¹⁶². Плотность низовой сети лекционной пропаганды еще более повысилась: в 1961 г. на одну сельскую группу членов Общества приходилось в среднем от 8 до 38 колхозов, совхозов, РТС и сельских населенных пунктов¹⁶³. Увеличилась и активность лекторов Общества. В 1959 г. по отделениям Общества в областях Центрального Нечерноземья в среднем один лектор выступал в год с 6,3–12,1 лекциями, в 1961 г. – с 7,6–15 лекциями¹⁶⁴. За 1957–1961 гг. количество лекций, прочитанных в колхозах, совхозах, МТС, селах, выросло почти в четыре раза, с 147 014 до 584 313¹⁶⁵. Увеличилось количество лекций, приходящихся в среднем на один колхоз, совхоз, сельский населенный пункт. Если в 1955 г. их насчитывалось от 0,2 до 0,9 (в Московской области – 2,04 лекции), то в 1960 г. – от 3,65 до 11,5¹⁶⁶. За десятилетие с конца 1940-х до конца 1950-х г. во всех областях Центрального Нечерноземья количество бесплатных лекций и лекций, прочитанных по радио и телевидению, выросло до 80–90% всего объема лекционной пропаганды¹⁶⁷. Если в 1955 г. на один сельский населенный пункт, колхоз, совхоз, МТС приходилось в среднем в год от 0,01 до 0,07 атеистических лекций, то в 1960 г. – от 0,30 до 1,08¹⁶⁸.

В то же время, как и раньше, эффективность лекционной пропаганды продолжала вызывать массу нареканий самих пропагандистов и их партийных кураторов. 14 января 1959 г. в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР обсуждалось состояние массово-политической и культурно-просветительной работы среди животноводов Костромской области. С докладом

выступал секретарь по идеологии Костромского обкома КПСС. Когда он закончил, работу костромских партийных пропагандистов раскритиковали работники ЦК КПСС по РСФСР, посетившие перед совещанием около 70 костромских колхозов. Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. П. Московский заявил: «Сделано много докладов, а каково влияние на производство этих докладов? А влияние, оказывается, очень слабое... <...> какие цифры, все охвачено, все в пламени, все охвачено огнем, огненными речами, а дела остаются прежними. Растет животноводство не общественное, а частное. Так что дело не в охвате, а дело в содержании и работе с кадрами... Прямо какой-то цирк происходит в отстающих колхозах и районах... Смотрите, что дается в лекции в колхозе "Пятилетка". 8 декабря на собрании колхозников, посвященном переводу на денежную оплату, выступил т. Кудряшев. Он в своем выступлении говорит, что переход от трудодня на денежную оплату – это переход от коммунизма к социализму, что с переходом на денежную оплату, разъясняет он, колхозники будут работать по способностям и получать по потребностям... Кудряшев – масштаб сельский, а в областном масштабе со всякой путаницей тоже выступают...»¹⁶⁹. 27 августа 1959 г. ЦК КПСС принимает постановление, в котором Общество критиковалось за недостаточную «идейность и научность» лекционной пропаганды, ее отрыв от «задач коммунистического строительства», слабый охват сельского населения, низкую активность многих лекторов, значительное число платных лекций¹⁷⁰.

Таким образом, развитие лекционной пропаганды на селе Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. определялось потребностью власти формировать и мобилизовывать общественное мнение, которую приходилось удовлетворять в условиях неразвитости технических средств трансляции информации. Установка на живое слово предопределила логику совершенствования системы лекционной пропаганды путем наращивания числа лекций и расширения охвата аудитории. По этим показателям разрозненная сеть лекционной пропаганды в заключительные годы сталинского правления в разы

отставала от уровня, достигнутого объединенным Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Но даже с учетом значительного роста числа лекторов и лекций в конце 1950-х – начале 1960-х гг. система лекционной пропаганды не справлялась с полным охватом жителей сел и деревень, а весьма скромный, как правило, уровень сельских лекторов делал многие лекции разновидностью политинформации с высокой долей профанации, мало менявшей мировоззрение и ценности их аудитории.

Примечания к главе 3

¹ Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 3–5.

² *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. С. 105-107, 114, 115. Исторический материализм. С. 639–640.

³ *Литовкин Е. В.* Культурно-просветительная работа России послевоенного периода. М., 2004. С. 33, 52–56.

⁴ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 12 (50). Часть 3. С. 107.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ *Никитина Г. Я.* История культурно-досуговой деятельности. М., 1998. С. 41-42.

⁷ Сборник руководящих материалов по культпросветработе. М., 1947. С. 30, 31, 34–35.

⁸ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 107.

⁹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194. Д. 318. Л. 44, 103.

¹⁰ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 107.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 741. Л. 8-10.

¹⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 33. Л. 20, 76, 92, 110.

¹⁶ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 329–330. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526.

¹⁷ СУ. 1931 г. № 11. Ст. 142.

¹⁸ Культурно-просветительная работа на селе. Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. М., 1950. С. 363.

¹⁹ Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников // История колхозного права. В. 2 т. Т. 1. С. 430.

²⁰ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 108.

²¹ Там же. С. 108.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 6.

²³ Там же.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 341. Л. 34. Оп. 132. Д. 95. Л. 88, 89. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 172. Л. 253, 254. Д. 233. Л. 74. *Литовкин Е. В.* Культурно-просветительная работа России послевоенного периода. С. 149–152.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 437. Л. 12. Материалы по культурно-просветительной работе. С. 228.

²⁶ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 109.

²⁷ Там же.

²⁸ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 249. Л. 12, 14, 18, 22, 24, 29, 33, 41, 48, 51, 57.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 565. Л. 25.

³⁰ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 317. Л. 49, 54, 59, 87, 102, 108, 122, 194. Д. 318. Л. 44, 103.

³¹ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 109.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520–521. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 70. Л. 24.

³⁵ ГАРФ. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 6193. Л. 4, 5, 10, 15, 17, 25, 26, 26 об., 36, 37, 40, 87-93.

³⁶ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. С. 329–330. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 520-521.

³⁷ Культурно-просветительная работа на селе. С. 365.

³⁸ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2954. Л. 24, 24 об., 26, 26 об., 34, 34 об., 40, 40 об., 43, 43 об., 51, 51 об., 64, 64 об., 80, 80 об. 87, 87 об., 104, 104 об., 114, 114 об. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 279. Л. 17–18, 46–47, 78–79. Д. 315. Л. 39–40, 43–44, 49–50, 84–85, 98–99, 102–103, 115–116, 169–170. Д. 330. Л. 29–30, 46–47, 75–76, 98–99, 127–128. Д. 331. Л. 48–49, 52–53, 55–56, 80–81, 91–92, 95–96, 107–108, 151–152. Рязанское село Кораблино. С. 128, 393–394.

³⁹ Культурно-просветительная работа на селе. С. 360–361. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. 2-е изд., перераб и доп. М., 1951. С. 3–4.

⁴⁰ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 110.

⁴¹ Там же.

⁴² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 1.

⁴³ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 110.

⁴⁴ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930-1950-е гг. В 2 кн. Кн. 1. / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. М., 1995. С. 77.

⁴⁵ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 110.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 742. Л. 95–96.

⁴⁸ Там же. Д. 675. Л. 117, 118.

⁴⁹ Там же. Д. 662. Л. 66.

⁵⁰ ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 13.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 118.

-
- ⁵² Там же. Д. 710. Л. 70.
- ⁵³ ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 810. Л. 308.
- ⁵⁴ *Безнин М. А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Москва-Вологда, 1991. С. 58.
- ⁵⁵ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга. С. 111.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 458. Л. 100. Д. 742. Л. 95, 99.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 100. Л. 18.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 123.
- ⁵⁹ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 207. Л. 2 об.
- ⁶⁰ ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 752. Л. 12, 12 об., 13, 19.
- ⁶¹ XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1959. С. 103. *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 190, 193, 194, 215, 216, 234–235.
- ⁶² *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х – начала 1960-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения». 2014. № 6 (30). С. 20–21. Его же. Об одной пропагандистской кампании. Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958–1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 158–159.
- ⁶³ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 469. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 526.
- ⁶⁴ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 21.
- ⁶⁵ Там же. С. 21–22.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323 Д. 120. Л. 10, 10 об. –12, 12 об., 15. Д. 209. Л. 201 об. Д. 634. Л. 67, 67 об. ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 13. Д. 11. Л. 35, 36 об.–38. ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 913. Л. 92. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 534. Л. 21, 25, 25 об.
- ⁶⁷ ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 913. Л. 121, 121 об., 122, 122 об.
- ⁶⁸ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 339–341, 390, 489–490.
- ⁶⁹ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 64, 70.
- ⁷⁰ Там же. С. 171, 172.

-
- ⁷¹ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 22.
- ⁷² Материалы по культурно-просветительной работе. С. 95, 98, 99–100, 165–171. Культурно-просветительная работа на селе. С. 360–363.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1015. Л. 129.
- ⁷⁴ XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1958, С. 36, 313.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2159. Л. 161-165.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 943. Л. 1, 2, 3, 4.
- ⁷⁷ Там же. Л. 12-33.
- ⁷⁸ Материалы по культпросветработе. С. 46, 49–50, 95–96. Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 775, 777.
- ⁷⁹ Справочник партийного работника. Вып. 3. С. 720–721.
- ⁸⁰ Материалы по культпросветработе. С. 86, 87.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 943. Л. 34, 37, 38.
- ⁸² ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 16. Д. 7. Л. 35.
- ⁸³ Там же. Д. 169. Л. 106, 126.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1015. Л. 116-117.
- ⁸⁵ Там же. Л. 135.
- ⁸⁶ ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 24. Д. 15. Л. 35, 37.
- ⁸⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1011. Л. 147, 158.
- ⁸⁸ Подсчитано: там же. Д. 1013. Л. 245, 246, 247. Д. 1014. Л. 1, 2, 3, 5, 9, 135. Д. 1015. Л. 82, 83, 88, 107, 109, 110, 111. Д. 1016. Л. 59. Д. 1018. Л. 20, 71, 75, 78, 183, 188, 191. Д. 1021. Л. 191, 192.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3023. Л. 162 «б» об.-162 «а».
- ⁹¹ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 23–24.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Антонов В.* О делах коммерческих и культурной работе // Культурно-просветительная работа. 1958. № 4. С. 38–39. Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». С. 383–384. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1056. Л. 160.

-
- ⁹⁴ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 24.
- ⁹⁵ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 313, 332–333, 338–339.
- ⁹⁶ *Литовкин Е. В.* Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. Рязань, 2004. С. 166–170.
- ⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 8, 9, 11, 12.
- ⁹⁸ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х гг. / К. Г. Богемская, П. Р. Гамзатова, С. Ю. Румянцев и др., пред. редколл. Л. П. Солнцева. СПб., 1999. С. 108–109, 336, 338, 339, 341–342.
- Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 25.
- ⁹⁹ Дома народного творчества России: ретроспектива и современность. С. 409.
- ¹⁰⁰ Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930–1950-е гг. В 2 кн. Кн. 1. С. 143.
- ¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 187. Л. 22, 23.
- ¹⁰² *Кобзев И.* Как изгнали «Сашеночку» // Культурно-просветительная работа. 1955. № 12. С. 46–47. Одной из новейших работ, рассматривающих проблему взаимовлияния фольклора и советской культуры на уровне дискурса, является исследование К. А. Богданова: *Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры*. М., 2009. В ней приводятся свидетельства пропагандистской работы с исполнителями частушек, а также формирования образов частушечного творчества, «сочетающие тематику текущей пропаганды с мотивами интимных переживаний и коллективных радостей» (там же. С. 192–193).
- ¹⁰³ *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села. С. 25.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1078. Л. 21. Д. 1256. Л. 179, 180, 181, 182, 185. Д. 1257. Л. 12, 104. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 639. Л. 70–74.
- ¹⁰⁶ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 634. Л. 67, 67 об.
- ¹⁰⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 47.
- ¹⁰⁸ Рязанское село Кораблино. С. 198, 390–391. Примечательно, что в тетрадях учащихся Кораблинской средней школы, содержащих рукописные тексты песен, с

которыми знакомились этнографы, изучавшие село и его жителей, кроме песен советских композиторов, цыганских романсов и народных песен, присутствовали и песни «блатного типа» с нецензурной лексикой. Многие их записи были уничтожены перед просмотром «чужаками». См.: там же. С. 201.

¹⁰⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 2.

¹¹⁰ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 32. Д. 89. Л. 185.

¹¹¹ ГАДНИКО. Ф. 2101. Оп. 20. Д. 29. Л. 449, 449 об., 450 об.

¹¹² ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1261. Л. 88.

¹¹³ *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 2 (40). Часть 2. С. 105.

¹¹⁴ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 245–246, 311–312.

¹¹⁵ *Кометчиков И. В.* Об одной пропагандистской кампании. С. 166–167.

¹¹⁶ *Кабанов П. И.* Указ. соч. С. 61–63.

¹¹⁷ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 7 (45). Часть 1. С. 80.

¹¹⁸ Сборник руководящих материалов по культпросветработе. С. 57, 58, 132, 133, 134. Культурно-просветительная работа на селе. С. 7.

¹¹⁹ Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 7–9.

¹²⁰ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 81.

¹²¹ Там же.

¹²² ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹²³ Там же. Д. 26. Л. 25, 26.

¹²⁴ Там же. Л. 27, 36.

¹²⁵ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 81–82.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 613. Л. 182-184.

-
- ¹²⁷ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 82.
- ¹²⁸ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 65. Л. 7-10. ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 22. Д. 777. Л. 18-19.
- ¹²⁹ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 82.
- ¹³⁰ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 620. Л. 39-41. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113-114. Д. 4445. Л. 140, 166.
- ¹³¹ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 82-83.
- ¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 11-14.
- ¹³³ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 82-83.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 613. Л. 137-138.
- ¹³⁵ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27-28. Д. 620. Л. 30-31, 32-33, 53-54. Д. 985. Л. 8-14, 22-24, 28-30.
- ¹³⁶ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 83.
- ¹³⁷ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 306. Л. 27-28. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4102. Л. 113-114.
- ¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 1251. Л. 22.
- ¹³⁹ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 452. Л. 266. Сборник руководящих материалов по клубной работе. С. 17-22, 23-25. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. С. 101-103, 107.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 9.
- ¹⁴¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7, 8, 12. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6, 7.
- ¹⁴² Подсчитано: там же. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7, 8.
- ¹⁴³ Там же. Л. 5, 6.
- ¹⁴⁴ Подсчитано: там же.
- ¹⁴⁵ Подсчитано по: там же. Ф. 9547. Д. 1090. Л. 18-19, 20, 21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 186, 198.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1048. Л. 6, 11, 13, 15, 17, 21.

-
- ¹⁴⁷ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1062. Л. 11-12. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 123. Л. 16, 24, 37, 43, 89.
- ¹⁴⁸ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 154. Л. 132.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 40. Оп. 20. Д. 10. Л. 217.
- ¹⁵⁰ *Самсонов В.* Лекции, не оставившие следа... // Культурно-просветительная работа. 1954. № 4. С. 22, 24.
- ¹⁵¹ ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 369. Л. 16-17, 23.
- ¹⁵² Там же. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3023. Л. 162а–192е и об.
- ¹⁵³ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 85.
- ¹⁵⁴ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 269, 270.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1092. Л. 64.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 88–89.
- ¹⁵⁷ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 91.
- ¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 369. Л. 15, 16.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 303. Л. 8, 9. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6–7.
- ¹⁶⁰ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 86.
- ¹⁶¹ Там же. С. 85–86.
- ¹⁶² Материалы по культурно-просветительной работе. С. 74, 77–78.
- ¹⁶³ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 86.
- ¹⁶⁴ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8, 9. Д. 514. Л. 6, 7.
- ¹⁶⁵ Подсчитано: там же. Д. 123. Л. 13, 16 об., 24 об., 36, 37 об., 43 об., 57 об., 63 об., 71 об., 77 об., 89 об. Д. 514. Л. 6–7.
- ¹⁶⁶ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 86.
- ¹⁶⁷ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 303. Л. 8, 9.
- ¹⁶⁸ *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда. С. 86.
- ¹⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 58. Л. 50, 56.
- ¹⁷⁰ Справочник партийного работника. Вып. 3. С. 470–477.

Глава 4. Средства массовой информации и кино в повседневности села Центрального Нечерноземья

4.1. Тиражи, доступность и восприятие на селе периодической печати

В сельской местности Центрального Нечерноземья РСФСР в послевоенные годы распространялись центральные (союзные и республиканские), областные и районные газеты. Доступность их читателям менялась в зависимости от возможностей государства по наращиванию тиражей, состояния сети распространения печати, наличия на местах достаточного количества более или менее квалифицированных журналистов – интерпретаторов идеологического дискурса, колебаний редакционной политики, развития прочих СМИ и других факторов.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. власти сокращали тиражи областных и районных газет и увеличивали – общесоюзных и республиканских. Одной из основных причин этого было, как представляется, значительное отставание уровня местной прессы, особенно районной, от уровня центральной. Только за 1946-1949 гг. разовый тираж областных и районных газет в Центральном Нечерноземье сократился на 10%, а тираж «Правды» вырос на 14%, «Комсомольской правды» – на 16%, «Пионерской правды» на 31%, «Литературной газеты» – почти в 11 раз, «Социалистического земледелия» – на 48%, газеты «Культура и жизнь» – вдвое, газеты «Советский спорт» – на 56%¹. Вследствие слабой полиграфической базы, недостатка газетной бумаги многие районные газеты выходили на двух полосах с крайне невысоким качеством печати, набирались вручную. Частыми были срывы графика выпуска номеров, так как газетчики, как и другие работники учреждений райцентра, мобилизовывались райкомами ВКП(б) для участия в «хозяйственно-политических кампаниях»². Сходные трудности в первые послевоенные годы переживали и областные газеты³. Их объем составлял четыре полосы, периодичность выхода – три-четыре раза в неделю. ЦК

ВКП(б) неоднократно принимал постановления, в которых отмечалось однообразие содержания местных газет, нежелание редакций публиковать критические очерки и статьи, заполнение страниц различными постановлениями и решениями, малое количество материалов нештатных корреспондентов, неряшливость оформления и т. д.⁴ Закрытые обзоры районной печати, регулярно составлявшиеся в обкомах ВКП(б), ВЛКСМ, органах внутренних дел, показывают низкий уровень владения журналистами официальным дискурсом, подчас граничивший с «политическими ошибками», обслуживание редакциями интересов руководства райкомов и обкомов ВКП(б). В ходе кампании по выборам депутатов в Верховные Советы союзных и автономных республик (1947 г.) газета «Путь колхозника» Каменского района Тульской области напечатала такую частушку, призывавшую голосовать за председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского: «Ты играй, гармонист, на гармошке венской. Кандидатом в депутаты у нас Вознесенский»⁵. В обзоре ярославской районной печати за февраль 1947 г. указывалось, что в номере от 30 января 1947 г. газеты «Брейтовский колхозник» редакция опубликовала постановление районного партийного актива о подготовке к весеннему севу. В нем предлагалось закрепить рабочий скот за «честными» колхозниками, а лошадей – за «надежными». В обзоре о работе районной прессы области в период избирательной кампании конца 1947 г. – начала 1948 г. отмечались несоблюдение многими редакциями плана выпуска номеров и значительное сокращение их объема. В номере переславльской районной газеты «Коммунар» от 21 января 1948 г. портрет И. Броз Тито был расположен редакцией на четвертой полосе под материалами о Нюрнбергском процессе и рядом с объявлениями, что рецензент обкома ВКП(б) посчитал «грубой ошибкой». Второй секретарь Арефинского РК ВКП(б) Ярославской области неоднократно снимал заверстанные в полосу районной газеты материалы о «захвате» колхозных земельных угодий и растаскивании колхозного имущества руководителями района и сельсоветов. В августе 1947 г. на собрании районного актива первый секретарь Тутаевского РК ВКП(б) заявил о районной газете, что «у нас не газета, а мелкий кляузник». В

замечаниях по районным газетам области, выходявшим в 1946 г., уполномоченный ярославского обллита признал «более или менее удовлетворительными» четыре из них⁶. Не слишком высокого мнения о районной прессе были зачастую и сельские жители. В середине 1951 г. в редакцию калужской областной газеты «Знамя» из Куйбышевского района области поступило письмо сельского корреспондента районной газеты «Куйбышевский стахановец», озаглавленное «Об авторитете районной газеты и еще кое о чем». Редакция «Знамени» переслала письмо в Куйбышевский РК ВКП(б), который признал «сигнал» правильным. В письме сообщалось о том, что газета регулярно помещала заметки, не соответствующие действительности, выбирала из редакционной почты для публикации хвалебные сообщения, а критические клала под сукно. Селькоры были «предоставлены сами себе», так как редакцию устраивала односторонняя связь с ними: «селькоры в редакцию пишут, а редакция селькорам ни ответа, ни привета»⁷.

Ограниченные тиражи прессы, которыми могло располагать село, были основной причиной значительного распространения газетных витрин, дававших возможность прочитать свежий номер большому числу людей. Так, в 1946 г. в Брянской области действовало 1 115, в Ивановской – 603, в Смоленской – 1 514 газетных витрин. В августе 1947 г. прошел Всесоюзный рейд проверки распространения, продвижения и доставки печати на село, проводившийся по распоряжению министра связи СССР и постановлению ЦК ВЛКСМ. В смоленской деревне в ходе проверки было обнаружено, что жители 341 населенного пункта не выписывали прессу, а в 342 пунктах не было подписчиков на центральные газеты и журналы. Из 2 137 газетных витрин в 305 не обеспечивалась регулярная расклейка газет. В Ярославской области прессу не выписывало население 33 населенных пунктов, в 323 из 1 743 газетных витрин не происходило регулярной смены газет⁸.

В первые послевоенные годы продолжало сохраняться распределение тиражей газет и журналов по бюджетным учреждениям⁹. В Рязанской области

большая часть тиражей оседала в городах, различных учреждениях и правлениях колхозов по бюджетно-ведомственной подписке. Только незначительное количество экземпляров распространялось индивидуально. В результате ЦК ВКП(б) принял постановление «О недостатках работы Рязанского обкома ВКП(б) по распространению периодической печати», обязав не менее 70% тиражей газет распространять по подписке среди населения¹⁰. В 1948 г. Всесоюзный рейд проверки распространения, продвижения и доставки печати был проведен вновь¹¹.

В заключительные годы сталинской эпохи число газетных витрин на селе Центрального Нечерноземья в разы превосходило количество пунктов продажи печати, также косвенно свидетельствуя о малочисленности распространяемых тиражей. В 1951 г. в восьми из тринадцати областей Центрального Нечерноземья в среднем на один сельсовет приходилось от 0,9 до 2,4 газетных витрин. На общем фоне выделялись Владимирская (4,7 витрины), Смоленская (5,4 витрины), Ярославская области (4,1 витрины). В Орловской области на один сельсовет в среднем приходилось 0,2 витрины. В 1952 г. этот же показатель по десяти областям составлял от 1 до 2,6 газетной витрины (во Владимирской области – 7,3 витрины, в Смоленской – 5,4, в Ярославской – 3,5). В 1953 г. в семи областях количество витрин колебалось от 0,9 до 2,6, а в Московской области – 2,9 витрины, в Смоленской – 5,5, в Ярославской – 3,8, во Владимирской – 6,8. Ни в одной из областей Центрального Нечерноземья в 1951–1953 гг. число пунктов продажи прессы и киосков «Союзпечати» не превышало в среднем одного на сельсовет, составляя от 0,2 до 0,8¹².

Несмотря на усилия по улучшению распространения периодической печати во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. нельзя говорить о широкой доступности газет для большинства сельского населения. В 1946 г. количество экземпляров разового тиража областных и районных газет, приходящееся в среднем на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья, составляло от 0,09 до 0,24, в 1947 г. – от 0,10 до 0,20, в 1949 г. – от 0,09 до 0,33¹³. Фактически количество экземпляров, оказывавшихся на селе, было еще меньше,

так как нами этот показатель рассчитан исходя из стопроцентного распространения тиражей в сельской местности. Однако львиная доля центральной, областной и районной периодической печати оседала в городах и районных центрах. Так, в 1945 г. село получило 34,6% тиража «Правды», 34,5% – «Известий», 36,6% – «Комсомольской правды», 48,4% республиканских и областных газет, 69,1% – районных, а районные центры сельской местности – 14,5; 14,3; 16,3; 13,6 и 14,1% соответственно. Остальной тираж распространялся в областных центрах, промышленных районных центрах, городах областного подчинения и рабочих поселках¹⁴. Кроме того, следует учесть, что в 1951–1953 гг. почти во всех областях Центрального Нечерноземья на 4–27% недовыполнялся план розничной продажи печати, также в большинстве областей на 1–13% и план ее продажи по подписке¹⁵. Были свидетельства и повышенного спроса на прессу. Так, в мае 1949 г. на Заднепровском рынке Смоленска была задержана жена механика и завхоза издательства газеты «Большевикский путь» Западной железной дороги, продававшая по завышенным ценам местные газеты и журналы. При обыске у нее была обнаружена справка начальника издательства, разрешающая их продажу частным порядком¹⁶.

На протяжении середины 1950-х гг. отмечается некоторое улучшение обеспеченности населения районных центров и села газетами, которое происходит как вследствие общей коррекции аграрной политики, увеличения объема направлявшихся на село ресурсов, так и «потепления» политического режима, отразившегося на политике в отношении СМИ. Пытаясь повысить значимость выступлений местной печати, центральная власть ориентировала редакции на расширение взаимодействия с рабселькорами, развертывание критических выступлений¹⁷. Отмеченные перемены, связанные с приходом к власти Н. С. Хрущева, стимулировали рост тиражей. Только за 1955–1957 гг. суммарный разовый тираж областных и районных газет областей Центрального Нечерноземья увеличился на 8%¹⁸. Значительно возросли тиражи центральной прессы. К 1957 г. по сравнению с 1949 г. разовый тираж газеты «Правда» вырос в

2,17 раза, «Известий» – в 1,93 раза, «Комсомольской правды» – в 2,58 раза, «Пионерской правды» – в 2,5 раза, «Литературной газеты» – в 1,7 раза, газеты «Сельское хозяйство» – в 2 раза¹⁹. Улучшение полиграфической базы, увеличение отпускавшихся лимитов газетной бумаги приводят к росту тиражей местной прессы, особенно районной: многие районные газеты начинают выходить на четырех полосах²⁰. За счет укрупнения сельсоветов более плотной стала розничная сеть продажи печати, увеличившись по сравнению со второй половиной 1940-х – началом 1950-х гг. в 1,3–2 раза и составляя в среднем от 0,82 до 1,50 пунктов продажи на сельсовет²¹. В результате отмеченных перемен количество экземпляров разового тиража областных и районных газет, приходящееся в среднем на одного сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья в 1955 г., составляло от 0,16 до 0,54, в 1957 г. – от 0,16 до 0,60²². К марту 1957 г. учреждения культуры, сельсовет, школа, учителя, правление и жители колхоза «Красная звезда» (336 семей, 999 чел.) с. Кораблино Рязанской области выписали 49 экз. «Правды», 21 экз. «Известий», 15 – «Комсомольской правды», 36 – «Пионерской правды», 4 – «Литературной газеты», 124 – «Приокской правды» (областная газета), 64 – «Рязанского комсомольца», 166 – «Ленинского пути» (районная газета) и 27 экземпляров других газет (в среднем на одного жителя приходилось 0,5 экз. газеты). При этом спрос населения на прессу был выше и ограничивался выделенными при реализации подписки лимитами²³.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. власть вновь сдерживает рост тиражей местных газет при наращивании выпуска центральных, а также сокращает количество местных изданий. Необходимость «не расширять сеть печатных органов», а «повышать их идейный уровень» и «связь с массами» подчеркивалась в постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О неправильной практике издания новых газет», критиковавшем местные партийные, государственные структуры, руководство кооперации за несанкционированное издание «своей» прессы. Постановление ЦК КПСС от 31 июля 1959 г. «О ликвидации убыточности газет и журналов» требовало достижения рентабельности местных периодических

изданий при сокращении их числа за счет слияния редакций. ЦК КПСС вернул себе право окончательно утверждать решения об открытии новых областных, городских, ведомственных газет и журналов²⁴. Ряд центральных и местных периодических изданий, полностью не реализуемых через сеть розничной продажи, объявлялись «не отвечающими требованиям читателей и не пользующимися их спросом»²⁵. Весной 1962 г. верхи партии пошли на еще более радикальные меры, приняв решение о приведении в соответствие с новой структурой управления сельским хозяйством существовавшего количества районных газет: во многих областях вместо нескольких десятков районных газет было создано гораздо меньшее число межрайонных газет территориальных производственных управлений²⁶.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. также становится временем, когда предпринимались попытки повысить статус периодической печати в обществе, сделать ее активным участником процессов десталинизации. Одним из способов этого виделось оживление рабселькоровского движения. В постановлении ЦК КПСС от 30 августа 1958 г. «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» рабселькоров призывали «повышать силу воздействия печати на массы населения». Систематическое взаимодействие с рабселькоровским активом провозглашалось постоянной обязанностью редакций центральной и местной прессы, а также партийных и советских органов, общественных и первичных партийных организаций²⁷. Постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио» было санкционировано повсеместное создание внештатных отделов редакций, рабселькоровских и авторских советов на общественных началах²⁸. С 1957 г. был возобновлен прерванный в 1941 г. выпуск издававшегося «Правдой» журнала рабселькоровского движения «Рабоче-крестьянский корреспондент». Статистика редакционной почты районных газет, куда чаще всего писали рабселькоры, а также сами газетные страницы свидетельствуют, что призыв «глубоко освещать на страницах печати

злободневные вопросы» находил на селе отклик²⁹. Много рабселькоровских корреспонденций публиковали и областные газеты³⁰.

Однако стимулирование общественной активности «снизу» далеко не всегда поддерживалось в редакциях самих районных газет, работники которых, как и ранее, работали с оглядкой на райкомы КПСС³¹. 18 сентября 1962 г. ЦК КПСС принимает очередное постановление «О повышении действенности выступлений советской печати», в котором вновь повторяется спектр «узких мест» советской прессы, включая индифферентное отношение к критическим публикациям руководителей организаций и учреждений, ставших их «героями», зажим критики и преследование корреспондентов, слабую связь редакций с рабселькорами³².

Несмотря на все преобразования, качество прессы, с точки зрения центральной власти, по-прежнему оставалось весьма неравномерным: районной прессе приходилось «прислушиваться» к мнению руководства РК КПСС, которое в большинстве случаев определяло, какие материалы о жизни района будут опубликованы, рассматривая «свою» газету в качестве инструмента по укреплению собственного влияния. Ответственный секретарь новодеревеньковской районной газеты «Социалистический труд» в заявлении секретарю Орловского обкома КПСС писал об этом так: «Злоупотребляя занимаемым служебным положением, т. (редактор районной газеты. - *Авт.*) выхолащивает из газеты острую, принципиальную критику, глушит инициативу работников редакции, всячески противится тому, чтобы газета была боевой, содержательной, интересной... Ларчик открывается просто: редактор не желает портить отношений с руководящими работниками района...»³³. В апреле 1959 г. редактор любимской районной газеты «Северный колхозник» направил в Ярославский обком КПСС письмо, в котором протестовал против запрета редакции публиковать критические материалы о председателях колхозов и руководителях района без санкции руководства райкома. После того как в январе 1958 г. редакция «Северного колхозника» опубликовала в ярославской областной газете «Северная правда» статью об этом под названием «Когда райком партии не

поддерживает свою газету», бюро Любимского РК КПСС приняло решение о запрете публикаций с критикой руководства. Позже оно было отменено, но отношение партийного руководства района к газете не изменилось: редакции продолжали запрещать печатать критические статьи. После очередной такой публикации заседание бюро райкома вынесло редактору партийное взыскание, хотя фельетон не только был признан справедливым, но и привел к снятию его «главного героя» – одного из местных руководителей. Редактор газеты так объяснял причины своего наказания: «Главным основанием для наказания редактора было то, как заявил первый секретарь райкома тов. <...>, что критика номенклатурных и руководящих работников – это вода на мельницу обывателей, поскольку по этим людям они судят об остальных руководящих работниках района. <Первый секретарь РК КПСС> подчеркнул, что если редактор из этого обсуждения не сделает "правильных" выводов, то "при первой же ошибке в газете мы тебе таких шишек насажаем и заставим полосы газет носить для проверки лично ко мне"...». По словам проверявшего работу любимской районной газеты ответственного сотрудника редакции «Северной правды», «замалчивание серьезных критических выступлений газеты на бюро райкома партии вошло в Любиме в систему». О «неправильном» отношении к районной газете Любимского РК КПСС говорилось даже в постановлении бюро ЦК КПСС по РСФСР от 18 мая 1959 г. «О партийном руководстве печатью в Ярославской области». «Приглушенность в критике» отмечалась и в работе редакции переславской районной газеты «Коммунар»³⁴.

Для значительного числа периодических изданий, особенно местных, как видно, существовала проблема привлечения внимания аудитории, что подталкивало редакции к размещению большого количества фотографий, развлекательных материалов, перепечаток произведений детективного, фантастического жанра. Так, в Брянской области 15 из 26 районных газет, многие районные газеты Орловской области публиковали рассказы и повести о шпионах, уголовниках и спекулянтах³⁵.

В ходе оптимизации числа областных и районных газет, попыток улучшения содержания, расширения связей с аудиторией их суммарный разовый тираж в областях Центрального Нечерноземья за 1959–1961 гг. увеличивается с 2 122 тыс. до 2 196 тыс. экз. (всего лишь на 3,5%)³⁶. Рост количества экземпляров, поступавших на село, происходил в основном за счет увеличения тиражей общесоюзных и республиканских изданий. С 1958 по 1962 гг. число всесоюзных газет сократилось с 24 до 23, а их разовый тираж вырос с 4 981 до 7 947 тыс. экз. (на 59,5%), тираж двух республиканских газет РСФСР – с 543 до 617 тыс. экз. (на 13,6%)³⁷. Но и с учетом некоторого сокращения численности сельского населения за этот период ощутимого увеличения его обеспеченности местной прессой не произошло. Количество экземпляров разового тиража местных газет, приходящееся в среднем на одного сельского жителя, колебалось по областям Центрального Нечерноземья: в 1959 г. – от 0,20 до 0,45 (в Брянской области – 0,16), в 1960 г. – от 0,20 до 0,47 (в Брянской области – 0,17), в 1961 г. – от 0,21 до 0,50 (в Брянской области – 0,17)³⁸.

Материалы социологических обследований колхозной деревни показывают, что в экономически успешных хозяйствах пресса была широко распространена и выписывалась как повседневный источник информации о «больших» и «малых» политических событиях, а также для чтения на досуге. Во всех населенных пунктах упоминавшегося колхоза Молдино Удомельского района Калининской области на газеты и журналы подписывалось 88–100% населения. В день колхоз получал пятнадцать наименований прессы, из которых наибольшее количество номеров приходилось на газеты «Ленинец» (районная газета, 152 экз.), «Смена» (152 экз.), «Сельская жизнь» (103 экз.), «Правда» (41 экз.), «Пионерская правда» (42 экз.), «Калининская правда» (37 экз.), «Советская Россия» (35 экз.), «Известия» (32 экз.), «Комсомольская правда» (23 экз.). Правление колхоза получало по подписке свыше 60 наименований общественно-политических, отраслевых и литературно-художественных журналов. То же наблюдалось в передовых колхозах Бежецкого, Краснохолмского и других районов области³⁹. В

колхозе «Заря коммунизма» Любимского района Ярославской области 238 хозяйств выписывали 340 газет и журналов. Опрос членов 15 семей, живущих в деревне Раслово, показал, что абсолютное большинство жителей (члены 13 семей) слушали радио (особенно часто – последние известия и «передачи о международном положении»), являлись читателями библиотеки, выписывали газеты и журналы – «Правду», «Известия», «Труд», «Пионерскую правду», «Северную правду» (ярославскую областную газету), журналы «Коммунист», «Агитатор», «Крестьянка»⁴⁰. В рязанском селе Кораблино в 1960 г. выписывалось 17 газет, в том числе 14 – общесоюзных и республиканских, разовый тираж которых составлял 332 экземпляра. Из них 301 экз. поступал в село по индивидуальной подписке. Наибольшее число экземпляров приходилось на областные и районную газету, а также на основные центральные издания («Правду», «Известия», «Советскую Россию», «Пионерскую правду» и т. д.)⁴¹.

Таким образом, вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. характеризуются отрицательным ростом тиражей районных и областных газет при значительном увеличении – республиканских и общесоюзных. Скромное количество достававшихся селу изданий стимулировало использование газетных витрин – заменителей пунктов реализации прессы, в результате чего обеспечивался невысокий в целом уровень доступности газет для сельского населения. С середины 1950-х гг. допускается некоторый рост тиражей областной и районной печати при опережающих темпах выпуска центральной, что повышает общую доступность газет на селе. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. выпуск областных и районных газет вновь почти не растет, повышение доступности обеспечивается в основном за счет высоких темпов прироста тиражей центральной печати. В целом за 1945 - начало 1960-х гг. власти, увеличив на 50% разовый тираж областной и районной прессы, в то же время многократно нарастили объемы издания республиканских и общесоюзных газет, что свидетельствует о безусловном приоритете развития центральной прессы и целенаправленном ограничении тиражей областной и районной как хронически отстающих от политической

конъюнктуры. «Оттепель» закрепила эту сформировавшуюся еще в сталинские годы тенденцию. Центральная, областная и районная газеты были для сельского населения, в первую очередь, доступным и точным повседневным источником политической информации, хотя степень доступности зависела от места жительства читательской аудитории: наиболее востребованные газеты село получало по урезанному лимиту. Наиболее доступная областная и районная пресса, с одной стороны, вызвала интерес особой актуальностью публикуемой информации, а с другой, смещалась вниз читательской шкалы достоверности и авторитета, как и находящаяся на виду местная власть, выступавшая заказчиком ее публикаций.

4.2. Кино в повседневности деревни

Система кинообслуживания сельского населения сформировалась еще в довоенные годы. Во время культурной революции, коллективизации и в последние предвоенные годы кино отводилась важная роль по вытеснению традиционных ценностей и формированию «нового» человека. В то же время доходы от кино были важной статьёй государственного бюджета, что порождало в кинопрокатной деятельности постоянное противоречие между пропагандистской, культурно-просветительской и фискальной функциями кинообслуживания, особенно заметное на местном уровне. Организация кинообслуживания сельского населения была трехуровневой и включала стационарные кинотеатры в районных центрах, сельские и колхозные стационарные кинотеатры и сельские передвижные киноустановки – кинопередвижки, на которые приходилась основная нагрузка по демонстрации кино живущему в тысячах деревень населению. На селе также действовали профсоюзные и ведомственные киноустановки.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в областях Центрального Нечерноземья кино демонстрировалось в небольшом числе наиболее крупных

сельских населенных пунктов, расположенных в «коммерчески привлекательных» для механиков кинопередвижек точках маршрутов и с крайне невысоким качеством демонстрации. Малое количество киноустановок, охват ими жителей наиболее крупных населенных пунктов, нехватка элементарно приспособленных для демонстрации кино помещений, высокая степень износа оборудования и киноплёнки, недостаток транспорта были основными причинами малого количества киносеансов на селе. В Тульской области в начале 1947 г. из 886 сельсоветов помещения, пригодные для демонстрации кинофильмов, имелись в 439, причем большинство из них едва вмещало 40–50 зрителей и не было подготовлено к работе зимой⁴². В Орловской области в начале 1946 г. было только 26 сельских клубов и 130 изб-читален, в которых можно было проводить киносеансы. Сельские киномеханики, демонстрируя кинофильмы в помещениях сельских Советов, правлений колхозов вместимостью 20–30 зрителей, охватывали ежемесячно 40–50% сельсоветов области⁴³. В Рязанской области в середине 1951 г. из 1 546 сельсоветов и 4 519 сельских населенных пунктов киносеансы регулярно проводились в 54 районных дворцах культуры, 475 сельских клубах, 1 143 избах-читальнях, причем около ста клубов были засыпаны зерном, использовались как птичники и т. п.⁴⁴ Такое же положение было и в Ярославской области, где население удаленных от райцентров деревень месяцами не видело кинофильмов⁴⁵. Участники совещания в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (сентябрь 1947 г.) иронизировали по поводу низкого качества демонстрации фильмов в провинции и преобладания при этом коммерческого интереса над «культурно-политическим»⁴⁶. В письмах сельского населения во власть о состоянии учреждений культуры низкое качество киносеансов – скорее правило, чем исключение. Весной 1952 г. молодежь Рождественского сельсовета Епифанского района Тульской области писала в Тульский обком ВЛКСМ о «постановке» киносеансов в избе-читальне: «<Если> привозят кино из районной кинофикации, то что происходит: попало на афиши 9 часов. Появляется в 10 часов киномеханик пьяный и сразу кидается на избача, ну, где же народ, почему не идет взрослый

колхозник или интеллигенция, я не буду ставить малышам, мне нет выгоды, очень растратно горючего, или заходите по 2 руб. 50 коп. малыши, тогда буду ставить. Покричит, покричит, нет хозяина (зав. избой-читальней. – *Авт.*), и уезжает обратно. Пожилые колхозники придут посмотреть в окно, уходят, как будто их не было...»⁴⁷. В январе 1951 г. редакция газеты «Комсомольская правда» переслала Калужскому ОК ВЛКСМ письмо комсомольца В. К. Касаткина, побывавшего в отпуске в родном Чаусовском сельсовете Высокинического района и наблюдавшего работу сельского клуба: «Кинокартины проводятся так, что приходишь в ужас. Начинают ставить кинокартину, и она длится в течение нескольких дней, и если нужно посмотреть ее сразу, то для этого требуется ходить в течение трех дней, чтобы узнать, чем кончился фильм, а то и еще хуже: начнут, а когда оборвется (кинолента – *Авт.*), то совсем закрывают и уж больше эту кинокартину не показывают... когда молодежь и труженики сельского поля собрались на торжественную часть 6 ноября, в такой знаменитый праздник советского народа, то кинокартину вообще почти не показали. А когда масса спросила, почему так, то киномеханик ответил: "хотите смотреть – могу показать без звука..."»⁴⁸. Даже после введения в 1949–1952 гг. нового порядка работы киноустановок сельской местности с премиями киномеханикам за перевыполнение плана доходов от киносеансов⁴⁹, стимулировавшего к более полному охвату аудитории, многие работники сельской кинофикации продолжали работать по старинке, без учета плана маршрута и заранее утвержденного графика киносеансов⁵⁰.

И все же, несмотря на частое отсутствие элементарных условий, кино на селе пользовалось большой популярностью. Планы по количеству зрителей на организованных для сельского населения киносеансах выполнялись на 80–90%⁵¹. Об огромной популярности кино говорят и письма людей во власть. В письме редакции газеты «Комсомольская правда» в начале 1949 г. военнотрудовой, гостивший в родном пос. Ялта Воловского района Тульской области, писал о киносеансах в здании местной школы: «За мое присутствие 75 суток была картина

в школе, это "Волшебные зерна", можно представить, картину должны поставить малышам 1, 2, 3, 4 классов, но вместо малышей туда, в это маленькое помещение, нашло народу столько, что из пушки не прошибешь, и все важные люди, как директор крупзавода, "Заготзерно" и прочий элемент, а малыши чуть не залезли все им на шею...»⁵².

Важными показателями, позволяющими представить степень доступности кино в сельской местности в 1945 – начале 1950-х гг., также могут служить количество киносеансов, приходящихся в год в среднем на одного сельского жителя, и количество сельского населения в расчете на одну киноустановку. При том, что в 1948 г. количество киноустановок на селе областей Центрального Нечерноземья колебалось от 88 до 168 (в Московской области – 715), составляя всего 2 044 единицы, на одну киноустановку приходилось 5 000–9 000 чел. (в Брянской области – более 12 тыс. чел., в Калининской – около 1 100 чел., в Московской – около 2 770 чел.), на одного сельского жителя в среднем приходилось 1–2 посещения кино в год (в Московской области – 5,2, во Владимирской – 2,6 посещения). В 1949 г. вследствие значительного роста числа сельских киноустановок (во многих областях – в 1,5–2 раза) число сельских жителей на одну киноустановку понизилось до 1 900–4 400 чел. (в Брянской – около 5 640 чел.), произошел существенный рост посещаемости киносеансов. Однако она все равно оставалась относительно невысокой, составляя в среднем 1,2–3,4 посещения кино в год на одного сельского жителя⁵³. Для оценки охвата сельского населения демонстрацией кино с 1953 г. в государственной отчетности Министерства культуры СССР о наличии, движении и эксплуатации киноустановок был введен показатель обслуживания сельских населенных пунктов (включая и те, что были расположены в радиусе 1–3 км от пункта демонстрации). Согласно ему, в 1953 г. в восьми из двенадцати областей Центрального Нечерноземья количество сельских населенных пунктов, охваченных кинообслуживанием, составляло 80–100%, а в Ивановской области – 14,5%, в Калужской – 48,4%, Костромской – 70,3%, Орловской – 72,1%. В первом

квартале 1953 г. население около 2 700 сел и деревень Центрального Нечерноземья не охватывалось кинообслуживанием, во втором квартале – 3 320, в третьем – 4 149, четвертом – 4 312⁵⁴. Однако следует признать, что государство прилагало немалые усилия для увеличения количества киноаппаратуры на селе. Если в 1946 г. в областях Центрального Нечерноземья насчитывалось 2 408 киноустановок, то в 1949 г. только на селе их было уже 3 852⁵⁵.

Тяжелые условия жизни и труда, скромный в целом уровень достатка большинства сельских жителей и малый бюджет свободного времени, отсутствие благоустроенной сети дорог, особенности планирования доходности в кинопрокатных организациях накладывали отпечаток на репертуар стационарного сельского кинотеатра и кинопередвижки. Министерства кинематографии СССР и РСФСР, Министерства культуры СССР и РСФСР, отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) постоянно требовали от органов культуры периферии соблюдения идеологически «правильного репертуара», в котором большую часть должны были составлять научно-популярные, пропагандистские и художественные фильмы с обязательным идеологическим подтекстом. Но сельское население воспринимало кино, прежде всего, как развлечение, способ на время отрешиться от повседневных забот. В справке о состоянии кинообслуживания населения Орловской области, подготовленной сотрудниками Главного управления кинофикации к заседанию коллегии Министерства кинематографии РСФСР 6 января 1953 г., сообщалось, что многие кинофильмы месяцами находились на пунктах Главкинопроката и не демонстрировались сельской аудитории. Так, кинофильм «В. И. Ленин» за четыре года с момента выхода на экраны при наличии в области двух его копий был в прокате 559 дней, а на складе пролежал 2 300 дней. На селе его зрителями стали 20 тыс. человек (1% сельского населения). Кинофильм «Клятва» за шесть лет со дня выхода на экран при наличии в области шести копий демонстрировался в сельских кинотеатрах 2 200 дней, его посмотрело 85 тысяч человек, а на складе находился 6 400 дней. Кинофильм «Мусоргский» с момента выхода в декабре 1950 г. за два года на селе увидели 13 800

человек (1,3% сельского населения области). Министр кинематографии РСФСР Г. И. Шашков, докладывая курировавшей в Совете Министров РСФСР сферу культуры Т. М. Зуевой о выполнении Калининским облисполкомом постановления СМ РСФСР от 26 июля 1951 г. «О повышении доходов от кино», подчеркивал, что в области много недостатков в использовании фильмофонда, а в вопросе репертуарной политики – аполитичность: фильмы, «имевшие важное воспитательное значение», во многих районах не демонстрировались. Так, фильм «Александр Попов», имевшийся в области в количестве 18 копий, за пять месяцев 1951 г. был на экранах 40 дней, а 2 654 дня пролежал на полке, так и не дойдя до зрителя восьми районов. Аналогичное положение было с прокатом фильмов «Мусоргский», «Жуковский», «Далеко от Москвы», «Великая сила», «Советская Армения», «Советский Казахстан». В Костромской области 14 копий фильма «Кавалер золотой звезды» за 9 месяцев 1952 г. демонстрировались 174 дня, а 3 714 дней пролежали на складе, 11 копий фильма «Донецкие шахтеры» – 181 день и 2 058 дней, 7 копий фильма «Щедрое лето» – 136 дней и 1 596 дней соответственно и т. д. В Калужской области кинофильм «Клятва» с 1950 по 1952 гг. был на экранах всего лишь 765 дней, а на складе – 2 397 дней. Копии фильма «Ленин в 1919 году» за это же время демонстрировались 309 дней, а на складе были 621 день. Имевшиеся в области 18 копий фильма «Кавалер Золотой Звезды» были на экранах 1 068 дней, а на складе провели 1 561 день. Кинофильм «Донецкие шахтеры» посмотрело 6,9% сельских жителей области, а фильм «Правда - хорошо, а счастье лучше» – 3,2%. Многие ленты сельский зритель мог видеть по нескольку раз подряд. В Удомельском районе Калининской области «вследствие неправильно проводимой репертуарной политики со стороны заведующего отделением конторы Главкинопроката <...> отдельные советские высокохудожественные фильмы, как-то: "Клятва", "Иван Павлов" и другие на экранах киноустановок района совершенно не демонстрировались, в то же время такие кинофильмы, как "Чертово ущелье", "Пядь земли", "Мишка-аристократ" и

другие на экранах одной и той же киноустановки в 1950 году демонстрировались 2–3 раза...»⁵⁶.

Время от времени власть допускала демонстрацию населению трофейных фильмов. В литературе существует обоснованное мнение о значительном влиянии зарубежных фильмов и других «трофейных» культурных вещей (джазовая музыка, радиоприемники, позволявшие ее слушать, трофейная одежда, обувь, предметы домашнего обихода, автомобили и т. п.), ставших не просто атрибутами западного образа жизни, а одной из главных внешних причин зарождения процессов «оттепели» и размывания «монолитного строя» стилевой системы сталинской эпохи⁵⁷. 31 августа 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало выпуск на широкий экран страны 25 кинофильмов производства Германии, Италии и Чехословакии второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. (еще 25 фильмов производства киностудий США было разрешено к закрытому показу), большинство которых являлись музыкальными, историческими или приключенческими. Министр кинематографии СССР И. Большаков обязывался обеспечить в течение 1948–1949 гг. чистый доход от их проката не менее 750 млн руб.⁵⁸ Однако во власти, и в центре, и на местах, как видно, существовала определенная «борьба мнений» по вопросу необходимости пополнения таким образом бюджета и следования «выдержанному» кинорепертуару. Анализируя репертуарную политику управления кинофикации Рязанской области, инспектор Министерства кинематографии РСФСР сообщал заместителю министра, что руководство управления гонится за коммерческими показателями, не уделяя внимания привлечению зрителей на фильмы «высокоидейного и политического содержания»⁵⁹. В Угличском районе Ярославской области руководители кинофикации и кинопроката полагались при выполнении плана на демонстрацию кинофильмов «Граф Монте-Кристо», «Скандал в Клошмерле», «Паяцы», «Цыганский барон», несмотря на формальный запрет их показа сельскому зрителю⁶⁰. В период уборки урожая в 1952 г. на кинопередвижках Мещовского района Калужской области демонстрировались трофейные заграничные фильмы «Тарзан», «Железная маска» и другие. В других

районах киномеханики без ограничений демонстрировали запрещенные для детей кинофильмы «Мадам Бовари», «Восьмой раунд», «На всякого мудреца довольно простоты». В Сухиничском районе «дело подбора репертуара, контроль за его соблюдением [было] отдано киномеханикам, которые не имели для этого ни знаний, ни политической зрелости и опыта...»⁶¹. В клубе с. Оксеново Рыбновского района Рязанской области в 1950 г. демонстрировался 21 фильм, из них 11 – иностранного производства⁶².

Руководству кинопроката в первые послевоенные годы так и не удалось сформировать эффективную систему материального поощрения работников, проводивших киносеансы. Низкая оплата труда, постоянная потребность в средствах на текущие расходы во время работы на маршруте и постоянный же сбор наличных денег за билеты формировали богатое поле для нарушений финансовой дисциплины и злоупотреблений. Свидетельства этого часто встречались при проверках работы механиков кинопередвижек на селе. С 1 октября 1950 г. сельская киносеть была переведена на новый порядок работы: для увеличения валового сбора и количества киносеансов в пунктах демонстрации кинофильмов были установлены должности внештатных уполномоченных кинофикации, в обязанности которых входила реализация билетов, поиск помещений для демонстрации кино и т. д. Как показала проверка, новый порядок работы не улучшил кинообслуживание сельского населения⁶³. Несмотря на то, что только союзное правительство за период с 1948 по 1952 гг. приняло четыре постановления, содержавшие категорический запрет на бесплатную демонстрацию кинофильмов⁶⁴, было широко распространено бесплатное посещение киносеансов представителями сельской верхушки, которые по своему должностному положению принимали участие в создании условий для работы киностационара или кинопередвижки (предоставляли транспорт для перевозки киноаппаратуры, помещение и топливо для отопления импровизированного кинозала) и поэтому рассчитывали на «контрамарку»⁶⁵. Таким образом, не приходится говорить о значительной доступности кино широкой сельской

аудитории в первые послевоенные годы. Регулярные киносеансы чаще всего были приметой крупных населенных пунктов, а также официальных праздников и торжеств.

Середина 1950-х гг. становится рубежной датой в развитии кинообслуживания сельского населения областей Центрального Нечерноземья. Только с 1956 по 1959 гг. число киноустановок на селе Центрального Нечерноземья возросло на 1 475 (более 25%), в том числе во Владимирской области – на 74,5%, в Калининской – на 37,2%, в Калужской – на 55,7%, в Рязанской – на 71,8%, в Тульской – на 63,7% и т. д.⁶⁶, что явилось одной из составляющих своеобразного «культурного скачка» – резкого увеличения в середине 1950-х гг. количества технических средств и распространителей официальной культуры на селе. Другим важным фактором, повлиявшим на повышение количества киносеансов, стали изменения в законодательстве, регулирующем организацию и финансирование сельского кинопроката. 9 апреля 1954 г. в среднем на 18% были снижены цены на билеты в кино. В сельских райцентрах и на селе они стали стоить от 50 коп. (сеансы для детей) до 3 руб. 50 коп. Район был заинтересован в увеличении выручки от продажи билетов, так как 10% суммы сбора поступало в его бюджет⁶⁷. Вскоре после создания союзного ведомства культуры (1954 г.) произошло подчинение государственных киноустановок в государственных клубах руководителям этих учреждений (ранее они подчинялись районному отделу кинофикации), а отдел культуры РИКа получил ряд важных хозрасчетных прав⁶⁸. Порядок премирования за перевыполнение плана выручки от киносеансов, введенный в 1949 г. и первоначально касавшийся только работников сельской киносети, был распространен на работников отделов культуры райисполкомов и культурно-просветительных учреждений. 40% чистой прибыли от сверхплановых поступлений, полученных от сельских киноустановок, шло колхозу, совхозу, МТС, сельскому клубу, школе и другим организациям, предоставившим помещение для киносеанса, а также на премирование лиц, способствовавших перевыполнению плана кинопроката, 45% – на премии

работникам стационарных киноустановок и кинопередвижек, 10% – на премии работникам районных отделов культуры. Размеры премий не ограничивались определенным процентом от окладов и должны были выплачиваться полностью из чистой прибыли от сверхплановых киносеансов ⁶⁹. С одной стороны, подчинение сельского кинопроката руководству культпросветучреждений и отделам культуры, усиление в нем «хозрасчетных» отношений заинтересовывало киномехаников и заведующих учреждениями культуры увеличивать число киносеансов, с другой – вытесняло из повседневной работы клубов такие более трудоемкие и менее выгодные для заведующих формы работы с населением, как вечера вопросов и ответов, организация выставок, докладов и т. п. Киносеансы оставляли для них все меньше и меньше времени.

В результате роста числа киноустановок и изменения законодательства, регламентирующего кинопрокат, в Центральном Нечерноземье к середине 1950-х гг., согласно официальной статистике, кинофикация охватила почти все сельские населенные пункты. В 1954 г. в Калининской, Калужской, Московской и Тульской областях кино демонстрировалось жителям всех сел и деревень, в Великолукской, Владимирской и Ярославской областях уровень кинофикации составлял свыше 93%, в Брянской области – 76%, в Орловской области – 72%, в Костромской области – 57,6%. К 1956 г. ситуация с охватом сельского населения кино в Центральном Нечерноземье перестала быть такой пестрой, как в начале 1950-х гг. Только в двух регионах население существенной части сел и деревень не имело возможности постоянно посещать кино: в Великолукской области, где киносеансы организовывались в 45,1% сельских населенных пунктов, и в 58,6% населенных пунктов Костромской области. Во Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской областях этот показатель был не ниже 94,1%, в Брянской, Ивановской, Калининской и Орловской - колебался от 79,1 до 87,2% ⁷⁰. С середины 1950-х гг. сельский житель Центрального Нечерноземья начинает посещать кино в среднем один раз в месяц. В 1956 г. в Брянской, Калининской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях

на одного сельского жителя приходилось от 5,3 до 10 посещений кино в год, в Великолукской, Калужской и Тульской областях – от 11 до 12, во Владимирской – 13, в Костромской – 13,2, в Ивановской – 15,7⁷¹. В то же время следует признать, что за этими цифрами подчас скрывалась значительные «мертвые» пространства, не охваченные маршрутами передвижек и сетью стационарных киноустановок.

Однако увеличение количества киноустановок на селе не сняло проблему качества демонстрации кино, которое во многих случаях продолжало оставаться низким. Вот как виделась организация киносеансов в середине 1950-х гг. из зрительного зала сельского кинотеатра. В письме председателю СМ СССР Н. А. Булганину о жизни в одном из колхозов Бурмакинского района Ярославской области бывший местный житель, гостивший в родном селе весной 1955 г., описал практику демонстрации кино в окрестных деревнях: «Приезжает раз в неделю в Жабино звуковая кинопередвижка, но киномеханик так плохо демонстрирует кинофильмы и так неаккуратно начинает киносеансы, что находится очень немного любителей из 4-х деревень топать в Жабино на кино... К сожалению, настолько безответственно относятся к своей работе киномеханики, что число посетителей кино все время уменьшается: в клубе ужасно холодно, с началом сеанса опаздывают на 1 ч. – 1 ч. 30 минут, картины демонстрируются плохо. Сидишь-сидишь в клубе, мерзнешь в ожидании культурного развлечения, а потом плюнешь и уйдешь. "Пусть мои деньги пропадают", – рассказал мне знакомый учитель школы-семилетки. Получается и так: ой, замерз! Пропадай они пропадом с кино с ихним! "Пойдемте, ребята, лучше выпьем", – говорит один из парней. Они идут, выпивают, а потом затевают скандалы и драки. Такова оборотная сторона прекрасного искусства кино, которое профанируют безответственные работники кинофикации, наплевательски относясь к работе на селе...»⁷². Из колхоза им. Ленина Мосальского района Калужской области писали в редакцию областной газеты «Знамя» в декабре 1954 г.: «Кинокартину или художественную самодеятельность можно увидеть только во сне. Мы уже забыли, что такое советские фильмы, тогда как с кинофильмов мы можем учиться, как

живут и работают наши труженики. Ведь у нас имеются художественные, научные, документальные фильмы, для нас они очень далеко и будет большой диковинкой, если в колхоз привезут кино...»⁷³. Из колхоза «Новый быт» Афанасовского сельсовета Малоярославецкого района Калужской области в редакцию журнала «Крокодил» сообщали о проведении киносеансов в колхозе: «Кинокартина – лучший проводник культуры на селе. А как это проводится? Кино бывает в помещении сельсовета. Тесно, неудобно. Скамейки предназначены для зрителей со стоимостью билета в 2 руб. 50 коп., а дети со стоимостью билета в 1 руб. вынуждены смотреть картину, сидя на полу...»⁷⁴.

Власть пыталась поменять отношение населения к кино как, в первую очередь, к развлечению. В 1954 и 1956 гг. был издан ряд приказов министра культуры СССР, обязывающих регулярно организовывать показ научно-популярных, хроникально-документальных и учебных кинофильмов, демонстрировать их на селе сверх репертуара художественного кино, а также на льготных условиях⁷⁵.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. происходит еще один скачок доступности кино как способа проведения досуга сельского населения, обусловленный значительным увеличением количества киноустановок. Только с 1958 по 1965 гг. их число на селе Центрального Нечерноземья возросло с 6 883 до 14 423, т. е. более чем в 2 раза (в 1,4–3,3 раза в зависимости от области)⁷⁶. В результате существенно увеличилось и число киносеансов, и их посещаемость. В 1958 г. в Брянской, Орловской, Рязанской, Смоленской областях на одного сельского жителя в среднем в год приходилось от 6,6 до 8,7 посещений кино, а в остальных областях Центрального Нечерноземья – от 9,6 до 13,8. В 1959 г. в Брянской и Орловской областях на каждого сельского жителя приходилось по 7 посещений кино, в Калининской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях этот показатель колебался от 10 до 12, в Ивановской области составлял 14, во Владимирской и Московской – 15⁷⁷. Почти полный охват сельских населенных пунктов киносеансами в большинстве

областей Центрального Нечерноземья был достигнут к 1960 г. Лишь в Костромской области кино могли регулярно видеть только в 46,7% сел и деревень, в Брянской области – 77,7%, а в остальных областях – от 80,1 до 100%⁷⁸. В передовом Бежецком районе Калининской области, согласно данным этнографического обследования, в 1960 г. действовало шесть стационарных киноустановок и 22 кинопередвижки, обслуживавших 64 населенных пункта. В Весьегонском районе на 13 киностационаров и 10 передвижек приходилось 48 населенных пунктов. В деревнях и селах, обслуживаемых кинопередвижкой, кино в среднем демонстрировалось 8–9 раз в месяц, стационаром – 18–20 раз. Кино в основном посещала молодежь (от одного до 2-3 раз в неделю), ощутимо реже – пожилые колхозники⁷⁹. В колхозе «Красная звезда» Рязанской области киносеансы демонстрировались пять раз в неделю. Трижды в неделю шли киносеансы для детей⁸⁰.

Учитывая стремление деревни к прогрессивным институтам официальной культуры, одним из которых было буднично доступное кино, власти вели поиск новых форм расширения охвата им сельской аудитории. Одной из них стали всевозможные «почины», сочетавшие усилия власти и общественную инициативу. Так, в июле 1959 г. в районный отдел культуры Небыловского района Владимирской области поступило письмо от жителей села Спасское, в котором содержалась просьба проводить платный показ кинофильмов в селе под открытым небом до тех пор, пока не будет построен новый сельский клуб. Старейший житель села, кавалер ордена Ленина учитель Л. И. Похвалынский писал от лица односельчан: «Все работы, связанные с организацией киносеансов, будут проводиться активом села, а все присутствующие на сеансе будут покупать билеты. Верьте нам, и мы оправдаем оказываемое нам доверие». Небыловский райотдел культуры откликнулся на эту просьбу. О днях, когда в селе намечались киносеансы, о названии и содержании кинофильмов жители теперь узнавали от киноорганизаторов-общественников, подготавливавших киноплощадку под открытым небом. Прибывший в село киномеханик за час до начала киносеанса

начал через громкоговоритель транслировать музыку. На ее звуки стал собираться народ, молодежь устроила танцы. О начале первого киносеанса торжественно объявила начальник районного отдела культуры. Опыт оказался успешным: во всех селах, где были организованы такие площадки, количество кинозрителей увеличилось, выросли доходы от демонстрации фильмов. Так, если при демонстрации кинокартин в клубе села Спасское присутствовало 35–40 человек, кассовый сбор составлял 60–70 рублей, то на показ кинофильма «Правда» на открытом воздухе собралось 79 зрителей, сбор составил 140 рублей. Небыловский РК КПСС своим постановлением обязал районный актив и работников культурно-просветительных учреждений организовать регулярное кинообслуживание зрителей в каждом населенном пункте района. Владимирский обком КПСС и коллегия Министерства культуры РСФСР рекомендовали местным органам культуры использовать опыт для расширения кинообслуживания сельского населения. Заместитель министра культуры РСФСР В. Стриганов обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой рекомендовать всем обкомам и крайкомам комсомола поддержать эту инициативу при организации работы сельской киносети в летнее время⁸¹. Однако, судя по статистике Министерства культуры РСФСР, «почин» жителей Спасского не получил широкого распространения: на 1 января 1963 г. были учтены 3 летних кинотеатра и киноплощадки во Владимирской области, 5 – в Калининской области и 2 – в Ярославской⁸².

В достаточно широком охвате села киносеансами не были уверены даже сами партийные пропагандисты, оперировавшие отчетностью Министерства культуры. Характеризуя достоверность этих данных, инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР Анисимов, в течение тридцатидневной командировки побывавший во главе бригады работников отдела в 70 колхозах Костромской области, заявил на совещании в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР: «Спрашиваем, министерство получает эти справки. Кажется, кинообслуживание 101% выглядывает кое-где по районам, сами себя в районе тешат этими цифрами и обманывают себя. Из 8 000

населенных пунктов обслуживается 1 000 населенных пунктов. За 3–4 километра взрослый колхозник на кино не ходит, и тут надо разобраться и трезво на эти вещи смотреть...»⁸³. Критически воспринимали доступность кино жители удаленных от райцентров и крупных сел населенных пунктов⁸⁴. Успехи кинофикации сельской местности, достигнутые к концу 1950-х гг., весьма сдержанно оценивали и деятели советского кино. Председатель оргкомитета Союза работников кинематографии СССР, известный советский кинорежиссер И. А. Пырьев направил в феврале 1959 г. в ЦК КПСС записку, озаглавленную «О задачах в области кинофикации и кинопроката». В ней он информировал о неблагополучии в кинофикации и ратовал за придание демонстрации кинофильмов размаха, каким она обладала на Западе. Причину неудовлетворительного состояния кинообслуживания Пырьев видел в повсеместном строительстве не только в сельской местности, но и в городах малогабаритных кинотеатров с небольшим количеством зрительских мест, которые невозможно было реконструировать для демонстрации кино на широкоформатном экране, считавшемся в середине 1950-х гг. «наиболее прогрессивным видом кинозрелища». Острая нехватка зрительских мест в кинотеатрах городов страны вызывала, по его мнению, «острый голод на кинозрелища», а охват кинообслуживанием потенциального зрителя составлял всего 20%. Чтобы удовлетворить зрительский спрос и повысить доходность, администрация кинотеатров в 1950-е гг. шла на сокращение продолжительности киносеансов и увеличение их количества в течение одного рабочего дня, в результате чего средняя продолжительность киносеансов в СССР была одной из самых малых в мире – 1,5 часа (в лучших современных кинотеатрах тех лет она составляла 3 часа, а в дешевых – еще выше)⁸⁵. Эти выводы подтверждаются данными обследований состояния кинофикации сельских районов⁸⁶.

Тем не менее, к началу 1960-х гг. демонстрация кино на селе Центрального Нечерноземья из атрибута официальных праздничных мероприятий и досуга жителей крупных населенных пунктов, каким она была во второй половине 1940-х –

начале 1950-х гг., становится одним из самых распространенных и доступных повседневных развлечений, организованных властью. Государству, делавшему ставку на развитие унифицированных трансляций ценностей официальной культуры, впервые удалось добиться столь широкого распространения кино. Однако если для власти оно было, прежде всего, одним из проводников идеологии, то население воспринимало кинофильмы, в первую очередь, как способ проведения досуга. Государственный кинопрокат не мог игнорировать это, полагаясь только на финансовый и репертуарный план. Рост числа киноустановок, киносеансов на селе в середине 1940-х – начале 1960-х гг. являлся не только частью политики стандартизации и унификации досуга жителей деревни по городскому образцу, но и свидетельствовал об отклике на нее населения, отвечавшего повышенным спросом на кинозрелища.

4.3. Радиофикация и радиовещание: политика и отношение сельского населения

Сеть радиовещания, основу которой составляло проводное радио, начала формироваться в 1930-е гг. как система трансляции политической информации и оповещения населения. Приоритетное развитие проводного вещания при радиофикации сельской местности сохранялась и в дальнейшем: дополнительным стимулом для этого стало активное развитие антисоветского вещания на территорию СССР из-за рубежа. Большой урон радиовещанию в Центральном Нечерноземье, особенно местному, нанесла война. На территориях, где велись боевые действия, была практически полностью уничтожена инфраструктура проводного радиовещания. Знаком постепенного перехода к мирной жизни стало ее восстановление и возвращение изъятых в начале войны эфирных радиоприемников индивидуального пользования⁸⁷.

Задачу радиофикации села в послевоенные годы решали несколько министерств и ведомств, из которых Министерство связи СССР занималось радиофикацией райцентров. Радиофикацию сельской местности также проводили

органы Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР, ВЦСПС, Всесоюзный комитет по радиоинформации и радиовещанию, колхозы. Такое положение создавало путаницу и «мертвые пространства», за радиофикацию которых никто не отвечал. Абонентскую плату за пользование эфирными радиоприемниками взимал Всесоюзный радиокомитет, плату за пользование проводными трансляционными радиоточками - Министерство связи СССР или то ведомство, которому принадлежал радиоузел, обслуживавший радиотрансляционную точку⁸⁸. По официальным оценкам, вследствие «беспризорного состояния» радиофикации деревни в первые послевоенные годы ежегодный прирост радиоточек составлял всего 150–200 тысяч. Полная радиофикация такими темпами считалась возможной не ранее, чем через 50 лет⁸⁹. На сдерживание радиофикации села оказывал влияние уровень абонентской платы за пользование радиоточками. Если в довоенные годы она составляла 4 рубля в месяц, то в начале 1950-х гг. – 10 рублей, причем обладатели проводных трансляционных точек платили в три раза больше. Владельцы эфирных приемников к тому же имели возможность выбора радиопрограмм (с 1 апреля 1953 г. абонентская плата была снижена)⁹⁰. В результате к 1949 г. по уровню радиофикации СССР занимал одно из последних мест в мире: в США один радиоприемник приходился на 2 человека населения, в Англии – на 5 человек, в Дании – на 4, в Австрии – на 7, в Германии – на 6, в Аргентине – на 10, в СССР – на 25–28 человек⁹¹.

При отсутствии ресурсов, чтобы в короткие сроки провести сплошную радиофикацию деревни, власть стремилась в первую очередь оснастить радио ее наиболее людные места: помещения сельских Советов, правлений колхозов, сельских клубов и изб-читален, установить уличные репродукторы. В 1946 г. в Калужской и Орловской областях было радиофицировано до 25% сельсоветов, в Брянской, Рязанской, Смоленской и Тульской – до 50%, в Великолукской, Владимирской, Калининской, Костромской, Московской и Ярославской – до 65%, в Ивановской – свыше 96%, причем основная масса – эфирными

радиоприемниками. Количество эфирных радиоприемников на 100 человек сельского населения в 1946 г. колебалось от 0,007 в Орловской области до 0,6 во Владимирской⁹². В конце 1949 г. к регионам с наибольшим охватом сельского населения радио относилась Московская область, в которой на одну радиоточку и эфирный радиоприемник приходилось 1,6 сельских жителей. Во Владимирской области этот показатель составлял 7 чел., в Ивановской – 5, в Ярославской – 7,2, в Тульской, Костромской и Калининской – от 10 до 15, в Калужской – 19,4, в Рязанской – 20,7, в Брянской, Великолукской, Орловской, Смоленской – от 31 до 35 чел.⁹³ Радиофикация сельских Советов завершается в Центральном Нечерноземье к началу 1950-х гг.⁹⁴ Ниже был уровень радиофикации колхозов. В 1951 г. до 60% сельхозартелей было радиофицировано в Великолукской, Владимирской и Калининской областях, до 80% – в Ивановской, Калужской, Орловской, Рязанской, Ярославской областях, свыше 80% – в Смоленской и Тульской области, в Московской – 90,5, Брянской – 100%⁹⁵. Тогда же достигается максимум радиофикации клубных учреждений села в 1945–1953 гг.

Сельское население считало радио «культурной вещью» и, как правило, откликалось на усилия власти по радиофикации населенных пунктов, которые нередко велись параллельно со строительными и восстановительными работами⁹⁶. Несмотря на динамичный рост числа трансляционных точек и радиоприемников (за 1945–1953 гг. их количество в сельской местности Центрального Нечерноземья увеличилось с 166 997 до 551 299 (в 3,3 раза)⁹⁷, радио к концу сталинской эпохи не стало привычным в жилищах сельского населения. К концу 1952 г. только 57,7% колхозных дворов Московской области имели проводную трансляционную точку или радиоприемник. Во Владимирской и Ивановской областях их удельный вес приближался к 30%, в Великолукской, Калининской, Калужской, Костромской, Рязанской, Тульской, Ярославской – было радиофицировано от 11,7 до 18,8% дворов колхозников, а в Брянской, Орловской и Смоленской областях – не более 10%⁹⁸.

Чтобы полнее представить степень доступности радио на селе, следует кратко охарактеризовать организацию радиовещания в послевоенные годы и политику в отношении регионального и районного вещания. Система государственного радиовещания в РСФСР была трехуровневой. Центральное радиовещание организовывал Всесоюзный комитет по радиоинформации и радиовещанию при СМ СССР, региональное – его областные, краевые и республиканские управления, местное – редакции городского и районного радиовещания. Несколько обособленным было внутриколхозное радиовещание, использовавшееся для передачи внутриколхозной информации. Разработанная в 1951 г. межведомственная инструкция по эксплуатации и содержанию радиотрансляционных узлов в колхозах допускала его функционирование, только если оно «обеспечивалось политически»⁹⁹. В силу неразвитости технической инфраструктуры, а также из-за отсутствия в глубинке достаточного количества людей, ориентирующихся в официальном дискурсе, организация местного радиовещания могла стать «политически опасным» для любого ведомства.

Одновременно с восстановлением инфраструктуры радио и радиофикацией общественных учреждений деревни власти всерьез задумались над вопросом организации и содержания местной радиопропаганды, что вполне вписывалось в начавшуюся в 1946 г. кампанию по ужесточению идеологической дисциплины и сосредоточению идеологической работы в отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Поиск повышения эффективности использования радио выявил решимость центра пожертвовать частью подконтрольных региональным партийным органам редакций районного радиовещания в интересах унификации радиопропаганды.

Стимулом к более интенсивному использованию инфраструктуры проводного радиовещания стало сокращение тиражей районных газет в годы войны. 3 июня 1943 г. постановлением «О местном районном радиовещании» ЦК ВКП(б) обязал местные партийные органы организовать передачу по телефонным проводам в колхозы и сельсоветы свежего номера районной газеты не менее двух-

трех раз в неделю, а в дни, когда газета не выходила, передачу политических новостей и материалов о жизни района. Редактирование радиопередач возлагалось на редакторов районных газет, а политический контроль радиовещания – на вторых секретарей райкомов ВКП(б)¹⁰⁰. Согласно постановлению СНК СССР № 779 от 15 июня 1943 г. в зависимости от объема вещания (30, 45 или 60 минут в сутки) редакции районного радиовещания были распределены на три группы¹⁰¹. На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам пропаганды 18 апреля 1946 г. выяснилось, что за годы войны областные управления Всесоюзного радиокомитета были отодвинуты от контроля за содержанием местных радиопередач обкомами и крайкомами ВКП(б). Произошло вытеснение из местного радиоэфира передач центра региональным и районным вещанием. Предложения агитпропа сводились к радикальному сокращению объема местного радиовещания при организации радиоузлов «в каждом районе»¹⁰².

При обсуждении реформы местного радиовещания в 1946–1948 гг. выявились некоторые разногласия между стремящейся унифицировать радиопропаганду центральной властью и протестующим против урезания штатов редакций районного радиовещания региональным партийным руководством¹⁰³. Ко времени, когда весной 1948 г. предложениям агитпропа был дан ход, в Калужской, Орловской и Смоленской областях сеть районного вещания охватывала от 40 до 50% районных центров, в Великолукской – 55,5%, в Калининской, Костромской, Тульской и Ярославской областях – от 60 до 70%, во Владимирской, Ивановской и Московской – свыше 80%. В Великолукской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Смоленской и Ярославской областях районное радиовещание имелось в 25–40% центров сельсоветов, в Орловской и Тульской областях – 11–12%, в Калининской – 2,8%. Радиопередачи из района принимало от 30 до 50% центральных усадеб МТС Великолукской, Владимирской, Ивановской, Костромской, Смоленской, Тульской и Ярославской областей, в Калининской – 2,2%, от 20 до 35% усадеб совхозов Великолукской, Костромской, Смоленской, Тульской областей, 61,5%

Ивановской, 83,3% Ярославской области. Полностью охватывались районным радиовещанием центральные усадьбы совхозов Владимирской области. Радиопередачи из района почти не доходили до колхозов в Великолукской, Орловской и Смоленской областях, где охват правлений районным радиовещанием составлял менее процента, в Калининской – 2%, в Костромской – 2,6%, в Ярославской – 3,3, в Тульской – 4,8, в Ивановской – 5,6, во Владимирской – 8% ¹⁰⁴.

В отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), изучив деятельность редакций районного радиовещания, заключили, что значительная их часть «не выполняет возложенных на них задач», охватывая лишь небольшую часть населения районного центра ¹⁰⁵. Вследствие этого, а также из-за отсутствия политического контроля за работой радио и недостатка журналистских кадров самостоятельные редакции районного радиовещания предлагалось сохранить лишь в городах и районных центрах, имевших не менее тысячи трансляционных радиоточек, а в остальных - ликвидировать, передав их функции редакциям районных газет ¹⁰⁶. 10 сентября 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в основном повторявшее эти предложения ¹⁰⁷. Если на 1 января 1948 г. в областях Центрального Нечерноземья действовало 304 редакции районного радиовещания, то на 1 января 1949 г. – 151, а к началу 1952 г. – 77, причем в Ивановской области они действовали в 34,7% районов, во Владимирской – в 47,8%, в Московской – в 63,1% районов. В остальных областях этот показатель колебался от 3,4 до 14,8%. В Костромской и Смоленской областях районного радиовещания не было ¹⁰⁸. Таким образом, партийное руководство весьма скептически относилось к политическому информированию населения большинством редакций районного радиовещания.

Поскольку техническая инфраструктура центрального и областного вещания была разделена между Министерством связи СССР, Всесоюзным радиокомитетом и Комитетом по делам искусств ¹⁰⁹, на местах были частыми сбои в графике вещания, означавшие недоступность для сельской аудитории части радиопрограмм центрального или областного вещания. Нарушалась введенная в довоенные годы практика составления расписания центрального радиовещания на

осенне-зимний и весенне-летний период, что давало возможность учитывать сезонные колебания слушаемости радиопрограмм. Действовавшая в конце 1940-х гг. сетка программ центрального радиовещания была разработана в 1946 г. Однако после этого время трансляций неоднократно менялось без учета их слушаемости, в результате чего многие радиопередачи из центра накладывались на программы местного вещания и не транслировались¹¹⁰.

Отчеты областных радиокомитетов свидетельствуют, что в послевоенные годы областное радиовещание было малым по продолжительности и подчинялось задачам политической пропаганды. В 1945 г. в общем объеме радиовещания, которое велось областными радиокомитетами, политическое вещание составляло от 73 до 91%, причем две трети его составляли оригинальные местные радиопередачи, треть – материалы Всесоюзного комитета. Художественное вещание (музыкальное, драматическое и литературное) занимало от 4 до 13% эфирного времени¹¹¹. Такая структура эфира сохранялась до конца 1940-х гг., хотя в отдельных регионах возрос объем художественного вещания, занимавшего от 7 до 18% эфира. Третьей составляющей эфира были информации на платной основе (частные объявления). В большинстве областей они не превышали 10–15% эфирного времени¹¹². По итогам 1949 г. объем суточного радиовещания большинства районных редакций составлял не более 30 минут в сутки, а в некоторых - еще меньше. В 1951 г. только в Московской области на одну из 58 редакций районного вещания в среднем приходилось ежедневно более 30 минут эфирного времени, а в остальных областях этот показатель колебался от 15,4 до 28,5 минут¹¹³. Осенью 1951 г. ЦК ВКП(б) вновь возвращается к вопросу областного и местного вещания. Согласно постановлению от 15 сентября 1951 г. всем комитетам радиоиформации областей Центрального Нечерноземья был установлен объем вещания 1 час в сутки, Московской области – 1 час 45 минут. На местное вещание постановление отводило 15–20 минут эфирного времени¹¹⁴.

Кроме трансляций радиостанций СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. сельскому населению Центрального Нечерноземья, имевшему подходящие

эфирные радиоприемники, были доступны и радиостанции, вещавшие на территорию СССР из-за рубежа («Би-би-си», «Голос Америки» и др.). Партийные пропагандисты неоднократно сетовали на отсутствие со стороны Министерства связи СССР «действенных мер по заглушению заграничных радиостанций, из-за чего население западных районов страны слушало «антисоветские передачи»¹¹⁵. На 1 января 1953 г. в областях Центрального Нечерноземья радиоприемники имели от 15 до 50% радиофицированных колхозных дворов, причем на селе технически более совершенные ламповые приемники преобладали над детекторными¹¹⁶. Крестьянство не только слушало «антисоветские» радиопередачи, но и обсуждало услышанное между собой. Так, в 1949 г. два жителя д. Демьянково Монастырщинского района Смоленской области были уличены в том, что, имея радиоприемник, регулярно слушали «антисоветские» радиопередачи и пересказывали их содержание односельчанам. Один из них «ожидал скорого начала войны с Америкой» и якобы говорил про своего родственника: «Мы у него собираемся каждый вечер, Трофим поставил радио, и теперь у нас новости каждый день, наши газеты никогда не пишут правды и, только слушая Америку, можно узнать правду». Родственник владельца радиоприемника якобы вел среди односельчан «антисоветскую агитацию», заявляя, что «надо вооружаться и разогнать колхозы, уничтожать их, иначе пропадем», «восхвалял настоящую демократию в Америке» и призывал создать для борьбы против советской власти повстанческую организацию «Крестьянский союз», к которой потом «присоединится население». Сам хозяин радиоприемника на допросах рассказал, что «антисоветские убеждения» возникли у него еще при организации колхоза в д. Демьянково в 1930 г. Проработав год кузнецом в колхозе, он из него вышел, так как «не понравился коллективный труд» и «болезненно воспринимал потерю частной собственности». «Антисоветские убеждения» усилились после того, как летом 1948 г. был приобретен радиоприемник «Родина», при помощи которого он слушал передачи радиостанций «Голос Америки» и «Би-би-си», воспринимая их как «истину, совпадающую с его собственными антисоветскими убеждениями». В день Пасхи

1949 г. в его доме собралось несколько пожилых граждан села, которые, слушая по радио трансляцию заграничной радиостанцией церковного богослужения, стали молиться Богу. В начале марта 1950 г. оба «радиолюбителя» были осуждены Военным трибуналом войск МВД по Смоленской области к 25 годам лишения свободы каждый с конфискацией имущества¹¹⁷. Передачи радиостанций «Голос Америки» и «Освобождение» регулярно прослушивались и обсуждались персоналом многих участков Калининской железной дороги на территории Калининской и Смоленской областей, в том числе и членами КПСС¹¹⁸. На пленуме Калужского обкома ВКП(б) (январь 1952 г.), посвященном «массово-политической работе» партийных организаций области, вопрос о том, кто слушает «антисоветские» радиопередачи, вызвал спор членов бюро обкома – редактора областной газеты и прокурора области. Редактор утверждал, что «Голос Америки» долетает до «отдаленных уголков области» и «находит слушателей», а прокурор возражал ему в том смысле, что его слушают только «антисоветчики», а другие, «если кто случайно попадает на эту волну, то сразу же выключает приемник». Точку в споре поставил первый секретарь обкома ВКП(б), заявивший о «неправоте» обоих своих коллег. По его мнению, «Голос Америки» не имел «большого круга слушателей из широких масс», однако его слушают не только «антисоветчики», а «определенный круг советских людей», которые «плохо разбираются в политике, незрелые люди в этом. Услышав "Голос Америки", они иногда выносят американские бредни и клевету на обсуждение среди населения, а мы плохо разоблачаем эти вещи»¹¹⁹.

Рубежом, от которого ведет свое начало массовая радиофикация сельской местности (если понимать под этим радиофикацию жилищ колхозников), стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 мая 1954 г. о сплошной радиофикации сел страны с 1954 по 1960 гг.¹²⁰ К этому времени охват колхозных дворов областей Центрального Нечерноземья радио представлял собой довольно пеструю картину. В Брянской, Калужской, Орловской и Смоленской областях к концу 1954 г. количество радиофицированных дворов не превышало 20%, в Великолукской,

Костромской и Тульской – от 20 до 30%, во Владимирской, Калининской и Рязанской – от 30 до 50%, в Ивановской – 53,9%, в Московской – 67,2%. Уже в 1956 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья количество радиофицированных колхозных дворов превысило 50%, а всего с 1953 по 1956 гг. количество трансляционных точек и радиоприемников на селе увеличилось почти в 2,6 раза ¹²¹. В 1954–1955 гг. подошла к завершению радиофикация сельских населенных пунктов и правлений колхозов ¹²².

Замедление темпов прироста числа радиоточек и радиоприемников (за 1958–1960 гг. их количество на селе Центрального Нечерноземья увеличивается лишь на 109 141 штуку – 5,9% к уровню 1958 г.) говорит о завершении в целом к началу 1960-х гг. радиофикации сельской местности, где их уже действовало более 1 960 тыс. К 1960 году в Центральном Нечерноземье не было ни одной области, где уровень радиофикации колхозных дворов был бы ниже 70% ¹²³. Если в 1956 г. на каждые сто человек сельского населения в Брянской, Великолукской и Орловской областях приходилось от 0,6 до 1,2 эфирных радиоприемников, в Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях – от 2,2 до 3,6, во Владимирской – 4,6, Ярославской – 4,8, в Московской – 15,8, то в 1960 г. эфирный радиоприемник приходился на сто сельских жителей только в Брянской области, а в Ивановской, Калужской, Костромской, Орловской и Рязанской областях их насчитывалось от 2,2 до 3,6, во Владимирской, Калининской, Московской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях – от 3,6 до 7,8 ¹²⁴. Правительство стимулировало распространение теле- и радиоприемников отменой с 1 января 1962 г. их регистрации на предприятиях связи и абонементной платы за пользование зарегистрированными до 1 января 1959 г., а также ограничением тремя годами срока взимания абонплаты с владельцев приемников, зарегистрированных с 1 января 1959 по 1 января 1962 г. ¹²⁵

Однако бывало и так, что в конкретном селе, колхозе, совхозе, МТС радиофикации приходилось преодолевать много препятствий. Часто она не входила в число приоритетов местного руководства, сдерживалась

недофинансированием, отсутствием запчастей и питания для радиоприемников, проволоки для радиолиний, нехваткой специалистов для ремонта и эксплуатации радиоузлов ¹²⁶. И все же успехи радиофикации делают конец 1950-х – начало 1960-х гг. временем, когда радио становится одним из наиболее распространенных средств трансляции официальной информации и проведения повседневного досуга, оказывая влияние, по мнению авторов этнографических обзоров, «и на самую старшую возрастную группу» ¹²⁷.

При этом сплошную радиофикацию села Центрального Нечерноземья в эпоху Хрущева можно рассматривать как грань определившегося еще в сталинскую эпоху стремления к увеличению трансляций идеологически унифицированной информации. Ради ее «чистоты» центральная власть продолжала сдерживать рост тиражей местной прессы, свертывала районное и урезала колхозное и совхозное радиовещание. К ноябрю 1955 г. в стране насчитывалось всего 208 городских и районных редакций радиовещания, а Главное управление радиосообщения Министерства культуры СССР готовилось прекратить местные радиопередачи еще в 96 районах и городах ¹²⁸. Жесткая опека за содержанием радиосообщения устанавливалась и в отношении колхозного и совхозного радиовещания. 30 декабря 1955 г. секретарь ЦК КП Казахстана Л. И. Брежнев на Всесоюзном совещании по вопросам сельского хозяйства посетовал на то, что Министерство связи СССР запретило передачу внутриколхозной информации через колхозные трансляционные узлы. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, «отрабатывая» вопрос Брежнева, обязал Министерство культуры и Министерство связи СССР санкционировать использование в этих целях колхозных радиоузлов, но «при условии выделения РК КПСС лиц, ответственных за подготовку и содержание такой информации» ¹²⁹.

Стремясь устранить неразвитость технической инфраструктуры радиовещания в СССР, власть в 1950-е – начале 1960-х гг. регулярно пыталась ликвидировать «узкие места» в радиофикации и радиовещании. А их было немало. По свидетельству председателя Главного управления радиосообщения

Министерства культуры СССР А. А. Пузина, для уверенного приема радиотрансляций заседаний XX съезда КПСС, пришлось организовать их передачу в 50 городов страны по проводам, так у радистов не было уверенности в передачах по эфиру. Из трех программ центрального радиовещания в середине 1950-х гг. передачи 2-й велись с 14.00, а 3-й – с 19.20. Утром и днем можно было слушать только одну радиопрограмму – первую (основную), однако даже в областях центра РСФСР в эти часы она могла приниматься с помехами¹³⁰.

Бурная радиофикация побуждала власти совершенствовать не только систему трансляции, но и наращивать объем и разнообразие радиопрограмм. В начале 1961 г. из одиннадцати областей Центрального Нечерноземья в Московской области объем областного вещания составлял 2 часа в сутки, в Брянской – 3 часа. В остальных областях суточный объем областного вещания не превышал одного часа¹³¹. Для исправления положения только в 1960–1961 гг. ЦК КПСС, СМ СССР и СМ РСФСР приняли по вопросам радиовещания и телевидения восемь постановлений. С точки зрения развития содержания радиовещания они явились шагом к еще большей идеологизации радиопередач, возрастанию удельного веса и дифференциации политической информации и пропаганды¹³². В результате завершения сплошной радиофикации была создана сеть проводного вещания, в значительной мере закрытая от проникновения извне и почти безальтернативная с точки зрения выбора радиостанции, вызывавшая удивление у посещавших СССР иностранцев¹³³.

Входя в повседневность все большего числа сельских жителей, радио не только расширяло возможности государства по информационному охвату аудитории, но одновременно создало сложно контролируемые бреши для приема заграничных передач. Общий объем антисоветского радиовещания в середине 1950-х – начале 1960-х гг. составлял около 50 часов в сутки. Только радиостанция «Голос Америки» передавала ежедневно 16,5 часа программ для СССР, в том числе 8 часов – на русском языке¹³⁴. Возможность слушать их давали советские радиоприемники с коротковолновым диапазоном. В середине 1950-х гг. их

насчитывалось около 5 млн, а к началу 1960-х гг. стало в 4–6 раз больше¹³⁵. На селе Центрального Нечерноземья к 1961 г. число эфирных радиоприемников составляло 23% от всех радиоточек. Значительными были межобластные различия, зависевшие, как видно, от степени индустриального развития области, количества экономически развитых колхозов и уровня доходов сельского населения. Так, если в индустриально развитых Московской области радиоприемников на селе было 42,5% от общего числа радиоточек, во Владимирской – 30%, Ярославской – 28,2, Тульской – 25,8, то в остальных областях – от 5,8 до 21,3%¹³⁶. Но и приобретение радиоприемника, не имевшего коротковолнового диапазона, не являлось препятствием для приема «заграницы». Широкий размах получила кустарная переделка бытовых радиоприемников: за 200–300 рублей радиолюбители встраивали в них устройства, позволявшие принимать только зарубежные передачи. В Москве у ГУМа и других магазинов к покупателям эфирных радиоприемников обращались «лица без определенных занятий с предложением встроить в приемник дополнительный коротковолновый диапазон»¹³⁷. ЦК КПСС издал постановление «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств» (1960 г.). Форсированными темпами наращивались мощности глушения антисоветских радиостанций, «забивавшие» 40–60% их передач¹³⁸.

«Неправильное» использование радио в зависимости от обстоятельств рассматривалось властью как нарушение общественного порядка (так было воспринято изготовление жителем Перемышля Калужской области радиолы, под «западную музыку» которой танцевала молодежь райцентра¹³⁹) или даже как преступление. На железнодорожной станции и в городе Рославле (центре одного из районов Смоленской области) сотрудниками УКГБ была установлена работа незарегистрированных радиопередатчиков, владельцы которых регулярно выходили в эфир, проигрывали патефонные пластинки с записями джазовой музыки и «допускали хулиганские действия». «Передачи» велись в радиусе 15–20 км при помощи приставки с микрофоном к обычному ламповому

радиоприемнику. Аппаратура была изъята у пяти местных жителей, самостоятельно ее изготовивших, а сами они привлечены к уголовной ответственности. При этом, как видно, радиопередачи не прекращались: чекисты информировали первого секретаря Смоленского обкома КПСС М. В. Виноградова о продолжении работы по установлению «других лиц, имеющих аналогичные устройства»¹⁴⁰. В другом районном центре Смоленской области – Ярцеве в конце 1960 г. сотрудниками УКГБ были выявлены двое молодых людей, которые устраивали на квартире одного из них «систематические сборища для прослушивания зарубежных антисоветских радиопередач», посещавшиеся молодежью райцентра. Оба молодых человека направили в адрес радиостанции «Свобода» анонимное письмо, в котором писали: «Мы часто слушаем Ваши информации. Передачи слышим очень хорошо, но иногда мешает глушение. Почему глушат Ваши передачи? Да потому, что правительство боится, что народ узнает правду. Часто слушая Ваши беседы, мы узнаем правду о наших соотечественниках, а также о зарубежных видных деятелях. <...> Мы любим джазовую музыку, но наши композиторы мало уделяют времени ей, они целиком ударились в классическую музыку, которая мало понятна простому народу...» Не установив за «радиолюбителями» других «антисоветских проявлений», чекисты ограничились их профилактированием в присутствии родителей¹⁴¹.

Следует отметить, что широкое распространение радио и других средств трансляции в конце 1950-х гг. повлияло на ужесточение контроля за тиражированием грампластинок. До этого определяющим фактором при формировании их репертуарных списков был повышенный спрос населения на музыку западных композиторов и исполнителей. Постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1958 г. министерства культуры СССР и союзных республик обязывались составлять «рекомендательные репертуарные списки» записей, ставшие обязательной основой для формирования заказов на них торговых сетей. Контроль за выпуском, распространением и использованием грамзаписей учреждениями культуры возлагался на партийные органы¹⁴².

Огромный интерес на селе вызывало телевидение. Только в 1959–1960 гг. в 16 городах страны было организовано двухпрограммное телевидение. В 1955–1959 гг. были введены в действие телецентр в Ярославле и ретрансляционные станции во многих областных центрах Центрального Нечерноземья. Промышленность быстро наращивала выпуск телеприемников, и к началу 1960-х гг. их число в сельской местности многократно возросло. На селе Московской области к 1960 г. насчитывалось 123,7 тыс. телевизоров, что являлось наивысшим показателем для советской деревни того времени¹⁴³. Быстро росло количество телевизоров и в других регионах. С 1958 по 1960 гг. их число на селе Брянской области увеличилось с 6 до 338, Владимирской – с 2 335 до 7 621, Ивановской – с 253 до 2 110, Калининской – с 1 823 до 4 643, Калужской – с 492 до 2 023, Смоленской – с 8 до 840 и т. д.¹⁴⁴ В Рязанской области только с января по май 1957 г. было установлено 2 900 телеприемников, в том числе 800 – на селе. В сельских клубах, красных уголках, общежитиях, на животноводческих фермах у телевизоров собиралось большое количество людей. Телевизоры в области приобретали организации и жители всех районов, даже тех, где телепередачи принимались нерегулярно из-за ограниченного радиуса действия ретрансляционной станции¹⁴⁵.

Телевизор, как и радиоприемник, в одном из общественных мест деревни, безусловно, рассматривался как атрибут культурного досуга, конкурировавший по популярности с кино. По этой причине он нередко перекочевывал в дом или рабочий кабинет местного руководства. В колхозе «Россия» Кимовского района Тульской области председатель без согласия правления приобрел для колхоза телевизор, а когда он сломался, починил его за общественный счет и «купил» по заниженной цене, «присвоив», по словам жаловавшегося на него в «Правду» колхозника, «единственное увлечение колхозников»: в колхозе в течение двух месяцев не было киносеансов из-за отсутствия пригодного помещения¹⁴⁶. Из совхоза «Кудиновский» Малоярославецкого района Калужской области в июле 1958 г. в редакцию областной газеты «Знамя» писали о том, что совхозной молодежи «заняться нечем», так как в клубе нет никаких развлечений.

Имевшийся в нем телевизор директор забрал себе в кабинет. Отвечая редакции, секретарь Малоярославецкого райкома КПСС отметил, что за полгода работы в клубе телевизор «Темп», которым были премированы рабочие одного из отделений совхоза, дважды выходил из строя и после его ремонта директор «временно поставил его у себя»¹⁴⁷.

Таким образом, в результате реализации программы сплошной радиофикации села к началу 1960-х гг. радио стало атрибутом повседневного досуга сельского населения в общественных учреждениях и на дому. На селе впервые за годы советской власти была создана плотная инфраструктура трансляции информации с высокой долей единообразия, основу которой составила оберегаемая от проникновений извне и профанаций идеологической доктрины сеть проводного радиовещания. Однако логика сплошной радиофикации, превращавшая радио в средство действительно массового информирования и досуга населения, неизбежно прорывалась за рамки, которые государство отводило радио. Это нашло отражение в восприятии жителями села «оповседневнивания» радио. С одной стороны, оно считалось важным «культурным благом» – «голосом Москвы», а с другой – выступало альтернативным источником информации и средством проведения неформального досуга.

Примечания к главе 4

¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 220. Л. 19, 20. Д. 562. Л. 27, 28. Д. 655. Л. 25, 26. Оп. 10. Д. 221. Л. 7, 12, 13, 19, 25, 28, 29, 38, 48, 54, 61, 67, 80.

² «За коммуны». 1945–1949 гг. «Колхозник». 1945–1953 гг. «Колхозница». 1945–1953 гг. «Куйбышевский стахановец». 1945–1951 гг. «Колхозный труд». 1945–1952 гг.

³ «Орловская правда». 1945–1953 гг. «Рабочий путь». 1945–1953 гг. «Знамя». 1945–1953 гг.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 547-549. Т. 8. С. 31–36, 255–256.

-
- ⁵ ЦНИТО. Ф.177. Оп. 13. Д. 120. Л. 18.
- ⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 221. Л. 5, 159. Д. 472. Л. 23, 53, 54. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 68. Л. 23.
- ⁷ ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 16. Д. 13. Л. 4, 5, 6, 8.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 448. Л. 2, 10.
- ⁹ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 4 (42). Часть 2. С. 102–103.
- ¹⁰ *Кабанов П. И.* Указ. соч. С. 88.
- ¹¹ Поучительные итоги // Распространение печати. 1948. № 6. С. 1.
- ¹² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 8–9. Д. 4098. без пагинации. Д. 4439. Л. 310, 311. Д. 4445. Л. 132, 133. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 69. Л. 45, 45 об.
- ¹³ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе. С. 103.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2119. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Д. 4098. Л. 246. Д. 4439. Л. 314. Д. 4744. Л. 230.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 821. Л. 193.
- ¹⁷ Справочник партийного работника. Вып. 1. С. 340, 341, 342.
- ¹⁸ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 103.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ «За коммуны». 1956–1962 гг. «Колхозник». 1945–1953 гг. «Колхозница» (с 1950 по 1962 гг. – «Вперед»). 1956-1962 гг. «Колхозный труд» (с 1960 г. – «Знамя коммунизма», с 1962 г. – «К коммунизму»). 1956–1962 гг. «Красное знамя». 1956–1962 гг.).
- ²¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5301. Л. 131, 150, 198.
- ²² Печать в СССР в 1956 и 1957 годах. Статматериалы. М., 1958. С. 173, 174.
- ²³ Подсчитано: Рязанское село Кораблино. С. 128, 392.
- ²⁴ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 533-534. Вып. 3. С. 465-470.
- ²⁵ Там же. Вып. 3. С. 484-485.
- ²⁶ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1115. Л. 114.

-
- ²⁷ КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 256–258.
- ²⁸ Справочник партийного работника. Вып. 3. С. 547.
- ²⁹ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 104. «За коммуны», 8 ноября 1961 г. «Знамя коммунизма», 26 октября 1961 г., «Красное знамя», 20 сентября 1961 г.
- ³⁰ «Знамя». 1961 г. «Рабочий путь». 1961 г. «Орловская правда». 1961 г.
- ³¹ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 104.
- ³² Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 450–453.
- ³³ ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 634. Л. 102, 103.
- ³⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 503. Л. 6, 27, 45–50. Д. 643. Л. 7. Д. 228. Л. 114. Л. 15, 16, 20–21.
- ³⁵ Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 482, 515–517.
- ³⁶ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 104.
- ³⁷ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 537.
- ³⁸ *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет. С. 105.
- ³⁹ Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». С. 387–388. *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 322.
- ⁴⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 227. Оп. 227. Д. 639. Л. 67–73.
- ⁴¹ Кораблино – село русское. С. 147–148.
- ⁴² ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 91. Л. 21.
- ⁴³ Там же. Д. 90. Л. 136, 137.
- ⁴⁴ Там же. Д. 62. Л. 229, 230.
- ⁴⁵ Там же. Л. 381, 385.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 52.
- ⁴⁷ ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 810. Л. 145.
- ⁴⁸ ГАДНИКО. Ф. 2264. Оп. 8. Д. 9. Л. 10, 10 об.
- ⁴⁹ Кремлевский кинотеатр. 1928-1953: Документы. М., 2005. С. 280, 281.
- ⁵⁰ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 1 (39). Часть 2. С. 91.

⁵¹ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 82. Л. 262. Д. 90. Л. 131. Д. 91. Л. 20, 119, 175, 201. Д. 100. Л. 119, 120. Д. 111. Л. 3, 4, 5, 102.

⁵² ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 548. Л. 31 об.

⁵³ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 92.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 60. Л. 103. Д. 70. Л. 50–51. Д. 82. Л. 125. Д. 83. Л. 7. Д. 89. Л. 3.

⁵⁷ *Брусилловская Л. Б.* Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля. Автореферат дисс. ... канд. культурологии. М., 2000. С. 4, 8, 11, 12.

⁵⁸ Кремлевский кинотеатр. С. 801–811.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 82. Л. 235.

⁶⁰ Там же. Д. 62. Л. 384.

⁶¹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1083. Л. 15.

⁶² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 121.

⁶³ ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 60. Л. 101-102.

⁶⁴ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 93.

⁶⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1083. Л. 17-18. ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 70. Л. 52, 72, 96. Д. 83. Л. 10.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9618. Л. 23–25. Оп. 31. Д. 1833. Л. 8–10.

⁶⁷ Материалы по культурно-просветительной работе. С. 223, 226, 227.

⁶⁸ Там же. С. 123–127, 213–214.

⁶⁹ Там же. С. 279-280, 281–282, 283, 287.

⁷⁰ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 94.

⁷¹ Там же.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 63. Д. 5. Л. 190–191.

⁷³ ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 38. Д. 62. Л. 8.

-
- ⁷⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 23. Д. 13. Л. 83.
- ⁷⁵ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 94.
- ⁷⁶ Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 1833. Л. 5-6, 8-10. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 465.
- ⁷⁷ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 94–95.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Указ. соч. С. 320–321.
- ⁸⁰ Кораблино – село русское. С. 150.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2641. Л. 85–86.
- ⁸² Там же. Ф. А-374. Оп. 32а. Д. 6984. Л. 2–3.
- ⁸³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 58. Л. 27, 42.
- ⁸⁴ *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга. С. 95.
- ⁸⁵ Там же. С. 95–96.
- ⁸⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 368. Л. 70.
- ⁸⁷ «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М., 2007. С. 983.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 124.
- ⁸⁹ Там же. Л. 122–123, 124.
- ⁹⁰ Кабанов П. И. Указ. соч. С. 110. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 1.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 254. Л. 122.
- ⁹² Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2393. Л. 91. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34, 35.
- ⁹³ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х - начала 1950-х гг.: доступное и недоступное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 1 (39). Часть 1. С. 110.
- ⁹⁴ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 3022. Л. 50. Д. 4445. Л. 132–133.
- ⁹⁵ Подсчитано: там же. Д. 4102. Л. 113–114.
- ⁹⁶ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села. С. 111.

-
- ⁹⁷ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29. Д. 4443. Л. 83, 104.
- ⁹⁸ Подсчитано: там же. Д. 4443. Л. 111.
- ⁹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 126.
- ¹⁰⁰ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 413-414.
- ¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 470. Л. 98.
- ¹⁰² Там же. Д. 377. Л. 44-45, 47.
- ¹⁰³ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села. С. 112.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 40-41.
- ¹⁰⁷ *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села. С. 113.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 113–114.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 433. Л. 110–112.
- ¹¹¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 7. Д. 185. Л. 34 об., 36 об., 38 об.
- ¹¹² Подсчитано: там же. Д. 185. Л. 15, 15 об., 17, 17 об., 24 об., 26. Д. 310. Л. 2, 2 об., 6.
- ¹¹³ Подсчитано: там же. Д. 310. Л. 26. Д. 379. Л. 11, 12, 13.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 490. Л. 28–29. Д. 492. Л. 24, 27.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 470. Л. 41.
- ¹¹⁶ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 104, 111.
- ¹¹⁷ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1085. Л. 87, 88, 90, 91-92, 93. Д. 1086. Л. 12.
- ¹¹⁸ Там же. Д. 1778. Л. 238–239.
- ¹¹⁹ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 953. Л. 174, 179, 209.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 36. Л. 44.
- ¹²¹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 4443. Л. 83, 104. Д. 5015. Л. 67, 68. Д. 5591. Л. 77.
- ¹²² *Кометчиков И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 – начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 165.
- ¹²³ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122, 123. Д. 6296. Л. 112.

-
- ¹²⁴ Подсчитано: там же. Д. 5591. Л. 77. Д. 6296. Л. 112. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 1. Д. 6853. Л. 5, 42, 64, 70, 101, 147. Д. 6854. Л. 70, 98, 100, 117, 140, 144, 150. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 44–46.
- ¹²⁵ Справочник партийного работника. Вып. 4. С. 370.
- ¹²⁶ ГАДНИКО. Ф. 28. Оп. 35. Д. 9. Л. 107, 108. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 67. Л. 18, 34. ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 895. Л. 87.
- ¹²⁷ Рязанское село Кораблино. С. 198.
- ¹²⁸ «Великая книга дня...». С. 134–135.
- ¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 740. Л. 127–128.
- ¹³⁰ «Великая книга дня...». С. 137, 140.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 6–7.
- ¹³² Кошетчиков И. В. Радиофикация села. С. 166.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР. С. 222.
- ¹³⁵ «Великая книга дня...». С. 138. Крамола. С. 112.
- ¹³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 6296. Л. 112.
- ¹³⁷ Крамола. С. 112.
- ¹³⁸ *Кошетчиков И. В.* Радиофикация села. С. 167.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1256. Л. 194.
- ¹⁴¹ Там же. Д. 1077. Л. 180, 181, 182.
- ¹⁴² Справочник партийного работника. Вып. 2. С. 501–502.
- ¹⁴³ Подсчитано: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 94. Л. 12, 13, 14, 176, 177. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122. Д. 6296. Л. 112, 113.
- ¹⁴⁴ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5947. Л. 122. Д. 6296. Л. 112, 113.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 21. Л. 43.
- ¹⁴⁶ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31. Д. 103. Л. 69–70, 74 об.
- ¹⁴⁷ ГАДНИКО. Ф. 25. Оп. 33. Д. 8. Л. 150, 152.

Глава 5. Формы легальной религиозности в деревне Центрального Нечерноземья

5.1. Регулирование рамок религиозности

«Директивное возрождение»¹ Русской православной церкви Московского патриархата в середине 1940-х гг. актуализировало уточнение статуса религиозности в обществе, где атеизм был неотъемлемой частью официального порядка. В государственно-церковных отношениях середины 1940-х – начала 1960-х гг. выделяются несколько периодов: 1) 1943–1948 гг., 2) 1949–1954 гг., 3) 1955–1957 гг., 4) 1958–1961 гг. Такой подход позволяет представить потепления и охлаждения политики в отношении религии и церкви, однако не вполне подходит для анализа изменения рамок религиозности, так как не каждый всплеск антицерковной активности влек за собой их существенный пересмотр. Инструментом регулирования этих рамок еще с начала 1920-х гг. стало перенесение границы легальности² – определение законности или незаконности того или иного феномена религиозной сферы по критерию лояльности советскому строю. «Изобретение» границы легальности означало осознание советским государством возможности использования для контроля сферы свободы совести обычной для государства как такового правоустанавливающей функции, а не только прямых репрессий. Граница легальности была важнее именно для контроля религиозности как более массового и укорененного в обществе явления, нежели почти уничтоженной РПЦ. Она давала возможность ограничивать проявления религиозности, которые могли быть неканоничными, но одновременно вполне «законными» для верующих, используя авторитет легальной РПЦ, фактически приобретшей статус квазигосударственной организации.

Политику в отношении религиозности середины 1940-х – начала 1960-х гг. можно условно разделить на два периода, различающихся по динамике, глубине и

широте вторжения государства в эту сферу. С начала возобновления взаимоотношений между государством и церковью в военное время и до 1958 года происходило ограничение религиозности преимущественно стенами зарегистрированных храмов при медленном сокращении их числа без решительных скоординированных действий в отношении ее нелегальных проявлений. С 1958 г. начинается переход к «окончательному» свертыванию влияния РПЦ на население и религиозности путем ограничения ее легальных и нелегальных форм. Подобная периодизация позволяет лучше понять взаимоотношения государства, РПЦ и верующих в контексте долговременных процессов развития советского общества³.

Основным правовым актом, продолжавшим регулировать сферу религиозности к моменту потепления государственно-церковных отношений, было постановление ВЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Им устанавливалась регистрация «религиозных объединений верующих» в виде «религиозных обществ» или «групп верующих», которые могли получить в пользование по договору от райисполкома или волисполкома помещение для молитвенных собраний или арендовать его. Религиозным объединениям запрещалась производственная деятельность, создание касс взаимопомощи, оказание материальной помощи своим членам, организация собраний детей, молодежи и женщин, библейских, трудовых и других собраний, кружков по изучению религии, библиотек, санаториев, экскурсий, лечебной помощи, преподавание религиозных учений в учебных и воспитательных заведениях. Деятельность служителей культа ограничивалась местом жительства членов обслуживаемого ими религиозного объединения. Сбор пожертвований допускался только среди его членов и на цели, связанные с содержанием его исполнительного органа и отправлением культа. Верующие были обязаны получать разрешение на совершение богослужений в специально не приспособленных для этого помещениях. Запрещалось совершение обрядов в учреждениях и на предприятиях, размещение там предметов культа. Исключение

допускалось только для кладбищ, крематориев, изолированных помещений больниц и мест заключения. Религиозные шествия и обряды под открытым небом допускались по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению местной власти за две недели до церемонии. Не требовалось разрешения для религиозных шествий как части богослужения вокруг храмов, если они «не нарушали нормального уличного движения». Незарегистрированные религиозные объединения считались закрытыми⁴. Таким образом, нелегальными стали монашество, церковная благотворительность, образование, хозяйственная деятельность, многие традиционные формы религиозности.

Поворот государства к церкви вследствие стремления руководства СССР использовать ее влияние для реализации внешнеполитических планов на фоне патриотической позиции РПЦ и оживления религиозности на оккупированных территориях⁵ привел к некоторому расширению рамок дозволенного в сфере религиозности. 4 сентября 1943 г. состоялось совещание с участием руководителей страны и уцелевших иерархов РПЦ, на котором было решено открыть приходы, духовные учебные заведения, разрешить издание религиозной литературы. Была освобождена часть духовенства⁶. 31 января 1945 г. в Москве состоялся Поместный собор, на котором был избран патриарх⁷. Был скорректирован ряд ограничивающих религиозность и статус РПЦ норм, содержащихся в постановлении от 9 апреля 1929 г.: разрешена церковная благотворительность, хозяйственная деятельность, распространение воззваний иерархов. Государство в большинстве случаев терпимо относилось к крестным ходам, паломничествам к святым местам⁸.

Учреждением, формировавшим рамки религиозности, стал созданный 8 октября 1943 г. Совет по делам РПЦ при СМ СССР, тесно связанный с НКГБ⁹. Возглавил Совет кадровый офицер госбезопасности Г. Г. Карпов¹⁰. 7 октября 1943 г. СНК СССР утвердил «Положение о Совете по делам РПЦ», согласно которому на него возлагалось предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом перед правительством, разработка проектов законов,

постановлений по вопросам РПЦ и инструкций по их применению, надзор за соблюдением религиозного законодательства, информирование правительства о состоянии РПЦ и т. д. Совет имел своих уполномоченных в регионах. Их работой должны были руководить председатель или секретарь исполкома областного Совета. В первую очередь уполномоченные назначались в области, освобожденные от немецкой оккупации, где было уже немало действующих храмов¹¹. Со стороны СНК Совет курировал В. М. Молотов, придерживавшийся мнения, что в освобожденных местностях уполномоченных следует назначать из чекистов, а утверждать их кандидатуры должны обкомы ВКП(б)¹². В немалой степени такая установка соблюдалась¹³. Налаживание работы новой структуры тормозилось широко распространенной убежденностью партийно-советского актива, что уступки церкви – тактический ход, вызванный чрезвычайными условиями войны¹⁴, а также безусловным приоритетом хозяйственных кампаний в деятельности региональной и местной власти¹⁵.

28 января 1944 г. постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об управлении РПЦ» – своеобразный устав церковной жизни. Согласно ему «высшая власть в области вероучения и церковного управления» принадлежала представительному органу – Поместному собору в составе епископов, клириков и мирян. РПЦ разделялась на епархии, границы которых должны были совпадать с «гражданскими границами» – областными, краевыми и республиканскими. Епархии состояли из благочиний, а те, в свою очередь, из приходов. Во главе приходской общины находился назначенный епархиальным архиереем священник. Он являлся главой церковного совета, вел церковное хозяйство, был духовным и административно-хозяйственным руководителем общины. На него возлагалась обязанность следить за тем, чтобы «уклад и распорядок приходской жизни не препятствовали выполнению прихожанами гражданских обязанностей». Приходская община считалась возникшей после регистрации поданного верующими «гражданской власти» заявления, инициированного двадцатью активистами, которое являлось основанием для выделения в бесплатное

пользование церковного здания и культового имущества. Священник наделялся правом сообщать архиерею о «незаконмерных действиях» исполнительного органа общины, который после проверки «по сношению» с уполномоченным Советом по делам РПЦ мог предложить общине «заменить неисправных членов исполнительного органа новыми людьми»¹⁶. 22 августа 1945 г. правительство предоставило патриархии, епархиальным управлениям, зарегистрированным религиозным общинам ограниченное право юридического лица¹⁷. Местным органам власти предлагалось не препятствовать колокольному звону и приобретению колоколов, однако отливать новые было запрещено¹⁸. Государство в 1943–1947 гг. пошло на открытие ограниченного числа храмов.

Логичным следствием поворота в государственно-церковной политике стало свертывание антирелигиозной пропаганды. В постановлении ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительной пропаганды» это определение отсутствовало, ставилась задача улучшения пропаганды естественно-научных знаний, а ее содержанием определялось материалистическое объяснение действительности¹⁹. 4 декабря 1943 г. скончался глава Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский, а весной 1947 г. ЦК ВКП(б) прекратил существование Союза. Его функции по организации лекционной пропаганды были переданы Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний. До 1951 г. в годовой отчетности Общества отсутствовал показатель количества лекций на антирелигиозные темы.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились в 1947 г. В феврале 1947 г. по указанию СМ СССР патриарх предписал полностью прекратить сборы на патриотические цели: власти беспокоило связанное с ними усиление авторитета церкви²⁰. В 1947 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров подверг критике деятельность Совета по делам РПЦ. 24 августа 1948 г. «по рекомендации» Совета патриарх и Синод приняли решение о прекращении молебнов под открытым небом, крестных ходов из села в село, духовных

концертов в храмах вне богослужений. 18 ноября 1948 г. было решено ограничить проповедническую деятельность духовенства религиозными темами ²¹. С марта 1948 г. Советом было прекращено удовлетворение ходатайств об открытии церквей ²². Осенью 1948 – весной 1949 гг. отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подготовил проекты постановлений, направленные на свертывание деятельности Совета по делам РПЦ и серьезное ограничение религиозности. Деятельность Совета осуждалась, он обвинялся в содействии росту религиозного движения и деятельности церкви ²³, из-под контроля правительства он постепенно переходит в орбиту влияния отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) ²⁴. По мнению Т. А. Чумаченко, под давлением агитпропа с конца 1940-х гг. Совет начал отход с позиций следования конституционно-правовым нормам в отношениях с РПЦ в сторону их идеологизации ²⁵. Во втором полугодии 1948 г. Совет проводит кампанию по переписи членов церковных советов и отсеву из них «религиозных фанатиков», лиц, имевших судимости, политически неблагонадежных и т. д. По мнению Г. Г. Карпова, это должно было выявить среди церковного актива лиц, не внушающих доверия ²⁶, что находило определенную поддержку у глав епархий, находившихся под прессингом уполномоченных Совета ²⁷. В 1949 г. патриарха вынудили запретить крестные ходы «на иордань» и ввести освящение воды в ограде церкви ²⁸. Продолжением курса на ужесточение контроля Совета за состоянием религиозности на местах и деятельностью уполномоченных стала разработка «Инструкции Совета для уполномоченных по делам РПЦ» от 8 марта 1951 г., согласно которой по всем практическим вопросам они должны были обращаться в Совет ²⁹.

В 1953 – середине 1954 г. власть не препятствовала некоторому оживлению религиозности и церковной жизни. Однако 7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», развивавшее идеи проектов антирелигиозных постановлений 1949 г. Уполномоченным была разослана ориентировка «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время», в которой

деятельность РПЦ рассматривалась как «приспособленческая», а духовенство – как идеологический противник. «Широкая пропаганда научно-атеистических знаний» вылилась в открытую борьбу против духовенства и верующих, что потребовало опубликования постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г., в котором подчеркивалось, что советские верующие – преданные обществу люди, которых нельзя ставить под «политическое сомнение» из-за их религиозных убеждений³⁰.

Начало «оттепели», внутрипартийная борьба за власть, сложная внешнеполитическая обстановка 1955–1956 гг. отодвинули на второй план вопросы церковной политики. РПЦ пережила некоторое потепление отношений с государством, которое, однако, не расширило рамки дозволенного в сфере религиозности. 17 февраля 1955 г. СМ СССР изменил порядок открытия молитвенных зданий, согласно которому Совет по делам РПЦ получил право регистрировать общины, действовавшие без официального разрешения (массовой их регистрации не произошло). Впервые за советскую эпоху было разрешено издать Библию, Евангелие. Началось освобождение из заключения священнослужителей. В то же время 8 декабря 1955 г. Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным циркулярное письмо, впервые определявшее задачи работы по выделению лояльного духовенства для получения информации о деятельности церкви³¹.

Таким образом, на протяжении середины 1940-х – 1958 гг. ограничение рамок религиозности происходило постепенно. Верующие могли ходатайствовать об открытии храмов, посещать богослужения в зарегистрированных церквях, состоять в органах приходского управления, церковных хорах, полулегально совершать паломничество к святым местам, поддерживать традицию сельского религиозного праздника, приглашать священников для совершения обрядов на дому, для сопровождения усопших из церкви на кладбище и совершения там богослужений. До конца 1950-х гг. почти не предпринималось масштабных скоординированных акций против нелегальной религиозности, несмотря на

внимание к ней уполномоченных Совета (исключение может составить, пожалуй, лишь высылка летом 1944 г. из Рязанской, Воронежской и Орловской областей более 1,5 тыс. антисоветски настроенных «истинно православных христиан»³²). Репрессиям подвергались отдельные нелегальные священники, лица, возбуждавшие религиозные предрассудки, самовольно открывавшие храмы, «подстрекатели на антисоветские выступления» и т. п.³³

По мере ужесточения идеологическими структурами контроля деятельности Совета по делам РПЦ и общего курса по отношению к церкви и религиозности менялась ее трактовка чиновниками Совета. И документы, адресованные руководству страны, и отчеты уполномоченных Совета начинают демонстрировать «отход населения от церкви» в результате «повышения уровня материального благосостояния» и «успехов массово-политической работы»³⁴. Уполномоченные подбирали «факты», иллюстрирующие неизбежный и окончательный характер «изживания религиозных предрассудков», подчеркивали решающую роль в этом аграрной и культурной политики КПСС. С 1948–1949 гг., когда Совет по делам РПЦ был обвинен в содействии росту религиозности, такая объяснительная схема становится практически единственно возможной, хотя проверки состояния массово-политической и культурно-просветительной работы на селе пропагандистскими группами отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1950-е гг. почти всегда отмечали упадок этих отраслей работы местных партийных и государственных органов. «Верующие, отслужив панихиды по умершим родственникам, окрестив детей, причастившись, как бы успокоились и в церковь стали ходить совершенно редко. Такие случаи отмечены в церквях Кашинского, Максатихинского, Брусковского, Вышне-Волоцкого и других районов», – сообщал в отчете за первый квартал 1949 г. уполномоченный Совета по Калининской области Хевронов. Уполномоченный Совета по Калужской области Кузовков в отчете за четвертый квартал 1953 г. был более сдержан: «В связи с повышением материального обеспечения населения промышленными товарами и продовольственным снабжением стали забывать последствия от

Великой Отечественной войны, систематическим проведением политико-массовой работы среди населения ответственными руководителями областных и районных организаций на селе, развитием и восстановлением после войны нашего народного хозяйства частично на селе имеет место снижение посещаемости церковного богослужения и интереса к церковному укладу»³⁵. Парадоксальность ситуации состояла еще и в том, что, делая выводы об угасании религиозности, уполномоченные Совета отмечали в 1950-е гг. рост доходов и епархий, и отдельных приходов. Так, доходы храмов Смоленской епархии с 1954 по 1957 гг. выросли с 2,28 млн руб. до 4,29 млн руб. (в 1,9 раза), наибольший удельный вес в их структуре составляли поступления от продажи свеч, основная доля прироста приходилась на городские приходы, что уполномоченный Совета связывал не с ростом числа верующих, а с «экономическим ростом благосостояния трудящихся». Такого же мнения придерживались уполномоченные Совета по Московской и Рязанской областям. Доходы церковью Московской области за 1954–1958 гг. выросли с 10 млн руб. до 13,4 млн руб. (в 1,3 раза), Брянской области за 1956–1958 гг. – с 3,51 млн руб. до 4,62 млн руб. (в 1,3 раза), Орловской области за 1950–1958 гг. – с 1,93 млн руб. до 2,91 млн руб. (в 1,5 раза), в том числе доходы сельских храмов Орловщины выросли с 247,5 тыс. руб. до 433,9 тыс. руб. (в 1,7 раза)³⁶. Пристальное внимание власти к росту епархиальных доходов стало частью подготавливаемого широкого наступления на РПЦ и религиозность.

С весны 1957 г. в ЦК КПСС начало формироваться мнение о необходимости серьезно ограничить влияние РПЦ на население. Наступление на религиозность и церковь стартовало в 1958 г. и было связано с провозглашением руководством КПСС перехода к непосредственному строительству коммунизма (Н. С. Хрущев публично заговорил об этом уже в 1957–1958 гг.³⁷). Его целью было радикальное снижение религиозности. Антицерковные и антирелигиозные постановления 1958–1961 гг. не публиковались в открытой печати – партийное руководство не афишировало изменение церковной политики и сложившегося в послевоенные годы статуса церкви. Объективной основой идеологических новаций стали

качественные социально-экономические и демографические сдвиги: подрыв традиционной системы расселения в ходе укрупнения колхозов, преобразования значительной их части в совхозы, делавшие «неперспективными» мелкие деревни и размывавшие остатки угасавшего в форме колхоза общинного начала – социальную основу былого прихода, миграция в города, достижение к 1958 г. перевеса численности городского населения над сельским, прогресс социалистической культуры и образа жизни ³⁸. 4 октября 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В «Записке» констатировались активизация религиозных организаций и несоответствие ей уровня антирелигиозной работы ³⁹, а постановление ставило задачу ограничения деятельности религиозных организаций и наступления на религиозные «пережитки» ⁴⁰. По предложению Совета по делам РПЦ и Министерства финансов СССР 16 октября 1958 г. СМ СССР изменил порядок обложения подоходным налогом церковных свечных мастерских. Облагаемый доход от производства свеч повышался, что понижало доходы РПЦ, т. к. патриархия была предупреждена о недопустимости повышения розничных цен на свечи ⁴¹. Возросли ставки налога с земельных участков в пользовании монастырей, отменялись установленные для них льготы по налогу со строений и земельной ренте ⁴². Летом 1959 г. закрыто 14 монастырей и 5 скитов, снято с регистрации 305 церквей и молитвенных домов ⁴³. В ноябре-декабре 1958 г. состоялась массовая чистка церковных библиотек. Многие книги изымались, иностранная литература была взята под цензорский контроль ⁴⁴. Активизировался выпуск антирелигиозной литературы ⁴⁵. В 1962 г. тиражом 850 тыс. экземпляров впервые с 1938 г. была переиздана книга Е. М. Ярославского «Библия для верующих и неверующих».

Приобрела значительный размах борьба с нелегальной религиозностью, возросла ее координация. 28 ноября 1958 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так

называемым «святым местам», в котором подчеркивалась незаконность самого факта паломничества, предусматривалось усиление антирелигиозной пропаганды, «разъяснение» духовенству мероприятий советских органов, содействующих прекращению «обманной деятельности» у «святых мест»⁴⁶. Связанная с паломничеством традиция локального религиозного праздника массированно вытеснялась циклом советских праздников и обрядов. Повысилась интенсивность репрессий и «проработок» органами госбезопасности лидеров нелегальных религиозных групп⁴⁷. В инструктивном письме Совета уполномоченным № 61 от 6 июня 1959 г. Совет рекомендовал отклонять все ходатайства об открытии храмов, следить, чтобы исполнение треб священником по просьбе верующих совершалось, если в доме нет лиц, возражающих против этого. Уполномоченным следовало выявить приходы, которые не могли существовать без поддержки епархии и под продуманными предлогами не допускать направления туда священников⁴⁸. 13 января 1960 г. ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», которое усиливало контроль за недопущением привлечения к службе в церкви молодежи до 18 лет. Отрицался приоритет власти духовенства в приходе⁴⁹.

Ужесточение политики государства в отношении религиозности и церкви сопровождалось перестановками в руководстве Совета по делам РПЦ. В феврале 1960 г. Г. Г. Карпова в должности председателя Совета сменил В. А. Куроедов, в прошлом партийный функционер⁵⁰. Деятельность Совета до 1960 г. он охарактеризовал как «содействие укреплению церковной иерархии» и материального положения церкви, а его основную задачу в новых условиях видел в «государственном контроле за деятельностью религиозных объединений». Озвученный Куроедовым план «устранения нарушений советского законодательства о культах» включал ограничение приобретения религиозными организациями имущества, запрет благотворительности, детских церковных кружков, привлечения молодежи и детей к участию в богослужениях, церковных хорах и подготовке к поступлению в духовные учебные заведения, подворных

обходов священников без приглашения и их выезда с этой целью за пределы прихода, а также ограничение деятельности настоятелей только богослужением, «правильное» налогообложение духовенства, меры по «упорядочению церковной сети», ликвидации паломничества к «святым местам» и др.⁵¹ Постановлением СМ СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви» от 16 января 1961 г. отменялись все законодательные акты, принятые в годы войны и первое послевоенное десятилетие, как противоречившие законодательству 1929 г.⁵² 16 марта 1961 г. СМ СССР принимает постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»: к надзору за религиозной обрядностью в обязательном порядке стали привлекаться местные органы власти, при них создавались комиссии содействия, деятельность которых часто сводилась к доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь⁵³. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религий приняли «Инструкцию по применению законодательства о культах», запрещавшую религиозным организациям благотворительность, проведение женских и детских собраний, организацию кружков и библиотек, паломничества, санаторной и лечебной помощи, экскурсий, использование средств для возрождения затухающих церквей и монастырей⁵⁴. Предусматривалось ограничение колокольного звона⁵⁵. Уполномоченные Совета получили подробные разъяснения по подбору в церковные советы кандидатур для проведения нужной им политики⁵⁶.

Ударом по основам управления РПЦ и религиозности стала перестройка приходского управления с подоплекой необходимости привлечения «общественности» к управлению делами приходов по аналогии с демократизацией управления государством⁵⁷. В июле 1961 г. Архиерейский собор вынужден был принять новую редакцию «Положения об управлении РПЦ», делавшую настоятеля храма только руководителем духовной жизни и возлагавшую финансово-хозяйственную деятельность на церковный совет. Священники нанимались общиной по договору только для «исполнения религиозных потребностей»⁵⁸. Фактическими руководителями приходской жизни

становились старосты, которые назначались райисполкомами из людей не только нецерковных, а иногда и просто неверующих и полностью подчиненных авторитету власти⁵⁹. Было расширено участие в богослужении женщин, которым поручались функции псаломщиков, регентов. Духовенство чаще практиковало заочное отпевание, общую исповедь, сокращало продолжительность богослужений⁶⁰, лишилось права выезжать в соседние с храмом населенные пункты, отправлять требы в домах верующих, посещать их под любым предлогом, кроме тяжелой болезни мирянина. С 1961 г. получила распространение «индивидуальная работа» с верующими, направленная на отказ от веры путем убеждения. Если это не помогало, следовало обсуждение на собраниях, а затем понижение в должности, исключение из учебных заведений и т. д.⁶¹ Значительно возросло воздействие на жизнь приходов и епархий уполномоченных Совета, а также городских и районных исполкомов Советов, которые требовали выполнения своих указаний, стремились разложить «двадцатку» - основу прихода⁶².

Нажим на церковь обосновывался идеологическими установками, изложенными в решениях XXII съезда КПСС. Программа КПСС, ставившая задачу построения коммунистического общества к 1980 году, обозначала рубеж существования РПЦ и других религиозных организаций. В обновленном Уставе партии появилась формулировка, обязывающая каждого коммуниста вести «решительную борьбу с религиозными предрассудками»⁶³. XIV съезд ВЛКСМ подчеркнул, что «свобода совести не распространяется на детей», предпринимались попытки не пускать их в храмы под страхом лишения родителей родительских прав⁶⁴. В 1961 г. состоялся «единовременный учет» молитвенных зданий и имущества религиозных организаций, после которого у них было изъято большинство автомашин, хозяйственных и жилых построек. Перестройка управления приходами сократила суммы их отчислений епархиальным управлениям, что ликвидировало возможность благотворительности, поддержки слабых приходов⁶⁵ и в конечном счете

упростило для власти сокращение их числа. Весной 1962 г. духовенство было переведено на твердые оклады, священнослужителей, бравших с верующих плату, снимали с регистрации⁶⁶. Вводилась регистрация штатных псаломщиков, а также совершенных обрядов с перечислением платы за них исполнительным органам, которые сдавали «излишки» в Фонд мира. Информация об участии в обрядах передавалась официальным лицам и могла быть использована для преследования верующего⁶⁷.

Таким образом, перенос границы легальности все ближе к полному запрету религиозности сузил в начале 1960-х гг. разрешенный верующим спектр религиозных практик до возможности посещать богослужения в немногочисленных зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, затруднил возможность входить в состав органов приходского управления, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии храмов без надежды быть услышанным властью.

5.2. Движение за открытие церквей и легальные приходы РПЦ

Возможность легального открытия храмов РПЦ, появившаяся в результате потепления государственно-церковных отношений в 1943 г., а также «религиозный взрыв», произошедший на временно оккупированной территории, где было открыто около 10 тыс. церквей⁶⁸, из них примерно 2 150 – в оккупированных областях РСФСР⁶⁹, актуализировало петиционное движение. Оно не было уникальным явлением военных и послевоенных лет. В дореволюционной России крестьяне, движимые стремлением иметь «свой», близкий в географическом и литургическом отношениях храм, часто просили об этом епархиальные власти и далеко не всегда получали одобрение. Если в дореволюционные годы решение зависело, в первую очередь, от удаленности или малых размеров существующей церкви, способности местного населения построить и содержать церковное здание и обеспечивать приходское духовенство⁷⁰,

то в середине 1940-х гг. – от колебаний власти (в первую очередь, областного руководства) между стремлением как минимум не увеличить новыми регистрациями сеть действующих церквей и опасением спровоцировать отказом всплеск религиозности.

Даже частичное восстановление приходов, располагавших немалыми мобилизационными возможностями, обусловило стремление части провинциального руководства втянуть их в орбиту своего влияния, что было особенно заметно на местном уровне. В военное время местная власть убедилась в эффективности обращений духовенства к населению, в способности клира действовать методом «хозяйственно-политической» кампании. Об этом, в частности, свидетельствовал сбор РПЦ и верующими значительных средств в фонд обороны. В послевоенные годы попытки «командования» религиозными общинами продолжились. Председатель одного из сельсоветов Осташковского района Калининской области, столкнувшись с затруднениями при проведении подписки на заем, собрал верующих с. Ясенское и заявил им: «Если подпишитесь на заем на 7 тысяч рублей и внесете их наличными, разрешу провести церковную службу». После того как верующие сделали это, церковь была открыта, состоялось богослужение без священника. РИК этому не противодействовал ⁷¹. Председатель Ново-Юрковского сельсовета Чуровичского района Брянской области в середине 1945 г. санкционировал проведение в колхозах сельсовета общих собраний колхозников с вопросом «об открытии церкви», выступив с таким предложением на одном из них (за что был отстранен от работы РК ВКП(б) и РИКом). Заведующий отделом гособеспечения Погарского района провел при РИКе совещание всех священников и представителей церковных советов района по поводу сбора пожертвований для населения, пострадавшего от немецкой оккупации ⁷². По распоряжению Калужского епископа Онисифора в церкви райцентра г. Людинова в 1951 г. были проведены выборы членов исполнительного органа на общем собрании инициативного органа общины – «двадцатки». Кто-то из религиозных активистов оказался обойденным.

Последовали жалобы в Людиновский РИК о том, что выборы были проведены на собрании «двадцатки», а не на собрании всех членов религиозной общины (что сам уполномоченный Совета считал нецелесообразным по политическим мотивам). И. о. председателя Людиновского РИКа «поправил» настоятеля, адресовав ему официальное письмо, которым обязывал отменить результаты выборов церковного совета и ревизионной комиссии и организовать отчет и перевыборы, направив копии принятых решений в райисполком⁷³.

Освобождение от оккупации западных областей РСФСР и начало массовой регистрации храмов обострили проблему легализации церквей, открывшихся при немцах. Часть из них была закрыта еще до правовой регламентации этого вопроса под предлогом нехватки жилья и помещений, пригодных для размещения официальных организаций. По ходатайству главы Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова 1 декабря 1944 г. правительство приняло постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», согласно которому изъятие здания бывшей церкви следовало согласовывать с Советом, предоставляя верующим взамен изъятых другое. Но, как правило, оно было меньшей площади, на окраине и в таком состоянии, что религиозная община отказывалась от него, а это делало ее «распустившейся», так как регистрация допускалась при наличии здания для богослужений. По данным Совета, на оккупированной немцами территории верующими было занято 1 701 общественное здание, 1 150 из них были изъяты в 1945–1947 гг., в том числе 324 здания бывших церквей и 826 нецерковных зданий⁷⁴. Так, в Брянской области в период оккупации функционировало 184 церкви, а на 1 января 1947 г. легально действовало 99⁷⁵. В Калининской области не было допущено возобновления церковной службы в более 100 церквях, которые предвоенные и первые военные годы «механически прекратили свою деятельность из-за отсутствия священников и на которые не было решения органов власти о закрытии их»⁷⁶. В Смоленской области в начале 1945 г. наряду с

54 действовавшими церквями было учтено 169 недействующих, в том числе 51 занятая под хозяйственные и иные нужды⁷⁷.

Была разработана многоступенчатая процедура открытия церкви. Согласно постановлению СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» ходатайства верующих рассматривали СНК союзных и автономных республик, областные или краевые исполкомы Советов. Затем заявления пересылались в Совет по делам РПЦ, чтобы в случае одобрения быть переправленными в СНК СССР, а затем снова в Совет, который при одобрении Совнаркомом его заключения сообщал облисполкому окончательное положительное решение для регистрации «религиозного общества» и оформления передачи ему церковного здания⁷⁸. В постановлении был реализован механизм согласования интересов местных и центральных властей, но принципиальное решение оставалось за региональным руководством⁷⁹. Ходатайства направлялись уполномоченными в Совет по делам РПЦ только в случае положительного решения вопроса руководством области⁸⁰, а многие отклонялись уже на стадии предварительного рассмотрения. 20 апреля 1944 г. Совет по делам РПЦ направил на места инструктивное письмо, в котором перечислялись «законные» мотивы отклонения ходатайств⁸¹. Опасаясь всплеска нелегальной религиозности в местностях, ходатайства из которых оставались без удовлетворения, руководство Совета предлагало изменить процедуру принятия решения о регистрации храма, оставив за «местными органами» «высказывание мнения» по этому вопросу, передав право решать Совету⁸², однако поддержки это не нашло. Заместитель председателя СМ СССР В. М. Молотов, курировавший Совет по делам РПЦ, на одном из обсуждений процедуры открытия церквей заметил: «Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать. Решение же вопроса – за правительством...»⁸³

Наряду с усложнением процедуры открытия церквей по ходатайству с конца 1940-х гг. упрощался порядок их снятия с регистрации, аппарат уполномоченных и региональные власти подталкивались к созданию преград для

функционирования зарегистрированных храмов. До июня 1949 г. уполномоченные Совета имели право самостоятельно закрывать те из них, где богослужения не проводились от 6 месяцев до года. В ноябре 1950 г. снятие с учета стало производиться с согласия Совета по мотивированному заключению уполномоченного. Если Совет решал снять церковь с учета, то уполномоченный заносил ее в число недействующих, не сообщая об этом ни верующим, ни главе епархии. Направляемым в них священникам отказывалось в регистрации⁸⁴.

Несмотря на все условности и ограничения, деревня восприняла поворот в политике государства по отношению к церкви и религии как «награду» за тяготы и жертвы военного времени, возможность, не таясь, следовать ценностям традиционной духовной культуры, хотя «религиозный поворот», нелогичный в свете довоенного антирелигиозного курса, вызывал множество вопросов о том, какое место будет отведено религии и церкви⁸⁵. Изменение отношения к вере люди объясняли «уступками» союзникам по антигитлеровской коалиции и «поворотом к старому»⁸⁶, т. е. к дореволюционным ценностям.

Поскольку в большинстве областных и районных центров храмы либо не закрывались с довоенного времени, либо были вновь открыты в числе первых, основная масса ходатайств поступала из сельской местности. В 1944–1947 гг. по РСФСР их поступило 19 772 (95, 6% общего количества по СССР), в том числе из Рязанской области – 2 490, Московской – 1 819, Калининской – 1 467, Ивановской – 923, Владимирской – 506, Костромской – 462, Тульской – 455, Калужской – 128⁸⁷. Кроме письменных заявлений в органы власти направлялись ходоки. Одним только уполномоченным Совета по Рязанской области за 1944–1947 гг. было принято 10 754 посетителя, немалая часть которых ходатайствовали об открытии церквей, в 1948 г. от верующих области поступило 790 писем, в 1949 г. – 389 заявлений и 444 ходока, в 1950 г. – 148 заявлений и 288 ходоков. По числу прошений об открытии храмов Рязанская область с 1944 и до начала 1950-х годов прочно занимала первое место в РСФСР. Однако из 3 817 заявлений, поданных ее верующими в 1944–1950 гг. об открытии 390 церквей, служба была разрешена

лишь в 67. В Калужской области по поступившим в 1944–1953 гг. 207 ходатайствам было открыто 36 храмов⁸⁸. Среди обоснований просьб открыть церковь в ходатайствах выделяются желание жить по заветам предков, исполняя все полагающиеся для православного обряды, избавиться от бед, поразивших деревню вследствие разорения храма, получить поощрение за выполнение заданий власти, обеспечить государству открытием храма дополнительный источник налоговых поступлений, реализовать данную сталинской Конституцией свободу совести, преодолеть отдаленность от ближайшей действующей церкви⁸⁹ и т. п. Так, в заявлении об открытии храма из с. Сельцы Максатихинского района Калининской области сообщалось: «Просим дать нам разрешение на открытие церкви. Требуемый ремонт мы проведем сами. Мы около десяти лет оторваны от православной церкви и вынуждены по своим убеждениям ходить в церковь за 20–30 км. Одарите нас радостью, откройте церковь». В заявлении из села Толмачи Новокарьевского района говорилось: «Несколько лет тому назад бывший председатель сельсовета <...> передал иконы из церкви на ремонт колодцев, в результате в колодцах не стало воды, а когда из одного иконы убрали, вода появилась... <...> и <...> забрали из церкви святые одежды и использовали их в быту, вот бог за это и наказал их. <...> с фронта пришел здоровый, а дома с ума сошел и его отправили в Бурашево. У <...> трое ребят и все косноязычные и болеют». Ходатаи из Рязанской области писали: «Мы, старики-православноверующие, дети наши геройски погибли на фронте Отечественной войны, память которых мы, их матери и отцы, по долгу нашего православного обряда желаем поминать в церкви, выстроенной средствами и трудом наших дедов, до самой своей смерти». В заявлении об открытии церкви в с. Итомля Ржевского района Калининской области, под которым стояло 25 подписей, сообщалось: «Откройте нам храм Божий, чтобы было где настроить жизнь свою по святым заветам, креститься, венчаться, приобщаться и отходить в землю по христианскому обряду с отпеванием». Ходатай об открытии церкви в с. Стояницы Горицкого района Прокофьева часто звонила в Калининский облисполком перед

религиозными праздниками и справлялась о результатах рассмотрения ходатайства. Узнав, что в ходатайстве отказано, она заявила: «Будем жаловаться. Вы не хотите пойти навстречу населению, мы отдаем все силы на выполнение заданий власти, а Вы не хотите порадовать старых людей открытием церкви». Ходатайствующий об открытии церкви в с. Дмитровском Новоторжского района Воеводин, узнав от уполномоченного Совета об отказе в открытии церкви, сказал: «Мне житья не дадут в деревне. Все были уверены, что церковь откроют, а Вы отказываете, выходит, все мои труды пропали, верующие поручили мне ходатайствовать, уважая меня как верующего, а теперь все от меня отвернутся, не сумел выхлопотать»⁹⁰.

За большинством подобных обоснований просматривается стремление иметь доступный действующий храм. Отказ открыть его, который следовал за многими обращениями, верующие воспринимали как проявление двойных стандартов, нередко открыто высказывая свое возмущение представителям власти⁹¹. Ходатаи из с. Рязанцы Щелковского района Московской области в 1946 г. заявили уполномоченному Совету: «У нас в стране только пишут и говорят о свободной религии, а на самом деле ее нет. Если нам не оставите церковь, то мы бросим работать в колхозе. Колхозники помогают правительству, работают в колхозе, подписываются на заем, а им даже не разрешают открыть свободную, ничем не занятую церковь. Нам теперь остается одно – бросить работать, тогда, может быть, скорее откроют». Ходатай из Волоколамского района сказал в ответ на отказ открыть церковь: «Остается теперь только написать в иностранное посольство и раскрыть перед ними нашу свободу отправления религии. Выходит дело, что свободная религия у нас только на словах, а на деле ее нет. Будем писать куда надо, а своего добьемся». Уполномоченному Совета по Рязанской области в 1948 г. на приеме заявили: «Ну почему Вы запрещаете нам, православным христианам, исполнять свои религиозные обряды, а в Конституции написали – свобода религии. Издеваетесь пока над русским православным народом, он долго терпит, но потом крепко скажет». «Последним средством» в борьбе за церковь

считалось обращение к Сталину. Так, например, колхозники из с. Хотейчи Московской области в ноябре 1949 г. писали вождю: «В твоей Конституции говорится, что свобода религии, поэтому мы и обращаемся к тебе, если ответишь отрицательно, то мы приедем к тебе делегацией в 50–60 человек и будем просить об открытии храма»⁹². Результатом петиционного движения в областях Центрального Нечерноземья в 1946–1948 гг., когда власти еще регистрировали церкви, стало увеличение их числа с 915 до 1 006 (на 9,9%)⁹³.

Сокращение к началу 1950-х гг. числа ходатайств свидетельствует о разочаровании села в возможности зарегистрировать «свой» храм. Переписка между верующими и Советом тянулась годами, а количество заявлений из одной местности могло измеряться десятками. Например, из отдельных сел Рязанской области за 1944–1950 гг. их было направлено от 24 до 37⁹⁴. В числе причин стабилизации и сокращения количества прошений в 1949–1952 гг. отмечаются материальные затруднения верующих при ремонте церковных зданий, волокита, удлинявшая и удорожавшая ходатайство⁹⁵. Не последовало ощутимого роста числа открытия храмов и вследствие некоторой либерализации порядка регистрации религиозной общины по постановлению СМ СССР от 17 февраля 1955 г.: решение о регистрации молитвенного здания должны были принимать Советы Министров союзных республик по согласованию с Советом по делам РПЦ, которому также было дано право регистрировать фактически действующие, но не зарегистрированные религиозные общества, имеющие молитвенные здания⁹⁶.

Практически сразу с рубежа 1948/1949 гг., когда прекратилось открытие храмов по ходатайствам, власти приступили к закрытию недавно открытых церквей. Только в 1949–1953 гг. их количество в Центральном Нечерноземье сократилось на 49 по сравнению с численностью на 1 января 1949 г.⁹⁷ К 1945 г. только в Брянской, Смоленской и Ярославской областях число действующих храмов превысило 20% от числа учтенных церковных зданий. В Великолукской, Московской и Орловской областях оно было около 8%, Ивановской – 4,8%, Калужской – 4,7%, Рязанской и Тульской – по 1,6%. В начале 1952 г. этот

показатель составил более 20% в Смоленской и Ярославской областях, в Брянской – 14,9, Великолукской – 11, Ивановской – 10,8, Московской – 17,5, Орловской – 11, Рязанской – 8,4, Тульской – 10,7% ⁹⁸. Если в 1914 г. в епархиях центральной России насчитывалось 10 243 приходских храма, то в 1946 г. – 915 (8,9%), в 1953 г. – 957 (9,3%) ⁹⁹. Таким образом, число зарегистрированных храмов серьезно уступало не только их дореволюционному количеству, но и числу уцелевших к началу 1950-х гг. церковных зданий. С регистрации снимались почти исключительно сельские церкви, в которых продолжительное время не было священнослужителя. Однако то, что в отчетах уполномоченных считалось следствием угасания религиозности, на деле было скорее следствием роста налогов с сельского населения, миграции из села, увеличения налоговой нагрузки на священнослужителей.

Уже к началу 1950-х гг. снятие с регистрации значительного числа недавно открытых храмов привело к противоречивому результату, так как часто вызывало всплеск нелегальной религиозности и петиционной активности, которые считались «нежелательными». Из сел, где были закрыты церкви, поступали заявления о возобновлении богослужений. В ряде случаев верующие даже сумели добиться повторного открытия части храмов, снятых с учета в начале 1950-х гг. «Глухота» представителей власти к просьбам открыть действовавший, но вновь закрытый храм озлобляла ходатаев. В 1953 г. уполномоченный Совета по Владимирской области «без учета церковной обстановки» снял с учета Всесвятскую церковь г. Гороховца, заявления об открытии которой поступали до 1958 г. В адрес председателя Гороховецкого РИКа Волкова поступило анонимное письмо: «Товарищ Волков! Большую массу людей интересует... вопрос об открытии кладбищенской церкви. Много хлопот доставляет ее открытие... Кто же является зажимателем, причем злостным? Только вы. Так вот, терпению бывает конец. Предупреждаем... или вы дадите свое согласие на открытие церкви, или берегитесь. Это не простая угроза, а угроза, к которой вы сами нас толкаете.

Учтите, что мы на этом не успокоимся, если вы будете молчать и не откроете для нас церковь...»¹⁰⁰.

В конце 1950-х гг. усилия по сокращению количества действующих церквей активизировались, став частью хрущевского наступления на религию «по всему фронту». В нем приняли участие создававшиеся группы содействия при РИКах, в составе которых было много участников довоенных атеистических кампаний. Работавшие на общественных началах группы следили за соблюдением законодательства о религиозных культах, вели «индивидуальную работу» с духовенством и религиозными общинами, что рассматривалось как предпосылка более настойчивого «упорядочения церковной сети»¹⁰¹. Работа общественников давала эффект. Изменилась и манера официальной работы с ходатаями и ходатайствами. Если раньше настойчивость верующих преодолевалась волокитой, то с конца 1950-х гг. становятся обычными прямые отказы в регистрации церкви самих руководителей областей на личном приеме и усиление антирелигиозной пропаганды в населенных пунктах, являвшихся источниками ходатайств¹⁰². Устав ждать открытия «своего» храма, верующие обращались в ближайшие действующие церкви, пользовались услугами незарегистрированного духовенства и самосвятов¹⁰³.

Активизировалось и воздействие уполномоченных Совета на духовенство. Глава Калининской епархии епископ Феодосий адресовал Совету по делам РПЦ и патриарху жалобу на уполномоченного Совета по Калининской области Хевронова, обвиняя его в создании препятствий замещению вакантных приходов, запугивании прибывающих в область священников их «бедностью» и «плохими бытовыми условиями»¹⁰⁴. Уполномоченный по Рязанской области С. Ножкин добился внесения главой Рязанской епархии архиепископом Николаем в июне 1959 г. на съезде благочинных и представителей церковных советов епархии «предложений» об ограничении деятельности духовенства. Съезд принял их. В результате в восьми сельских приходах произошел спад доходов священников, а епархиальное управление стало готовиться к объединению их с более

«сильными». Половина священников перестала выступать с проповедями (до этого в 76 храмах региона ежегодно произносилось более 4 тыс. проповедей, что превосходило количество антирелигиозных лекций)¹⁰⁵. Перед обсуждением в облисполкоме ходатайств об открытии церквей С. Ножкин знакомил с ними заведующего отделом пропаганды и агитации Рязанского обкома КПСС, а тот – секретарей райкомов КПСС¹⁰⁶. В результате власти устанавливали их инициаторов и организовывали «индивидуальную работу» по прекращению ходатайств. Факторами, способствовавшими проведению политики сокращения числа действовавших храмов, также являлись укрупнения колхозов, трансформация традиционной сети сельского расселения, ускорявшие миграцию населения в города, старение и уход из жизни крестьян старших поколений, чтивших сельский храм как местную святыню, прогресс институтов официальной культуры. Суммарный эффект от прямых и косвенных усилий власти по сокращению легально действующих храмов РПЦ в Центральном Нечерноземье позволил в 1953–1961 гг. снять с регистрации 142 храма, в том числе в Брянской области – 16, Владимирской – 8, Ивановской – 7, Калужской – 11, Костромской – 3, Московской – 21, Орловской – 5, Смоленской – 13, Рязанской – 20, Тульской – 7, Ярославской – 31. Только в 1958–1961 гг. их было закрыто 131¹⁰⁷. К концу 1950-х гг. административными мерами было практически полностью остановлено поступление ходатайств: в 1954 г. из областей Центрального Нечерноземья их поступило 407, в 1955 г. – 334, 1956 г. – 674, 1957 г. – 543, 1958 г. – 327, 1960 г. – 103, 1961 г. – 88¹⁰⁸.

Трагически складывалась судьба многих закрытых храмов, переоборудованных в культурно-просветительные учреждения, склады, зернохранилища, инкубаторы, электростанции и т. п. За 1948–1952 гг. в СССР по решениям Совета у верующих было изъято, сломано, переоборудовано, разобрано 418 церковных зданий¹⁰⁹. В 1953 г. Совет утвердил решения облисполкомов о разборке 26 храмов, в 1954 г. – 10. Кроме того, в 1948–1955 гг., минуя Совет, по решениям местной власти было сломано и перестроено 292 православных храма¹¹⁰.

В 1959–1961 гг. у верующих было изъято 307 общественных зданий, которые длительное время использовались как молитвенные дома, в том числе 249 зданий клубов и других учреждений культуры, 36 зданий школ, 22 хозяйственных здания¹¹¹. Только в Рязанской области с 1946 по август 1951 г. было разобрано 52 церковных здания, причем в некоторых случаях уполномоченный Совета И. Денисов санкционировал слом и разборку вполне исправных или выступал инициатором этого¹¹². После смещения Денисова с должности ситуация не изменилось. В первом полугодии 1954 г. Рязанский облисполком разрешил в 12 районах слом на кирпич для строительства МТС церковных зданий, находящихся в аварийном состоянии, в результате в пяти районах области было разобрано шесть храмов. В Михайловском, Октябрьском, Пронском районах райисполкомы, пользуясь удобным моментом, пытались сфабриковать документы, которые позволили бы сломать церкви. Однако реализация решения Рязанского облисполкома о разборе на кирпич поврежденных церковных зданий показала, что даже закрытую церковь верующие продолжали считать «своей» и стремились отстоять от «посягательств». 9 июня 1954 г. в с. Клекотки Горловского района Рязанской области на четырех грузовых автомашинах прибыли рабочие Горловской МТС во главе с прорабом и приступили к разборке кирпичной ограды церкви, грузя кирпич на машины. Из ближайших к церкви домов вышло несколько женщин, которые вступили с рабочими в спор и стали сбрасывать погруженный кирпич. Одна из женщин ударила в колокол, созывающий колхозников на работу, другие побежали по селу собирать народ. На звук набата у церкви собралась большая толпа, угрожавшая прорабу и рабочим расправой, если они не перестанут разбирать ограду. Рабочим пришлось ретироваться. Позже прораб дважды пытался увезти кирпич, но безуспешно. 21 июня в десять часов вечера он прибыл в село в сопровождении прокурора района и начальника районного отдела милиции. Когда машина приблизилась к церкви, курьер сельского Совета велела нескольким мальчишкам звонить в колокол, а дежурившие у церкви вновь бросились созывать односельчан. Очень быстро у церкви собралось около 200

человек. Начальник райотдела милиции попытался объяснить собравшимся, что есть решение РИКа о разборке церковной ограды, но его не стали слушать, выкрикивая, что кирпич нужен селу для школы и больницы, а прораб поступает как вор, приезжая за ним ночью. Приехавшие за кирпичом отправились обратно. Прорабу и шоферу МТС односельчане при этом заявили, что расправятся с ними, если они приедут за кирпичом еще раз. У церкви вновь оставили «дозорных» на случай возвращения машины из МТС. После попытки разобрать церковную ограду в Клекотках крестьяне обозлились на районное руководство. 6 июля около ста жителей села провели собрание, избрали инициативный орган – «двадцатку», обошли 15 соседних сел, собрав более 2 тыс. подписей, и направили ходоков в Москву и Рязань хлопотать об открытии церкви. На приеме у уполномоченного Совета один из ходатаев обещал отблагодарить его, если будет получено заключение об открытии церкви. Многие колхозники не стали выходить на работу в колхоз, оставаясь караулить церковную ограду. При разбирательстве в районе выяснилось, что РИК, вынося решение о разборке ограды, проигнорировал потребности жителей села, хотя уже при первой поездке рабочих МТС за церковным кирпичом, когда его было увезено около 4 тыс. штук, даже председатель сельского Совета и секретарь парторганизации заявили прибывшим, что ограду они не отдадут, так как кирпич нужен селу для строительства. Когда же машина МТС приехала за кирпичом вновь, бригадиры колхоза помогали собирать народ «на защиту» церковной ограды. Горловский РК КПСС и РИК не вмешались в события. Для снятия конфликта потребовалась телеграмма за подписью председателя Рязанского облисполкома И. Бобкова, запрещающая ломать церковную ограду в Клекотках¹¹³.

В итоге за десять с лишним лет (с момента стабилизации численности церквей на рубеже 1948–1949 гг. и до 1 января 1962 г.) власти свели на нет значительную часть достигнутого верующими села Центрального Нечерноземья в рамках движения за открытие церквей, сняв с регистрации 191 церковь (20,5% храмов, действовавших на 1 января 1949 г.)¹¹⁴ На 1 января 1962 г. в областях

Центрального Нечерноземья на регистрации состояло 815 церквей, а на 1 апреля 1946 г. – 915. Для значительной части населения села Центрального Нечерноземья официально действующий храм стал еще более труднодоступным, чем в начале поворота государства к церкви в середине 1940-х гг.

Блокирование движения за открытие храмов и снятие с регистрации значительного количества открытых церквей исключило формирование их сети, хоть сколько-нибудь напоминавшей дореволюционную, деформировало приходскую жизнь. Согласно «Положению об управлении РПЦ», утвержденному СНК СССР 28 января 1944 г., массовой основой организации верующих РПЦ являлся приход – община, объединившаяся вокруг официально зарегистрированного храма¹¹⁵. Возрождение организационной структуры РПЦ в первые послевоенные годы обозначило разреженность сельской приходской сети. На 1 января 1951 г. из тринадцати областей Центрального Нечерноземья только в Брянской, Владимирской, Московской, Рязанской и Ярославской количество сельских населенных пунктов, приходившееся в среднем на одну церковь (даже с учетом городских храмов), не превышало шестидесяти (на общем фоне выделялась Московская область, в которой на один храм приходилось 36 сел и деревень). В остальных областях этот показатель составлял в среднем от 88,3 до 403,5 сел и деревень на храм. Распределение действующих церквей по территории сельских районов было неравномерным, что вынуждало верующих посещать церкви, отдаленные на значительное расстояние. В 1950-е гг. по мере сокращения официально действовавших храмов и некоторого роста количества сельских населенных пунктов разрежение церковной сети усиливалось. На 1 января 1960 г. до 60 сельских населенных пунктов в среднем на одну церковь насчитывалось только во Владимирской, Московской и Рязанской областях, а в остальных регионах – от 61,4 до 215,1 населенных пунктов (из них в шести регионах – от 100 до 160)¹¹⁶.

Власть, управляя открытием церквей, тем самым контролировала и «целесообразное распределение» приходов по территории епархий. В результате

храмы села располагались друг от друга на большом расстоянии: само понятие прихода в это время можно считать весьма условным, поскольку многие верующие прибывали на богослужения за 30–50 и более километров. Это, безусловно, влияло на религиозность жителей деревни. В январе-феврале 1962 г. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» провел опрос среди 500 школьников третьих классов Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) и 500 школьников третьих классов Комсомольского района Ивановской области (в общей сложности трех десятков школ), направленный на выяснение степени их знакомства с понятиями, которые отражали исчезающие или исчезнувшие «пережиточные» явления социальной жизни, в том числе церковного и религиозного обихода. Интерпретируя полученные результаты, российский социолог Б. А. Грушин сделал вывод о том, что элементы веры занимали в массовом сознании современников более чем скромное место, как и религиозные практики – в их ежедневном поведении. Причинами этого, по его мнению, являлись полное разрушение материальной базы церкви, истребление кадров священнослужителей, торжество «подлинного атеизма» и массовый отход людей от догматов и практик христианства ¹¹⁷. На наш взгляд, слабое знакомство сельских школьников с понятиями «алтарь», «Богородица», «говенье», «крестины» и т. п., в первую очередь, было следствием неравномерности распределения действующих храмов, где школьники могли бы наблюдать богослужение (во время проведения опроса на территории Комсомольского района Ивановской области на постоянной основе действовал лишь один) ¹¹⁸.

Почти сразу после стабилизации сети церквей в Центральном Нечерноземье, произошедшей на рубеже 1948/1949 гг., обозначилась своеобразная дифференциация приходов на «богатые» и «бедные». Важнейшей причиной этого, как представляется, была не столько антирелигиозная и культурно-просветительная работа, сколько экономическое оскудение многих сел, усиливавшее миграцию из них в города. Малочисленность и бедность прихожан подрывала основу существования приходского храма, приводила к сменам

настоятеля или его длительному отсутствию. Важным фактором, влиявшим на выдавливание из села священников и сворачивание религиозности, был налоговый пресс. Долгое время не существовало общеупотребительного метода вычисления облагаемого дохода священников, что позволяло финансовым инспекторам определять его произвольно. Совет по делам РПЦ и его уполномоченные регулярно устанавливали много случаев неправильного их налогообложения. В указе Президиума ВС СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» такой категории налогоплательщиков, как «священник», не было. После циркулярного письма Народного комиссариата финансов СССР от 17 апреля 1944 г. духовенство при налогообложении было приравнено к некооперированным кустарям (ст. 19 указа Президиума ВС СССР от 30 апреля 1943 г.). В конце 1944 г. уполномоченные Совета по делам РПЦ по заданию Совета обследовали практику работы по налогообложению духовенства подоходным и военным налогами в 66 приходах и выяснили многочисленные случаи завышения размеров налогов и неправильного налогообложения. В ряде местностей финансовые инспекторы выбирали самый доходный для священника месяц в году, умножали полученную в течение него сумму дохода на двенадцать и исходя из нее рассчитывали налог на год¹¹⁹. Так, ставки налога на доходы духовенства 25 сельских храмов Калужской области в 1952 г. колебались от 17,9 до 38,4%, а сами эти доходы не превышали 27 тыс. руб., причем у более чем половины священников они были не выше 14 тыс. руб. в год¹²⁰. На приемах у уполномоченного Совета по Калужской области сельское духовенство регулярно жаловалось на снижение посещаемости, низкую доходность служб и высокий уровень налогообложения. Священник церкви с. Спас-Суходрев Малоярославецкого района заявил уполномоченному Совету на приеме 12 февраля 1953 г., что посещение богослужений с каждым годом уменьшается, вследствие чего падают и доходы. В обычное время служба в храме была только в воскресенье. В 1951 г. ее посещало 15 чел., годовой доход составлял 13–15 тыс. руб. В 1952 и 1953 гг. прихожан стало не более 5–8 человек, а доходность в 1952

г. составила 8–8,5 тыс. рублей, из которых 3–4 тыс. руб. ушло на налоги. Священник сетовал: «Посещают <службу> все время пожилое население, молодежь совершенно не ходит, если приходят в большие праздники – Пасху, Рождество <...>, да и то девушки, мужского пола молодежь не ходит, а их мало в деревнях, все разъехались на заработки...» На приеме 17 марта 1953 г. священник церкви с. Спас-Загорье того же района сообщил, что ему пришлось попросить епископа о переводе из церкви села Лукьяново в церковь села Спас-Загорье из-за отсутствия доходов в лукьяновской церкви: «Посещаемость в воскресные дни в прошлом 1952 и 1953 г. стала до того мизерной, что приходит к заутрени в воскресенье одна старуха, а к обедне 3–5 человек старушек, мужчины перестали совершенно ходить в церковь, вот за 4 недели Великого поста говели всего 32 человека <...>. Крестин в 1953 г. за три месяца не было ни одних, не говоря о свадьбах – их никогда не было. Впрочем, в годы 1945–1949 гг. посещаемость церковного богослужения была намного больше, например, в воскресные дни посещали человек по 40–50 <...> Я там служил 8 лет, привык к населению, и мне оно помогало, по существу, приношением продуктов, я один, мне (монаху) немного надо, а налоги я платил – то, что зарабатывал за год, например, в 1952 г. заработал около 7 000 руб. и уплатил около 6 тыс. руб.»¹²¹.

Для многих сельских священников вопрос заработка был вопросом продолжения богослужения. Духовенство «богатых» приходов чувствовало себя в деревне уверенно, а из «бедных» оно уезжало, что влекло закрытие церквей. Со сменой поколений священников, появлением в приходах недавних выпускников духовных семинарий и академий, уходом духовенства, начавшего службу в дореволюционное время, а также под влиянием антицерковной политики в самосознании провинциального клира стали происходить изменения, связанные с формированием священника нового типа, поставленного в условия, когда вопрос оплаты труда означал вопрос существования прихода. Уполномоченный Совета по Калининской области отмечал в конце 1957 г., что в военные и первые послевоенные годы значительная часть духовенства области «показывала себя

перед общественностью так, как будто в церквях служит в результате своего глубокого религиозного убеждения». Духовенство служило «при доходе», не устанавливая стоимости религиозных треб. Те, кому этого было мало, работали на приусадебных участках, в колхозах и т. п. В середине 1950-х гг. ситуация изменилась: «Подавляющее большинство священников, получив назначение в церковь, при встрече с церковным советом заявляют: будете платить столько тысяч в месяц – буду служить, не будете – уйду, сидите без священника. Церковные советы, как правило, откликаются на это и дают согласие выплачивать требуемую сумму. Для того, чтобы иметь средства на содержание духовенства, в церкви устанавливаются твердые таксы на все религиозные требы. Дашь 50–75 рублей – покойник будет отпет, не дашь – хорони без отпевания. Дашь 50 рублей – ребенок будет крещен, не дашь – не будет и т. д.». Об этом же информировал Совет в конце 1957 г. и уполномоченный по Владимирской области¹²².

Во многих отчетах уполномоченных Совета и благочинных епархий отмечались скудость утвари и ветхость зданий «бедных» храмов. Вот какое описание Никольской церкви села Заборье (Брянская область) – типичного храма сельской глубинки, бывшего деревянным и требовавшего срочного ремонта, – оставил благочинный Клинцовского округа: «В паперти храма помещается склад сельпо, товары которого разбрасываются кругом храма, загромождают паперть и затрудняют богомольцам вход в храм. Иногда богомольцы идут в храм по рассыпанной на паперти соли, между бочек хамсы или ящиков с мылом и бочек с дегтем. Потребители, приходя в склад за покупками, курят и дымят в открытую дверь храма во время богослужения, а когда богослужения нет, курильщики заходят курить через лестницу на колокольню, на хоры и оттуда кидают свои окурки в церковь. Многочисленные попечители храма мирились с этим положением, сопровождая каждое праздничное богослужение изрядной выпивкой...»¹²³. На колокольне Петропавловской церкви г. Клинцов (Брянская область) остались только малые колокола, которые было слышно на небольшом расстоянии от церкви. «Для того чтобы создать видимость и внешний авторитет

церкви, настоятель церкви и церковный староста вместо колокола подвесили на толстом канате кусок рельса длиной более двух метров. Церковный сторож, как молотобоец, кувалдой весом более пуда ударяет по обломку этого рельса. Это называется звон?» – возмущался уполномоченный Совета по Брянской области Горбачев¹²⁴. В первом полугодии 1957 г. уполномоченный Совета по Орловской области Н. Зверев посетил церковь в с. Путимец Орловского района, по его словам, один из самых «безнадежных в экономическом положении» приходов области, в котором священники не задерживались больше чем на 3–4 месяца, а в 1950–1954 гг. настоятеля не было вообще и богослужение проводилось 2–3 раза в год специально приезжавшим для этого священником: «Церковное здание и по сей час производит впечатление крайней запущенности и убожества: кровля на главном куполе была частично раскрыта. Углы, стенные карнизы и оконные проемы были разобраны местным населением. Штукатурка во многих местах осыпалась. Часть окон была заделана фанерой и кусками ржавого железа. Церковная утварь была немногочисленна и бедна: иконостас примитивной работы заполнен сборными иконами разного размера и стиля. Подставки под иконы и поминальные столики накрыты ситцевыми покрывалами, сшитыми из кусков материи разной расцветки и размера. Икон в церкви мало, некоторые из них настолько пострадали от сырости и облупились, что на них совершенно ничего нельзя разобрать. <...> Предметы хозяйственного обихода и строительные материалы, приготовленные для ремонта, сложены в углу трапезной: ведра, кирпичи, банки с краской, бидоны с олифой и прочее. Здесь же находится металлический баллон, к которому прикреплен кусок толстой проволоки с крюком. Этот баллон подвешивается к каркасу железного навеса над входом в церковь и исполняет роль колокола. Баллон при ударе издает высокий и довольно сильный протяжный звук». В церкви пел хор певчих из девяти человек, которым нерегулярно платили, «в зависимости от выручки» от 50 до 100 рублей «на всех». «Двадцатки» и церковного совета не было. Все хозяйственные дела в Путимецкой церкви вел настоятель. Уборкой, продажей свечей, чтением псалмов в храме

бесплатно занимались две прихожанки. Наиболее часто совершавшимися религиозными обрядами в приходе были крещение детей, подворные молебны по различным поводам и освящение новых домов колхозников, которые массово строились вместо временных построек первых послевоенных лет. За 1957 г. было всего три случая венчания¹²⁵. Такое же впечатление осталось от посещения церкви в с. Крапивна Щекинского района у уполномоченного Совета по Тульской области Н. Князева¹²⁶.

Богослужения в церквях «богатых» сельских приходов и городов отличались большей пышностью. Духовенство служило в дорогостоящих облачениях, церковные советы нанимали хоры певчих, руководимые профессиональными регентами. Храмы обладали разнообразной церковной утварью, росписями и колоколами. В них часто служили главы епархий, что привлекало верующих. Одним из наиболее активных сельских приходов не только Рязанской области, но и РСФСР была община села Фирюлевки, одна из шести, существовавших в Михайловском районе. Жители села обладали довольно редким для сельской местности ремеслом, являясь мастерами по изготовлению алмазов для резки стекла и стекольщиками. Большинство мужского населения были отходниками, работавшими в разных городах. Из 200 дворов Фирюлевки 80 вели единоличное хозяйство. Церковь в селе не закрывалась и в довоенные годы, являясь приходом для жителей населенных пунктов в радиусе 5 км. Богослужение проводилось ежедневно, а в дни Великого поста – утром и вечером, и посещалось даже молодежью и школьниками. Храм занимал первое место по доходности среди сельских церквей Рязанской епархии. В нем служили два священника, пользовавшиеся авторитетом прихожан. В составе инициативного органа церкви состояли заместитель председателя и депутат сельского Совета, фельдшер, учитель начальной школы, предоставившая свой дом для собраний «двадцатки». В Фирюлевке было три комсомольца, два из которых говели и причащались. Первичная парторганизация состояла из шести коммунистов, из них только у секретаря парторганизации не было в доме икон. Больше года в селе не работали

изба-читальня и библиотека из-за отсутствия библиотекаря и избача, а с антирелигиозных лекций односельчане демонстративно уходили¹²⁷. Учительница, жившая в колхозе «Новая жизнь» Михайловского района Рязанской области, писала в редакцию «Комсомольской правды» в сентябре 1954 г.: «Представьте, что вы находитесь в селе Фирюлевке. Вечер. Кончился трудовой день. Юноши и девушки вернулись с полей, нарядно оделись, вышли на улицу. Куда пойти? Народ тянется к центру села. А в центре его – обнесенная красивой оградой, обсаженная густыми деревьями стоит свежевыкрашенная церковь. Из открытых окон доносится пение хора. Может быть, зайти ненадолго, послушать?»

Постойте, скажет читатель. Почему же церковь? Почему не идет молодежь после работы в библиотеку, в клуб?

Можно пойти и в клуб... Серенький, невзрачный домишко. Если вы заглянете внутрь, то увидите картину полной запущенности... И невольно по вечерам молодежь тянется к церковной ограде. Зайдет юноша или девушка в церковь просто так, из любопытства, кругом все крестятся. Ну, возьмет и он перекрестится или приложится к кресту. А с церковной кафедры доносятся фразы о небесном царстве, о мирской суете, об искуплении грехов. Слова для новичка незнакомые. "Надо будет и завтра прийти, послушать о мирской суете", – думает он. А за вторым посещением идет третье, четвертое. Дальше – больше. Начинается соблюдение обрядов, празднование "престолов"...»¹²⁸.

Уверенно чувствовало себя в деревне духовенство «богатых» приходов. Так, на предложение переехать служить в другой приход священник церкви с. Козлово Завидовского района Калининской области (где располагалась крупная текстильная фабрика) ответил: «Нет, прошу меня не трогать, с населением я живу хорошо, местная власть меня не беспокоит, доход хороший, Москва близко, лучше этого места мне не надо», а священник церкви с. Вырец Лихославльского района той же области на вопрос уполномоченного Совета, как живете, сказал: «Лучше ничего и желать не надо, население меня уважает, я первый человек в деревне, денег и продуктов у меня много, я никакой нужды не имею...»¹²⁹.

Священник церкви с. Душкино Суражского района Брянской области пользовался большим уважением прихожан и, по словам уполномоченного Совета, «знал не меньше, чем сельские активисты». У него был действующий радиоприемник, тогда как в избе-читальне и колхозном клубе они не работали, имелись центральные газеты и журналы. В сельском Совете, клубе, магазине он часто знакомил крестьян с новостями «на темы международной и внутренней жизни», а материальный достаток позволял ему одалживать им деньги ¹³⁰. Настоятель церкви с. Путимец Орловского района Орловской области Хоботов сам руководил хозяйственными делами прихода («двадцатки» и исполнительного органа в приходе не было), читал «Правду», «Орловскую правду», «Советскую Россию», «Блокнот агитатора». Уполномоченный Совета по Орловской области Н. Зверев сообщал, что священник «пытается быть полезным и принимать участие в окружающей жизни: выходит на уборку урожая в дни напряженных сельскохозяйственных работ для того, чтобы "поднять дух народа", как он объясняет. В разговорах с колхозниками и в своих проповедях в церкви внушает, что люди обязаны усердно трудиться» ¹³¹. В с. Малинки Чапаевского района Рязанской области настоятель церкви по приглашению председателя колхоза сел на мотоцикл, взял в руки мотыгу и «поехал организовывать колхозников на окучивание кукурузы», а настоятель церкви в с. Санском Шиловского района пользовался авторитетом и у сельских руководящих работников, участвовал в сельскохозяйственных работах, при выездах на своей машине никогда не отказывался подвезти колхозников, покупал детям конфеты и билеты в кино ¹³².

Действие комплекса социально-экономических факторов, приводивших к угасанию многих храмов сельской местности, в сочетании с усилиями власти по сворачиванию религиозности сократили частоту богослужений. От ежедневных служб в первые годы мирной жизни храмы села перешли к богослужениям только по воскресеньям и большим религиозным праздникам. Три-четыре раза в неделю действовали церкви районных центров, ежедневно – лишь некоторые храмы районных и областных центров (исключение составляла лишь Рязанская область,

где так функционировали и многие сельские церкви)¹³³. К 1960 г. в подавляющем большинстве храмов РСФСР (2 119 из 2 584) богослужение проводилось только по воскресеньям и в дни религиозных праздников. В 395 храмах служба была ежедневно, нерегулярно служили в 28, не было служб в 42 приходах. В Брянской области из 71 храма, состоявшего на регистрации на 1 января 1961 г., ежедневное богослужение проводилось в четырех, в воскресные и праздничные дни – в 56, нерегулярно действовавших церквей и церквей, где богослужения не проводились, не было, в Ярославской области, соответственно – 141, 9, 104, 1, 13; во Владимирской области – 65, 11, 52, 0; в Ивановской – 56, 3, 53, 0; в Тульской – 36, 17, 15, 0¹³⁴. Из 76 церквей Калининской области, действовавших на 1 января 1961 г., для 11 не находилось священников, желающих в них служить. Ежедневные богослужения проводились только в трех церквях области, почти прекратились обходы священниками домов верующих для совершения молебнов¹³⁵.

Для власти важнейшим индикатором религиозности было посещение верующими богослужений. В дореволюционные годы, когда религиозность определялась не по убеждениям, а юридической принадлежностью к одному из вероисповеданий по рождению и крещению (или соответствующих обрядам в нехристианских религиях)¹³⁶, православное крестьянство регулярно посещало церковные службы только по воскресеньям и религиозным праздникам, что было особенно характерно для верующих из отдаленных от храма деревень. В будние дни в церковь ходили заказавшие обедню или готовившиеся к причастию¹³⁷. Гонения на церковь и религию углубили обыкновение посещать церковные службы в основном в праздничные дни. Воскресные службы в сельских церквях Центрального Нечерноземья посещали от нескольких до 100–500 прихожан, а по большим праздникам – до 3 000 человек. Особенно многолюдными богослужения были в первые три года после войны¹³⁸.

Близость приходской церкви поддерживала традицию соблюдения основных обрядов, хотя данные об этом зачастую отрывочны. В отчетном докладе

уполномоченный Совета по Москве и Московской области А. Трушин отметил: «Ни один служитель культа не отражает фактических данных выполнения религиозных обрядов, ибо они понимают, чем больше обрядов, тем больше дохода, а это значит – и больше размер подоходного налога. Значит, такие данные всегда могут быть только уменьшены»¹³⁹. В четвертом квартале 1945 г. в восьми храмах Тульской епархии было совершено 1 064 крещения и 116 браков. За 1946 и первый квартал 1947 г. было крещено 5 393 детей из 25 435 родившихся (21,2 %). На 19 680 зарегистрированных за этот период браков пришлось 803 венчания (4%). Следует учесть, что на 1 апреля 1947 г. в области действовали лишь 23 церкви, в которых служило 49 зарегистрированных священников¹⁴⁰. В храмах Брянской области во втором квартале 1947 г. было совершено 630 обрядов крещения, 281 венчание, 328 похорон. В 1948 г. в области было зарегистрировано 25 111 новорожденных, из них крещено 8 841 чел. (31,22%). Из 10 052 умерших за этот период 2 440 были похоронены с отпеванием (24,27%), из 12 435 зарегистрированных браков венчались 826 пар (6,65%). По другим данным, в 1948 г. в области было крещено 16 358 детей, отпето 1 950 умерших, венчались 1 253 пар, в 1949 г. – 14 115 новорожденных, 4 916 умерших, 290 пар новобрачных соответственно¹⁴¹. Уполномоченный по Калининской области в третьем квартале 1948 г. информировал Совет по делам РПЦ: «Новорожденные дети верующих родителей крестятся, а из бесед с сельскими священниками можно сделать вывод, что некрещеными остаются буквально единицы. Отмечаются случаи крещения детей и отпевания умерших в семьях сельского актива, в том числе и членов партии»¹⁴². В будние дни в Смоленском кафедральном соборе крестили до 90 новорожденных. Только 6 и 7 ноября 1949 г. (в воскресенье и понедельник) было крещено около 200 человек¹⁴³. В церкви г. Кинешмы Ивановской области с 1 января по 1 июля 1949 г. было крещено около 700 детей и совершено 110 бракосочетаний. В г. Иванове в течение второго квартала 1949 г. было крещено 1 215 чел.¹⁴⁴ Секретарь Старо-Бобовичского сельсовета Новозыбковского района Брянской области в беседе с уполномоченным Совета в середине 1954 г.

отметила, что празднование религиозных праздников и исполнение религиозных обрядов в их местности распространено широко: «У нас некрещеный ребенок – это позор. Засмеют»¹⁴⁵. В 1959 г. во Владимирской области было крещено 39% новорожденных, отпето свыше 46% усопших, в Ярославской области – 60 и 58% соответственно, то же самое – в Калининской области. В Брянской области в 1959 г. было зафиксировано крещений и отпеваний больше, чем их было в 1958 г. (крещений в 1958 г. – 10 200, в 1959 г. – 13 600, отпеваний в 1958 г. – 1 700, в 1959 г. – 2 300)¹⁴⁶. В 1960 г. в условиях усилившегося нажима на религиозность в областях Центрального Нечерноземья было крещено от 33,0 до 60,0% новорожденных (в Орловской области – 19,5%), обвенчалось от 0,3 до 7,5% новобрачных, отпето от 33 до 73% усопших (в Орловской области – 13,1%, в Брянской – 19,4%). В 1961 г. было крещено от 25,5 до 57,7%, обвенчалось от 0,07 до 7,2% вступивших в брак, похоронено с отпеванием от 22,1 до 70% усопших¹⁴⁷.

Крещение детей, отпевание умерших родственников, венчание не считались противоречащим членству в партии у сельских коммунистов. Когда в Чекалинской районной парторганизации (Тульская область) в 1948 г. жена одного из коммунистов в его отсутствие крестила ребенка, то многие, в том числе и учителя, размышляли об этом в том смысле, «а что тут особенного, ведь у нас существует свобода религии, свобода вероисповедания»¹⁴⁸. Член ВКП(б) из колхоза «Путь Октября» Тумановского района Смоленской области в 1949 г. обвенчался в церкви. На предупреждение секретаря парторганизации, что коммунисту это не подобает, он ответил: «Подумаешь, какая строгость, а что тут особенного?»¹⁴⁹. Бюро обкомов ВКП(б) ежегодно утверждали десятки и сотни решений об исключении из партии за подобные проступки. Бюро Ивановского обкома партии в течение 1949 и первого квартала 1950 г. за исполнение религиозных обрядов исключило из рядов ВКП(б) 149 чел., бюро Тульского обкома ВКП(б) за первых 10 месяцев 1949 и 1950–1952 гг. утвердило решения об исключении 106 чел.¹⁵⁰ Понятно, что партийному руководству становилась известна только часть таких случаев. В домах многих сельских коммунистов

сохранялись «святые углы» с иконами. Нередко, если сельский Совет или правление колхоза не имели своего помещения и арендовали комнату в доме колхозника, как это часто бывало, иконы были и там, что делало официальные сельские учреждения похожими на волостные управы дореволюционной поры. Секретарь Тульского обкома КПСС на пленуме обкома партии в июне 1953 г. язвительно рассказал о подобном случае: «В Липицком районе есть Ерховский сельсовет, председатель сельсовета – Митин, он же является секретарем партийной организации. Сельсовет – у него на квартире, в передней комнате стоят столики, в углу теленок в грязной яме. В передней в верхнем углу висит икона. Иконка старенькая. Поэтому секретарь партийной организации с женой решили ее приукрасить: сделали из газеты фигурные вырезки, как эти вот занавески, прикрепили их к нижней части иконы. Это как раз газета "Коммунар" (орган Тульского ОК КПСС. – *Авт.*) с постановлением III пленума обкома партии об улучшении работы первичных партийных организаций (*Смех*). Бывают там работники райкома партии, уполномоченные там сидят – неужели они не считают, что это дискредитирует и сельсовет, и партийную организацию?»¹⁵¹.

Показателен здесь и сам образ мышления тех сельских коммунистов, которые все же задумывались над уместностью в доме икон. Если после семейных споров не удавалось убедить близких проститься с домашними святынями, «проблема» решалась компромиссом: изба делилась на угол партийных, где икон не было, и «святой угол» беспартийных¹⁵². Уполномоченный Совета по Калужской области И. Кузовков сообщал об этом в Калужский обком КПСС в декабре 1954 г.: «Лично мне пришлось побывать на квартире коммуниста Якушина Виктора Григорьевича – он раньше был председателем Горбенковского сельсовета Лев-Толстовского района, живет с женой, а икон в доме полно. При разговоре с учителем школы села Роща Боровского района Зеленченко он у меня спрашивает, что делать, если все меры разъяснения к теще приняты, но иконы она не разрешает с квартиры выносить. Все меры я применял, но так моя теща и не разрешает расстаться с иконами – так и живу, а икон в доме полно...»¹⁵³ Наличие

«святых углов» с иконами даже в домах сельских коммунистов отмечалось в историко-этнографических обследованиях деревни второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.¹⁵⁴

Такой же компромисс в семье обычно достигался и в случае необходимости экстренного соблюдения православной обрядности. В отчете за первое полугодие 1958 г. уполномоченный Совета по Владимирской области Д. Токарев сообщал в Совет о «комбинированных» похоронах члена КПСС: до церкви умершего доставили с музыкой, в церкви отпели, после чего в сопровождении той же музыки он был отправлен на кладбище¹⁵⁵. Таким образом, религиозность местной верхушки в глубинке, как правило, не распространялась дальше соблюдения ключевых обрядов и религиозных праздников и была обычным явлением, вызывавшим удивление только у наблюдавших сельскую жизнь со стороны. В Елегинском сельсовете Ореховского района Костромской области почти все коммунисты имели в домах иконы и крестили детей. Из 16 коммунистов трех колхозов сельсовета только двое – председатель Елегинского сельпо и председатель Елегинского сельсовета – 2–3 года не крестили детей, но старшие их дети были крещены. Летом 1955 г. в дни религиозных праздников часть местных коммунистов наравне с большинством населения по три дня «гуляла», не выходя на общественные работы¹⁵⁶. Уполномоченный Совета по Брянской области, характеризуя во второй половине 1954 г. религиозную ситуацию в приходе с. Голяшевка Погарского района, отмечал: «Странные порядки в этом селе. Учитель, он же заведующий начальной школой этого села Голяшевки, женился недавно на дочери священника этого же села Садовникова. Учитель-коммунист ходит в гости к тестю-священнику. Священник взаимно ходит в гости к зятю-коммунисту. Учитель возглавляет материалистическую идеологию, священник осуществляет идеалистическую идеологию. И как они говорят, что мы друг другу не мешаем»¹⁵⁷.

Сокращение возможностей участвовать в легальных богослужениях деформировало канонические формы приходской церковной жизни, заставляя верующих и духовенство приспособляться к неблагоприятным социально-

экономическим условиям и антицерковной политике. Так, скудное благосостояние большинства прихожан сельских храмов, дефицит культового имущества стимулировали полуподпольные кустарные промыслы по изготовлению свеч, нательных крестиков, церковной утвари и икон, широко продававшихся в Брянской, Смоленской, Тульской, Орловской, Ярославской областях¹⁵⁸. Так, уполномоченный Совета по Брянской области в середине 1956 г. указывал, что на Радоницу около Воскресенской церкви Брянска продавал свечи кустарной выработки ученик шестого класса школы с. Радица Брянского района. На вопрос, где он их купил, тот ответил, что «у них своя пчелопасека, свой воск, и мы сами делаем свечи и сами продаем». В тот же день около другой церкви Брянска свечи продавались жителем с. Бойтичи Павловского сельсовета Жирятинского района¹⁵⁹. В области также существовал большой спрос на кустарно изготовленные иконы, причем на селе они продавались не только за деньги, но и обменивались на продукты¹⁶⁰. Иконы изготовляли кустари в г. Ветка Гомельской области Белорусской ССР, в селах Новозыбковского района Брянской области, откуда они попадали на местные рынки, разносились изготовившими их кустарями и перекупщиками по окрестным деревням. В селах Кожаны, Ермаки Гордеевского района Брянской области новые иконы находили спрос не только у крестьян, но и у представителей местной верхушки и находились в домах у заведующего избой-читальней, председателя колхоза «Волна революции», заведующего ларьком в с. Ермаки Кожановского сельсовета¹⁶¹. Мастерскую по изготовлению икон власти обнаружили во второй половине 1958 г. в с. Моркавшино Дедиловского района Тульской области. Иконы писал бывший священник Истомин, одновременно ведущий богослужение в церкви-часовне, «оборудованной им у стены своего дома», в которой были иконы, подсвечники, купель, иконостас¹⁶².

Запрет в 1948 г. традиционных для сельской местности крестных ходов внутри прихода и богослужений вне храмов приводил к профанации этой обрядности. Так, настоятель церкви села Дворцы Бежаницкого района

Великолукской области в ответ на просьбу верующих о кроплении принадлежащего им скота организовал обряд следующим образом: он «договорился с верующими, что кропить скот в поле он не может и не будет, но он может для удовлетворения этой потребности освятить в здании церкви воду и раздать ее верующим с тем, чтобы они сами исполнили этот обряд. Так и было сделано, причем «святая» вода продавалась по 3 рубля за бутылку или кружку. Кроме того, этот же поп служил молебен в церкви о дожде»¹⁶³. В Калужской области инициаторы проведения крестных ходов на поля собирали по подворьям деньги и заказывали в церквях обедни с молебнами, где получали воду, с которой сами выходили в поле¹⁶⁴. Такая же практика была распространена в Рязанской области¹⁶⁵.

Невозможность принять участие в традиционном крестном ходе по приходу обуславливала большое стечение населения к похоронным процессиям со священником, сопровождавшим умершего на кладбище. Представители местной власти предпочитали им не препятствовать. 22 октября 1954 г. священник церкви с. Барятино Дзержинского района Калужской области Павликов на приеме у уполномоченного Совета пожаловался, что руководители Дзержинского РИКа упрекают его в участии в похоронных процессиях, которые проходят по улицам райцентра, хотя на самом деле их организует бывший регент Кондровской церкви Любимов, который «подымает покойника с квартиры, проносит его с певчими по городу до кладбища, устраивает многолюдное шествие с пением религиозных молитв, собирает по пути деньги с отпеванием панихид. Руководство района это видит и мер не принимает, а укоряет, как говорит священник Павликов, нас, священника, а я никогда не сопровождал и не буду сопровождать покойников, я отпеваю только в церкви или на дому»¹⁶⁶. То же самое происходило в ряде районов Калининской области, где похоронные процессии возглавляли «старики, а иногда монашки». В сельских райцентрах Брянской области проводы покойного священники «совершали на главных улицах городов, против государственных и общественных зданий», а в сельских храмах, сохранивших колокола, отпевание и

похороны сопровождалось колокольным звоном ¹⁶⁷. В Тульской епархии обыденность проводов покойного священниками до кладбища заставила епархиальное управление издать специальный циркуляр о запрете этого. 5 июня 1959 г. архиепископ Тульский и Белевский Антоний вообще запретил духовенству служить в домах верующих всеобщие и панихиды по усопшим, на которые собиралось большое количество односельчан ¹⁶⁸.

Стремление преодолеть ограничения, в которых были вынуждены действовать зарегистрированные храмы, подталкивало настоятелей и церковные советы к развитию близ храма «ночлежных домов» для прихожан из дальних деревень, использования под ночлег притвора храма. Прихожане Ясенюкской церкви Ухоловского района Рязанской области из отдаленных деревень ночевали в сторожке, оборудованной нарами, где помещалось от 40 до 50 человек. Монашки, прислуживавшие в церкви, угощали их чаем. Монахиня Маргарита беседовала с ними, объясняла значение религиозных праздников, приглашала на следующие богослужения, принимала заказы на требы. Подобные «ночлежные дома» в начале 1960-х гг. действовали в Елатомском и Клепиковском районах области, а также во всех церквях Калининской области, где были сторожки, в с. Петушки Петушинского района, с. Красново Меленковского района, с. Великодворье Курловского района Владимирской области. Уполномоченный Совета по Калининской области В. Хевронов тогда же сообщал, что «отдельные священники, находясь на службе в слабых приходах и испытывая материальные недостатки, практиковали выезды в далеко расположенные от церкви населенные пункты, останавливались у своих знакомых и в их домах устраивали крестильные пункты, причащали и исповедовали желающих этого, служили молебны, не спрашивая на все это разрешения ни органов власти, ни членов семьи, чьих детей крестили...», за что три священника были им сняты с регистрации и три предупреждены. В с. Давыдичи Дубровского района священник Любимов и церковный староста Малахов в течение 3 лет за 100 рублей в месяц арендовали дом, где крестили детей, ссылаясь на то, что в церкви холодно ¹⁶⁹. Духовенство с.

Михайловского, Толпыгино, Филисово (Орловская область) устраивало после праздничных богослужений чаепития, обеда, давало нуждавшимся прихожанам деньги. Религиозные активисты с. Толпыгино организовали в доме одной из жительниц села подобие гостиницы, в которой могли переночевать прихожане из дальних селений. Хозяйке дома за это ежемесячно выплачивалось по 100 рублей¹⁷⁰. Практиковалось заочное совершение обрядов: прихожане церкви г. Дмитровска (Орловская область) из отдаленных сел покупали пачку свеч и «целый платок просфор за весь колхоз») ¹⁷¹, а также использование для богослужения магнитофонов. В с. Степаньково Ляховского района Владимирской области священник Раина в 1960 г. купил на средства церковного совета магнитофон, записал на нем церковную службу своего отца-священника, добавив записи лучших церковных хоров, смонтировал все это в единую фонограмму и «стал проводить "службу" при открытых окнах в своей квартире, куда сходилось много народа, живущего в этом селе»¹⁷².

Таким образом, если в конце XIX – начале XX вв. в деятельности прихода выделялись религиозная, религиозно-праздничная, нравственно-воспитательная, школьно-образовательная, хозяйственная функции, а также функция культурной адаптации ¹⁷³, то на протяжении изучаемого нами периода легальный приход был нацелен на выполнение одной функции, отводившейся ему властью в системе церковной организации – был центром совершения разрешенных обрядов. Однако политика по усилению «разреженности» церковной сети, а также неравномерность распределения малого количества действующих храмов по значительной территории делала затруднительным выполнение верующими даже минимума требований православного культа. Религиозность большинства прихожан в лоне легальной церкви в большинстве случаев сводилась к исполнению обрядов, обозначавших основные события в жизни верующего, и редкому посещению праздничных богослужений. Стремясь преодолеть ограничения, духовенство и верующие пытались воссоздать «инфраструктуру» прихода, обслуживавшую прихожан из отдаленных населенных пунктов,

упрощали обрядность, формировали местные «центры» обеспечения предметами культа и т. д.

Примечания к главе 5

¹ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие, 1941–1961 гг. С. 67.

² *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 33–34, 39.

³ *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть.

⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / отв. сост., автор статей перед разд. О. Ю. Васильева. Отв. ред. Я. Н. Щапов. М., 1996. С. 250, 251, 252, 258, 259, 260.

⁵ *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 478–481. Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011. С. 51, 65, 66, 94–95.

⁶ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 329.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 339. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 103–104.

⁹ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 113.

¹⁰ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 24.

¹¹ Там же. С. 25, 28, 31.

¹² Там же. С. 28. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 306.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 56, 57.

¹⁴ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 231. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 117.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 215. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 485. Л. 12.

-
- ¹⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 271–278.
- ¹⁷ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 333.
- ¹⁸ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 92–93.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 521–523.
- ²⁰ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 342.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 114. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 134. *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 344.
- ²² *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 127.
- ²³ Там же. С. 115–122. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 364–365.
- ²⁴ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 124–125.
- ²⁵ Там же. С. 125.
- ²⁶ Там же. С. 136. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 348.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 627. Л. 54.
- ²⁸ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 106.
- ²⁹ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 124.
- ³⁰ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 428–432, 446–450.
- ³¹ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 354.
- ³² *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 85, 116.
- ³³ Там же. С. 108, 120, 121.
- ³⁴ Советская жизнь. С. 668.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 485. Л. 11. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 49. Л. 87.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1475. Л. 18, 23. Д. 1567. Л. 37. Д. 1578. Л. 23. Д. 1675. Л. 4. Д. 1757. Л. 6–7. Д. 1770. Л. 25, 31.
- ³⁷ *Пыжиков А. В.* Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 248.

³⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 11, 12. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. М., 1962. С. 151–154, 221. *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 245–246.

³⁹ Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html> (дата обращения – 02.06.2015).

⁴⁰ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 185–185. Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 363.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1672. Л. 15. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 186.

⁴² *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 199.

⁴³ Там же. С. 205, 206.

⁴⁴ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 364–365.

⁴⁵ *Ярославский Е. М.* Библия для верующих и неверующих. Изд. 11-е. М., 1962. Спутник атеиста / под ред. В. Е. Титова. М., 1959. Русское народно-поэтическое творчество против религии и церкви / сост., вступ. статья и прим. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова. Отв. ред. В. П. Вильчинский. М.-Л., 1961. И др.

⁴⁶ «Добиться закрытия так называемых «святых мест» // Источник. 1997. № 4. С. 125–126.

⁴⁷ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 241–242.

⁴⁸ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 188–189.

⁴⁹ *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 133.

⁵⁰ *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 2010. С. 93.

⁵¹ *Одинцов М. И.* «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства». Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных.

1960 г.: // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/president/works/118/> (дата обращения – 02.06.2015 г.).

⁵² *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 94.

⁵³ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 374.

Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть. С. 137.

⁵⁴ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 372.

⁵⁵ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 220.

⁵⁶ *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 97–98.

⁵⁷ Там же. С. 95.

⁵⁸ *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 106–107.

⁵⁹ Русская Православная церковь в советское время (1917-1991). Кн. 2. С. 34–38.

Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 374.

Марченко А., прот. Указ. соч. С. 109, 118, 124.

⁶⁰ *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 134.

⁶¹ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 375.

⁶² *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 112, 115.

⁶³ КПСС в резолюциях. Т. 10. С. 128, 187.

⁶⁴ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 381.

⁶⁵ *Марченко А., прот.* Указ. соч. С. 120.

⁶⁶ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 379, 380.

⁶⁷ Там же. С. 380, 381.

⁶⁸ Там же. С. 329.

⁶⁹ Его же. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 170.

⁷⁰ *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 103-105.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 13.

⁷² Там же. Д. 50. Л. 94.

⁷³ ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 36–38.

-
- ⁷⁴ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 76-77. Ее же. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. «История». 2008. Вып. 24. № 15. С. 142.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 317. Л. 10, 12.
- ⁷⁶ Там же. Д. 895. Л. 19.
- ⁷⁷ Там же. Д. 34. Л. 68.
- ⁷⁸ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 263–264.
- ⁷⁹ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 122. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 67–68. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 310.
- ⁸⁰ *Бакшеева Е. Б.* Политика Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1965 гг.: ее особенности и проявления на Дальнем Востоку РСФСР // ДИХИ – 2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: выпуск 3 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. Хабаровск, 2012. С. 14.
- ⁸¹ *Перелыгин А. И.* Русская Православная Церковь на Орловщине. С. 130.
- ⁸² *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений. С. 141.
- ⁸³ Ее же. Государство, Православная церковь и верующие. С. 68.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 895. Л. 19-20. *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений. С. 132.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 122. Л. 16.
- ⁸⁶ Там же. Л. 17.
- ⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 27, 28. Подсчитано: ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 30.
- ⁸⁸ *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 242–243.

⁸⁹ ГАКО. Ф. 3501. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 11 об., 19, 30 об.–31, 42, 44, 51, 58 об., 60. Д. 31. Л. 2 об.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 12, 13. Д. 181. Л. 28, 50. Д. 346. Л. 175.

⁹¹ Там же. Д. 63. Л. 3 об. Д. 346. Л. 175. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 109. Л. 132.

⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 109. Л. 131.

⁹³ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а–25.

⁹⁴ Там же. Д. 781. Л. 25.

⁹⁵ *Гераськин Ю. В.* Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. «История». 2008. Вып. 24. № 15. С. 134.

⁹⁶ *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений. С. 141.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а–25.

⁹⁸ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 34. Л. 68. Д. 35. Л. 5, 6, 81. Д. 37. Л. 51. Д. 172. Л. 25. Д. 173. Л. 8, 41. Д. 181. Л. 47. Д. 197. Л. 3. Д. 204. Л. 2, 63. Д. 215. Л. 3, 114. Д. 317. Л. 10, 12. Д. 318. Л. 9, 63. Д. 337. Л. 153. Д. 342. Л. 3, 84, 88. Д. 346. Л. 15. Д. 349. Л. 45. Д. 359. Л. 92. Д. 476. Л. 5, 69. Д. 485. Л. 2, 59. Д. 500. Л. 20, 65. Д. 508. Л. 35. Д. 518. Л. 195. Д. 635. Л. 49. Д. 646. Л. 2. Д. 667. Л. 3. Д. 759. Л. 107. Д. 904. Л. 17. Д. 765. Л. 52, 111. Д. 777. Л. 35. Д. 784. Л. 28, 44. Д. 790. Л. 60. Д. 888. Л. 10. Д. 895. Л. 79, 103. Д. 907. Л. 41. Д. 917. Л. 3, 39. Д. 921. Л. 6, 71. Д. 1023. Л. 2. Д. 1027. Л. 30, 37. Д. 1037. Л. 13. Д. 1043. Л. 46. Д. 1046. Л. 26. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 12. Д. 42. Л. 91. Д. 88. Л. 35. Оп. 15. Д. 60. Л. 7. Оп. 16. Д. 76. Л. 5. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 1. Оп. 9. Д. 49. Л. 26. ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. Д. 29. Л.1. Д. 34. Л. 17.

⁹⁹ Подсчитано: *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 172. Смоленская епархия // [Электронный документ]. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014). Орловская и Севская епархия // [Электронный документ]. Сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe->

upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya (дата обращения: 11.11.2014). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а–25.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1555. Л. 7.

¹⁰¹ Там же. Д. 1856. Л. 11.

¹⁰² Там же. Д. 1558. Л. 25. Д. 1686. Л. 1. Д. 1761. Л. 8.

¹⁰³ Там же. Д. 1570. Л. 7.

¹⁰⁴ Там же. Д. 1664. Л. 42.

¹⁰⁵ Там же. Д. 1778. Л. 3, 5.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1475. Л. 19. Д. 1680. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Д. 180. Л. 1, 22а–25. Д. 263. Л. 30–34. Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

¹⁰⁸ Там же. Д. 156. Л. 12. Д. 180. Л. 13, 14. Д. 235. Л. 30, 33. Д. 206. Л. 17. Д. 288. Л. 28–29, 127, 132, 147, 151, 157, 202, 221, 228, 244. Д. 313. Л. 74, 76, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

¹⁰⁹ Там же. Д. 235. Л. 63.

¹¹⁰ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 129–130.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 45.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 206–207.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1151. Л. 23–29.

¹¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а–25. Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

¹¹⁵ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. С. 275–276.

¹¹⁶ *Кометчиков И. В.* Религиозность в сельских приходах РПЦ Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы международной научной конференции, г. Иваново, 18–19 марта 2015 г. / отв. ред. А. А. Корников. В 2 ч. Ч. 1. Иваново, 2015. С. 152.

-
- ¹¹⁷ *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 348–349, 375–377, 379, 550.
- ¹¹⁸ Там же. С. 376.
- ¹¹⁹ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 91–92.
- ¹²⁰ Подсчитано: ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 34. Л. 13–15.
- ¹²¹ Там же. Д. 26. Л. 6–6 об., 12 об.–13.
- ¹²² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1558. Л. 32–33. Д. 1559. Л. 8–9.
- ¹²³ ГАБО. Ф. Р-2889. Оп. 1. Д. 8. Л. 88.
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 627. Л. 33.
- ¹²⁵ Там же. Д. 1471. Л. 21, 24, 25.
- ¹²⁶ Там же. Д. 1883. Л. 11.
- ¹²⁷ Там же. Д. 1151. Л. 18–19.
- ¹²⁸ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Кн. 2. С. 8–9.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 326. Л. 65.
- ¹³⁰ Там же. Д. 759. Л. 95.
- ¹³¹ Там же. Д. 1471. Л. 26.
- ¹³² Там же. Д. 1680. Л. 8–9.
- ¹³³ *Кометчиков И. В.* Религиозность в сельских приходах РПЦ. С. 154.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 2, 3, 4, 10, 12, 15, 16.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1961. Л. 5.
- ¹³⁶ *Синелина Ю. Ю.* О критериях определения религиозности населения // СОЦИС. 2001. № 7. С. 91.
- ¹³⁷ *Громыко М. М.* Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. М., 2001. С. 88.
- ¹³⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 38.
- ¹³⁹ Там же. Д. 1869. Л. 41.
- ¹⁴⁰ Подсчитано: ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 12. Д. 88. Л. 33 об., 35, 36. Д. 40. Л. 47.

-
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 74. Д. 317. Л.1 об. Д. 172. Л. 9, 28.
- ¹⁴² Там же. Д. 326. Л. 25.
- ¹⁴³ Там же. Д. 349. Л. 33. Д. 508. Л. 28.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 482. Л. 52.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 1239. Л. 57.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 263. Л. 15.
- ¹⁴⁷ Там же. Л.140–142.
- ¹⁴⁸ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14. Д. 36. Л. 38.
- ¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 16.
- ¹⁵⁰ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную Церковь. С. 348.
Подсчитано: ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 15. Д. 75. Л. 3. Оп. 18. Д. 86. Л. 32-33. Д. 92. Л. 3.
- ¹⁵¹ ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 19. Д. 2. Л. 135–136.
- ¹⁵² Там же. Оп. 14. Д. 36. Л. 37.
- ¹⁵³ ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 32.
- ¹⁵⁴ Рязанское село Кораблино. С. 168–169. Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». С. 346–348.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1555. Л. 25.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 12.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 1239. Л. 60.
- ¹⁵⁸ Там же. Д. 1478. Л. 23. Д. 1675. Л. 11. Д. 1689. Л. 24.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 1346. Л. 34–35.
- ¹⁶⁰ Там же. Д. 1129. Л. 16.
- ¹⁶¹ Там же. Д. 1023. Л. 10.
- ¹⁶² Там же. Д. 1581. Л. 6–7.
- ¹⁶³ Там же. Д. 888. Л. 41.
- ¹⁶⁴ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 327. Л. 21.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1367. Л. 22.
- ¹⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
- ¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 38. Л. 46. Д. 627. Л. 53. Д. 1023. Л. 40.

¹⁶⁸ Там же. Д. 1868. Л. 28, 29.

¹⁶⁹ Там же. Д. 1757. Л. 13. Д. 1857. Л. 4. Д. 1877. Л. 4. Д. 1961. Л. 5, 11.

¹⁷⁰ Там же. Д. 1350. Л. 19.

¹⁷¹ Там же. Д. 1675. Л. 17.

¹⁷² Там же. Ед. хр. 1857. Л. 4.

¹⁷³ Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 2. С. 234. *Кузнецов С. В.* Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 157.

Глава 6. Подпольные и неканонические формы религиозности села Центрального Нечерноземья

6.1. Подпольные молитвенные дома в пространстве религиозности

Стремление власти удержать в установленных рамках всплеск религиозных настроений военных и первых послевоенных лет высветил распространенность на селе Центрального Нечерноземья наряду с зарегистрированными приходами РПЦ немалого числа верующих, собиравшихся для молитвы явочным порядком. Власть вытеснила эти собрания за границу легальности, хотя мотив противопоставления государству и легальной церкви был для них вовсе не обязательным¹. Но нелегальность богослужений часто вела за рамки богослужебного канона РПЦ. Контролируя официальную РПЦ, государство использовало ее для устранения феномена, определяемого как «народное православие»². Представляется, что большинство верующих села, не отличаясь религиозной активностью и будучи не знакомыми в достаточной мере ни с советским законодательством о культах, ни с богослужебным каноном, при удовлетворении своих религиозных потребностей исходило из иной системы координат, нежели власть и РПЦ. Для них коллективные моления явочным порядком без зарегистрированного духовенства, считавшиеся государством нелегальными, РПЦ – зачастую неканоничными (или «сектантскими»), являлись «законными» наравне с официальными приходами РПЦ, так как означали богослужение, отвечающее повседневным потребностям и доступное в географическим и материальном отношениях. Многие верующие индифферентно относились к догматическим и политическим разногласиям в среде религиозных активистов, в частности, их спорам по поводу «благодатности» легальной РПЦ и ее руководства³.

Потребность в «своем» богослужении существовала и в дореволюционные годы⁴, часто выражаясь в неканоничных формах⁵. Но в условиях атеистического

государства ее реализация, как и вполне каноничной «религиозности», была затруднена. Одним из адекватных обстановке способов преодоления этой проблемы стали коллективные богослужения явочным порядком, часто именовавшиеся в официальных документах «подпольными молитвенными домами» или «нелегальными молитвенными собраниями». Хотя нелегальная религиозная деятельность ими не исчерпывалась, именно к подпольным молитвенным домам и нелегальному духовенству значительное количество сельского населения обращалось изо дня в день. Уже в середине 1940-х гг. Г. Г. Карпов подчеркивал связь сдерживания регистрации церквей с распространением нелегальных богослужений, бороться с которыми было гораздо сложнее, чем пытаться понижать активность легального прихода⁶. В августе 1948 г., спустя четыре месяца после прекращения удовлетворения ходатайств об открытии храмов, он обратился к К. Е. Ворошилову с предложением открыть «некоторое количество» церквей, так как «нелегальное отправление обрядов» может привести «только к укреплению религиозности, а не ослаблению», а также разработать совместно с МГБ и МВД СССР меры по ликвидации нелегальных молитвенных домов⁷. Одна из весомых причин этого обращения состояла в том, что во второй половине 1940-х гг. уполномоченные Совета в областях Центрального Нечерноземья столкнулись с многочисленными случаями богослужений «скрытников» (незарегистрированных священников), монахов и монахинь ликвидированных монастырей, «монашек» (мирянок, монашествующих в миру без принятия пострига⁸), «самосвятов» (мирян, самочинно совершавших религиозные обряды)⁹ и, соответственно, подпольными приходами, количество которых превышало количество зарегистрированных. В Ярославской области насчитывалось 158 чел. незарегистрированного духовенства, в том числе 141 священник и один епископ, в Брянской – около 50 монахинь закрытых монастырей, в Тульской – около 50 чел., десятки человек – в Орловской¹⁰. Многочисленные случаи богослужений «простецов» отмечались и в других областях¹¹. Ситуация была столь серьезной, что специально изучалась в 1945 и

1946 годах Синодом, полагавшим единственным выходом против сектантства и «самочинных совершителей церковных служб и треб» введение института разъездных священников, о чем Синод ходатайствовал перед Советом по делам РПЦ. Однако в 1949 г. это предложение было отклонено¹².

Как видно, в вопросе о том, кто и какие обряды православного культа может совершать, иерархи РПЦ в послевоенные годы придерживались установлений дореволюционной поры. Известный знаток православного богослужебного канона С. В. Булгаков различал «по полномочию и благодати священнодействия» епископов, пресвитеров и диаконов. Первые определялись как «полновластные и независимые» совершители богослужения всех видов, вторые – зависимые от них, но могущие совершать все службы и таинства (кроме таинства священства, евхаристию – только на освященном епископом антиминос, миропомазание – посредством им же освященной мирры). Диаконы были обязаны прислуживать при богослужении епископам и пресвитерам, но не могли вести его самостоятельно. Из таинств РПЦ лишь крещение могло совершаться православными мирянами (даже женщинами), но только в отсутствие клириков вплоть до псаломщика. Богослужения заштатных священников допускались только с согласия приходского священника и разрешения епархиальных властей¹³. Таким образом, богослужения всех самосвятов, а также заштатного духовенства, не имевшего священнического сана и официальных разрешений иерархов РПЦ на их совершение¹⁴, можно считать нарушениями церковного канона. Государство учитывало это, активно используя легальную РПЦ в борьбе с запрещенной религиозностью.

С середины 1940-х до конца 1950-х гг. подпольные приходы, обслуживавшее их духовенство или «самосвяты» не ощущали централизованного прямого давления. Представляется, что власти тогда не воспринимали их как серьезную угрозу, хотя в первые послевоенные годы Совет рекомендовал уполномоченным бороться с незарегистрированным духовенством «через местные советские, административные, финансовые органы». Но местная власть

«проявляла безразличное отношение ко всяким видам религиозной деятельности, как к легальной, так и к подпольной»¹⁵. С 1958 г. сворачивание нелегальных богослужений вписывается в общий курс на «окончательное» сворачивание религиозности вообще широким набором инструментов.

Противостояние государства и верующих села Центрального Нечерноземья по поводу доступности богослужений наиболее остро проявилось в первые послевоенные годы в Рязанской области. Уже в начале 1945 г. уполномоченный Совета по Рязанской области И. С. Денисов информировал руководство Совета о многочисленных богослужениях незарегистрированных священников и «других лиц» в домах мирян, несмотря на 19 открытых церквей. В конце 1945 г. наряду с официально действовавшими 37 церквями он насчитывал около 100 «нелегальных молитвенных точек». Духовенство, действовавшее в них, неохотно шло служить в зарегистрированные церкви из-за высокого налогообложения. Значительная его часть не признавала патриарха и архиепископа Рязанского, называя их «красными», о чем было известно руководству области, требовавшему от Денисова борьбы с нелегальным клиром и запретившему открытие церквей¹⁶. В обзоре за 1950 г. Денисов информировал Совет о том, что из 952 сохранившихся церковных зданий богослужение ведется в 85, в том числе в 71 храме села. На регистрации состояло 158 священников, из которых 66 были судимы по ст. 58 УК РСФСР. Фиксируя снижение посещаемости 12 сельских храмов, он отмечал распространение нелегальных молитвенных домов, количество которых было непостоянным: в конце 1949 г. их действовало около 190 с 200 нелегальными духовниками, на 1 июня 1950 г. – 120, а к началу 1951 г. – 40–60. Большое количество нелегальных молелен объяснялось избыточным по сравнению с числом зарегистрированных церквей притоком в область духовенства из заключения или в поисках вакантного прихода¹⁷.

Сообщения Денисова оказались явно несвоевременными на фоне критики Совета со стороны ЦК ВКП(б) в 1948–1949 гг., сопровождавшей переход контроля над сферой государственно-церковных отношений от государственных

структур в отдел пропаганды и агитации ЦК, а также смещения в 1948 г. одного за другим двух первых секретарей Рязанского обкома ВКП(б) за провалы в колхозной экономике вследствие «низкого политического руководства» и игнорирования «раздувания» колхозниками личного хозяйства¹⁸. В 1951 г. проверить деятельность Денисова за пять лет его работы уполномоченным в Рязань прибыли инспекторы Совета, уделившие особое внимание сообщениям о подпольных молельнях. Отчет ревизоров был нацелен на распределение ответственности за промахи в борьбе с подпольной религиозностью между Советом по делам РПЦ и рязанским руководством. Начав с оптимистичного утверждения о спаде в области «интереса к церкви», чиновники Совета констатировали, что в значительном числе храмов это незаметно из-за «исключительной бесконтрольности» духовенства. И. С. Денисов обвинялся в содействии «росту церковных организаций и религиозного движения» и в завышении данных о количестве нелегальных молелен¹⁹. На деле эти обвинения Денисова вряд ли можно считать справедливыми: он был членом ВКП(б) с марта 1917 г., уже в 1920-е гг. выступал с антирелигиозными лекциями, весь предвоенный период находился на партийно-советской работе²⁰. В отличие от сведений Денисова, в области к 1951 г., по мнению авторов отчета, проживало около 70 заштатных священников и лишь кое-где существовали «как бы постоянные дома, где периодически собираются верующие и проводятся церковные службы»²¹. Вполне в партийном духе причинами значительного распространения незарегистрированного духовенства и «самосвятов» называлась «слабая политико-просветительная работа» и узаконение подпольных молитвенных домов фактом их налогообложения. В Рязанском обкоме ВКП(б) проверяющих заверили, что инициированное ими снятие с должности Денисова будет обсуждено на бюро обкома. Совет поддержал выводы ревизии²².

После снятия Денисова в 1952 г. в Москву пошли рапорты рязанских властей о «значительной работе» по обложению заштатного духовенства налогами, арестах «занимавшихся антисоветской деятельностью» духовников, в

результате которых около 20 заштатных клириков присоединились к официальной церкви. На сокращение числа нелегальных молелен повлияли культпросветработа и административный фактор²³. Однако предпринятые меры не устранили основных причин подпольных богослужений, одной из которых было ограничение количества легальных церквей. Чтобы понизить остроту проблемы, с начала 1950-х гг. уполномоченные перестают приводить в отчетах Совету суммированные данные по подпольным молельням. Во второй половине 1950-х гг. новый уполномоченный Совета по Рязанской области С. И. Ножкин сообщал Совету о заштатных священниках, бывших монахинях, певчих, «самосвятах», которые исполняли требы, служили литургии в крестьянских домах и часовнях²⁴.

О наличии нелегального духовенства и приходов сообщали уполномоченные других областей. В Калужской области в начале 1949 г. кроме открыто действующих 37 церквей было выявлено еще не менее 10 подпольных молелен²⁵. То же отмечалось во Владимирской, Московской, Калининской областях. В Ивановской области в середине 1949 г. было обнаружено шесть часовен, имеющих иконостасы и культовое имущество, где совершались богослужения. В Юрьевецком и Пучежском районах большая группа верующих протестовала против официальной церкви. Ее активисты заявляли, что «русская патриаршая церковь "анафемская", что священники работают на НКВД», призывая собираться на молитву у источника на границе этих районов. В Брянской области в начале 1950-х гг. насчитывалось более 30 «самосвятов» и около 300 монахов и монахинь 14 ликвидированных монастырей, часть которых работала на дому, часть нищенствовала, а большинство состояло в церковных общинах псаломщиками, служками, уборщицами, членами ревизионных комиссий, церковных двадцаток. Монахини служили панихиды на могилах партизан и советских воинов, сохраняли в своих домах «чудотворные иконы», к которым продолжалось паломничество. Такая же ситуация была в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в 27 районах Орловской области, не имевших

зарегистрированных церквей. Смоленское УКГБ в начале 1957 г. информировало руководство обкома КПСС о деятельности наряду с 54 легальными храмами «патриаршей ориентации» групп верующих, подозреваемых в связях с «истинно православной церковью». Участники этих групп не признавали РПЦ, так как она «продалась антихристу», выполняли обряды с «монахами и странниками». Противопоставлявшие себя РПЦ считали, что «священники действующих церквей служат не богу, а властям, что поэтому верующие должны молиться не у них, а у священников, бывших в заключении и ссылках»²⁶. В с. Григорово Ляховского района Владимирской области один из «самосвятов», по профессии портной, заявил священнику: «Вам, теперешним попам, здесь (т. е. в районе) делать нечего, вы – слуги антихриста, а я настоящий священник». Другие «самосвяты», напротив, шли на всевозможные ухищрения, чтобы обеспечить легальность своих богослужений. У одного из них, действовавшего в Кромском и других районах Орловской области, был изъят указ Орловского епископа о назначении его церковным псаломщиком, в котором слово «псаломщик» было переправлено на «священник». «Самосвят» из г. Злынка Брянской области смог ввести в заблуждение главу Курской епархии и был рукоположен в священники²⁷.

Местная власть зачастую не желала замечать подпольные молитвенные дома, считая их существование следствием упадка политической работы с населением. В Луховском районе Ивановской области в 1 км от с. Тимирязево на месте разрушенной каменной церкви находилась «святынька», посвященная Тихону Луховскому. Ежегодно в день кончины Тихона к ней стекалось несколько сотен паломников, настоятель местного храма служил молебны при полном неведении руководства района. В с. Облезове Сокольского района Ивановской области была обнаружена часовня, построенная бывшими монахинями на собранные среди населения средства. Каждое воскресенье там проводилось богослужение без священника в присутствии 20–30 верующих. Эта новость, подтвержденная Сокольским РИКом, поставила в тупик даже уполномоченного Совета: он попросил у Совета указаний и проинформировал УМГБ²⁸. В д. Кузьмино

Родниковского района Ивановской области в июле 1949 г. единоличник Пичугин построил без разрешения сельсовета и правления колхоза на фундаменте бывшей каменной часовни новую деревянную. Он предлагал местным жителям построить такие же часовни и в других деревнях. Часовня стояла в центре деревни, но продолжительное время никто из работников РК ВКП(б) и Родниковского РИКа не обращал на нее внимания, хотя в колхоз из района регулярно приезжали уполномоченные²⁹.

Подпольный молитвенный дом был не только порождением политики ограничения количества легально действующих церквей, но и адаптацией церковного канона под повседневные деревенские религиозные потребности, о чем свидетельствует его топография и воспроизводившиеся в нем религиозные практики. Подпольные молельни выгодно выделялись на фоне легальных церквей большей территориальной доступностью, дешевизной и широким спектром выполняемых треб. В них не только крестили детей, отпевали усопших, причащали, служили литургии³⁰, но и выполняли такие обряды, за которые зарегистрированное духовенство снимали с регистрации: служили молебны о дожде или, напротив, «бездождии», «об уничтожении червя на полях», «об урожае», освящали посевы и скот, служили панихиды на братских могилах, в «святых местах», «снимали порчу», «изгоняли бесов», «врачевали». Можно согласиться с мнением, что активность подпольного молитвенного дома в немалой степени зависела от авторитетности его лидера, готового объединить верующих и взять на себя обязанности священника, степени антирелигиозного настроения местной власти³¹.

Большинство нелегальных молелен, посещенных уполномоченными Совета в 1950-е гг., представляли собой более или менее просторные частные дома, богослужение в которых велось «самосвятами» с участием хора, часто – в сокращенной форме. Их внутреннее убранство формировалось верующими в складчину и было скудным³². Таким был молитвенный дом в с. Доброводье Севского района Брянской области, действовавший в 1944–1951 гг. после

закрытия церкви, которая располагалась при немцах в сельской школе. Ежегодно религиозная община меняла помещение «храма», перенося его в дом другого верующего. Богослужение велось трижды в неделю и в дни религиозных праздников. Евангелие «за священника» читала 25-летняя жительница села с 7-классным образованием под пение хора, состоящего из местных жительниц. Утварь «церкви» состояла из большой иконы, медного настольного креста, подсвечника и Евангелия³³. В с. Никольском Никольского района Орловской области в 1948–1957 гг. нелегальные богослужения проходили в доме бывшего псаломщика, рукоположенного в сан священника и до 1948 г. служившего в легальном приходе с. Добрынь Кромского района. В 1948 г. из-за скудости доходов он вернулся в Никольское, где стал «по просьбе верующих» совершать обряды, так как в Никольском и соседних районах действующих церквей не было. Его дом был разделен на две половины, одна из которых была оборудована «под церковь» с алтарем, самодельными подсвечниками и большим количеством икон «церковного происхождения». Богослужение, по словам «настоятеля», шло с пением хора и «по церковному уставу», собирая в воскресенья и религиозные праздники более ста человек. С 1954 г. священник уплачивал подоходный налог, но после его резкого повышения дал подписку о прекращении «религиозной деятельности»³⁴. В 1959 г., когда церковь с. Добрынь вновь оказалась без священника, церковный староста пригласил служить «самосвята», отличавшегося беспутным образом жизни, о чем знали прихожане. Наряженный в священническое облачение, он три дня выполнял требы, но верующие «остались довольны» и никуда не жаловались. Жительница с. Озерки Плавского района Тульской области поместила в доме взятые из закрытой церкви иконы и деревянную статую Богородицы, нарядив ее в бархатное платье. У статуи она читала Евангелие и устраивала коллективные моления, на которые в десятую пятницу после Пасхи «со всех сторон сходились верующих тысячами». Жительница д. Ручьи Конаковского района Калининской области хранила почитаемую икону Казанской Богоматери, также взятую из закрытой церкви, что

«дезорганизовывало» деятельность близлежащего легального храма, так как к иконе верующих ходило больше³⁵. В селе Мощеном Орловской области, напротив, богослужения явочным порядком проходили на кладбище «по церковному уставу», но без духовенства, сопровождаясь пением хора, как и в пос. Солодча Рязанской области, где верующие собирались в приспособленном здании, в Кинешемском районе Ивановской области – в землянке близ с. Введенье. Верующие сел Тимирязево Гороховецкого и Черсево Курловского района Владимирской области в конце 1950-х гг. молились без священника в снятых с регистрации храмах, а в ряде сел Московской области – около них³⁶.

Нелегальные богослужения в частных домах могли продолжаться десятилетиями. Так, ликвидировать «деятельность» монахини Евлампии и сплотившегося вокруг нее «монастыря» в с. Разрытом Мглинского района Брянской области пытались три сменявших друг друга уполномоченных Совета по Брянской области в 1947–1959 гг. В 1958 г. третий уполномоченный Совета по Брянской области С. Мелеша оценил «деятельность вокруг имени Евлампии как вредную и требующую всяческих ограничений», предложив воздействовать на часть верующих убеждением, а к другим применить административные меры. Совет по делам РПЦ высказался за помещение Евлампии в больницу или инвалидный дом и привлечение организаторов «монастыря» к ответственности³⁷. По информации Смоленского УКГБ, в 1957 г. в Вязьме действовало так называемое «монашеское подворье», состоявшее из семи бывших монахинь, к одной из которых за «предсказаниями судьбы» и «гаданиями» обращалось большое количество населения, особенно молодежи. В д. Старое Вяземского района длительное время проживала «болящая Настенька», «предсказывая» судьбу и «исцеляя» за деньги и продукты³⁸.

Центрами выполнения неканоничных или полуканоничных обрядов также являлись и местные святыни, приобретшие из-за недоступности зарегистрированной церкви функцию центра прихода, где крестили, причащали, служили литургии. Около них регулярно фиксировалась деятельность знахарей,

«пророков», «целителей» и других сельских маргиналов, не боявшихся уголовной ответственности³⁹. После того как в начале 1950-х гг. на почитаемом верующими роднике в с. Тюшевке Трубетчинского района Рязанской области перестали служить священники зарегистрированных церквей, паломничество к нему резко сократилось, но «святые исцелители» продолжали «лечить», «изгонять бесов поркой обнаженных женщин», обливая их родниковой водой. Местная власть в «лечебные процедуры» не вмешивалась. У верующих Рязанской области в середине 1950-х гг. пользовался известностью «отец Григорий», имевший большую «лечебную практику» несмотря на предупреждение прокурора. Своим «пациентам» он предлагал выпить воды с кусочком ладана или делал примочки, читая при этом молитву. Стоимость пол-литра «лечебной» воды для человека составляла 30–60 руб., для животных – 15–25 руб. В с. Уварово Ельнинского района Смоленской области «шарлатанством и антисоветчиной» занимался житель с. Мурыгино Починковского района Смоленской области, в 1952 году ходатайствовавший об открытии церкви, а с 1954 г. «врачевавший». Переехав в Ельнинский район, он объявил себя «посланником бога», «святым человеком», «вторым Петром-пророком» и начал богослужения, крещения детей, «исцеления», приобретя десятки последователей. Он ввел свои правила службы, на которой верующие должны были находиться без обуви и т. д. В начале 1960-х гг. Смоленское УКГБ провело «профилактирование» лидеров ельнинской группы «Истинно православной церкви». Бродячий проповедник группы был направлен на принудительное лечение, а в Ельне при большом стечении населения совместно с РК КПСС был организован антирелигиозный вечер с выступлением отказавшегося от сана священника РПЦ и критикой «знахарок» и «исцелителей», проживавших в райцентре и районе⁴⁰. Уполномоченный Совета по Владимирской области И. Мирский информировал Совет в середине 1955 г.: «Почти прекратились действия незарегистрированного духовенства, но все еще более или менее активно «работают» юродивые, блаженные, «праведники», «святые» в Муромском, Меленковском, Суздальском, Юрьев-Польском, Кольчугинском

<районах>. В Судогодском районе Гришина М. в с. Старо-Кубаево в часовенке устраивает моления и совершает некоторые обряды. Матвеева А. Г. того же района в сторожке когда-то сгоревшей церкви близ с. Кондорева также совершает молебны и обряды. В с. Панфилово Муромского района «знахарка» Здорова продает «святую воду» по 10 руб. четверть, «праведный старец» Зайцев из д. Горохово Меленковского района носит на теле вериги, занимается «врачеванием душ» юродивая святая Ефросинья из г. Мурома и др.»⁴¹.

Неканоничное в религиозных практиках сельского населения тесно переплеталось с каноном РПЦ и присутствовало даже в зарегистрированных храмах, что позволяет говорить об определенной «эластичности» отношения легальной РПЦ к части треб мирян, особенно если они были связаны с «чудесами» и «знамениями». До 1917 г. иерархи РПЦ не подвергали сомнению возможность чудес вообще, хотя далеко не однозначно относились к некоторым практикуемым требам, разграничивая «веру» и «суеверие», часто понимая под последним претензии мирян на созерцание чудесного или непосредственный контакт с ним⁴². Богослужебный обиход РПЦ включал храмовые и внехрамовые богослужения (требы), совершаемые «по нужде одного или нескольких лиц, во время, определяемое обстоятельствами их жизни»⁴³. В дореволюционных «Требниках» (использовавшихся и в послевоенные годы) присутствовали обряды по случаю стихийных бедствий, «изгнания бесов», «снятия порчи», против падежа скота от «чародейства» и т. д.⁴⁴, однако нередким было их запрещение или призыв к провинциальному духовенству «не устраивать вновь, кроме обычных» и «отправлять с осмотрительностью» и особого разрешения архиерея в зависимости от оценки ситуации на месте «происшествия»⁴⁵.

Выявленные случаи реакции епархиального руководства на исполнение легальным духовенством обрядов, тесно связанных с «народным православием» и подвергавшихся из-за этого серьезной редукции, с одной стороны, позволяют согласиться с мнением А. Л. Беглова о стремлении епископата РПЦ принять подпольные приходы в лоно РПЦ, так как в них происходил «упадок

традиционной церковной культуры», «трансформация богослужебных обычаев церковного подполья во внецерковные практики» по схемам народного православия, ведущим к сектантству⁴⁶. С другой, выступая категорически против нарушения богослужебного канона, епископат объективно смыкался с курсом Совета по делам РПЦ на ограничение «пограничных» с «народным православием» зон каноничной религиозности. В одной из таких зон, как видно, продолжали жить вера в «бесовские силы» и способы избавления от них посредством «отчитки» священником или колдуном⁴⁷. Несмотря на то, что Синод указом от 13 мая 1773 г. запретил духовенству «отчитывать» «кликуш» (людей с «порчей», как считалось в народе), которых, по мнению синодальных чиновников, следовало рассматривать как обманщиц, не желавших работать, кликушество являлось массовым явлением вплоть до начала XX в.⁴⁸ В дореволюционные годы психиатры насчитывали на селе десятки тысяч кликуш, а само кликушество определяли как «обыденное явление народной жизни»: проявление «сомнамбулизма» вследствие поддерживаемой монастырями веры в «порчу» и «одержимость бесами» на фоне тяжелых условий жизни простого народа⁴⁹. Кликушество часто встречалось и в послевоенные годы, что отразилось на требах сельского духовенства. В июне 1955 г. в с. Срезневе Шелуховского района Рязанской области настоятель зарегистрированной церкви провел богослужение с крестным ходом в честь чтимой иконы Божьей Матери. Икона была поставлена в храме на табуретки, и верующие по очереди пролезали под ней для «исцеления от болезней». Священник в это время «отчитывал» «бесноватых» и «порченных». Рязанский епископ предупредил настоятеля не организовывать «чудес». В с. Фирюлевка Михайловского района Рязанской области, ее наиболее активном сельском приходе, настоятель церкви в 1956 г. «изгонял бесов», объявил себя «ясновидцем», за что был уволен епископом за штат. Новых священников, считавших, что «изгонять бесов – это не дело священника», верующие выгоняли, требуя возвращения «своего» иерея⁵⁰. Ряд настоятелей церквей Тульской епархии за «отчитки» переводились в другие приходы или удалялись из епархии⁵¹.

Аналогично и уполномоченные Совета, узнававшие об «отчитках» священниками «бесноватых», снимали такое духовенство с регистрации⁵².

Переплетение элементов «народного православия» с каноничным церковным обиходом раздражало не только епископов, стремящихся не провоцировать власти на «устранение нарушений законодательства о культах», но и зарегистрированных священников. В «самосвятах» они видели конкурентов, а в пользовавшихся их услугами мирянах – суеверных людей. Священник церкви с. Уварово Ельнинского района Смоленской области в беседе с уполномоченным Совета в 1958 г. высказывал убежденность в отсутствии в народе религиозности, вместо которой осталось «одно суеверие» и «исполнение обрядов». Верующие часто обращались к нему с просьбами, «ничего общего не имеющими с религией». В частности, один прихожанин, явившись ночью в дом настоятеля, просил открыть царские врата церкви, так как его жена «плохо рождает». Другая прихожанка просила помощь ее больному ребенку. Священник посоветовал обратиться к врачу, но она отказалась, заявив: «Вы прочитайте какую-либо молитву и проденьте ребенка через ворот ризы, а как это сделать, я научу Вас». Настоятель церкви с. Новое Юрьев-Польского района Владимирской области жаловался председателю горисполкома на бывших монахинь, которые организовывали коллективные богослужения, мотивируя свою просьбу тем, что они нарушают «каноны церкви»⁵³.

В конце 1950-х гг. архиереи, следуя решениям Синода и патриарха, принятым под давлением государства, запрещали зарегистрированному духовенству выполнение и вполне каноничных обрядов, вытесненных за грань легальности. Так, в 1959 г. архиепископ Тульский и Белевский обязал священников не провожать усопших из церкви до кладбища и заканчивать обряд с выносом покойного из дома или церкви. «Вне канона» оказались и освящение водных источников и воды под открытым небом, общественные молебны в домах верующих, крестные ходы вокруг храмов (за исключением кануна и самого дня Пасхи). Съезд благочинных и представителей церковных советов Рязанской

епархии «принял» предложения архиепископа Рязанского, запрещавшие подворные обходы в праздники, богослужения на дому у верующих, за исключением причастия больных, соборования и похорон, произнесение проповедей священниками без духовного образования и др. Уполномоченным Совета по Калужской области были установлены «деловые отношения» с возглавившим в апреле 1960 г. калужскую кафедру архиепископом Леонидом, выражавшиеся в том, что Леонид советовался с ним «по важным вопросам», наказывал и увольнял за штат священников, нарушавших законодательство о культах, не проявлял «активной деятельности по наведению порядка в церквях»⁵⁴.

В начале 1960-х гг., выполняя серию антирелигиозных постановлений, которыми было оформлено наступление на религию и церковь последних лет эпохи Н. С. Хрущева, власти вновь провели учет незарегистрированных религиозных групп. Выяснилось, что на 1 января 1962 г. в РСФСР, кроме состоящих на регистрации 2 305 церквей и молитвенных домов, действовало 684 (29,63%) нелегальных, в том числе в Брянской области – 5, Калининской – 13, Калужской – 3, Орловской – 5, Рязанской – 1⁵⁵. Относительно малое количество подпольных молелен по сравнению с серединой 1940-х гг., когда Совет еще не испытывал прессинга партийных структур, заинтересованных в нивелировании пестрой картины религиозности, и ориентировал уполномоченных на тщательный их учет, объясняется как объективными причинами – обострением общего кризиса традиционной духовной культуры села Центрального Нечерноземья вследствие упадка общинного начала, ухода старшего поколения деревенских жителей, помнивших «малую» духовную традицию и пытавшихся ей следовать, нарастанием эффекта миграции в города, а также прогресса официальной культуры, так и усилением борьбы государства с любыми проявлениями религиозности, занижением ее масштабов по идеологическим соображениям.

Разделив религиозность деревни на легальную и нелегальную, государство обострило существовавшее еще в дореволюционные времена стремление сельских жителей Центрального Нечерноземья к богослужению,

адаптированному под будничные потребности. Подпольные молитвенные дома послевоенных лет значительно расширяли возможности для этого. В тех случаях, когда треба верующего выходила за грань допустимого государством и официальной церковью для зарегистрированного духовенства, они становились единственным местом ее совершения. Это касалось обрядов на грани канона РПЦ и «народного православия», связанных с почитанием деревенских святынь, верой в «порчу» и способы избавления от нее и т. д. Доступность подпольного молитвенного дома, возможность совершить в нем запрещенный и / или неканоничный обряд определяли его популярность и «законность» для многих верующих наравне с легальными храмами. Власть же вела с подпольными молельнями, заштатным духовенством и «самосвятами» борьбу. Ее особенностью было отсутствие в течение продолжительного времени централизованных мер прямого принуждения. Фактически восстановив ситуацию синодального периода, когда официальная РПЦ враждебно относилась к «народному православию» как средоточию неканоничных религиозных практик ⁵⁶, государство уничтожало сложнодосягаемый для него пласт религиозности деревни руками легальной РПЦ, сначала медленно, а с 1958 г. все быстрее нивелируя многообразие ее духовной культуры.

6.2. Метаморфозы почитания региональных и местных святынь

Почитание святынь (водных источников, деревьев и других ландшафтных объектов, а также чудотворных икон, мощей, могил праведников и т. п.) было широко распространено в российской деревне в XIX в. и ранее ⁵⁷. В литературе высказываются разные мнения о функциях святынь в религиозной культуре. Согласно одному из них, местные святыни воспринимались как символы малой родины, аккумулирующие коллективную историческую память и формирующие локальную идентичность ⁵⁸. Этот аспект позволяет приблизиться к пониманию обстоятельств и динамики трансформации почитания святынь в религиозности деревни Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг.

Продолжительное время власти не принимали решения о прямом запрете внехрамовых богослужений, который поставил бы вне закона значительную часть культа региональных и местных святынь. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1929 г. допускало их, но только по особому и каждый раз вновь получаемому разрешению местной власти за две недели до церемонии⁵⁹. Однако в конце 1920-х гг. выдача таких разрешений была прекращена, введен запрет на вынос священных предметов из храма⁶⁰. «Возбуждение суеверия в массах» обманом и в корыстных целях преследовалось по ст. 123 УК РСФСР 1926 г. В военные годы при отсутствии формального запрета практика внехрамовых богослужений под открытым небом оживилась. Власти в большинстве случаев предпочитали не замечать их, хотя в феврале 1944 г. Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным инструкцию, в том числе предписывавшую не допускать крестных ходов (за исключением тех, что являлись частью богослужения), молений в поле и в «почитаемых верующими местах», освящений общественного скота, панихид на братских могилах, литургий вне храмов⁶¹. 27 сентября 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды», требовавшее преодолевать «суеверия и предрассудки» увеличением количества и повышением качества лекций, материалистически объясняющих явления природы, причины болезней и т. д.⁶², косвенно касавшееся и культа местных святынь. Но оно не привело к кампании против их почитания, будучи адресованным, в первую очередь, учреждениям культуры, чья деятельность пришла в упадок за годы войны⁶³.

Ужесточение политики в отношении почитания святынь произошло в результате общего охлаждения государственно-церковных отношений в 1948–1949 гг. 27 июня 1948 г. Совет запретил крестные ходы и молебны на полях вовсе и «рекомендовал» сделать это Синоду, 28 августа 1948 г. указавшему епархиям на их недопустимость⁶⁴. Единственным разрешенным богослужением вне храма остался крестный ход на Пасху. В 1949 г. вне закона оказывается традиционный крестный ход «на иордань» в день крещения (воду следовало освящать в

церковной ограде)⁶⁵. Несколько лет после запрета крестных ходов и молебнов на полях не осведомленные о нем местные власти массово выдавали зарегистрированным священникам разрешения на их проведение, а потом верующие стали прибегать к услугам самосвятов, служили молебен самостоятельно или в церкви без выхода в поле⁶⁶.

После актуализации запрета внехрамовых богослужений в 1949 г. разделы отчетов уполномоченных Совета пополнились «свидетельствами нарушения советского законодательства о культах», к которым было отнесено и около 60 случаев паломничества к святым местам (почти все – на территории РСФСР)⁶⁷. 29 апреля 1953 г. в ЦК КПСС поступила докладная записка с предложением разработать план ликвидации «святых источников» с традицией массового паломничества, однако ЦК рекомендовал региональным парторганизациям ограничиться собственными мерами⁶⁸. Об оживлении паломничества к святым местам как о «религиозных предрассудках и суевериях» шла речь в постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Хотя оно не требовало ликвидации паломничеств административным путем, на местах его поняли именно в этом смысле, что вылилось в многочисленные «перегибы» и потребовало одергивания «местных организаций» за администрирование⁶⁹. Государство пока воздерживалось от репрессий за коллективное почитание святынь⁷⁰. Общесоюзная кампания по ликвидации паломничества к святым местам была открыта постановлением Президиума ЦК КПСС от 28 ноября 1958 г.⁷¹, став частью политики по «окончательному» сворачиванию религиозности в преддверии «вхождения в коммунизм». К этому времени сеть почитавшихся сакралий была уже серьезно подорвана.

Традиционно объектами почитания верующих сельской местности были святыни в храмах, монастырях, домах мирян, ландшафтные объекты (преимущественно водные источники). Многократно ниже дореволюционной была численность зарегистрированных в 1943–1947 гг. церквей, вобравших часть

уцелевших почитаемых икон и других реликвий. Еще более заметный ущерб понесли часовни. В начале XX в. в центральных губерниях европейской России наряду с 10 243 приходскими церквями существовало 4 704 часовни⁷². К 1953 г. в Калининской области еще сохранялись сотни из них, пустовавшие или использовавшиеся под хозяйственные нужды, а в 1955 г. было выявлено 34 «пункта», в которых верующие несколько раз в год собирались для молитвы без духовенства⁷³. Богослужения в редких уцелевших часовнях или там, где они когда-то были, время от времени фиксировались и в других областях⁷⁴. Еще в 1920-е гг. в стране были закрыты сотни монастырей⁷⁵ – средоточия почитаемых реликвий и центры паломничества. Если в 1907 г. только в десяти центральных епархиях РПЦ их насчитывалось 248, то к 1938 г. в РСФСР не осталось ни одного, а в октябре 1945 г. действовало два (в Курской и Псковской областях)⁷⁶. В 1946 г. вновь состоялась литургия в Троице-Сергиевой лавре⁷⁷. Малым было и количество доступных для почитания мощей святых, культ которых жил, несмотря на его запрет в 1919–1920 гг.⁷⁸ К 1946 г. в краеведческих музеях, Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, а также Киево-Печерской лавре находилось 245 мощей, национализированных и изъятых государством. Несмотря на резко отрицательное отношение председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова к передаче даже их части РПЦ, государство пошло на возвращение более десяти из них, особо чтимых. «В порядке исключения» в Троице-Сергиеву лавру были переданы мощи Сергия Радонежского, мощи митрополита Московского Алексия из Успенского собора Московского Кремля были перенесены в патриарший Богоявленский собор, а мощи Анны Кашинской из музея г. Калинина – в Воскресенскую церковь. Кроме того, в Богоявленской церкви г. Орла с 1941 г. находились мощи Тихона Задонского, перенесенные туда из краеведческого музея ее настоятелем во время немецкой оккупации, где они хранились с 1919 г. Однако в 1960 г. мощи были вновь отправлены в музей. В церкви г. Осташкова Калининской области находились мощи Нила Столбенского⁷⁹.

Крайняя фрагментарность была характерна и для сети ландшафтных сакральных объектов, большей частью представленных водными источниками. Так, современные этнографы выявили свидетельства почитания верующими Рязанской области 101 источника и 8 озер, большинство - еще с дореволюционного времени, а в 1953 г. уполномоченный Совета обнаружил их около 10⁸⁰. В аналогичном состоянии находилось коллективное почитание икон общерусского значения и местночтимых. До революции у РПЦ не было твердых правил, по которым икона могла быть официально признана чудотворной. Духовенство и миряне часто использовали это определение к иконам, не признанным таковыми. Существовало мнение, что почитаемые иконы имелись в каждом приходе и деревне⁸¹. Несмотря на то, что более правильно говорить не о сохранении верующими конкретной деревни «того самого» «явленного» образа, а скорее памяти о нем, выражавшей стремление иметь «свою» патрональную покровительницу и религиозный праздник, следует признать, что советская эпоха пробила в этой памяти значительные бреши. Если в конце XIX в. 298 из 802 церквей Рязанской епархии были связаны с именем Николая Чудотворца и почти все его резные иконы считались в народе чудотворными, то в 1947 г. в области зарегистрированных церквей было всего 85⁸². Таким образом, в послевоенные годы сеть сакралей была несопоставима по плотности с дореволюционным периодом. Ее в значительной мере уничтожили катастрофические для села события первой половины XX в., политика насильственного сворачивания религиозности и разрушения властью структур РПЦ.

Распад сети сакралей, как и былой приходской сети и традиционной системы расселения, таким образом, неизбежно ударял и по традиции тесно связанного с культом святынь сельского праздника, которая в значительной степени была вытеснена властью за черту легальности. Располагаясь зачастую в пограничных, «серых» зонах каноничности, составлявшие эту «малую» традицию религиозные практики в первую очередь теряли легитимность вследствие давления власти. С устранением литургической части престольного праздника,

состоявшей из богослужения в храме, крестного хода по деревне, молебна и праздничного колокольного звона, стиралась коллективная память о сельском святилище. Постепенное забвение престольного праздника после закрытия церкви подтверждается и воспоминаниями современников⁸³. Деревне оставалась его мирская составляющая: праздничное застолье, гулянье и обычай «гостевания» (чествование в гостях родственников и ответные визиты)⁸⁴. Органическая связь между литургической и мирской частями праздника утрачивалась, в результате чего для большинства его участников он, прежде всего, означал повод для отдыха и развлечений. Это обстоятельство подчеркивали многие уполномоченные Совета в отчетах по итогам командировок в сельские районы⁸⁵. Запрещая богослужения за пределами храма, закрывая многие из них и прерывая тем самым их основу – коллективную память о священном месте, власть вновь отводила церкви и духовенству уже известную по синодальному периоду роль в преодолении ряда феноменов народной религиозности. В этих условиях епархиальные власти требовали от клира избегать пограничных зон каноничности, в том числе участия в сельских религиозных праздниках за пределами храма под предлогом несоответствия этой традиции богослужебному канону⁸⁶.

В результате для большинства верующих оказалось почти невозможным дальнейшее паломничество, весьма распространенное в дореволюционные годы, – из-за почти полной ликвидации объектов почитания и их значительного отдаления. Основной формой почитания стало поклонение уцелевшим региональным и местным сакралиям, для борьбы с которым государство использовало традиционно враждебное отношение иерархов РПЦ к тем из них, что не вписывались в церковный обиход. Так, еще со времен петровской церковной реформы РПЦ считала суеверием поклонение любым местным святыням (в том числе чудотворным иконам в крестьянских домах), сами они изымались или изолировались, подозреваемые в распространении слухов о «чудесах» подлежали уголовному преследованию⁸⁷.

Однако суммирование данных о региональных и местных святынях интересующего периода дает основание утверждать, что, несмотря на значительное сокращение количества сакралий, традиция их почитания в деревне Центрального Нечерноземья продолжала жить, хотя и была значительно деформирована по сравнению с дореволюционной эпохой. В этом убеждают различия в статусе святынь, которые можно разделить на «новообретенные» (культ «обновившихся» икон, «новообретенных» святых источников, вера в «чудесные явления» и т. п.), зачастую не связанные с местными и общецерковными праздниками и святыми, и сакралии, имевшие длительную традицию почитания (святые источники, чтимые иконы и мощи).

Святыни первого типа свидетельствовали о сохранении в сознании верующих села Центрального Нечерноземья послевоенных лет способности к моделированию сакрального и демонстрации силы веры в условиях роста числа неверующих и атеистической политики государства. Ярким проявлением этого можно считать так называемые обновившиеся иконы, то есть те, на которых произошло освежение красок изображения. До революции обновления в народе воспринимались как предзнаменования бед или радостей⁸⁸. Подобным же образом религиозное сознание верующих села реагировало на это и в послевоенные годы. 3 мая 1949 г. в доме колхозницы д. Черкасы Касплянского района Смоленской области «обновились» икона, что, по словам уполномоченного Совета, проявилось в «освежении красок изображения». Икону осмотрели сельские коммунисты, разрешив пригласить священника местной церкви, который отслужил в доме молебен. На следующий день хозяйка дома и около 30 колхозников с пением молитв перенесли икону в церковь. После молебна по случаю обновления священник обратился к верующим со словами, что в его жизни это второй подобный случай: первый произошел в 1917 г. и якобы предвосхитил падение самодержавия, а нынешний также предвещает «великие события». В церкви началась продажа «святой воды» от «чудодейственной» иконы. После этого в Касплянском и соседних Понизовском и Демидовском

районах обновилось около 150 икон и к ним началось массовое паломничество. В ходе расследования обновлений некоторые крестьяне сознавались, что устроили «обновления» сами, почистив иконы луком или помыв. Смоленский обком ВКП(б) направил в населенные пункты, где отмечалось обновление, бригады лекторов-антирелигиозников, а Совет по делам РПЦ обратился к Генеральному прокурору СССР с вопросом о привлечении к уголовной ответственности инициаторов «обновлений» и получил рекомендацию «организовать 2–3 процесса в местах, где это наиболее распространено». Привлекать к ответственности предлагалось за организацию «обновления» с целью наживы и возбуждения суеверия⁸⁹. В феврале 1950 г. Смоленский облисполком сообщил Совету по делам РПЦ, что «по вопросу обновления икон» привлечено к ответственности четыре человека, в том числе два участвовавших в этом священника⁹⁰. Однако сбить вал «обновлений» не удалось. В 1950 г. они повторились в Стодолищенском районе, где священник церкви с. Терешок, согласно путаным пояснениям уполномоченного Совета, «организовал в храме «обновление» трех икон, сочетавшееся с «сошествием золотого луча с неба через окно, посредством которого частичноновились указанные иконы». Настоятель заявил прихожанам: «Вот если будем верить и искренне просить Господа Бога, то это обновление будет полным и повсеместным». За месяц в районе «обновилось» около 20 икон. На этот раз власти действовали оперативно: священник был снят с регистрации, «обновившиеся» иконы сданы на склад Смоленского кафедрального собора. Перед верующими выступил благочинный округа с разъяснением ложности «обновления», Смоленский обком ВКП(б) вновь командировал группу пропагандистов⁹¹.

Аналогично начиналось поклонение ландшафтными объектам, особенно водным источникам. С одной стороны, оно воспроизводило обычные для народного православия практики, а с другой, испытывало деформации вследствие несоблюдения «нормальных» условий почитания. Традиционно в их культе важную роль играла вода, считавшаяся носителем божественной благодати⁹².

Частое отсутствие поблизости действующей церкви и чудотворной иконы, посредством которой обычно устанавливался контакт с сакральным, восполнялось купанием в источнике, питьем воды и забиранием ее с собой как частицы святого⁹³. Так, в овраге у с. Большие Хомяки Трубетчинского района Рязанской области в середине 1952 г. вследствие смещения почвы образовался пруд. Это привлекло внимание верующих. Кто-то бросил в него икону, многие брали воду как «средство от всех болезней». К пруду потянулись тысячи паломников. Они купались в нем, стирали одежду, пили воду и уносили ее с собой, считая целебной. Один из паломников объявил себя «святым» и несколько дней «исцелял» больных, давая выпивать по несколько литров прудовой воды. Руководство района распорядилось спустить пруд и выслало «шарлатана», после чего паломничество уменьшилось до 5–10 человек в день, которые приходили «из дальних сел» и брали оставшуюся воду и глину. 18 июня 1951 г. в д. Чижовские Выселки Скопинского района Рязанской области на приусадебном участке колхозницы пробился родник. Несколько верующих разнесли слух, что в нем «появилась сама Божья Мать и Иоанн Креститель», призывая население окрестных сел посетить «святой источник». Уполномоченный Совета сообщил об этом следственным органам и рекомендовал духовенству ближайших церквей «осудить это явление»⁹⁴. В 1954 г. слух о появлении «святого колодца» в окрестностях г. Щекино Тульской области также вызвал массовое паломничество. Паломники верили, что «вода из него святая и излечивает от всех болезней, как наружных, так и внутренних. Если к этому колодцу сходить 12 раз попить воды и напоить ею другого человека, в частности, мужчину, то его можно приворотить к женщине и он никогда от нее не уйдет, а если ушел муж от жены, то вернется и будет крепко любить». В июле 1953 г. в с. Замартынье Трубетчинского района Рязанской области несколько монашек и юродивый распространили слух о «чуде». По их рассказам, Христос, изображенный на стене недействующей церкви этого села, «ожил, а его рука переместилась на другое место и начала пухнуть». «Чудо» привлекало в село ежедневно до 600 паломников. Паломничество пошло

на спад после того, как по распоряжению местной власти изображение на стене храма было уничтожено. В с. Лебязьем Добровского района слух о том, что ребенок стрелой из детского лука пробил изображение святого на стене церковного здания и из «раны» начала струиться кровь, вызвал паломничество к закрытой церкви⁹⁵. В Солотчинском районе Рязанской области в окрестностях д. Полково находилось «святое» дерево, «к которому собираются верующие, молятся и, чтобы исцелиться от болезни, вешают на это дерево свою одежду». В Брянской области у поселка Городище «хулиганы и жулики» устроили «святое корыто», где «исцеляли» людей и животных, «изгоняли бесов и нечистого духа». В Орловской области почиталась так называемая «Ливенская пещера», паломничество к которой за «целебным песком» не прекращалось даже после ограничения доступа к ней⁹⁶. Таким образом, материалы о «новообретенных» святынях свидетельствуют об утилитарных мотивах паломничества к ним (чаще всего – стремлении излечиться от заболеваний, узнать судьбу⁹⁷, принять участие в богослужении под открытым небом, совершить требу, недоступную из-за отдаленности легального храма), значительном количестве паломников, редуцированном характере богослужений, проводимых заштатными или самозванными священниками.

Сходные деформации традиционных религиозных практик и мотивы их совершения просматриваются в почитании региональных и местных святынь с дореволюционной традицией. В Калужской области пользовался известностью как целебный источник св. Тихона близ бывшего монастыря Успения Пресвятой Богородицы – Калужской Свято-Тихоновой Пустыни. Накануне и в день св. Тихона его посещали около 10 тыс. паломников. Однако летом 1953 г. власти выставили милицейские заслоны и оградил источник забором. Поток паломников сократился до 2 тыс. чел., но не иссяк. Они купались в ручье ниже ограды, «в небольших группках верующим читали монашки церковные стихи». В 1954 г. число паломников составило около 3 тыс. чел., в 1955 г. – 1,5 тыс., в 1958 г. – около 4 тыс. чел. Забор был «разобран неизвестными», верующие вновь молились

у источника, а в ночь на 28 июня у него отслужил молебен священник местной зарегистрированной церкви⁹⁸. В то же время анализ отчетов и информации уполномоченного Совета по Калужской области в Совет и областному руководству не выявил сколько-нибудь привлекавшего его внимание паломничества к закрытой в феврале 1918 г. Свято-Введенской Козельской Оптиной Пустыни, имевшей до революции всероссийскую известность. Причинами этого, как представляется, могли быть расположение в 1949–1959 гг. на ее территории детского дома, в 1959–1988 гг. – училища по подготовке механизаторов⁹⁹, а также наличие в Козельском районе двух зарегистрированных церквей¹⁰⁰. В Тульской области с дореволюционных времен почитался родник близ с. Туртень Октябрьского района. 21 июня 1951 г. возле него собралось около 6 тыс. паломников из Тульской, Орловской и Рязанской областей¹⁰¹. В Рязанской области святые источники имелись в 10 из 55 административных районов. Паломничество к ним составляло от 500 до 7 тыс. человек. В 1945–1951 гг. в с. Тюшевку Трубетчинского района к почитаемому роднику, когда богослужение велось священниками двух ближайших церквей, стекалось до 2–3 тысяч верующих из Рязанской, Тамбовской и Воронежской областей. В Орловской области местами массового паломничества были 14 родников и колодцев в семи районах¹⁰².

В дореволюционные годы широкое распространение имел обычай посещения иконами населенных пунктов (своеобразное «паломничество наоборот») в форме крестного хода¹⁰³. В послевоенные годы верующие вынуждены были сами совершать паломничества в действующий храм или в частный дом, где она хранилась¹⁰⁴. Эта традиция жила в г. Тутаеве Ярославской области, куда на праздник иконы Спаса «поклониться» ей в городской собор приезжало несколько тысяч паломников из ряда областей РСФСР. В Рязанской области крестьянки с. Радовицы Зарайского района ездили в церковь с. Туголес Шатурского района Московской области молиться «своему Николе», икона которого ранее хранилась в Николо-Радовицком монастыре Егорьевского уезда¹⁰⁵.

В 1958–1959 гг. власти начинают «окончательную» ликвидацию святых мест. В литературе отмечается, что эта кампания была единственной акцией хрущевского руководства в отношении религии, не вызвавшей однозначно отрицательной реакции у иерархов РПЦ, поскольку святые места воспринимались ими как угроза религиозной культуре ¹⁰⁶. После принятия известного постановления Президиума ЦК КПСС 28 ноября 1958 г. патриархия направила в епархии письмо с призывом разъяснить верующим недопустимость паломничества к святым местам ¹⁰⁷. На основании этого архиепископ Тульский и Белевский запретил духовенству освящение воды по просьбам верующих под открытым небом, на источниках и в колодцах. То же потребовали от благочинных и настоятелей главы Орловско-Брянской, Калининской и Кашинской епархий ¹⁰⁸.

Приходское духовенство нередко саботировало подобные указания, так как они шли вразрез с религиозностью большинства прихожан: паломничество к водному источнику часто было связано с почитанием сакралии, хранящейся в зарегистрированной церкви ¹⁰⁹. Широкое наступление на известные власти святые места сочетало разрушение или затруднение доступа к ним верующих с организацией хозяйственного использования, усилением атеистической пропаганды и оживлением деятельности институтов культуры. В Орловской области партийным и советским органам удалось значительно сократить паломничество к святым источникам, а к некоторым из них прекратить его полностью ¹¹⁰. В Брянской области местами паломничества верующих были три святых источника, вокруг которых власти развили активную деятельность по их ликвидации, мобилизовав лекторов-антирелигиозников и местных активистов. В Калининской области в начале 1959 г. было выявлено четыре почитаемых источника и часовни, пять почитаемых икон в частных домах, действовавших и закрытых церквях. Но, так как к водным источникам и часовням раз в год собирались 10–15 престарелых жителей окрестных сел и это не влияло на работы в колхозах, районные партийные руководители считали «неудобным выступать против немногочленных старух». В Ярославской области было выявлено семь

почитаемых водных источников, которые, по данным уполномоченных Совета, были «безболезненно ликвидированы» в 1959 г. В Калужской области святые места ликвидировали в 1960 г.¹¹¹

Таким образом, культ региональных и местных святынь в послевоенной деревне Центрального Нечерноземья поддерживался потребностью верующих в доступном (как в географическом и материальном отношениях, так и с точки зрения духовного опыта) сакральном месте/времени, продлевал память о локальной духовной идентичности. Однако изменения в жизни села в послевоенные годы (сокращение сельского населения, его миграция в города, слом традиционной сети расселения, лежавшей в основе бывшей приходской сети), а также борьба государства с религиозностью и РПЦ предопределили трансформацию культа святынь. Установление границы легальности вытеснило большинство из них в подполье и «оповседневнило» почитание. Там, где фрагменты дореволюционной сети святынь сохранялись, они часто приобретали функции близкого и доступного храма, в большинстве случаев отсутствовавшего, став местом не только праздничной молитвы, но и совершения треб, компенсировавшим узость легальной обрядности. В начале исследуемого периода религиозное сознание деревни демонстрировало способность не только поддерживать сохранившиеся культы, но и генерировать новые, что воспринималось властью как вызов достижениям атеистической политики. В борьбе с ними использовалось традиционно неоднозначное отношение иерархов РПЦ и части духовенства зарегистрированных приходов к почитанию местных святынь, видевших в них угрозу каноническому церковному обиходу и легальному приходу. Важность этой борьбы, оформленной как «устранение нарушений законодательства о культах», определялась задачами «окончательного» сворачивания традиционной духовной культуры деревни. Форсированное устранение фрагментов бывшей сети сакралий совпало с радикальным сокращением числа зарегистрированных храмов в конце 1950-х –

начале 1960-х гг. и вело к размыванию «малой» духовной традиции деревни Центрального Нечерноземья.

Примечания к главе 6

¹ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 12, 14, 233–234.

² Панченко А. А. Указ. соч. С. 17–37.

³ Есть примеры, когда в регионах с отсутствовавшими православными храмами колхозники-православные молились в действовавших кирхах и костелах. См.: Костяшов Ю. В. Указ. соч. С. 236.

⁴ Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 103, 172–212, 221.

⁵ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 227, 256–260. Шевцова В. Ф. Указ. соч. С. 333.

⁶ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 119–122.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 94–95.

⁸ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 253.

⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 45. Л. 38, 39. Д. 172. Л. 25–26. Д. 204. Л. 71. Д. 485. Л. 34. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 12. Д. 42. Л. 88. Д. 88. Л. 33 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 144. Д. 48. Л. 202. Д. 197. Л. 15. Д. 650. Л. 51, 52. Д. 1266. Л. 7. РГАСПИ. Ф. Ф. 17. Оп. 132. Д. 252. Л. 249, 250.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 44. Л. 32 об. Д. 45. Л. 39. Д. 48. Л. 1 об., 188–189. Д. 50. Л. 176, 209 об. Д. 342. Л. 10, 41.

¹² Чумаченко Т. А. Государство, Православная церковь и верующие. С. 81. Беглов А. Л. Указ. соч. С. 174–175.

¹³ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Репринтное воспроизведение издания 1913 г. М., 1993. С. 736–748, 973–976.

¹⁴ А. Л. Беглов отмечает массовую практику выдачи патриархией и епархиальными архиереями в 1944–1945 гг. указов не имевшим официальной регистрации, но

желающим получить приход священникам, дававших право совершать богослужения в домах верующих, чтобы эти священники инициировали ходатайства об открытии церквей. См.: *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 195–197.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 342. Л. 42. Д. 627. Л. 9. Д. 650. Л. 30.

¹⁶ Там же. Д. 34. Л. 81. Д. 48. Л. 153–154. Д. 346. Л. 168.

¹⁷ Там же. Д. 504. Л. 141. Д. 781. Л. 9, 10.

¹⁸ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 170–172, 178, 179, 180–183.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 20. Д. 497. Л. 38, 200, 203–204. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 41, 43, 49.

²⁰ *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 56.

²¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 47, 48. Наличие в Рязанской области послевоенных лет большого количества подпольных молелен, заштатного духовенства и «самосвятов» подтверждается материалами этнографических экспедиций. См.: Русские Рязанского края. Т. 2. С. 237–241, 254–256, 260–263.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 205, 209. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 53.

²³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 9–10.

²⁴ Там же. Д. 1260. Л. 28. Д. 1367. Л. 8, 22. Д. 1778. Л. 11.

²⁵ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 32.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 50. Л. 297–298. Д. 482. Л. 15, 51. Д. 485. Л. 4. Д. 500. Л. 32. Д. 765. Л. 50. Д. 777. Л. 25, 42. Д. 784. Л. 51. Д. 907. Л. 49. Д. 1239. Л. 99, 100. Д. 1361. Л. 44. Д. 1555. Л. 8–9. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 221, 223, 224.

²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 149. Д. 1130. Л. 11. Д. 1256. Л. 19.

²⁸ Там же. Д. 482. Л. 23, 24.

²⁹ Там же. Л. 91–92.

³⁰ Видимо, в каких-то случаях уполномоченные Совета принимали за литургию «самосвятов» чтение ими акафистов – гимнографических произведений в честь Христа, Богородицы и святых, при исполнении мирянами являющихся частной домашней молитвой, не равнозначной церковному богослужению. См.: Практическое руководство при совершении приходских треб. Сост. свящ. Н.

Сильченков. Изд. 5-е, испр., печат. по изд. 1888 г. СПб., 1994. С. 103 [Электронный документ]. Сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: <http://tyrikon.ru/books/treby.pdf> (дата обращения – 15.06.2015).

³¹ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 241.

³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1023. Д. 1157. Л. 25. Д. 1367. Л. 8, 22, 23. Д. 1478. Л. 16. Д. 1581. Л. 6, 7.

³³ Там же. Д. 759. Л. 41.

³⁴ Там же. Д. 1023. Д. 1471. Л. 18-19. Д. 1675. Л. 16-17.

³⁵ Там же. Д. 1351. Л. 15. Д. 1481. Л. 13. Д. 1773. Л. 3.

³⁶ Там же. Д. 1256. Л. 19. Д. 1367. Л. 8. Д. 1469. Л. 59–60. Д. 1555. Л. 6. Д. 1558. Л. 37.

³⁷ Там же. Д. 172. Л. 26. Д. 1023. Л. 85. Д. 1346. Л. 42. Д. 1554. Л. 1–2, 3, 5, 6.

³⁸ ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 307, 308.

³⁹ Ст. 180 УК РСФСР 1926 г. См.: УК РСФСР 1926 г. // [Электронный документ]. Сайт Wikisource - «Свободная библиотека». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.06.2015). Ст. 221 УК РСФСР 1960 г. См.: УК РСФСР от 27 октября 1960 г. Первая редакция (без изменений и дополнений) // [Электронный документ]. Сайт «Левоневский Валерий Станиславович». URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index03.htm> (дата обращения: 12.06.2015). Примечательно, что еще в XVIII в. был введен действовавший и в конце XIX в. закон об уголовном преследовании за распространение слухов о мнимых чудесах. См.: *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 291.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 911. Л. 33. Д. 1260. Л. 29. Д. 1263. Л. 11. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1077. Л. 158–160.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1240. Л. 53.

⁴² *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 330, 332.

⁴³ *Никольский К., прот.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. Репр. воспр. 7-го изд. 1907 г. М., 2008. С. 122.

⁴⁴ Требник митрополита Петра Могилы. Репр. изд. 1646 г. В 3 ч. Ч. 3. Часть третья требника, различные воследования, молебны и молитвы в различные потребности и нужды, по времени и по потребе употребляемые в себе содержащая. - Киев, 1996. С. 308–403. Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Репр. 17-го изд. 1908 г. М., 1999. С. 272, 275. В дореволюционных изданиях есть и указания на официальное запрещение использования Требника Петра Могилы, что впрочем, не останавливало духовенство от «отчиток» «бесноватых» даже в Москве. См.: *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / предисл. акад. В. М. Бехтерева. Новгород, 1900. С. 174–175, 215. Современное переиздание этих молитв для духовенства РПЦ: Последования молебные об избавлении от духов нечистых. М., 1999. Требник. СПб., 1995. С. 173.

⁴⁵ *Никольский Н. М.* История русской церкви / науч. ред., автор вс. ст. и комм. Н. С. Гордиенко. 3-е изд. М., 1983. С. 233. *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 201–212, 291–293. *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-е – 1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38, 47. Его же. Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. М., 2006. С. 214, 217. Практическое руководство при совершении приходских треб. С. 95. *Никольский К., прот.* Указ. соч. С. 841–842.

⁴⁶ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 194–202, 203–207, 209.

⁴⁷ О многочисленных народных верованиях, связанных со смертью, болезнями или несчастьями, причиненными нечистой силой, способах избавиться от них при помощи священника или знахаря. См.: Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 49–52, 54–55, 57, 67–68, 78, 88, 143, 169, 173–174, 179, 204, 205–206, 238–242, 256, 258–259, 265–266, 267, 314, 401–402, 433–434, 598, 599, 607, 612. *Токарев С. А.* Религиозные верования восточно-

славянских народов XIX – начала XX века / отв. ред. проф. С. И. Ковалев. Изд. 2-е. М., 2012. С. 148, 153–154.

⁴⁸ Русский демонологический словарь. С. 239.

⁴⁹ Краинский Н. В. Указ. соч. С. 208, 212–243. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 509–510.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1260. Л. 28. Д. 1475. Л. 4–5. В литературе отмечается значительное распространение обычая «проползания» под святыней или ее «оползания», совершавшегося для избавления от какой-либо болезни или бедствия, как части «народного православия». См.: Панченко А. А. Указ. соч. С. 112–115.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1481. Л. 3. Д. 1686. Л. 4.

⁵² Там же. Д. 887. Л. 98–100. Д. 1660. Л. 11. Д. 1675. Л. 18. Д. 1773. Л. 3, 12. Д. 1778. Л. 12. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 1035. Л. 3.

⁵³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 907. Л. 49. Д. 1478. Л. 18. Д. 1555. Л. 9. Д. 1578. Л. 20.

⁵⁴ Там же. Д. 1686. Л. 28, 29. Д. 1778. Л. 3. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 933. Л. 9. Д. 1035. Л. 8.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 42.

⁵⁶ Чистяков П. Г. Почитание чудотворных икон. С. 214, 217.

⁵⁷ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 137–155. Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 2. С. 293–297, 327–330, 353–354. Цеханская К. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. С. 360.

⁵⁸ Любимова Г. В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. Новосибирск, 2006. С. 43.

⁵⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 259–260.

⁶⁰ Чистяков П. Г. Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920–1940-е гг. // [Электронный ресурс]. Электронный научно-образовательный

журнал «История». 2013. Выпуск 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000625-6-1> (дата обращения: 28.02.2015).

⁶¹ *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 186.

⁶² КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 521–522.

⁶³ В 1944-1945 гг. в ЦК ВКП(б) регулярно поступали сообщения о вспышках панических настроений в связи с ожиданиями «катастрофы земли», которые могли послужить поводом для принятия подобного постановления. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 11–15.

⁶⁴ *Чистяков П. Г.* Религиозные практики в СССР.

⁶⁵ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 186-187. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 136.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 476. Л. 39, 40, 57, 74. Д. 482. Л. 40. Д. 500. Л. 32. Д. 650. Л. 30. 781. Д. 43. Д. 887. Л. 92. Д. 888. Л. 41. Д. 889. Л. 50. Д. 895. Л. 4. Д. 917. Л. 24.

⁶⁷ «Добиться закрытия так называемых «святых мест». С. 120.

⁶⁸ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь. С. 349.

⁶⁹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 446–450. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 154–160.

⁷⁰ У. Хун объясняет отсутствие прямого давления власти на паломничества к святым местам в 1944–1954 гг. нежеланием сталинского руководства компрометировать себя гонениями на верующих в глазах заграницы в свете использования РПЦ в геополитических интересах, использованием паломничеств в качестве парового клапана, разряжавшего ситуацию в деревне, а также его восприятием властью как безопасного явления из-за состава участников, большинство которых составляли пожилые женщины. См.: *Хун У.* С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (20). С. 243–244.

⁷¹ «Добиться закрытия так называемых «святых мест». С. 125–126.

-
- ⁷² Подсчитано: *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 172. Смоленская епархия // [Электронный документ]. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014).
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1351. Л. 14.
- ⁷⁴ *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма». С. 246.
- ⁷⁵ *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в истории России XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2002. С. 332–336.
- ⁷⁶ Подсчитано: Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. М., 1908. С. XI–XII. *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 336, 338.
- ⁷⁷ *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную Церковь. С. 334.
- ⁷⁸ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С 59, 60.
- ⁷⁹ *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. С. 343, 344. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 93-94. *Семенко-Басин И. В.* Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М., 2010. С. 96–107. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1664. Л. 25. Д. 1773. Л. 32–35.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1043. Л. 10, 18–21. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 295.
- ⁸¹ *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 285–286, 287.
- ⁸² Русские Рязанского края. Т. 2. С. 397, 404. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а–25.
- ⁸³ *Севастьянова А. А.* Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х – 60-х годов XX века. М., 2008. С. 108-110.
- ⁸⁴ *Тульцева Л. А.* Указ. соч. С. 134, 143, 146–156.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 50, 50 об. Д. 197. Л. 16. Д. 204. Л. 77. Д. 635. Л. 36-37. Д. 765. Л. 101. Д. 889. Л. 61. Д. 1346. Л. 18.
- ⁸⁶ *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма». С. 238–261.

- ⁸⁷ *Чистяков П. Г.* Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А. Б. Безбородова. М., 2005. С. 283–287. Его же. Почитание местных святынь в советское время. С. 38, 43–44. *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 291, 314–331. *Платонов Е. В.* Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 163, 165, 166, 169. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 293–294.
- ⁸⁸ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 438–439. *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 294.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 508. Л. 2–4, 12–14. Д. 657. Л. 1.
- ⁹⁰ Там же. Д. 657. Л. 6.
- ⁹¹ Там же. Д. 657. Л. 37, 37 об., 38, 39.
- ⁹² Русские Рязанского края. В 2. Т. 2. С. 293.
- ⁹³ *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время. С. 41.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 781. Л. 31.
- ⁹⁵ Там же. Д. 911. Л. 34. Д. 1043. Л. 31–32. Д. 1266. Л. 15.
- ⁹⁶ Там же. Д. 650. Л. 53. Д. 759. Л. 95. Д. 1039. Л. 15, 16. Д. 1151. Л. 30. Д. 1773. Л. 18.
- ⁹⁷ Русские Рязанского края. Т. 2. С. 314–320.
- ⁹⁸ ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 34. Оп. 9. Д. 49. Л. 23, 53. Д. 327. Л. 89. Д. 728. Л. 14, 15.
- ⁹⁹ Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптиная Пустынь (ставропигиальный) // [Электронный документ]. Сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (дата обращения: 28.06.2015).
- ¹⁰⁰ ГАКО. Ф. 3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- ¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1043. Л. 10. Д. 1049. Л. 27. Д. 1475. Л. 12.
- ¹⁰² Там же. Д. 781. Л. 10. Д. 911. Л. 33. Д. 1039. Л. 9–13, 15, 16. Д. 1147. Л. 18.
- ¹⁰³ *Шевцова В. Ф.* Указ. соч. С. 299–307. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 348–349. *Цеханская К. В.* Указ. соч. С. 369–370, 372–382

¹⁰⁴ *Чистяков П. Г.* Религиозные практики в СССР.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 921. Л. 51. Русские Рязанского края. Т. 2. С. 376–373, 401, 404.

¹⁰⁶ *Беглов А. Л.* Указ. соч. С. 240–241. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 186.

¹⁰⁷ *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. С. 187.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1659. Л. 27. Д. 1664. Л. 26. Д. 1686. Л. 29. Д. 1689. Л. 21.

¹⁰⁹ Там же. Д. 1659. Л. 28. Д. 1689. Л. 34.

¹¹⁰ Там же. Д. 1773. Л. 18-19.

¹¹¹ Там же. Д. 1659. Л. 26-27. Д. 1664. Л. 25. Д. 1787. Л. 27, 56. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 933. Л. 4.

Заключение

В истории села Центрального Нечерноземья 1945 – начало 1960-х годов стало временем модернизации взаимоотношений власти и сельского социума, которая носила поступательный характер и являлась частью модернизации аграрного строя. Исследование механизма будничного управления, сфер культуры и религиозности деревни показало, что к началу 1960-х гг. в них был сделан решительный шаг к взаимоотношениям, характерным для индустриальной стадии общественного развития. Специфика этой модернизации на селе Центрального Нечерноземья состояла в том, что, не имея достаточных ресурсов и времени для равномерного и одновременного изменения этих сфер, власть дифференцировала модернизационные усилия внутри них. Неравномерно нараставший модернизационный эффект можно считать системным к началу 1960-х годов.

Неравномерность модернизации механизма управления деревней обусловила проецирование на деревню Центрального Нечерноземья в заключительные годы сталинской эпохи менее плотного и равномерного воздействия, чем к закату эпохи Н. С. Хрущева. В этом убеждает сопоставление динамики будничного функционирования основных звеньев этого механизма. В изучаемый период в областях Центрального Нечерноземья главные нити реализации аграрной политики сходились в итоге в партийный аппарат, особенно его районное звено, функционировавшее между вышестоящими уровнями власти и крестьянством. Аппараты сельских райкомов партии и подчиненных им исполкомов районных Советов депутатов трудящихся вышли из войны существенно ослабленными в кадровом отношении. Реформа аппарата РК ВКП(б) 1949 г., несмотря на некоторое его количественное сокращение, позволила детализировать контроль над селом, но не могла обеспечить достаточного прироста эффективности функционирования, мерилom которого выступало полное и своевременное выполнение экономических заданий. Проекты 1944 и

1948 г. передачи полномочий по управлению экономикой от региональных и местных партийных структур советским, предполагавшие укрепление исполкомов Советов соответствующими кадровыми и материальными ресурсами, отклонялись, как и проекты перераспределения полномочий от районных органов власти сельским Советам (1946–1953 гг.): аппарат ВКП(б) выступал связующим звеном всего механизма управления, и руководство страны не решилось изменить это статус-кво. Более того, в довоенные и послевоенные годы оно требовало от областного и районного партийного руководства «приближать» повседневное управление к «низовой работе», «налаживать контроль за состоянием дела на производстве» через первичные парторганизации. Однако так управлять деревней аппараты РК ВКП(б) и райисполкомов были не в состоянии вследствие явно превышавшего их возможности масштаба задач, множественности «объектов управления», малочисленности и неразвитости низовых официальных структур, на которые райкомы и райисполкомы могли бы опереться в деревне.

Острая нехватка подготовленных кадров в заключительные годы сталинской эпохи диктовала сосредоточение номенклатурного учета в сельской местности Центрального Нечерноземья на учреждениях и организациях районного центра. На периферии района детализация номенклатур РК ВКП(б) существенно понижалась. Перечень номенклатурных должностей в небольших деревнях был и вовсе коротким. Сельсоветы, несмотря на налаживание к началу 1950-х гг. формальной стороны функционирования, большой объем повседневной работы по исполнению бюджета и содержанию социально-культурной инфраструктуры, не имели полномочий, квалифицированных кадров и материальных ресурсов для самостоятельного управления подведомственной территорией и полностью зависели от партийных органов и вышестоящих Советов.

Не могли обеспечить ожидавшийся уровень контроля колхозов и сельские первичные парторганизации Центрального Нечерноземья, крайне малочисленные в первые послевоенные годы. В результате усилий по приему в партию, направленных на компенсацию потерь ВКП(б) за годы войны, на 1 января 1954 г.

на учете в них состояло на 26,6% коммунистов меньше, чем на 1 июля 1947 г., хотя за 1945–1953 гг. общий прирост парторганизаций областей Центрального Нечерноземья (без Московской области) составил 43,4%. Причины этого состояли в значительной миграции из села, затрагивавшей и сельских коммунистов, а также в приоритетном комплектовании из их числа штатов учреждений райцентра. В середине 1947 г. в 8 из 10 областей Центрального Нечерноземья более 80% сельхозартелей не имели первичных парторганизаций. Почти полностью охваченными партячейками были лишь немногочисленные совхозы и МТС. Значительно продвинуло охват первичными парторганизациями колхозов укрупнение сельхозартелей 1950 г., в результате которого их количество сократилось в 3 раза и впервые за годы советской власти в более 2/3 из них появились ячейки ВКП(б). Укрупнение подстегнуло перераспределение сельских коммунистов из сельских территориальных (самого распространенного до начала 1950-х гг. типа первичной парторганизации) в производственные парторганизации. Разреженность и слабость низовых официальных структур усиливалась неразвитостью коммуникаций не только путей сообщения, но и средств связи (в 1945 г. телефонную связь с районным центром имело 0,1–4,4% правлений колхозов областей Центрального Нечерноземья, в 1952 г. – 30–50%, почти полностью охваченными телефонной связью были центры сельсоветов, немногочисленные МТС и совхозы).

Как видно, в заключительные годы сталинской эпохи было невозможно наладить управление селом Центрального Нечерноземья только через непосредственно предназначенные для этого структуры, что делало практически безальтернативным использование чрезвычайных властных практик. Наиболее распространенным из них в механизме будничного управления являлся «институт уполномоченных» партийных и советских органов. Мобилизациями тысяч представителей верхушки партийно-советского актива в дополнение к штатному аппарату управления институт отчасти компенсировал неразвитость собственно сельского уровня номенклатуры сельского РК ВКП(б), неспособность многих

низовых официальных структур выполнить спускаемые директивы в требуемом объеме. Но он же глушил инициативу сельского руководства, отрывал от выполнения непосредственных должностных обязанностей региональную и районную бюрократию. Ее хронический перегруз ими и многочисленными партийными поручениями сделал обыденным наиболее подходивший в таких условиях способ выполнения плановых заданий – хозяйственно-политическую кампанию. На время ее проведения прочие задачи отодвигались на второй план. Безусловный приоритет технологических вопросов сельского хозяйства и вообще экономики обуславливал систематическое забвение региональными и районными парторганизациями политических функций, формализм внутрисоветской работы в советских органах. Неизбежные при авральном функционировании провалы части кампаний повышали уровень сменяемости руководящих кадров района и села, доходивший по ключевым категориям в год до 30–60%, что, с одной стороны, нервировало функционеров, укрепляло их веру в штурмовщину как панацею, а с другой, понижало управляемость. Выполнение планов «любой ценой» оправдывало высокий уровень произвола в действиях руководства, отношение к которому в письмах во власть часто выражалось словами «самодержец», «абсолют», «жандарм», «зверь в образе человека» и т. д.

В целом к началу 1950-х гг. будничное функционирование механизма управления селом Центрального Нечерноземья скорее походило на непрерывный аврал архаичной авторитарной администрации, чем на индустриально организованное тоталитарное господство. К этому времени можно говорить об исчерпании механизмом управления деревней, основанным на сверхцентрализации власти и чрезвычайщине как повседневной норме, значительной части своего потенциала: «закручивание гаек» уже не давало нужного хозяйственного эффекта. Гранью осознания этого верхами можно считать резкое сокращение в 1952 г. масштаба политических репрессий, фиксирующееся и в областях Центрального Нечерноземья.

И власть, и сельское население осознавали неэффективность и нелегитимность механизма управления, пронизанного чрезвычайщиной. Стремившуюся к стабильности своего положения верхушку регионального и районного руководства тяготило «комиссарство», функционирование в режиме многолетней чрезвычайной мобилизации. Жители деревни в письмах во власть часто пеняли на расхождение деклараций о «демократическом ленинском стиле руководства» с реальностью, а про себя совершенствовали социальный иммунитет к аграрной политике (в первую очередь, ее податной составляющей) и к местной власти, что усиливало нагрузку на и без того перенапряженные властные структуры. Осознание этого противоречия выразилось в широком обсуждении в публицистике начала 1950-х гг. проблемы «районных будней» – необходимости изменения практики повседневного руководства деревней. В первых публичных выступлениях нового руководства она прозвучала как призыв к ликвидации «обезлички и безответственности» в руководстве колхозами и совхозами, обусловив значительный кредит доверия общества реформам механизма управления селом Н. С. Хрущева.

Анализ политики нового лидера партии по реформированию районного звена управления селом выявил ее преемственность сталинскому курсу на уплотнение партийного контроля сельскохозяйственного производства. С одной стороны, реформы означали перемещение многих руководящих работников «вниз» по неустанно приближаемой к колхозам, совхозам и МТС структуре аппарата, были нацелены на завершение полного их охвата первичными парторганизациями. В этом Н. С. Хрущев видел ключевые политические средства решения главной для него задачи аграрной политики – обеспечения роста колхозно-совхозного производства. Ее выполнению должно было содействовать и перераспределение в пользу региональных и районных комитетов КПСС части полномочий центра в сфере номенклатурного контроля, партийного бюджета, учета коммунистов. С другой, за время «оттепели» на селе существенно сократилось общее количество объектов управления. В 1954–1962 гг. в

Центральном Нечерноземье еще в 3,2 раза уменьшилось количество сельхозартелей, в результате укрупнения 1954 г. на 42,5% – число сельсоветов. В течение 1953–1963 гг. с 460 до 127 сократилось число сельских районов, была начата трансформация традиционной системы сельского расселения. К весне 1965 г. после некоторого разукрупнения районов и упразднения разделения партийного и государственного аппарата по отраслевому принципу 263 сельских района управляли 4 325 сельсоветами (42,3% от количества на 1 января 1946 г.), 4 148 колхозами и 958 совхозами (10% от их суммарного числа на ту же дату), около 76 тыс. населенных пунктов (95% соответственно)¹.

Несколько волн укрупнений колхозов, преобразование их в совхозы, упрощение правил приема в КПСС, существенное сокращение исключений из партии, завершение перераспределения сельских коммунистов из сельских территориальных партячеек в производственные обеспечивают к началу 1960-х гг. полный охват ими колхозно-совхозного производства (значительного увеличения числа коммунистов на селе при этом не происходит: в 1947-1960 гг. в сельских первичных парторганизациях Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей, по которым имеются сопоставимые данные, их ряды прибавляются на около 5 тыс. чел.). Одновременно в несколько раз расширяется сельский уровень номенклатуры РК КПСС. Особенно существенно она проросла «вниз» по управленческой иерархии укрупненного колхозно-совхозного производства. Статус сельских Советов и их руководства в механизме управления селом в годы «оттепели» остался неизменным.

Чтобы обеспечить сельское хозяйство достаточным количеством подходящих для новых условий руководящих кадров, был востребован опыт партийных мобилизаций эпохи коллективизации. Однако в новых условиях мобилизация провинциальной бюрократии часто вызывала ее сопротивление. Неизбежная при проведении реформ управления высокая сменяемость руководящих кадров, бывшая производным от самих преобразований фактором

дестабилизации управления, тормозила преодоление чрезвычайщины – защитной реакцией бюрократии на неопределенную ситуацию.

Одним из последствий продолжившегося укрупнения колхозов Центрального Нечерноземья, преобразования большого их количества в совхозы (в 1954–1962 гг. их число в Центральном Нечерноземье возросло на 74,6%) становится расширение пропасти между основной массой тружеников и руководящей верхушкой. Изменяется характер взаимоотношений руководителей колхозов и большинства колхозников: на смену коллективистским взаимоотношениям, основанным на общности их социального происхождения и статуса по отношению к власти, приходят субординационно-административные. Ко многим председателям укрупненных колхозов, а также директорам совхозов (вчерашних колхозов) сельские труженики относятся как к присланным «сверху» «хозяевам», отгороженным от них рядом формальных привилегий и весомых неформальных возможностей.

В начале 1960-х гг. модернизация механизма управления селом Центрального Нечерноземья вновь упирается во «внутренний ограничитель». Если в заключительные годы сталинской эпохи им была относительная неразвитость и разреженность низовых официальных структур при отказе верхов партии перераспределять полномочия и ресурсы по управлению экономикой села из центра на периферию и от партийных органов советским, то к концу эпохи Н. С. Хрущева – нежелание провинциальной партийной бюрократии «приближения аппарата» к колхозам. Запуск «социального лифта» вниз казался многим ее представителям «неправильным» и «несправедливым».

Как показало диссертационное исследование, аппаратные реформы, некоторый рост числа сельских коммунистов, прогресс телекоммуникаций в конечном счете не стали ключевыми факторами сворачивания чрезвычайщины. В механизме повседневного управления селом она оказалась более живуча, чем прямые репрессии, на порядки сократившиеся к началу 1960-х гг. по сравнению с первыми послевоенными годами ². Большое влияние на ее вытеснение оказали

рост классового сознания провинциальной партийной бюрократии, «приватизация» ею подконтрольного слоя номенклатуры, рост квалификации и детализации полномочий колхозно-совхозного руководства. Постепенное сворачивание чрезвычайных властных практик в механизме управления дает двойкий эффект: с одной стороны, оно переводит управление селом Центрального Нечерноземья в руки штатного аппарата партийных и государственных органов, опирающихся на множество первичных парторганизаций и других низовых официальных структур, а с другой – неизбежно понижает мобилизующий потенциал членства в КПСС – одну из важнейших составляющих власти партаппарата. Смягчение «партийной дисциплины» ускоряет центростремительные тенденции в слое провинциальной бюрократии, благоприятствует формированию в ней кланов, соперничающих за контроль над колхозно-совхозным производством. Постепенная замена чрезвычайщины систематическим контролем управленцев-специалистов, действующих на основе более последовательной формализации административных процедур, не приводит к соответствующему повышению открытости процесса выработки и реализации управленческих решений. Одной из причин этого, как представляется, было опережавшее процессы демократизации возвышение партийной бюрократии, освобождавшейся от стеснявших ее черт сталинской политической системы и расширившей не только свое фактическое, но и формально-«правовое» господство над селом. Интуитивное осознание этого сельскими жителями, усиленное эффектом односторонних разоблачений «культа личности», привело многих из них к разочарованию в реформаторе и инициированных им реформах районного звена управления. Тем более что центральная, областная и районная власть была единодушна по отношению к оживившейся на волне «оттепели» «критике снизу». Она не только отвергала большинство обращений, но и устраивала гонения на их авторов. В результате отмеченных изменений механизма управления деревней социальный иммунитет наиболее активной части деревни все чаще срабатывал не на приспособление к острым углам аграрной

политики и механизму власти, как это было раньше, а ориентировался на поиск выхода из крестьянского состояния путем самораскрестьянивания, миграцию из села (уходят в прошлое массовые «захваты» нескольких дополнительных соток приусадебной земли³, сложнее становится «договориться» с председателем-«чужаком» или занять выгодную управленческую должность, колхозники все чаще ищут способы ликвидации своих подворий и уезжают в города – к лучшим условиям труда и жизни⁴).

Тенденция дифференцированного уплотнения сети институтов официального порядка на протяжении 1945 – начала 1960-х гг. просматривается и во взаимоотношениях власти и деревни Центрального Нечерноземья в сфере культуры. В заключительные годы сталинской эпохи механизму управления селом, широко опирающемуся на чрезвычайщину, соответствовала слабо развитая сфера официальной культуры. Ее функционирование на селе часто рассматривалось политическим руководством, особенно местным, не самоценно, а по весомости вклада в выполнение хозяйственно-политических кампаний. Однако, не имея возможности наращивать одновременный охват всеми институтами официальной культуры живущее в 80 тысячах сел и деревень Центрального Нечерноземья население, власть концентрируется на развитии по-настоящему массовых – радио, кино, периодической печати, а в конце исследуемого периода – телевидения. Именно они позволяли транслировать идеологически унифицированный дискурс максимально широкой аудитории без искажений. Гораздо меньше внимания уделялось сельским клубам и избам-читальням, стоявшим по способу взаимодействия с аудиторией ближе к традиционной культуре, чем к трансляциям СМИ и кино.

Исследование взаимодействия с сельскими жителями культурно-просветительных учреждений и системы лекционной пропаганды, базировавшихся преимущественно на живом слове, выявило присущую им довольно скромную динамику или даже отрицательный пророст активности. Пик активности сельских клубов и изб-читален приходится на вторую половину 1940-х –

начало 1950-х гг., когда на них неизбежно легла основная нагрузка по трансляции официального дискурса вследствие неразвитости на селе кинофикации и СМИ. Уже тогда, по-видимому, был достигнут и предел возможностей большинства культпросветучреждений. С начала 1950-х гг. показатели взаимодействия с населением сельских клубов и изб-читален не растут. В 1960 г. объем лекционной пропаганды сельских клубных учреждений составил 94,2% от уровня 1947 г., аудитория – 97,6%, общее количество кружков составило 70,6%, а число их участников – 61,7%. Самодеятельностью клубов было организовано 67,7% концертов, агитбригадами – 52,7% от уровня 1947 г. Скромным был прирост числа книговыдач государственных сельских библиотек: за 1951–1959 гг. по областям Центрального Нечерноземья он колебался в пределах 1,2–3 раз. Рост объема лекционной пропаганды структур Общества по распространению политических и научных знаний (только за 1951–1960 гг. количество лекций, приходящихся в год в среднем на один колхоз, совхоз, сельский населенный пункт, возрастает по областям Центрального Нечерноземья с 0,5–0,95 до 3,65–11,5 лекций в зависимости от региона) свидетельствует о крайне невысоких стартовых показателях и преобладании количества мероприятий над их качеством. Играл определенную роль и эффект объединения лекционной пропаганды под эгидой Общества по распространению политических и научных знаний (1958 г.), возрастание в ее структуре удельного веса лекций по радио, телевидению.

Основная причина стагнации «традиционного» сельского культпросвета состояла в сохранении на протяжении изученного периода без существенных изменений практики его финансирования, не позволявшей радикально улучшить взаимодействие с населением. От реализации проектов глубокого реформирования сети сельских клубов и изб-читален, предполагавших передачу/продажу значительного их числа колхозам, власть обоснованно воздерживалась из-за непосильности их содержания для колхозной экономики.

Напротив, в сравнении с традиционным культпросветом кинофикация и СМИ демонстрировали впечатляющую динамику. В 1945 – начале 1960-х гг. количество трансляционных радиоточек и эфирных приемников на селе Центрального Нечерноземья увеличивается в 11,7 раза (особенно быстро – в индустриально развитых Московской, Владимирской, Ярославской, Тульской областях), на 50% вырастает разовый тираж областной и районной прессы, многократно – республиканских и общесоюзных газет. К концу 1950-х гг. завершается сплошная радиофикация жилищ колхозников. Быстро растет число телеприемников. Количество киноустановок в 1948–1965 гг. возрастает в 7 раз, что к началу 1960-х гг. обеспечивает посещение кино крестьянством большинства областей Центрального Нечерноземья в среднем раз в месяц. Досуг, организованный посредством кино и СМИ, теснит не только традиционные формы деревенской досуговой культуры, но и коллективный досуг в культпросветучреждениях. Формируется культура домашнего досуга в компании родственников, друзей, соседей у радиоприемника, телевизора, за книгой, газетой. Бурный рост кинофикации и СМИ на селе в годы хрущевского десятилетия прямо и косвенно содействовал сворачиванию чрезвычайных властных практик, демократизации общественно-политической сферы, повышению роли в механизме управления формальных структур и процедур. Кино, телевидение, пресса, радио способствовали преодолению локальной замкнутости отдаленных от административных и культурных центров сел и деревень, сглаживали перепады в оперативности информирования их жителей о важнейших событиях в стране и мире. Пресса и радио также использовались для трансляции информации местного значения. Радио, кино и пресса (особенно центральная) считались большинством сельского населения несомненными «культурными благами», достоверными источниками информации. Деревня, как правило, с энтузиазмом поддерживала инициативы власти по их развитию и распространению, участвуя в них трудом и финансово.

Однако власть, осознавая существовавшую для устойчивости политического порядка опасность использования средств массовой информации недостаточно подготовленными для интерпретации официального дискурса кадрами, сдерживала и порой даже поворачивала вспять их развитие. Продолжительное время ограничивались тиражи региональной и районной прессы, объемы областного, районного и внутриколхозного радиовещания, сокращалось количество редакций районного радиовещания, лимитировалась демонстрация зарубежного кино, трансляции и тиражирование записей популярной западной музыки. Следует учесть и то, что в целом выгодная власти логика распространения средств трансляции неизбежно расширяла и сложноконтролируемые информационные ниши. Так, для минимизации влияния зарубежного антисоветского радиовещания акцент при радиофикации делался на развитии системы проводного радиовещания, закрытого для вторжений извне. В результате к 1961 г. на селе Центрального Нечерноземья число эфирных радиоприемников составляло 23% от всех радиоточек. Динамично развивалась инфраструктура глушения антисоветских радиопередач.

Распространение унифицированных и стандартизированных культурных ценностей и образцов посредством СМИ становится важнейшим фактором, влияющим на трансформацию крестьянской культуры, особенно – на прерывание способа передачи от поколения к поколению социально значимой информации – традиций деревни. Если в конце сталинской эпохи относительно слабое в целом проникновение на село официальной культуры оставляло достаточно пространства для бытования деревенских традиций, то в конце 1950-х – начале 1960-х гг. по источникам почти перестают фиксироваться досуговая самоорганизация сельской молодежи (посиделки, традиция кулачных боев в дни религиозных праздников). Не воспроизводятся элементы традиционной обрядности, исполнение сельской художественной самодеятельностью традиционного песенного репертуара все чаще оценивается по стандартам профессиональной эстрады, знакомой по радио-, телепередачам, патефонным

пластинкам и кинофильмам. Забывается крестьянская песенная традиция или же она насильственно прерывается, активизируется идеологическая переработка фольклора и т. п. Быстрее и глубже отмеченные перемены утверждались в буднях колхозов и районов с передовой по меркам того времени экономикой, что подтверждает влияние индустриализации социально-экономического строя деревни на соответствующую трансформацию ее будничной культуры.

Опираясь на достигнутые во второй половине 1950-х гг. довольно высокие показатели радиофикации и кинофикации, улучшение распространения печати и увеличение ее тиражей, усовершенствование в ходе пропагандистских кампаний, насколько позволяла колхозная экономика, сети сельского культпросвета, эффект от реформы лекционной пропаганды 1958 г., власть начинает реализовывать стратегию «окончательного» преодоления сохранявшихся элементов традиционной культуры. Одним из наиболее эффективных способов такого преодоления стали попытки встраивания «приемлемого старого» в «новое», заостренные против ядра традиционной культуры деревни – религиозности. Стало выделяться гораздо больше ресурсов для «оповседневнивания» нового образа жизни, формирования советских традиций, в широком смысле – рецепции крестьянством ценностей официальной культуры. Это особенно заметно в советском обрядотворчестве 1950-х – начала 1960-х гг. и показательном вытеснении советскими обрядами и праздниками религиозного праздничного цикла и обрядности. В начале 1960-х гг. формируется система советской обрядности, претендующая на «тотальный» охват наиболее значимых событий личной, семейной, трудовой, общественной жизни человека – нижний ярус многоуровневой советской праздничной культуры и обрядности. Для «оповседневнивания» новых советских обрядов начинает создаваться соответствующая организационная и материальная инфраструктура. Присутствовало и влияние традиционной культуры на официальную, выразившееся в профанации ее ценностей, вторжении «старого» в «новое», особенно заметное в попытках утверждения советской обрядности.

Под натиском институтов официальной культуры и атеистической политики государства в 1945 – начале 1960-х гг. в основном завершается переход от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры села Центрального Нечерноземья к секуляризованной культуре. Из массового сознания сельского населения окончательно вытесняется целостное религиозное мировоззрение. Этот переход сопровождается существенными трансформациями религиозности вследствие реализации в деревне Центрального Нечерноземья дифференцированной секуляризации.

Поворот государства к РПЦ в годы Великой Отечественной войны явился частью общего идеологического курса на замещение риторики интернационализма и классовой борьбы государственно-патриотическими ценностями. Религия в нем учитывалась как важный фактор, мобилирующий население на борьбу с врагом. Руководство страны также приняло во внимание оживление религиозной жизни, особенно на временно оккупированной территории, рассчитывало использовать авторитет и контакты РПЦ на международной арене в качестве одного из рычагов продвижения внешнеполитических интересов СССР по окончании войны. Возрожденная РПЦ получила право ограниченного юридического лица, возможность заниматься производственной деятельностью, готовить кадры священнослужителей, издавать ограниченным тиражом богослужебную литературу и церковную периодику и др. Однако корректировка ее статуса оформлялась принятием по прецеденту постановлений и распоряжений, но не законов, что сохраняло государству свободу рук в церковном вопросе. Наделение РПЦ в результате «церковного поворота» квазигосударственным статусом открывало возможность ее использования и внутри страны, в том числе для ограничения религиозности.

Значительно укрепившее в результате победы свой авторитет государство не рассматривало почти полностью уничтоженную, но им же возрожденную РПЦ как источник потенциальной угрозы. Контроль над ней в послевоенные годы облегчался тем обстоятельством, что еще до «церковного поворота» был

достигнут большой прогресс в уничтожении ее низовых структур. Даже к концу 1947 г., когда численность открытых в послевоенные годы в Центральном Нечерноземье храмов достигает максимума, их было зарегистрировано всего лишь 1 006 – менее 10% от количества приходских церквей центральных епархий России в 1914 г. К 1961 г. власти сократили количество зарегистрированных церквей до 815. Таким образом, с 1948/49 гг. была закрыта 191 церковь, почти все – на селе. В первые послевоенные годы в Центральном Нечерноземье действовал один монастырь, в РСФСР – три. Национализация мощей в 1920-е гг. сделала невозможным почитание абсолютного большинства из них верующими. Подобным же образом было недоступно или утрачено много чтимых икон и других сакралий. В результате у большинства верующих деревни размывалось представление как об «общецерковном» сакральном пространстве и времени, так и о его части – «малой» традиции, связанной со «своей» сельской церковью, часовней, чтимой иконой, святым колодцем или ручьем.

Либерализация государственно-церковных отношений в середине 1940-х гг. отнюдь не означала ухода с магистрального пути «окончательного» преодоления влияния религиозных организаций и религиозности, хотя по сравнению с довоенными годами двигаться по нему стало в каком-то смысле сложнее. Практически сразу оживившаяся религиозность была поставлена в достаточно жесткие рамки. Основным инструментом ее ограничения являлась введенная еще в конце 1920-х гг. в треугольник «государство, религиозные организации, верующие» граница легальности – определение законности или незаконности того или иного феномена религиозной сферы по критерию лояльности советскому строю. Использование границы легальности давало возможность ограничения религиозности посредством обычной для государства как такового правоустанавливающей функции, а не только прямых репрессий, подавления сложнодостижимых для властных структур составляющих религиозной традиции (особенно – в пространстве народного православия), используя авторитет легальной РПЦ. Объявление того или иного проявления религиозности

незаконным означало и его исключение из канона РПЦ, хотя для верующих оно оставалось частью религиозной традиции. Как видно, власть учитывала известное по синодальному периоду и не раз отмечавшееся в послевоенные годы негативное отношение иерархов РПЦ ко многим проявлениям религиозности, не вписывавшимся в церковный канон. Посредством границы легальности религиозная традиция была разделена на две части: законную и незаконную (подпольную). Вместилищем законной была легальная РПЦ, а нелегальной (и зачастую – неканоничной) – подпольные молельни, часовни и местные святыни вне легальных церквей. В разряд подпольных попало совершение религиозных обрядов частным порядком лицами, не имевшими или лишенными священнического сана, под открытым небом, религиозная благотворительность, монашество в миру и другие, то есть много проявлений именно «малой» духовной традиции. На протяжении 1945 – начала 1960-х гг. граница легальности неуклонно перемещалась по пространству религиозной традиции, сокращая спектр допускаемого для верующих и духовенства. Водоразделом в политике по отношению к религиозности можно считать 1958 г., ознаменовавший старт форсированной централизованной атаки на легальную и нелегальную религиозность в «преддверии вступления в коммунизм». В середине 1940-х – 1958 гг. сужение пространства легальной религиозности происходило постепенно. В 1958 – начале 1960-х гг. в результате форсированного сворачивания религиозности разрешенный «перечень» религиозных практик был сокращен до возможности посещать богослужения в немногочисленных зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии храмов без особой надежды быть услышанным властью. Была затруднена возможность вхождения верующих в органы приходского управления.

Малое количество легальных храмов в послевоенные годы создавало в них ажиотаж в дни большого наплыва верующих, что, думается, зачастую не вполне корректно интерпретировалось представителями власти как свидетельство

размаха религиозности деревни. Сеть легально действовавших храмов и немногочисленных монастырей была несопоставима с институтами официальной культуры. Даже наиболее депрессивное ее звено – сельский культпросвет – значительно превосходил легальные храмы по доступности. Так, в 1953 г. в Центральном Нечерноземье насчитывалось 957 зарегистрированных храмов против 12 854 государственных сельских клубных учреждений и 12 926 государственных сельских библиотек. Такое соотношение «сил» можно считать дополнительным аргументом в пользу отсутствия серьезных опасений у руководства страны по поводу оживления религиозности и влияния РПЦ в послевоенные годы. Легальные церкви находились на большом удалении друг от друга, что затрудняло верующим удовлетворение даже минимальных требований православного культа. Особенностью трансформации легальной религиозности стало упрощение многих церковных практик в легальных храмах (в церковный обиход входят заочное совершение обрядов, коллективная исповедь, использование при богослужениях магнитофонов и т. д.), создание при действующих церквях или на удалении от них полулегальной инфраструктуры для прихожан из отдаленных приходов, развитие кустарных свечных и иконописных производств и т. п.

Другим следствием произвольного разделения властью религиозной традиции деревни стало распространение нелегальной религиозности, которая в середине 1940-х – начале 1950-х гг. по своему размаху была сопоставима или даже превосходила легальную. Ее проявления были особенно распространены в Рязанской, Тульской, Орловской и Брянской областях, где власть блокировала многочисленные настойчивые просьбы верующих открыть храмы, количество зарегистрированных церквей было явно несоразмерно размаху религиозности, значительно оживившейся вследствие более или менее длительной оккупации. Многие практиковавшиеся в лоне подпольной религиозности обряды были не только запрещены государством, но и считались полностью или ситуативно неканоничными легальной церковью (культ местных святынь, обрядность, связанная с традиционными народными представлениями о силах добра и зла,

«отчитки бесноватых» и т. д.). Количество их было значительным. Большую роль играла материальная и географическая доступность нелегального совершения обрядов, нивелировавшая в глазах прихожан подпольных молелен и святых мест канонические и политические разногласия подпольного и легального духовенства РПЦ.

До 1958 г. власти не предпринимали против нелегальной религиозности скоординированных мер прямого и повсеместного запрета. Инициированная и управляемая из центра кампания 1958 г. по «окончательному» сворачиванию любой религиозности учитывала негативное отношение иерархов легальной РПЦ ко многим проявлениям религиозности в «серых» зонах каноничности и вне канона. Наряду с разнообразными административными мерами, усилением атеистической пропаганды, привлечением антирелигиозно настроенных активистов к развалу общин верующих власти используют легальную РПЦ для сворачивания «малой» духовной традиции и религиозных практик, порожденных самой политикой дифференцированной секуляризации. Объективным фоном, способствовавшим размыванию «малой» традиции, был окончательный распад локальных крестьянских миров, в которых еще жил дух крестьянской общины – былой основы прихода. К началу 1960-х гг. эти общности окончательно растворяются в волнах укрупнений колхозов, массового преобразования их в совхозы, начала сселения неперспективных деревень, миграции колхозников в города, ухода из жизни крестьян старших поколений, прогресса массовой секуляризованной культуры.

К концу изучаемого периода, судя по официальным данным и материалам этнографических обследований, уровень религиозности села в целом понижается. Значительно сократилось число доступных верующим региональных и местных святынь (особенно ландшафтных) и количество паломников к ним, а также подпольных молелен и их прихожан. Более живучим было совершение основных обрядов православного культа в рамках семейной религиозности, в первую очередь, крещения и отпевания, доходя в отдельных регионах до 50–70%

зарегистрированными органами ЗАГС рождений и смертей. Результаты трансформации религиозности вследствие дифференцированной секуляризации были особенно заметны там, где не было зарегистрированных церквей. Но и там, где они действовали, религиозность часто приобретала характер «обрядоверия». Отставание усилий государства по «оповседневиванию» советского образа жизни и его рецепции населением от темпов принудительного сворачивания религиозности в заключительные годы эпохи Н. С. Хрущева создавало на селе определенный вакуум регуляторов будничного поведения. Забыв в массе значение православных обрядов, таинств, праздников, многие жители деревни, считавшие себя верующими, по инерции воспринимали формируемые ими поводы как «праздное» время коллективного досуга, а нередко – и возможность девиантного «разгула».

Как и в экономической модернизации, осуществлявшейся по инициативе и под руководством государства, в модернизации исследованных сфер взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья лидировала институциональная составляющая и отставала – социальная. Однако формирование к началу 1960-х гг. достаточно плотного институционального контекста (многочисленных низовых официальных структур, функционировавших с соблюдением формальных процедур, насыщение села значительным количеством трансляционной аппаратуры и т. д.), характерного для индустриального общества, создает предпосылки для более «тонкой» настройки взаимоотношений власти и деревни. Шагами на этом пути становятся инициативы по привлечению населения к решению актуальных проблем в рамках доктрины «общенародного государства», о чем свидетельствовали «Всесоюзный поход за культуру» 1958–1960 гг., деятельность товарищеских судов, народных дружин, групп народного контроля, разнообразных комиссий содействия и внештатных отделов в органах власти, усиленный «оттепелью» поток жалоб «в интересах дела» на районное и сельское начальство. Разумеется, судьба этих проявлений общественной активности зависела от власти. Но вряд ли исторично

интерпретировать их, исходя из исторического опыта западных обществ. По сравнению же с характеристиками взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в сталинскую эпоху их можно считать существенным приближением к модерну.

Примечания к заключению

¹ Подсчитано: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С. 8. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 288, 300. Подсчитано: ГАРФ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 3452. Л. 27 об., 59 об., 98 об., 129 об., 156 об. Д. 3453. Л. 107 об., 113 об., 138 об., 157 об., 161 об., 192 об., 223 об.

² Подсчитано: *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский, М., 2006. С. 365–366, 376–377, 381–383, 386–387, 401–402, 416–417, 430–431, 444–446, 456–458. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. С. 36.

³ *Кометчиков И. В.* Справедливое землепользование в контексте «социального иммунитета» колхозного села Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Научная школа профессора М. А. Безнина. Сборник научных материалов, посвященный 60-летию профессора Михаила Алексеевича Безнина / редколл.: Т. М. Димони (отв. ред.) и др. Вологда, 2014. С. 136–138.

⁴ Его же. Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е – начале 1960-х гг. // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 320.

Условные сокращения

ВС СССР – Верховный Совет СССР

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАБО – Государственный архив Брянской области

ГАДНИКО – Государственный архив документов новейшей истории Калужской области

ГАКО – Государственный архив Калужской области

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Тульской области

ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество

КГБ при СМ СССР – Комитет государственной безопасности при СМ СССР

КП РСФСР – Коммунистическая партия РСФСР

КПК при ЦК КПСС – Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

МГК РСФСР – Министерство государственного контроля РСФСР

МТС – машинно-тракторная станция

МП – Московский патриархат

Наркомторг СССР – народный комиссариат торговли СССР

СМ СССР – Совет Министров СССР

ОблФО – финансовый отдел исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся

ОК ВКП(б) – областной комитет ВКП(б)

ПВС СССР – Президиум Верховного Совета СССР

РайЗО – земельный отдел исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся

РайПО – районное потребительское общество

РайФО – финансовый отдел исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РИК – исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся

РК ВКП(б) – районный комитет ВКП(б)

РПЦ – Русская православная церковь

РТС – ремонтно-техническая станция

ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории

УМВД – управление Министерства внутренних дел

УМГБ – управление Министерства государственной безопасности

ЦДНИ ГАЯО – Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет ВКП(б)

ЦК КПСС – Центральный Комитет КПСС

ЦНИТО – Центр новейшей истории Тульской области

ЦПА ИМЭЛ при ЦК КПСС – Центральный партийных архив Института К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина при ЦК КПСС

Источники и литература

Источники

1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. А-259. Совет Министров РСФСР, оп. 6.

Ф. А-339. Министерство государственного контроля РСФСР, оп. 1.

Ф. А-385. Верховный Совет РСФСР, оп. 46.

Ф. А-374. Центральное статистическое управление при СМ РСФСР, оп. 1, 10, 11, 30, 31, 32а.

Ф. А-495. Министерство кинематографии РСФСР, оп. 1.

Ф. А-501. Министерство культуры РСФСР, оп. 1.

Ф. А-534. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР, оп. 1.

Ф. А-561. Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, оп. 1.

Ф. 5446. Совет Министров СССР, оп. 63, 85.

Ф. 6903. Государственный комитет по телевидению и радиовещанию при СМ СССР (Гостелерадио СССР), оп. 7.

Ф. 6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР, оп. 1, 2.

Ф. 7523. Верховный Совет СССР, оп. 41, 58, 75.

Ф. 9547. Общество по распространению политических и научных знаний СССР, оп. 1.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

Ф. 2329. Министерство культуры СССР, оп. 10.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ):

Ф. 5. ЦК КПСС.

Оп. 15. Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)-КПСС (1948–1956 гг.).

Оп. 16. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)-КПСС (1948–1956 гг.).

Оп. 34. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956–1962 гг.).

Оп. 36. Отдел культуры ЦК КПСС (1955–1962 гг.).

Ф. 77. Отдел организационно-партийной работы (сводные статистические материалы о составе КПСС), оп. 1.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Ф. 17. ЦК ВКП(б).

Оп. 122. Организационно-инструкторский отдел (1939–1946 гг.). Управление по проверке партийных органов (1946–1948 гг.).

Оп. 125. Управление пропаганды и агитации (1938–1948 гг.).

Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации (1948–1953 гг.).

Ф. 556. ЦК КПСС по РСФСР.

Оп. 14. Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР (1954–1962 гг.).

Оп. 15. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР (1956–1962 гг.).

Оп. 22. Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР (1954–1956 гг.).

Ф. М-1. ЦК ВЛКСМ.

Оп. 32. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ):

Ф. 1562. Центральное статистическое управление при СМ СССР, оп. 11.

Ф. 9476. Совет по делам колхозов при СМ СССР, оп. 1.

Государственный архив Брянской области (ГАБО):

Ф. Р-2224. Уполномоченный Совета по делам колхозов при СМ СССР по Брянской области, оп. 1.

Ф. Р-2416. Прокуратура Брянской области, оп. 1а.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО):

Ф. 15. Бабынинский районный комитет КПСС, оп. 24, 42.

Ф. 16. Боровский районный комитет КПСС, оп. 39.

Ф. 25. Малоярославецкий районный комитет КПСС, оп. 23, 33.

Ф. 27. Мосальский районный комитет КПСС, оп. 23, 24, 27, 38.

Ф. 28. Думиничский районный комитет КПСС, оп. 35.

Ф. 30. Мещовский районный комитет КПСС, оп. 5.

Ф. 32. Тарусский районный комитет КПСС, оп. 11.

Ф. 34. Кировский районный комитет КПСС, оп. 27.

Ф. 40. Спас-Деменский районный комитет КПСС, оп. 1.

Ф. 41. Хвастовичский районный комитет КПСС, оп. 1, 11.

Ф. 42. Куйбышевский районный комитет КПСС, оп. 16, 18.

Ф. 51. Дугнинский районный комитет КПСС, оп. 29.

Ф. 53. Юхновский районный комитет КПСС, оп. 2.

Ф. 55. Калужский областной комитет КПСС, оп. 8, 9.

Ф. 2101. Лев-Толстовский районный комитет КПСС, оп. 20.

Ф. 2264. Калужский областной комитет ВЛКСМ, оп. 8, 13, 16, 24.

Ф. 6878. Калужский сельскохозяйственный областной комитет КПСС, оп. 1.

Государственный архив Калужской области (ГАКО):

Ф. Р-431. Исполнительный комитет Тарусского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области, оп. 1.

Ф. Р-883. Исполнительный комитет Калужского областного Совета депутатов трудящихся, оп. 16, 17, 18, 19.

Ф. Р-1156. Исполнительный комитет Ульяновского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области, оп. 2.

Ф. Р-1296. Исполнительный комитет Медынского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области, оп. 1.

Ф. Р-1626. Прокуратура Калужской области, оп. 2.

Ф. Р-3032. Исполнительный комитет Хвастовичского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области, оп. 3.

Ф. Р-3469. Статистическое управление Калужской области, оп. 1.

Ф. Р-3501. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Калужской области, оп. 1.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО):

Ф. 6. Смоленский областной комитет КПСС, оп. 1, 2, 3.

Ф. 89. Смоленский областной комитет ВЛКСМ, оп. 1.

Государственный архив Орловской области (ГАОО):

Ф. П-52. Орловский областной комитет КПСС, оп. 2, 3, 4, 5, 6, 323.

Государственный архив Тульской области (ГАТО):

Ф. Р-2640. Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся Тульской области, оп. 2.

Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ):

Ф. 147. Тверской областной комитет КП РСФСР, оп. 3, 4, 5, 6.

Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО):

Ф. 272. Ярославский областной комитет КПСС, оп. 224, 225, 226, 227, 228.

Ф. 1209. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ярославской области, оп. 1.

Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО):

Ф. 15. Воловский районный комитет КПСС, оп. 3.

Ф. 16. Дубенский районный комитет КПСС, оп. 4.

Ф. 40. Лаптевский районный комитет КПСС, оп. 1.

Ф. 177. Тульский областной комитет КПСС, оп. 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 31, 32.

Ф. 188. Тульский областной комитет ВЛКСМ, оп. 1.

Ф. 2322. Чекалинский районный комитет КПСС, оп. 1, 3.

2. Периодические издания

«За коммуны» – газета Сухиничского РК КПСС и исполнительного комитета Сухиничского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945–1962 гг.).

«Знамя» – газета Калужского обкома КПСС и Калужского областного Совета депутатов трудящихся (1945–1961 гг.).

«Колхозник» (с 1956 г. – «Ленинское знамя») – газета Медынского РК КПСС и исполнительного комитета Медынского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945–1962 гг.).

«Колхозница» (с 1950 по 1962 гг. – «Вперед») – газета Юхновского РК КПСС и исполнительного комитета Юхновского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945–1962 гг.).

«Колхозный труд» (с 1960 г. – «Знамя коммунизма», с 1962 г. – «К коммунизму») – газета Перемышльского РК КПСС и исполнительного комитета Перемышльского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945–1962 гг.).

«Куйбышевский стахановец» (с 1954 по 1962 гг. – «Красное знамя») – газета Куйбышевского РК КПСС и исполнительного комитета Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся Калужской области (1945–1962 гг.).

«Культурно-просветительная работа» – ежемесячный журнал Министерства культуры РСФСР (1945–1962 гг.).

«Орловская правда» – газета Орловского обкома ВКП(б) и Орловского областного Совета депутатов трудящихся (1945–1961 гг.).

«Партийная жизнь» – ежемесячный журнал ЦК ВКП(б).

«Партийное строительство» – ежемесячный журнал ЦК ВКП(б).

«Правда» – ежедневная газета МК и ЦК КПСС.

«Рабочий путь» – газета Смоленского обкома ВКП(б) и Смоленского областного Совета депутатов трудящихся (1945–1961 гг.).

«Распространение печати» – ежемесячный бюллетень Центрального управления распространения и экспедирования печати Министерства связи Союза ССР.

3. Опубликованные источники

1. «Великая книга дня...». Радио в СССР. Документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 1040 с., ил.

2. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1939. – 743 с.
3. Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.
4. Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары / ред.-сост. Ю. П. Изюмов. – М.: «АСПОЛ», 1996. – 336 с.
5. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1956. – 640 с.
6. XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.
7. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1962. – 608 с.
8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. В 4 т. Т. 3. 1946–1952 гг. – М.: Госюриздат, 1958. – 704 с.
9. «Добиться закрытия так называемых «святых мест» // Источник. 1997. – № 4. – С. 120–129.
10. Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам от 12 сентября 1958 г. «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/03print/02/239/index.html> (дата обращения – 02.06.2015).
11. Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Сб. докум. / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 628 с.
12. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). – М.: Правда, 1938. – 351 с.

13. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958 гг. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. – В 2 т. Т. 1. – М.: Госюриздат, 1959. – 517 с.
14. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2 т. Т. 2. / рук. колл. сост. Н. Д. Казанцев. – М.: Госюриздат, 1958. – 539 с.
15. Калужская область за 50 лет. Статистический сборник. Калуга, облстатупр., 1967. – 167 с.
16. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. – М.: РОССПЭН, 2006. – 912 с.
17. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 14 т. – Изд. 9-е, доп. и испр. / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова – М.: Полит. лит., 1986.
18. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко / отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. – М.: Материк, 2005. – 429 с.
19. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. – М.: РОССПЭН, 2005. – 1120 с.
20. Культурно-просветительная работа на селе. Сборник материалов в помощь работникам сельских культурно-просветительных учреждений. – М.: Московский рабочий, 1950. – 430 с., ил.
21. Материалы по культурно-просветительской работе. Сборник. – М.: Советская Россия, 1959. – 301 с.
22. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1957. – 262 с.
23. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1959. – 508 с.

24. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1961. – 572 с.
25. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1962. – 605 с.
26. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1963. – 608 с.
27. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статезежегодник. – М.: Статистика, 1965. – 576 с.
28. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Статезежегодник. – М.: Статистика, 1966. – 616 с.
29. Народное хозяйство СССР в 1959 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1960. – 510 с.
30. Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статезежегодник. – М.: Госстатиздат, 1962. – 606 с.
31. О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170.
32. Образование и развитие СССР (в документах) / отв. ред. А. П. Косицын. – М.: Юр. лит., 1973. – 736 с.
33. Обращение работников культуры Московской области и социалистические обязательства работников культуры Воронежской области. – М.: Госкультпросветиздат, 1957. – 14 с.
34. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. – Т. 3 / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. – М.-Н. Новгород: ИРИ РАН, 2005. – 1080 с.
35. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы. В 5 т. – Т. 4. – Часть 1. Региональная власть и реализация политики «оттепели» / Сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. – М.-Н. Новгород: ИРИ РАН, 2007. – 680 с.

36. Общество и власть. Российская провинция. 1917-1980-е годы. В 5 т. – Т. 4. – Часть 2. Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. – М.-Н. Новгород: ИРИ РАН, 2007. – 664 с.
37. Овечкин В. В. Собрание сочинений. В 3 т. – Т. 2. – М.: Худ. лит., 1989. – 557 с.
38. Памятка депутата местного Совета. – Калуга, Калуж. типография управл. по печати облисп., 1965. – 16 с.
39. Печать в СССР в 1956 и 1957 годах. Статматериалы. – М.: изд. Всесоюзной книжной палаты, 1958. – 192 с.
40. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР в 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.
41. Положения о сельских Советах депутатов трудящихся. (Сборник официальных текстов). – М.: Госюриздат, 1959. – 194 с.
42. Попов В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы, 1994. – № 1. – С. 27–50.
43. Попов В. П. Крестьянство и государство (1945–1953). Сб. документов. – Париж, ИМКА-Пресс, 1992. – 298 с.
44. Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы, 1993. № 2. С. 31-38.
45. Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.) – М.: Прометей, 1993. – 204 с.
46. Последования молебные об избавлении от духов нечистых. – М.: Фонд «Благовест», Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 1999.
47. Примерные Положения о работе Советов культуры при колхозах (совхозах), районных отделах культуры и областном управлении культуры. – Калуга, Калуж. типография облполиграфиздата управления культуры, 1963. – 7 с.
48. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1947. – 689 с.

49. «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства». Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. (публ. М. И. Одинцова) // [Электронный документ]. Сайт Общероссийской общественной организации «Российское объединение исследователей религии». URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-118/> (дата обращения: 26.07.2015).
50. Региональная политика Н. С. Хрущева и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. – М.: РОССПЭН, 2009. – 774 с.
51. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. докум. / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. / пред. редколл. серии И. Соловьев. – М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2009. – 765 с., ил.
52. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. – В 2 кн. Кн. 2. – М.: Пропилеи, 1995. – 464 с.
53. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / отв. ред. и автор вступ. ст. Я. Н. Щапов, ответ. сост. и автор статей перед разд. О. Ю. Васильева, сост. А. С. Масальская, И. Н. Селезнева, М. Е. Алексашина. – М.: Издательство Библейско-Богословского института Святого апостола Андрея, 1996. – 352 с.
54. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С. В. Журавлев и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 749 с.
55. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / под ред. канд. юр. наук Ю. И. Мандельштам. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

56. Сборник руководящих материалов по клубной работе. В помощь сельским клубным работникам. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Госкультпросветиздат, 1951. – 56 с.
57. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. – М.: Госкультпросветиздат, 1947. – 140 с.
58. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое НКЮ. – М., Советск. законод., 1931.
59. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. – В 4 т. – Т. 1. – 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.
60. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. – В 4 т. – Т. 2. – 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1168 с.
61. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. – В 4 т. – Т. 3. – 1930–1934 гг. – Кн. 1. – 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 864 с.
62. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. – В 4 т. – Т. 3. – 1930–1934 гг. – Кн. 2. – 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2005. – 840 с.
63. Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.
64. 40 лет образования Калужской области. Юбилейный статистический сборник. Для служебного пользования. – Калуга, облстатупр., 1984.
65. Справочник партийного работника. – Вып. 1 / редколл. В. Н. Малин и др. – М.: Госполитиздат, 1957. – 611 с.
66. Справочник партийного работника. – Вып. 2 / редколл. В. Н. Малин и др. – М.: Госполитиздат, 1959. – 839 с.
67. Справочник партийного работника. – Вып. 3 / редколл. М. Т. Ефремов и др. – М.: Госполитиздат, 1961. – 835 с.

68. Справочник партийного работника. – Вып. 4 / редколл. В. Н. Малин и др. – М.: Госполитиздат, 1963. – 726 с.
69. Справочник партийного работника – Вып. 5 / редколл. В. Н. Малин и др. — М.: Политиздат, 1964. – 446 с.
70. Справочник председателя исполкома сельского Совета депутатов трудящихся / сост. Я. М. Котов. – Калуга, изд. газеты «Знамя», 1949. – 237 с., ил.
71. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 611 с.
72. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. – В 5 т. – Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с.
73. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – В 5. т. – Т. 2. ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2000. - 927 с.
74. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – В 5. т. – Т. 3. Конец 1930 – 1933 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.
75. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – В 5. т. – Т. 4. 1934–1936 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1056 с.
76. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – В 5. т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 г. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. - М.: РОССПЭН, 2004. – 648 с.
77. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – В 5. т. – Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939 гг. / под ред. В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2006. – 704 с.
78. Требник. – СПб., изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1995. – 310 с.
79. Требник митрополита Петра Могилы. Репринт. изд. 1646 г. – В 3 ч. – Киев, Інформаційно-видавничий центр Української Православної церкви, 1996.
80. XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 360 с.

81. УК РСФСР 1926 г. // [Электронный документ]. Сайт Wikisource - «Свободная библиотека». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.06.2015).
82. УК РСФСР от 27 октября 1960 г. первая редакция (без изменений и дополнений) // [Электронный документ]. Сайт «Левоневский Валерий Станиславович». URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index03.htm> (дата обращения: 12.06.2015).
83. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 496 с.

4. Литература

Монографии, сборники статей, коллективные труды

1. *Абросенко К.* О социалистическом перевоспитании крестьянства. – М.: ОГИЗ, 1949. – 137 с.
2. *Авторханов А. Г.* Технология власти // [Электронный документ]. Сайт «Библиотека Максима Мошкова». URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/AWTORHANOW/tehnologiq.txt> (дата обращения: 10.07.2015).
3. *Агарев А. Ф.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937–1970 гг. Документы, события, факты. – Рязань, Русское слово, 2010. – 656 с., ил.
4. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ильиных. – Новосибирск, Институт истории СО РАН, 2008. – 308 с.
5. *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. - М.: РОССПЭН, 2004. – 488 с.

6. *Александров П.* О путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. – М.: Моск. рабочий, 1954. – 52 с.
7. *Амвросов А. А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. – М.: Мысль, 1972. – 295 с.
8. *Андреева И.* Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя / Предисл. Р. Кирсановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 344 с., ил.
9. *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. – М.: Наука, 1964. – 352 с.
10. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Попова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
11. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм / пер. с фр. Г. И. Семенова. – М.: Текст, лит.-изд. студия «РИФ», 1993. – 303 с.
12. *Арсенкин В. К.* Кризис религиозности и молодежь. Методологические аспекты исследования / отв. ред. В. Д. Тимофеев. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
13. *Арутюнян Ю. В.* Опыт социологического изучения села. – М.: изд. МГУ, 1968. – 104 с.
14. *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. – М.: Мысль, 1971. – 376 с.
15. *Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Шнайден Й. Й., Федупин А. А., Мазин К. А.* Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. – М.: ФОРУМ, 2007. – 256 с.
16. *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма. – В 2-х кн. – Кн. 2. Апогей / отв. ред. С. П. Постников. – Екатеринбург, Банк культурной информации, 1997. – 224 с.
17. *Бачинин В. А.* Политология. Энциклопедический словарь. – СПб.: изд. Михайлова В. А., 2005. – 288 с.
18. *Бакшеева Е. Б.* Политика Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1965 гг.: ее особенности и проявления на Дальнем

Востоку РСФСР // DIXI – 2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: выпуск 3 / под науч. ред. А. Ю. Завалишина. – Хабаровск, РИЦ ХГАЭП, 2012. – С. 9–23.

19. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. – 352 с.

20. *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. – М.–Вологда, ВГПИ, 1991. – 256 с.

21. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 608 с.

22. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1960-е годы. – Тезисы научного доклада. – Вологда, Легия, 2003. – 36 с.

23. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX век). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 155–166.

24. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). – Вологда, Легия, 2008. – 56 с.

25. *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. – Вологда, Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. – 141 с.

26. *Белов В.* Сельское хозяйство на пути подъема // Калужская область за сорок лет / ред. колл. А. К. Сургаков, В. М. Косачев, В. В. Соловьев, Н. А. Рыбин и др. – Калуга, изд. газ. «Знамя», 1957. – С. 167–171.

27. *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 328 с.

28. *Бессонова О. Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск, ИЭиОПП, 1997. – 76 с.

29. *Бессонова О. Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – Новосибирск, ИЭиОПП, 1999. – 152 с.

30. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко. Прим. А. Я. Гуревича. – М.: Наука, 1973. – 233 с.
31. *Богданов А. К.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с., ил.
32. *Болотов С. В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. – М.: изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2011. – 315 с.
33. *Бондарев В. А.* Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / отв. ред. А. П. Скорик. – Ростов-н/Д., изд. СКНЦ ВШ, 2005. – 580 с.
34. *Бондаренко С. Я., Малахов Р. Я., Перебинос Ю. А.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 – начале 1950-х годов / науч. ред. М. А. Безнин. – Вологда: Книжное наследие, 2009. – 326 с.
35. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. – 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. – М.: «Весь мир», 2006. – 592 с.
36. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Репринтн. воспроизвед. изд. 1913 г. – М.: изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 1773 с., XXIII.
37. *Вавулинская Л. И.* Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 235 с.
38. *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в истории России XI–XX века: исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. – М.: Наука, 2002. – С. 332–342.
39. *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 288 с.

40. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ. Сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.
41. *Вербницкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов / отв. ред. И. Е. Зеленин. – М., Наука, 1992. – 222 с.
42. *Викентьев А. И.* Очерк развития народного хозяйства СССР (1951–1958 гг.). – М.: Госполитиздат, 1959. – 243 с.
43. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 430 с.
44. Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е годы) / под ред. В. П. Дмитренко, Г. Б. Куликова, Л. В. Ярушина. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 360 с.
45. Власть и общество России. XX век. Сб. науч. трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселева, С. В. Мищенко. – М.-Тамбов, Изд. ТГТУ, 1999. – 354 с.
46. Власть и общество в истории России: сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с.
47. *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М.: Наука, 1972. – 293 с.
48. Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь и история СССР / отв. ред. П. К. Курочкин. – М.: Мысль, 1980. – 341 с.
49. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. – 1-е совет. изд. – М.: МП «Октябрь», Советская Россия, 1991. – 622 с.
50. *Вьлцан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. – М.: Мысль, 1976. – 263 с.
51. *Геллер М. Я.* Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: «МИК», 1994 // [Электронный документ]. URL: <http://www.twirpx.com/file/625928/> (дата обращения: 10.07.2015).
52. *Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России 1917—1995. – В 4. т. – Т. 1. Утопия у власти 1917—1945. – М.: «МИК», «Агар», 1996 // [Электронный документ]. Сайт «Библиотека Якова Кротова». URL:

http://www.krotov.info/history/11/geller/gell_20a.html#_Тoc86078752 (дата обращения: 10.07.2015).

53. *Герасимов Н. В.* Культпросветработа в Ярославской области в годы 4-й пятилетки // Краеведческие записки. – Вып. 2. – Ярославль, Яросл. обл. краевед. музей, 1957. – С. 135–153.

54. *Гераськин Ю. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 30-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России). – М.: МПГУ, 2008. – 479 с.

55. *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века). Рязань, 2007 // [Электронный документ]. Сайт «Бесплатная электронная библиотека (Авторефераты, диссертации, методички, учебные программы, монографии)». URL: <http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732803-1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86372-g37-p.php> (дата обращения: 24.03.2015).

56. *Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. – М.: Госполитиздат, 1949. – 419 с.

57. *Глумная М. Н., Изюмова П. В.* Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х – начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда, Легия, 2000. С. 52–77.

58. *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории /под общ. ред. проф. А. Г. Голикова – М.: РОССПЭН, 2000. – 440 с.

59. *Горбачев О. В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946-1985 гг.) и советская модель урбанизации. – М.: МПГУ, 2002. – 158 с.

60. *Гордиенко Н. С.* Основы научного атеизма. – М.: Просвещение, 1988. – 304 с.

61. Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса / науч. ред. М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда, ВГПУ, изд. «Русь», 2006. – 190 с.

62. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 543 с.

63. *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. – М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
64. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. – В 4 кн. – Кн. 1. – Эпоха Хрущева. – М.: «Прогресс-Традиция», 2001. – 624 с.
65. *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. – М.: Мартис. 1998. – 510 с.
66. *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 303 с.
67. XX век и сельская Россия / под ред. Х. Окуда. – Токио, CIRJE-R-2, 2005. – 392 с.
68. XX съезд КПСС в контексте российской истории / отв. ред. А. С. Сенявский. – М.: ИРИ РАН, 2012. – 220 с.
69. *Демьянов А. И.* Истинно православное христианство / науч. ред. А. И. Клибанов. – Воронеж, изд. Воронежск. госунив., 1977. – 152 с.
70. *Денисов Ю. П.* Развитие колхозной демократии (1946-1970). – Ростов-н/Д, изд. Ростов. унив., 1975. – 192 с.
71. *Денисова Л. Н.* Невосполнимые потери: кризис культуры села в 60–80-е годы. – М.: Наука, 1995. – 182 с.
72. *Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы / отв. ред. В. В. Кабанов. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 215 с.
73. Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села / под ред. проф. В. Б. Островского. – Саратов: изд. Саратовск. университета, 1979. – 274 с.
74. Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова – М.: Госполитиздат, 1953. – 439 с.
75. *Димони Т. М.* Политика экономической модернизации сельского хозяйства России в 1930-е – первой половине 1960-х гг. // Государственная аграрная

политика в России XX века в контексте модернизационного процесса / науч. ред. М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда, изд. «Русь», 2006. С. 39–77.

76. Дома народного творчества России: ретроспектива и современность. Исторические очерки. Сохранение и развитие нематериального культурного развития народов России. Книга 1 / ред.-сост. Л. А. Богуславская. – М.: Государственный Российский Дом народного творчества, 2009. – 492 с., ил.

77. *Дубонос Д. И.* Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.) / отв. ред. В. М. Резванов. – Ростов-н/Д, «Молот», 1970. – 156 с.

78. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. – Москва-Самара, изд. «Самарский университет», 2015. – 511 с.

79. *Ефимов Н. И.* Советский образ жизни. – М.: изд. Агентства печати «Новости», 1983. – 69 с.

80. *Журавлев С. В.* К переосмыслению советского прошлого. Новые источники и методы исследования. – М.: РАГС, 2011. – 136 с.

81. *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 352 с.

82. *Журавлев С. В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917-1991. – М.: ИРИ РАН, 2013. – 496 с., ил.

83. *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 240 с.

84. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под. ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик., пер. с англ. В. И. Матузовой, Л. Е. Сидиковой, Г. И. Германенко, С. В. Шулятьева. – М.: РОССПЭН, 2011. – 679 с.

85. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 302 с.

86. *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни 1948–1958 гг. – М.: Наука, 1978. – 245 с.
87. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / Отв. ред. В. П. Дмитренко. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 265 с.
88. *Зима В. Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. – М.: ИРИ РАН, 2000. – 278 с.
89. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность // [Электронный документ]. Сайт, посвященный А. А. Зиновьеву. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf> (дата обращения: 10.07.2015).
90. *Зоц В. А.* Культура. Религия. Атеизм. – М.: Политиздат, 1982. – 158 с.
91. *Зубкова Е. Ю.* О «детской литературе» и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 156–161.
92. *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964 / под общ. ред. Г. А. Бордюгова. – М.: изд. «Россия молодая», 1993. – 200 с.
93. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
94. *Иванов Н. С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. – М.: РГГУ, 1995. – С. 416–435.
95. *Измозик В. С., Лебина Л. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве (социально-архитектурное микроисторическое исследование). 1920–1930-е годы. - СПб.: Крига, 2010. – 248 с.
96. Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Советский период / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1978. – 342 с.
97. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / пер. с англ. Т. Н. Саранцевой. – М.: РОССПЭН, 2010. – 255 с.

98. Исторический материализм / под общ. ред. В. Ф. Константинова. – М.: Госполитиздат, 1950. – 747 с.
99. История государственного управления в России / под. общ. ред. Р. Г. Пихои. – М.: изд. РАГС, 2003. – 348 с. [Электронный документ]: URL: <http://www.twirpx.com/file/402937/> [дата обращения: 17.12.2013].
100. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов, науч. ред. Н. В. Елисеева. – М.: РОССПЭН, 2014. – 671 с.
101. История КПСС. В 6 т. / пред. редколл. П. Н. Федосеев. – Т. 5. Кн. 2. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период укрепления и развития социалистического общества 1938–1959 гг. / рук. редколл. тома А. Д. Педосов. – М.: Госполитиздат, 1980. – 691 с.
102. История повседневности: сб. научных работ / ред. колл. Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, В. В. Лапин, А. Н. Цамутали; отв. ред. выпуска М. М. Кром. – СПб., изд. Европ. унив. в С.-Петербурге, Алетейя, 2003. – 208 с.
103. История социалистической экономики СССР. – В 7 т. / отв. ред. И. А. Гладков. – Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма 1946 – начало 1960-х годов. – М.: Наука, 1980. – 589 с.
104. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под общ. ред. А. К. Соколова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 743 с.
105. *Кабанов П. И.* Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы. 1945–1953 / отв. ред. В. Е. Быстров. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 133 с.
106. *Карелин Е. Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014. – 422 с., ил.
107. *Касьяненко В. И.* Советский образ жизни. История и современность. – М.: Политиздат, 1985. – 282 с.
108. *Касьяненко В. И.* Роль КПСС в формировании социалистического образа жизни. – М.: Политиздат, 1979. – 279 с.

109. *Каторгин И. И.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенные годы. (1945–1953 гг.). – М.: изд. ВПШ и АОН, 1959. – 92 с.
110. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. / пер. с англ., 2-е изд., перераб и доп. – М.: РОССПЭН, 2009. – 328 с.
111. *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
112. *Клюско Е. М.* Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945–1985 гг.): Теоретико-методологический и исторический аспекты. – 3-е изд. – М.: МГУКИ, 2007. – 161 с.
113. *Кодин Е. В.* «Гарвардский проект». – М.: РОССПЭН, 2003. – 208 с.
114. *Козлов А. В.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 448 с.
115. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. – М.: изд. «Европа», 2005. – 544 с.
116. *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. – М.: ИФ РАН, 1996. – 216 с.
117. *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. – Смоленск, «Свиток», 2015 – 368 с., ил.
118. *Кометчиков И. В.* Власть и общество в освобожденных районах Калужского края (конец 1941 – 1945 гг.) // Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / И. В. Кометчиков и др.; редколл.: В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. – Калуга, КГИРО, 2015. – С. 192–247.
119. *Кометчиков И. В.* «Нам надо было оставаться в Германии...»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. // *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. г. Брянск, 1–3 июля 2015 г. / редколл.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур.* – Брянск, РИО БГУ, 2015. – С. 306–307.

120. *Кометчиков И. В.* Справедливое землепользование в контексте «социального иммунитета» колхозного села Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Научная школа профессора М. А. Безнина. Сборник научных материалов, посвященный 60-летию профессора Михаила Алексеевича Безнина / редколл.: Т. М. Димони (отв. ред.) и др. – Вологда: Сад-огород, 2014. – С. 131–140.
121. *Кометчиков И. В.* Религиозность в сельских приходах РПЦ Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы международной научной конференции, г. Иваново, 18–19 марта 2015 г. / отв. ред. А. А. Корников. - В 2 ч. Ч. 1. Иваново, изд. «ИвГУ», 2015. – С. 151–158.
122. *Кораблино – село русское* / отв. ред. и рук. авторск. колл. проф. В. И. Селиванов. – М.: Советская Россия, 1961. – 176 с.
123. *Кордонский С. Г.* Ресурсное государство. – М.: REGNUM, 2007. – 108 с.
124. *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
125. *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
126. *Коркоценко Д. И., Куликов В. И.* Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства 1948–1958 гг. – М.: Высшая школа, 1974. – 135 с.
127. *Костяшов Ю. В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2015. – 263 с., ил.
128. *Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия / под ред. О. Хархордина. – СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – С. 238–214.
129. *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / предисл. акад. В.М.Бехтерева. – Новгород, Губерн. типограф., 1900. – 243 с.

130. *Красильников Ю. Д.* Культурно-просветительная деятельность развитого социалистического общества. – М.: МГИК, 1983. – 79 с.
131. *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 148 с.
132. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 – конец 1950-х гг. / отв. ред. И. М. Волков // История советского крестьянства. – В 5 т. – Т. 4. / отв. ред. В. П. Шерстобитов. – М.: Наука, 1988. – 395 с.
133. *Кром М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности / отв. ред. М. М. Кром. – СПб., изд. Европейск. универс. в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003. – С. 7–14.
134. *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян в России (XIX – начало XXI в.). – М.: изд. МГУ, 2004. – 208 с.
135. Культурное обслуживание трудящихся Нечерноземной зоны. Вопросы теории и практики / сост. Л. С. Лаптева. – М.: НИИ культуры, 1981. – 139 с.
136. Культурное развитие сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск, Наука, Сиб. отд., 1980. – 383 с., ил.
137. Культурно-просветительная работа в СССР / под ред. Т. А. Ремизовой. – М.: Просвещение, 1974. – 272 с.
138. *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.
139. *Лактионов И. Д.* КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период. – Челябинск, Челябинский рабочий, 1962. – 52 с.
140. *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. – М.: РОССПЭН, 2009. – 183 с., ил.
141. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. - СПб.: изд. Торговый дом «Летний сад», 1999. – 320 с., ил.

142. *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. - СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 444 с., ил.
143. *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 340 с., ил.
144. *Левин М.* Номенклатура – Arcanum Imperii // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 69–76.
145. *Левин М.* Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. – М.: изд. «Европа», 2008. – 680 с.
146. *Левыкин И. Т.* Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. – Орел, ОГПИ, 1970.
147. *Левыкин И. Т.* Теоретические и методологические проблемы социальной психологии на опыте изучения психологии колхозного крестьянства. – М.: Мысль, 1975. – 256 с.
148. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. – 2-е изд., испр. - М.: РОССПЭН, 2008. – 295 с.
149. *Лейбович О. Л.* Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). – Пермь, ЗУУНЦ, 1996. – 157 с.
150. *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. – Пермь, изд. Пермск. унив. – ТОО ЗУУНЦ, 1993. – 182 с.
151. *Лепешкин А. И.* Советы - власть народа. 1936–1967. – М.: Юр. лит., 1967. – 375 с.
152. *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество. Диалог в письмах. – М.: РОССПЭН, 2002. – 208 с.
153. *Литовкин Е. В.* Восстановление и развитие культурно-просветительной работы Рязанской области в послевоенный период. – Рязань, РЗИ (ф) МГУКИ, 2004. – 209 с.

154. *Литовкин Е. В.* Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте. – М.: МГУКИ, 2004. – 352 с.
155. *Лосев А. В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1946–1964 гг.). – Воронеж, изд. Воронежск. унив., 1965. – 336 с.
156. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Изд. 2-е. – СПб., «Искусство-СПб», 2011. – 413 с., ил.
157. *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство-СПб», 2002. – 769 с.
158. *Лукьянов А. И.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти. (Некоторые вопросы истории, теории и практики). – М.: Юр. лит., 1978. – 352 с.
159. *Любимова Г. В.* Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / отв. ред. Е. Ф. Фурова. – Новосибирск, изд. Инст. археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 33–49.
160. *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем. и англ. К. А. Левинсона и др. Общ. ред. и предисл. С. В. Журавлева. – М.: РОССПЭН, 2010. – 271 с., ил.
161. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 77–100.
162. *Мальшиева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань: Рутен, 2005. – 400 с., ил.
163. *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. – М.: изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2010. – 324 с.

164. *Масловский М. В.* Теории исторической макросоциологии и социально-политические трансформации в России и СССР в первой половине XX века. – Н. Новгород: изд. ННГУ, 2003. – 123 с.
165. *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. – Минск, БГУ, 2007. – 358 с.
166. Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. - Сыктывкар, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. – 222 с.
167. *Мионов Б. Н.* История СССР с социологической точки зрения: о книге А. Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Социальная история. Ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин, А. К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 327–342.
168. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. – В 2 т. – Т. 2. – СПб.: «Дм. Буланин», 2000. – 568 с., ил.
169. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
170. *Мозохин О. Б.* Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР // [Электронный документ]. Сайт «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/255> (дата обращения: 18.11.2015).
171. *Морехина Г. Г.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1946–1953 гг.) – М.: Знание, 1955. – 40 с.
172. *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). – Пермь, Пермск. книжн. изд., 2003. – 238 с.
173. Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптина Пустынь (ставропигиальный) // [Электронный документ]. Сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (дата обращения: 28.06.2015).

174. *Наухацкий В. В.* Модернизация сельского хозяйства и российская деревня 1965-2000 гг. – Ростов-н/Д., РГЭУ «РИНХ», 2003. – 200 с.
175. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
176. Население России в XX веке: исторические очерки. – В 3 т. – Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.
177. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979 / отв. ред. Ю. А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2005. – 304 с.
178. *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. – М.: РГГУ, 1995. – С. 436–462.
179. *Никитина Г. Я.* История культурно-досуговой деятельности. – М.: МГУКИ, 1998. – 65 с.
180. *Никольский К., прот.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. Репринт. воспроизвед. 7-го изд. 1907 г. – М.: Издательский совет РПЦ, 2008. – 879 с., XV.
181. *Никольский Н. М.* История русской церкви / науч. ред., автор вступ. ст. и комм. Н. С. Гордиенко. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 448 с.
182. Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Репринт 17-го изд. 1908 г. – М.: изд. Правосл. Братства Святителя Филарета Митрополита Моск., 1999. – 305 с., XXV.
183. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Фесенко, В. Ю. Погорелый, К. В. Филиппов. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2010. – 318 с.
184. Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под общей ред. Т. Вихавайнена. – СПб.: Ж-л «Нева», 2000. – 479 с.
185. *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики / под редакцией Я. Н. Засурского. – М.: изд. МГУ, 1999. – 256 с. [Электронный ресурс].

Сайт о журналистике, рекламе и PR «Evartist». URL: <http://www.evartist.narod.ru/text/51.htm> (дата обращения: 24.08.2015).

186. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2014. – 424 с.

187. Опыт историко-социологического изучения села «Молдино» / под ред. В. Г. Карцова. – М.: Московский рабочий, 1968. – 453 с.

188. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 246 с.

189. Орловская и Севская епархия // [Электронный документ]. Сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya> (дата обращения: 11.11.2014).

190. Осмыслить культ Сталина / ред.-сост. Х. Кобо. – М.: Прогресс, 1989. – 656 с.

191. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. – 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.

192. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». – М.: РОССПЭН, 2009. – 592 с.

193. *Осокина Е. А.* О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. - М.: РОССПЭН, 2011. – С. 387–406.

194. *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее результаты. – Саратов, изд. Саратовск. унив., 1967. – 329 с.

195. Очерки истории исторической науки в СССР. – В 5 т. – Т. 5 / отв. ред. М. В. Нечкина, зам. гл. ред. Е. Н. Городецкий. – М.: Наука, 1985. – 605 с.

196. Очерки по историографии советского общества / гл. ред. П. А. Жилин. – М.: Мысль, 1965. – 599 с.

197. *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. - Новосибирск, изд. СО РАН, 2001. – 460 с.
198. *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. - СПб.: Алетейя, 1998. – 325 с.
199. *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). 2-е изд., доп. – Орел, изд. типогр. «Труд», 2008. – 216 с.
200. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер, с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
201. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. - М.: Мысль, 1966. – 327 с.
202. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. – Изд. 2-е. – Л.: изд. ЛГУ, 1967. – 208 с.
203. *Парыгин Б. Д.* Что такое социальная психология. – Л., 1965. – 39 с.
204. *Пиналов С. А., Чернявский Г. И., Виноградов А. П.* История культпросветработы в СССР. – Киев, Виша школа, 1983. – 262 с.
205. *Пихоя Р. Г.* СССР. История власти. 1945–1991. – М.: Изд. РАГС, 1998. – 736 с.
206. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945–2005. – В 3 т. – Т. 1. 1945–1964. – М.: Новый хронограф, 2009. – 456 с., ил.
207. *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
208. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3: налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. – Новосибирск, изд. НГУ, 2003. – 262 с.
209. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянинова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева и др. – М.: Госполитиздат, 1954. – 639 с.
210. Политическая энциклопедия. – В 2 т. – Т. 2 / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. Пред. науч.-ред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 701 с.
211. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, М. Гальянова и Н. Рубинштейна. – М.: Госполитиздат, 1940. – 671 с.

212. Политология. Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М.: изд. Моск. коммерч. унив., 1993. – 431 с.
213. *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002. – 894 с., ил.
214. *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 326 с.
215. *Попов В. П.* Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М.: изд. НЦ ЭНАС, 2005. – 216 с.
216. *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Великой Отечественной войны (1946–1953). Изд. 2-е, испр. – М.: изд. РАГС, 2002. – 158 с.
217. *Попов В. П.* Экономическая политика советского государства 1946–1953 гг. – Тамбов, изд. ТГТУ, 2000. – 222 с.
218. *Попов В. П.* Экономическая политика Советского государства 1946–1950 гг. – Тамбов, изд. ТГУ, 2000. – 220 с.
219. *Попов Г. Х.* Блеск и нищета административной системы. Экономика, политика, литература. – М.: изд. «ПИК», 1990. – 240 с.
220. *Поршнев Б. Д.* Социальная психология и истории. Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
221. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с., ил.
222. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке / пер. с англ. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
223. Правовое положение социальных слоев российской деревни: советское и постсоветское общества / гл. ред. проф. Т. М. Димони. – Вологда, 2011. – 112 с.
224. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. – М.: Наука, 2002. – 469 с., ил.

225. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований / отв. ред. Т. А. Листова. – М.: Наука, 2001. – 363 с., ил.
226. Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / сост. Л. И. Денисов. – М.: изд. А. Д. Ступина, 1908. - 984 с., XII, ил., табл.
227. Праздники на селе: сб. статей. – М.: Советская Россия, 1958. – 115 с.
228. Практическое руководство при совершении приходских треб. Сост. свящ. Н. Сильченков. – Изд. 5-е, испр., печат. по изд. 1888 г. СПб., 1994 [Электронный документ]. Сайт «Типикон. Страница игумена Корнилия». URL: <http://tyricon.ru/books/treby.pdf> (дата обращения – 15.06.2015).
229. Проблемы истории советского крестьянства: сб. ст. / отв. ред. М. П. Ким, зам. отв. ред. И. М. Волков. – М.: Наука, 1981. – 349 с.
230. *Пронькина А. В.* Национальные модели массовой культуры США и России: культурологический анализ. – Рязань, Ряз. госунив. им. С. А. Есенина, 2009. – 156 с.
231. *Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований // [Электронный документ]. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovaniy_2010-03-16.htm (дата обращения: 09.07.2015).
232. *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 511 с., ил.
233. *Пыжиков А. В.* Политические преобразования в СССР (50–60-е гг.). – М.: ООО «Квадрат С», 1999. – 305 с.
234. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 479 с.
235. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / ред. И. А. Гладков. – М.: Наука, 1965. – 600 с.
236. Религия и церковь в современную эпоху / редколл. Л. Н. Великович, В. И. Гараджа и др. – М.: Мысль, 1976. – 328 с.

237. *Ретина Л. Р.* Историческая наука на рубеже XX-XXI века: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
238. *Рольф М.* Советские массовые праздники / пер. с нем. В. Т. Алтухова. – М.: РОССПЭН, 2009. – 439 с.
239. *Романовский Н. В.* Лики сталинизма. – М.: РАГС, 1995. – 227 с.
240. *Ростоу В. В.* Стадии экономического роста / пер. с англ. – Нью-Йорк: изд. Фр. Прегер, 1961. – 240 с.
241. Руководители Смоленской области (1917–1991 годы). Биографический справочник / Н. Г. Емельянова, Г. Н. Мозгунова, А. В. Баркова и др. – Смоленск: ИП Флиманкова И. А., 2008. – 208 с., ил.
242. Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова. – В 2 т. – Т. 2. – М.: «Индрик», 2009. – 748 с., ил.
243. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. – СПб., Пб. писатель, 1995. – 640 с.
244. Русское народно-поэтическое творчество против религии и церкви / сост., вступ. статья и прим. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова, отв. ред. В. П. Вильчинский. – М.-Л., изд. АН СССР, 1961. – 292 с.
245. *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения. – Новосибирск: Наука, 1979. – 255 с.
246. Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села) / рук. авторск. колл. проф. В. И. Селиванов // Ученые записки РГПУ. – Т. XVIII, 1957 г. – Рязань: Касимовская типогр. Рязаньполиграфиздата, 1957. – 437 с.
247. Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930-1950-е гг. – В 2 кн. – Кн. 1 / ред. С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин. – М.: Государственный институт искусствознания, 1995. – 302 с.
248. Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х гг. / ред. Л. П. Солнцева, М. В. Юнисов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 469 с.

249. *Сарнов Б. М.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: «Материк», 2002 – 600 с., ил.
250. *Севастьянова А. А.* Советский райцентр 50-х–60-х годов XX века. – М.: «Древлехранилище», 2008. – 136 с., ил.
251. Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда, Легия, 2000. – 120 с.
252. Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. – Вып. 2 / гл. ред. М. А. Безнин. – Вологда, Легия, 2001. – 140 с.
253. Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. – Вып. 3 / гл. ред. М. А. Безнин. – Вологда, Легия, 2002. – 136 с.
254. Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда, Легия, 2003. – 141 с.
255. Село Вирятино в прошлом и настоящем: опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. – М.: изд. АН СССР, 1958 // [Электронный документ]. Сайт «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/25141> (дата обращения: 21.07.2015).
256. Сельская молодежь. Социологический очерк / сост. И. Т. Левыкин. – М.: Советская Россия, 1970. – 160 с.
257. *Семенко-Басин И. В.* Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. – М.: РГГУ, 2010. – 291 с.
258. *Сенявский С. Л.* Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.). – М.: Мысль, 1982. – 351 с.
259. *Симуш П. И.* Социальный портрет советского крестьянства. – М.: Политиздат, 1976. – 319 с.
260. *Синцов Н. Д.* Наши учреждения культуры. Система культурно-просветительной работы в СССР. – М.: Советская Россия, 1957. – 111 с., ил.
261. *Скорик А. П., Бондарев В. А.* Теория фрагментарной модернизации: постулаты и исторический ландшафт // [Электронный документ]. Интернет-издание pandia.ru. URL: <http://pandia.org/text/78/214/92989.php> (дата обращения: 16.08.2015).

262. Смоленская епархия // [Электронный документ]. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия». URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014).
263. Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950 / отв. ред. И. М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.
264. Советский образ жизни: сегодня и завтра / сост. В. И. Добрынина. — М.: Молодая гвардия, 1976. – 255 с.
265. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. – М.: Госполитиздат, 1970. – 510 с.
266. Советы за 50 лет / гл. ред. С. Ф. Найда. – М.: Мысль, 1967. – 495 с.
267. Социалистический образ жизни / ред. М. Н. Руткевич, Г. Е. Глезерман, С. С. Вишневский. – М.: Политиздат, 1980. – 319 с.
268. Социалистический образ жизни. Политико-экономический справочник / под общ. ред. С. С. Вишневого, сост. В. В. Пошатаев – М.: Политиздат, 1986. – 335 с.
269. Социалистический образ жизни и новый человек / под общ. ред. А. И. Арнольдова, Э. А. Орловой. – М.: Политиздат, 1978. – 207 с.
270. Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917–1967). - Воронеж, изд. ВГУ, 1967. – 345 с.
271. Социально-классовые отношения в советском обществе / редколл. Ю. А. Поляков (отв. ред.), В. П. Дмитренко, Е. И. Пивовар. – М.: изд. ИИ СССР АН СССР, 1984. – 142 с.
272. Спутник атеиста / под ред. В. Е. Титова. – М.: Политиздат, 1959. – 545 с.
273. Сталинизм и российская провинция: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общ. ред. Е. В. Кодина. – Смоленск, СПГУ, 1999. – 312 с.
274. *Староверов В. И.* Город или деревня. Наше общество сегодня и завтра. – М.: Политиздат, 1972. – 87 с.
275. *Староверов В. И.* Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализ миграции сельского населения. – М.: Наука, 1975. – 287 с.

276. *Староверов В. И.* Советская деревня на этапе развитого социализма. – М.: Политиздат, 1976. – 143 с.
277. *Староверов В. И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. – М.: Наука, 1978. – 326 с.
278. Стирание классовых различий в условиях развитого социализма / под ред. В. Г. Венжера. – М.: изд. ИЭ АН СССР, 1980. – 109 с.
279. *Столяр М.* Советская смеховая культура. – Киев: Стилос, 2011. – 304 с.
280. Судьбы российского крестьянства / общ. ред. Ю. Н. Афанасьева, науч. ред. Н. А. Ивницкий. – М.: РГГУ, 1996. – 624 с.
281. *Суровцева Е. В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.) – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 128 с.
282. *Тишков И. А.* Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического сельского хозяйства в послевоенный период (1945–1953 гг.). Материалы к лекциям по курсу «История КПСС». – М.: Высшая школа, 1960. – 124 с.
283. *Токарев С. А.* Религиозные верования восточно-славянских народов XIX – начала XX века / отв. ред. проф. С. И. Ковалев. – Изд. 2-е. – М.: книжн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
284. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. – М.: «АИРО-XXI», 2009. – 400 с.
285. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Рук. авт. колл. Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 540 с.
286. Тоталитаризм, что это такое? Исследования зарубежных политологов: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. – В 2 ч. – Ч. 2 / Л. Н. Верченев, Ю. И. Игрицкий. – М.: ИНИОН, 1993. – 202 с.
287. *Тюрина А. П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958. – М.: Наука, 1973. – 310 с.

288. *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – В 2 т. – Т. 2. – Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – Изд. 3-е, дополн. – М.: Мысль, 1983. – 591 с.
289. *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. – Изд. 2-е, доп. – М.: Мысль, 1985. – 273 с.
290. *Уледов А. К.* Актуальные проблемы социальной психологии. – М.: Мысль, 1981. – 93 с.
291. *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. Теоретико-социологические исследования. – М.: Мысль, 1968. – 324 с.
292. Уроки дает история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева, сост. А. А. Ильин. – М.: Политиздат, 1989. – 414 с.
293. *Фэйнсод М.* Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л. А. Кузьмина, вступ. статья и ред. Е. В. Кодина. – Смоленск, ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995. – 496 с.
294. *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: история, теория и практики. – СПб.: изд. Европейского университета в С.-Петербурге: Европейский дом, 2008. – 544 с.
295. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. – М.: РОССПЭН, 2001. – 336 с.
296. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 412 с.
297. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2011. – 375 с.
298. *Хлевнюк О. В.* Центр и регионы в советской политической системе. Позднесталинская и хрущевская модели регионализации // Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР / сост. Р. Ю. Болдырев, Б. Бонвеч, отв. ред. Р. Ю. Болдырев. – Архангельск: Поморский унив., 2009. – С. 224-232.
299. *Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. глав 1, 2, 6 А. А. Пешкова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с., ил.

300. Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941 / пер. с англ. Л. А. Вертоградовой, А. П. Захаровой, отв. ред. А. В. Лубский, В. Н. Рябцев. – Ростов-н/Д, изд. Ростов. унив., 1994. – 144 с.
301. *Чистяков П. Г.* Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А. Б. Безбородова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 283–287.
302. *Чистяков П. Г.* Почитание чудотворных икон в современном православии (Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери) // Религиозные практики в современной России / под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. – М.: Новое издательство, 2006. С. 214–227.
303. *Чумаченко Т. А.* Государство, Православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. – М.: «АИРО-XX», 1999. – 248 с.
304. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. / пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой, отв. ред. Д. М. Буланин. – СПб.: «Дм. Буланин», 2010. – 488 с., ил.
305. *Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М.: Наука, 2006. – 296 с.
306. *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная церковь. – М.: Вече, 2007. – 512 с.
307. *Шкаровский М. В.* Последняя атака на Русскую Православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2: апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1997. – С. 328-399.
308. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943-1964 годах. От «перемирия» к новой войне. – СПб., Деан: Адиа-М, 1995. – 216 с.
309. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. – 399 с.

310. *Штудер Б., Унфрид Б.* Советские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / пер. с нем. И. А. Золотарева. – М.: РОССПЭН, 2011. – 247 с.
311. *Юинг Е. Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 359 с.
312. *Яблоков И. Н.* Социология религии. – М.: Мысль, 1979. – 182 с.
313. *Ярославский Е. М.* Библия для верующих и неверующих. Изд. 11-е. – М.: Госполитиздат, 1962. – 408 с.
314. *Friedrich Carl. J., Brzezinski Zb.* Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. XIII, 438 p.

Статьи

315. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 10-35.
316. *Безнин М. А.* Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 27–40.
317. *Безнин М. А.* Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е – первой половине 60-х гг. // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 69–85.
318. *Безнин М. А.* Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 16–29.
319. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е гг. // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
320. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 81-99.
321. *Белякова Н. А.* Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 124–130.

322. *Бромберг Л. М., Широков В. Г.* Борьба партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1963. – № 1. – С. 76–85.
323. *Бугай Н. Ф.* 20-40-е гг.: депортации населения с территории Европейской России // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 37–49.
324. *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-х – 40-х гг. // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 135–144.
325. *Будаев Д. И., Рябков Г. Т.* История сельского хозяйства и крестьянства Западного региона РСФСР. Конференция в Смоленске // История СССР. – 1978. № 5. – С. 219–221.
326. *Вдовин А. И., Дробышев В. З.* Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества // История СССР. – 1971. – № 5. С. 24–41.
327. *Волков И. М.* Деревня СССР в 1945– 1953 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. – 2000. – № 6. – С. 115– 124.
328. *Волков И. М.* Засуха, голод 1946– 1947 гг. // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 3–19.
329. *Волков И. М.* Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вопросы истории. – 1970. – № 6. – С. 3–19.
330. *Волков И. М.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в первые послевоенные годы // История СССР. – 1973. – № 1. – С. 3–19.
331. *Волков И. М., Данилов В. П., Шерстобитов В. П.* Проблема истории советского крестьянства // История СССР. – 1977. – № 3. – С. 3–18.
332. *Гераськин Ю. В.* К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 95–102.
333. *Гераськин Ю. В.* Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948-1970 гг.) // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 148–152.

334. *Гераськин Ю. В.* Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. – «История». – 2008. – Вып. 24. – № 15. – С. 132–138.
335. *Грушин Б. А.* Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 1. – С. 60–74.
336. *Димони Т. М.* Модернизация аграрной экономики на Европейском севере России в 1930-х – первой половине 1960-х гг. // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 194–204.
337. *Зеленин И. Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни в период социализма (некоторые итоги разработки и задачи исследования темы) // История СССР. – 1982. – № 4. – С. 20–34.
338. *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165.
339. *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41.
340. *Земсков В. Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 118–147.
341. *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.
342. *Зима В. Ф.* Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947 гг.) // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 45–59.
343. *Зима В. Ф.* Голод, медицина, власть: 1946–1947 годы // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 117–126.
344. *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека, 1945–1948 годы: по материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 25–39.
345. *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 117-127; № 4. С. 96-110; № 6. С. 112-120.

346. *Зубкова Е. Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С.90–100.
347. *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 130–141.
348. *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
349. *Кометчиков И. В.* Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945–1953 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Выпуск 60. – 2014. – № 12 (341). – С. 66–73.
350. *Кометчиков И. В.* Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 2 (65). – С. 11–16.
351. *Кометчиков И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. – № 4 (42). – Часть 2. – С. 101–107.
352. *Кометчиков И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 – начало 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 76–88.
353. *Кометчиков И. В.* «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 2 (33). – С. 238–261.
354. *Кометчиков И. В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История». – 2014. – № 4 (27). – С. 125–139.

355. *Кометчиков И. В.* Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2014. – № 1 (39). – Часть 2. – С. 90–96.
356. *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в культуре повседневного досуга села Центрального Нечерноземья 1945–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. – № 12 (50). – Часть 3. – С. 106–112.
357. *Кометчиков И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х – начала 1960-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». – 2014. – № 6 (30). – С. 20–29.
358. *Кометчиков И. В.* Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2014. – № 7 (45). – Часть 1. – С. 80–87.
359. *Кометчиков И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: замысел и результаты // Известия Смоленского госуниверситета. – 2014. – № 2 (26). – С. 183–191.
360. *Кометчиков И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Ученые записки Орловского госуниверситета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – № 4 (60). – С. 22–30.
361. *Кометчиков И. В.* Об одной пропагандистской кампании. Всесоюзный поход комсомола и молодежи за культуру (1958–1960) в Центральном Нечерноземье // Свободная мысль. – 2014. – № 1 (1643). – С. 157–172.

362. *Кометчиков И. В.* Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // Вестник Тверского госуниверситета. Серия «История». – 2015. – № 2. – С. 43–57.
363. *Кометчиков И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Известия Смоленского госуниверситета. – 2015. – № 2 (30). – С. 242–250.
364. *Кометчиков И. В.* Радио в буднях села Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1950-х гг.: доступное и недоступное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2014. – № 1 (39). – Часть 1. – С. 109–115.
365. *Кометчиков И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья в 1953 – начале 1960-х гг.: политика и культура повседневного досуга // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 165–168.
366. *Кометчиков И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2014. – № 11 (49). – Часть 1. – С. 107–114.
367. *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. – 2014. – № 2 (40). – Часть 2. – С. 98–108.
368. *Кометчиков И. В.* Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е – начале 1960-х гг. // Антропологический форум. – 2014. – № 20. – С. 240–340.
369. *Коньшев Д. Н.* Государственная политика ограничения подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 102–111.

370. Култышев С. С. Рост рядов партии в 1945–1950 гг. // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 2. – С. 57–72.
371. Масловский М. В. Советская модель модерна в современной исторической социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15. – № 6. – С. 75–86.
372. Михайловский А. Ю. Провинциальные церковные приходы во второй половине 1940-х гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 143–145.
373. Мужской монастырь Свято-Введенская Козельская Оптина Пустынь (ставропигиальный) // Сайт Калужской митрополии РПЦ МП. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/monastyri/optina-pustyn.html> (дата обращения: 28.06.2015).
374. Одинцов М. И. Хождение по мукам // Наука и религия. – 1990. – № 8. – С. 19–21. – 1991. – № 7. – С. 2–3.
375. Орловская и Севская епархия // [Электронный документ]. Сайт Брянской епархии Брянской митрополии РПЦ МП. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya> (дата обращения: 11.11.2014).
376. Платонов Е. В. Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 162–175.
377. Перельгин А. И. Русская Православная Церковь на Орловщине в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. – 1995. – № 4. – С. 126–136.
378. Поляков Ю. А., Писаренко Э. И. Исторические аспекты изучения советского образа жизни (к постановке вопроса) // Вопросы истории. – 1978. – № 6. – С. 3–14.
379. Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 20–31.
380. Попов В. П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 95–107.
381. Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 3–13. – № 9. – С. 3–13.

382. *Попов В. П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 3–15.
383. *Попов В. П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.
384. *Попов В. П.* Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 49–66.
385. *Пыжиков А. В.* Истоки доктрины строительства коммунизма в СССР // Вестник РАН. – 2004. – № 74. – С. 246–249.
386. *Пыжиков А. В.* Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х годов) // Вопросы истории. – 2006. – № 4. – С. 103–110.
387. *Семенко-Басин И. В.* Политика в отношении церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 170–175.
388. *Синелина Ю. Ю.* О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 89–96.
389. *Симуш П. И.* Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. – 1983. – № 3. – С. 3–19.
390. Смоленская епархия // [Электронный документ]: URL: <http://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 11.11.2014).
391. *Смыкалин А. С.* Парадоксы «двойного» законодательства в СССР // Вопросы истории. – 2012. – № 12. – С. 61–70.
392. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 4–16.
393. *Согрин В. В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость. Размышление над монографией Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи» // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 144–160.
394. *Сыров В. Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // [Электронный документ]. URL: <http://xn--90agtfjot8f.xn-->

p1ai/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty (дата обращения: 10.07.2015).

395. *Томилин В. Н.* Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946-1958 годах: неравномерное партнерство // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С. 103–108.

396. *Томилин В. Н.* Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. – 2009. – № 9. – С. 81–93.

397. *Федоров А. Н.* Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2005. – № 7 (47). – С. 104–107.

398. *Фигатнер Ю. Ю., Коржихина Т. П.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.

399. *Христофоров В. С.* К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 172–177.

400. *Хун У.* С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4 (20). – С. 232–256.

401. *Чигринов Г. А.* Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40–50-х годов // История СССР. – 1982. – № 4. – С. 116–124.

402. *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. – 2006. – № 1. – С. 38–49.

403. *Чистяков П. Г.* Религиозные практики в СССР: крестные ходы и молебны в 1920–1940-е гг. // [Электронный ресурс]. Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Выпуск 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000625-6-1> (дата обращения: 28.02.2015).

404. *Чумаченко Т. А.* Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения,

эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2008. – Вып. 24. – № 15. – С. 138–149.

405. *Шестаков В. А.* Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 106–119.

406. *Яхновская С. В.* Государственное регулирование личных подсобных хозяйств в 1953–1964 гг. // Вопросы истории. – 2012. – № 9. – С. 98–104.

Материалы конференций и симпозиумов

407. Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Орел, 21–25 сентября 2004 г. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 194 с.

408. История сталинизма: итоги и перспективы изучения: материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН, 2011. – 790 с.

409. История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы международной научной конференции, Смоленск, 9–11 октября 2011 г. / под ред. Е. В. Кодина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 600 с.

410. Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. - Вологда, октябрь 1992 г. – Часть 1 / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда, изд. ООП Волупрстат, 1992. – 184 с.

411. Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, Вологда, октябрь 1992. - Часть 2 / отв. ред. М. А. Безнин. – Вологда, изд. ООП Волупрстат, 1992. – 236 с.

412. 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века: материалы круглого стола 4 марта 2003 г. / отв. ред. А. С. Сенявский. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 184 с.

413. Российская повседневность. 1921–1941 гг.: новые подходы. Доклады, сделанные на международной междисциплинарной конференции 16–19 августа 1994 г. – СПб.: СПбУЭФ, 1995. – 156 с.

Очерки истории региональных парторганизаций

414. Очерки истории Брянской организации КПСС / отв. ред. В. А. Смирнов. – Тула, Приокск. изд., 1968. – 436 с.

415. Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. – Ярославль, Верхне-Волж. кн. изд., 1967. – 455 с.

416. Очерки истории Владимирской организации КПСС / отв. ред. С. И. Сурниченко. – Изд. 2-е, дополн. – М.: 1972. – 550 с.

417. Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. редколл. В. И. Смирнов. – М.: Московский рабочий, 1971. – 712 с.

418. Очерки истории Калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. – Тула, Приокск. изд., 1967. – 410 с.

419. Очерки истории Костромской организации КПСС / отв. ред. М. И. Синяжников, зам. отв. ред. Б. Л. Миловидов. – Ярославль, Верхне-Волж. кн. изд., 1967. – 404 с.

420. Очерки истории Московской организации КПСС. 1883–1965. – М.: Московский рабочий, 1966. – 768 с.

421. Очерки истории Орловской организации КПСС / отв. ред. Н. Е. Афанасьев. – Тула, Приокск. изд., 1967. – 340 с.

422. Очерки истории Рязанской организации КПСС 1938–1965 / науч. ред. Н. С. Приезжев. – М., 1974. – 541 с.

423. Очерки истории Смоленской организации КПСС / пред. редколл. Н. И. Калмык, науч. ред. И. Д. Красильников. – М.: Московский рабочий, 1970. – 574 с.

424. Очерки истории Тульской организации КПСС / отв. ред. Н. И. Шмараков. – Тула, Приокск. изд., 1967. – 637 с.

425. Очерки истории Тульской организации КПСС. В 2 кн. – Кн. 2. 1937–1983. Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. И. Х. Юнак, зам. отв. ред., рук. автор. колл. Н. Т. Марков. – Тула, Приокск. изд., 1984. – 360 с., ил.
426. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1938–1965. / науч. ред. В. Т. Анисков. – Ярославль, Верхне-Волж. кн. изд., 1990. – 237 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

427. *Брусиловская Л. Б.* Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля: автореф. дисс... канд. культурологии. – М., 2000. – 26 с.
428. *Некрасов А. А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии: дисс... канд. ист. наук. – Ярославль, 2001. – 169 с.
429. *Федоров А. Н.* Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Челябинск, 2006. – 26 с.
430. *Цеханская К. В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре: дисс... докт. ист. наук. – М., 2005. – 446 с.